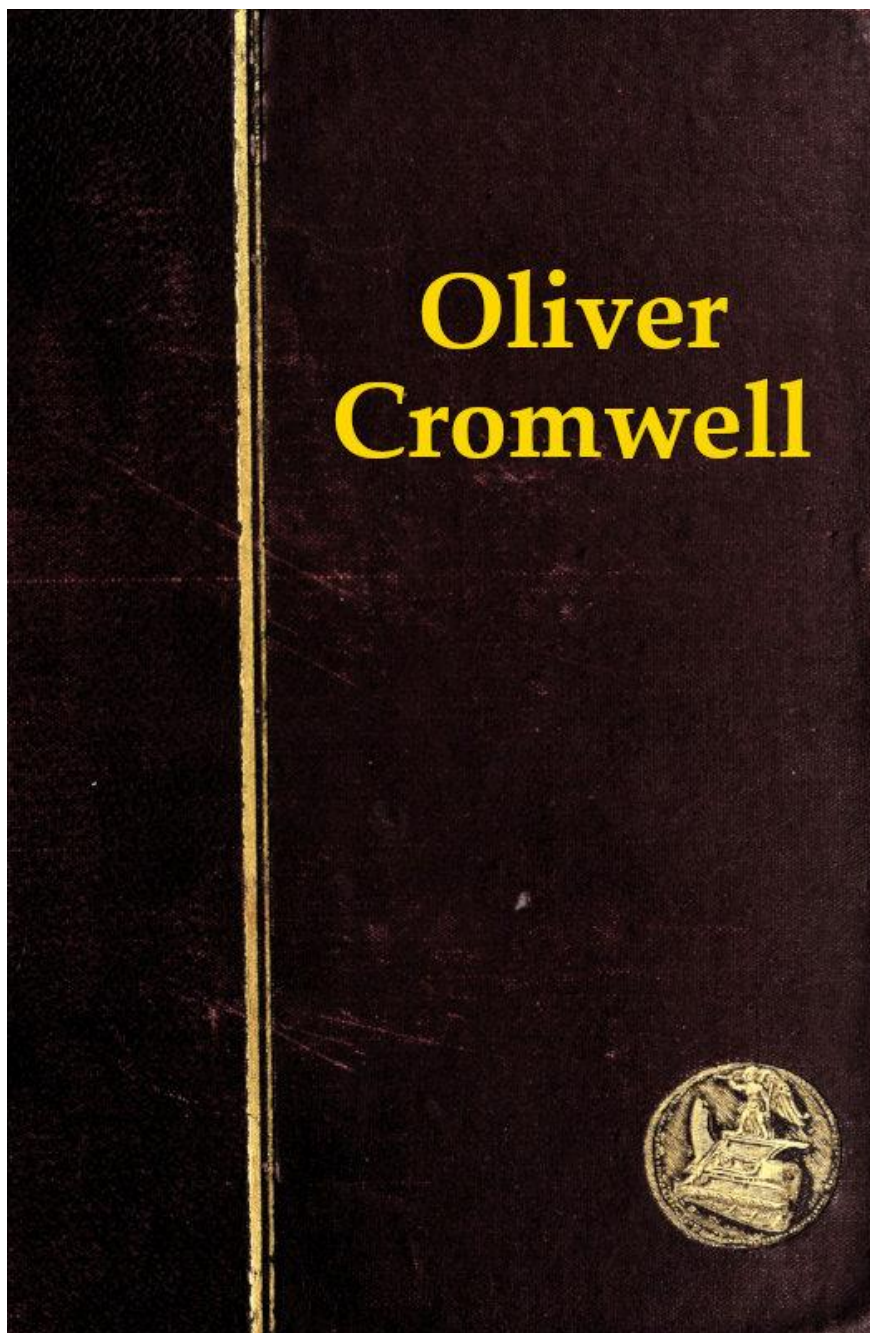

Оливер Кромвель и правление пуритан в Англии

Ч. Х. Фирт

The Project Gutenberg eBook of Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Оливер Кромвель и правление пуритан в Англии

Автор: Ч. Х. Фирт

Дата выхода: 4 июня 2018 [eBook #57268]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Ричардом Тонсингом и Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK OLIVER CROMWELL AND THE RULE OF THE PURITANS IN ENGLAND ***

Примечание транскриптора:

Изображение обложки было создано транскриптором и является общественным достоянием.

Герои наций

Серия биографических исследований, рассказывающих о жизни и деятельности некоторых выдающихся исторических персонажей, о которых сложились традиции наций, к которым они принадлежат, и которые в большинстве случаев были приняты как образцы нескольких национальных идеалов.

ПОЛНЫЙ СПИСОК СМ. В КОНЦЕ ДАННОГО ТОМА

Герои народов

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Эвелин Эббот, магистр философии.

СТИПЕНДИАТ БАЛЛИОЛЬСКОГО КОЛЛЕДЖА, ОКСФОРД

FACTA DUCIS VIVENT, OPEROSAQUE GLORIA RERUM.-OVID, IN LIVIAM 265.

ПОДВИГИ ГЕРОЯ И ЗАВОЕВАННАЯ ИМ СЛАВА БУДУТ ЖИТЬ.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ.

(С картины неизвестного художника, хранящейся в Национальной портретной галерее).

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ И ПРАВЛЕНИЕ ПУРИТАН В АНГЛИИ

ЧАРЛЬЗ ФЕРТ, МАГИСТР ФИЛОСОФИИ.

БАЛЛИОЛЬСКИЙ КОЛЛЕДЖ, ОКСФОРД

G. P. PUTNAM'S SONS

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

Издательство "Никербокер"

Авторское право, 1900 год

ИЗДАТЕЛЬСТВО "G. P. PUTNAM'S SONS

Издательство "Никербокер", Нью-Йорк

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта "Жизнь Кромвеля" частично основана на статье, которую автор поместил в "Словарь национальной биографии" в 1888 году, но в ней воплощены результаты более поздних исследований и недавно обнаруженных документов, таких как "Бумаги Кларка". Планы сражений были специально нарисованы для этого тома мистером Б. В. Дарбиширом и в двух случаях значительно отличаются от общепринятых правильных. Схема этой серии не позволяет обсуждать причины, по которым были внесены эти изменения, но свидетельства, касающиеся данных сражений, были тщательно изучены, и любое расхождение с общепринятыми отчетами является намеренным. Читателя, желающего ознакомиться с подробным обсуждением этого вопроса, мы отсылаем к исследованию битвы при Марстон-Муре, напечатанному в томе XII Transactions of the Royal Historical Society (новая серия), и к аналогичной работе о Данбаре, которая появится в томе XIV.

Цитаты из писем или речей Кромвеля, где это необходимо, свободно сокращены.

С. Н. Ф.

Оксфорд, 6 февраля 1900 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

	СТРАНИЦА
РАННЯЯ ЖИЗНЬ, 1599-1629 ГГ.	1

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ, 1629-1640 ГГ.	19
---	----

ГЛАВА III

ДОЛГИЙ ПАРЛАМЕНТ, 1640-1642 ГГ.	47
---------------------------------	----

ГЛАВА IV

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ, 1642 ГОД	69
---------------------------	----

ГЛАВА V

КРОМВЕЛЬ В ВОСТОЧНОЙ АССОЦИАЦИИ, 1643 ГОД	86
---	----

ГЛАВА VI

МАРСТОН-МУР, 1644 ГОД	102
-----------------------	-----

ГЛАВА VII

НЭЙСБИ И ЛЭНГПОРТ, 1645-1646 ГГ.	121
----------------------------------	-----

ГЛАВА VIII

ПРЕСВИТЕРИАНЕ И НЕЗАВИСИМЫЕ, 1642-1647 ГГ.	142
--	-----

ГЛАВА IX

АРМИЯ И ПАРЛАМЕНТ, 1647-1648 ГГ. 164

ГЛАВА X

ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1648 ГОД 193

ГЛАВА XI

КРОМВЕЛЬ И КАЗНЬ КОРОЛЯ, 1648-1649 ГГ. 207

ГЛАВА XII

РЕСПУБЛИКА И ЕЕ ВРАГИ, 1649 ГОД 232

ГЛАВА XIII

ИРЛАНДИЯ, 1649-1650 ГГ. 255

ГЛАВА XIV

КРОМВЕЛЬ И ШОТЛАНДИЯ, 1650-1651 ГГ. 276

ГЛАВА XV

КОНЕЦ ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА, 1651-1653 ГГ. 300

ГЛАВА XVI

ОСНОВАНИЕ ПРОТЕКТОРАТА, 1653 ГОД	326
ГЛАВА XVII	
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ, 1654-1658 ГГ.	346
ГЛАВА XVIII	
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ, 1654-1658 ГГ.	370
ГЛАВА XIX	
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ	390
ГЛАВА XX	
КРОМВЕЛЬ И ЕГО ПАРЛАМЕНТЫ	409
ГЛАВА XXI	
СМЕРТЬ КРОМВЕЛЯ, 1658-1660 ГГ.	433
ГЛАВА XXII	
КРОМВЕЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ	453
ГЛАВА XXIII	
ЭПИЛОГ	467
ИНДЕКС	487

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	СТРАНИЦА
ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ	<i>Фронтиспис</i>
[С картины неизвестного художника, хранящейся в Национальной портретной галерее].	
ГИМНАЗИЯ, ХАНТИНГТОН	6
[Из книги Пайка "Оливер Кромвель"].	
ЕЛИЗАВЕТА, ЖЕНА ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ	8
[С рисунка У. Бонда].	

ДОМ КРОМВЕЛЯ, ЭЛИ	28
[С фотографии.]	
СТ. ИВС И РЕКА ОУС, И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧАСОВНЯ НА МОСТУ	36
[Из книги Пайка "Оливер Кромвель"].	
ДЖОН ПАЙМ	48
[С миниатюры Купера].	
РОБЕРТ ДЕВЕРО, ГРАФ ЭССЕКС	78
[Из книги Деверо "Жизнь Деверо"].	
ПРИНЦ РУПЕРТ, К.Г.	80
[С картины сэра Питера Лели, хранящейся в Национальной портретной галерее].	
ДЖОН ХАМПДЕН	88
[Из книги Ньюджента "Жизнь Хэмпдена"].	
КАРТА ВОСТОЧНОЙ АССОЦИАЦИИ	90
ЭДВАРД МОНТЕГЮ, ГРАФ МАНЧЕСТЕРСКИЙ	100
[Из книги Берча "Головы выдающихся личностей"].	
КРОМВЕЛЛ КРЕСТ	101

КАРТА БИТВЫ ПРИ МАРСТОНСКОМ БОЛОТЕ	106
СЭР ТОМАС ФЕРФАКС	122
[С картины Жерара Зуста].	
КАРТА БИТВЫ ПРИ НЭСЕБИ	128
ГЕНРИ ИРЕТОН	168
[С картины Роберта Уокера, хранящейся в Национальной портретной галерее].	
ЗАМОК ПЕМБРУК	194
[С фотографии.]	
КАРТА ПРЕСТОНСКОЙ КАМПАНИИ	198
ЧАРЛЬЗ I.	228
[Со старой гравюры.]	
СЭР ГЕНРИ ВЕЙН (МЛАДШИЙ)	246
[С картины Уильяма Добсона, хранящейся в Национальной портретной галерее].	
КАРТА ИРЛАНДИИ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ КАМПАНИЮ КРОМВЕЛЯ	256

ПЕЧАТЬ "ТРИЕРОВ"	278
МЕДАЛЬ ДАНБАРА, ГОЛОВА КРОМВЕЛЯ, РАБОТА ТОМАСА СИМОНА	278
МЕДАЛЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КРОМВЕЛЯ В КАЧЕСТВЕ ГЕНЕРАЛА АРМИИ, АВТОР ТОМАС САЙМОН	278
КОРОНА ПРОТЕКТОРА, ВЫПУЩЕННАЯ В 1658 ГОДУ	278
[Из книги Хенфри "Нумизматы Кромвеля"].	
КАРТА БИТВЫ ПРИ ДАНБАРЕ	282
КАРТА БИТВЫ ПРИ ВОРЧЕСТЕРЕ	292
РЕВ. ДЖОН ОУЭН, Д.Д.	306
[С картины, возможно, Роберта Уокера, хранящейся в Национальной портретной галерее].	
БЮСТ КРОМВЕЛЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЙ БЕРНИНИ	312
[В Вестминстерском дворце, 1899 г.].	
ГЕРБ КРОМВЕЛЯ	325
ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ	326
[С картины сэра Питера Лели].	
ДЖОН ЛАМБЕРТ	328

[С картины Роберта Уокера, хранящейся в Национальной портретной галерее].

ДЖОН МИЛТОН 378

[С гравюры Фейторна].

БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ ПРОТЕКТОРА 432

[Из книги Хенфри "Numismata Cromwelliana"].

ФАКСИМИЛЕ ПОДПИСИ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ, 19 ОКТЯБРЯ 1651 ГОДА 440

ФАКСИМИЛЕ ПОДПИСИ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ, 11 АВГУСТА 1657 ГОДА 440

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ 454

[С миниатюры Купера, хранящейся в Баптистском колледже в Бристоле].

РИЧАРД КРОМВЕЛЬ 462

[С рисунка У. Бонда].

ГЕНРИ КРОМВЕЛЛ 466

[С рисунка У. Бонда].

СТАТУЯ КРОМВЕЛЯ РАБОТЫ ТОРНИКРОФТА, ВОЗДВИГНУТАЯ В
ВЕСТМИНСТЕРЕ В 1899 ГОДУ 484

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

ГЛАВА I РАННЯЯ ЖИЗНЬ 1599-1629

"По рождению я был джентльменом, не достигшим ни значительной высоты, ни безвестности", - сказал Протектор одному из своих парламентов. Семья Кромвеля была одной из многих английских семей, возвысившихся во времена Реформации. Своим именем и состоянием она обязана Томасу Кромвелю, графу Эссексу, министру Генриха VIII и разрушителю монастырей. В 1494 году сестра Томаса Кромвеля Кэтрин вышла замуж за Моргана Уильямса, богатого пивовара из Путни, чей род происходил из Гламорганшира. Ее старший сын Ричард принял фамилию Кромвель, поступил на службу к Генриху VIII и помогал своему дяде в его делах с непримиримыми церковниками. Гранты на землю посыпались на удачливого родственника наместника короля. В 1538 году он получил бенедиктинский приорство Хинчинбрук близ Хантингдона. В 1540 году к его владениям добавилось богатое бенедиктинское аббатство Рэмси и несколько самых ценных поместий. Почести, как и богатство, выпали на его долю. На турнире, состоявшемся в Вестминстере в майский день 1540 года в честь бракосочетания Генриха VIII и Анны Клевской - брака, который должен был объединить английский и немецкий протестантизм, - Ричард Кромвель был одним из шести чемпионов, защищавших честь Англии от всех желающих. Довольный его мастерством владения мечом и копьем, король подарил ему бриллиантовый перстень и произвел в рыцари.

Шесть недель спустя фортуна отвернулась от всемогущего графа Эссекса. Он продвигал Реформацию быстрее, чем того желал король, и связал короля узами брака с женщиной, которую он ненавидел. "Что ни говори, а она нечестная", - простонал Генрих и внезапно отказался от жены, политики и министра. 10 июня Томас Кромвель был арестован в зале Совета и заключен в Тауэр по обвинению в государственной измене. "Он покинул, - говорили, - подлый, безразличный, добродетельный и истинный путь" реформирования религии, по которому шел его хозяин. В своем рвении продвигать доктринальные изменения он осмелился заявить, что если король и все его королевство отклонятся от его мнения, он будет сражаться в поле от своего лица с мечом в руке против короля и всех остальных; добавив, что если он проживет год или два, он надеется "привести все в такое состояние, что не во власти короля будет сопротивляться или позволить это". 28 июля Кромвель перешел из Тауэра на эшафот.

Мало кто жалел его, и только один оплакивал. Сэр Ричард Кромвель, по преданию, осмелился явиться ко двору в траурном одеянии, которое король ненавидел, и Генрих, уважая его верность, простил его дерзость. Он сохранил расположение короля до конца своих дней, стал джентльменом Тайной палаты и констеблем замка Беркли, получил еще несколько земельных пожалований и умер в 1546 году.

Сын сэра Ричарда Генри построил Хинчинбрук-Хаус, был посвящен в рыцари королевой Елизаветой, которую он развлекал во время одного из ее прогрессов, и четыре раза был шерифом Хантингдоншира. Будучи маршалом графства, он организовал его войска во время испанской Армады, набрал, помимо четырех солдат, которых он был обязан предоставить, двадцать шесть всадников за свой счет и призвал обученные отряды практиковать "правильное и совершенное использование своего оружия" и сражаться за "искреннюю религию Христа" против "дьявольского суеверия Папы". По сочетанию военного и религиозного пыла его речи напоминают речи его внука. Люди называли его "золотым рыцарем" за его богатство и либеральность, а своих детей он набирал из лучших кровей восточных графств. Одна дочь стала матерью генерал-майора Эдварда Уолли, одного из Регицидов; другая вышла замуж за Уильяма Хэмпдена, а ее сыном был Джон Хэмпден.

Из сыновей сэра Генри наследник Оливер был человеком, который из любви к показухе довел либеральность отца до экстравагантности. Когда Яков I приехал в Англию, его приняли в Хинчинбруке "с такими развлечениями, каких не было ни в одном месте со времен его первого отъезда из Шотландии". Яков сделал его рыцарем бани во время коронации и нанес ему еще три визита за время своего правления.

Роберт, второй сын сэра Генри, унаследовал от отца поместье в Хантингдоне, стоившее в те времена около 300 фунтов стерлингов в год, что в три-четыре раза больше, чем сейчас. Он заседал от Хантингдона в парламенте 1593 года, занимал должность судебного исполнителя в округе и был одним из мировых судей графства. Роберт Кромвель женился на Элизабет, вдове Уильяма Линна и дочери Уильяма Стюарда из Эли. Ее семья была зажиточной, и она принесла с собой наследство в размере 60 фунтов стерлингов в год. Стюарды были родственниками последнего приора и первого протестантского декана Эли, которые получили хорошую аренду церковных земель и были фермерами, получавшими десятину с церковных земель. Традиция, любящая любопытные совпадения, связала их с королевским домом Стюартов, который их потомок сверг, но история прослеживает их происхождение от норфолкской семьи, первоначально носившей имя Стайвард. Оливер, будущий лорд-протектор, был пятым ребенком Роберта Кромвеля и единственным из его сыновей, пережившим младенчество. Он родился в Хантингдоне 25 апреля 1599 года, был крещен в церкви Святого Иоанна в этом городе 29 апреля и окрещен Оливером в честь своего дяди, рыцаря Хинчинбрука. О его детстве известно немного. Биограф-роялист утверждает, что с младенчества он был "раздражительным и вспыльчивым", в то время как современный панегирист отмечает в нем "быструю и живую сообразительность, пронзительный и проницательный ум и твердую рассудительность".

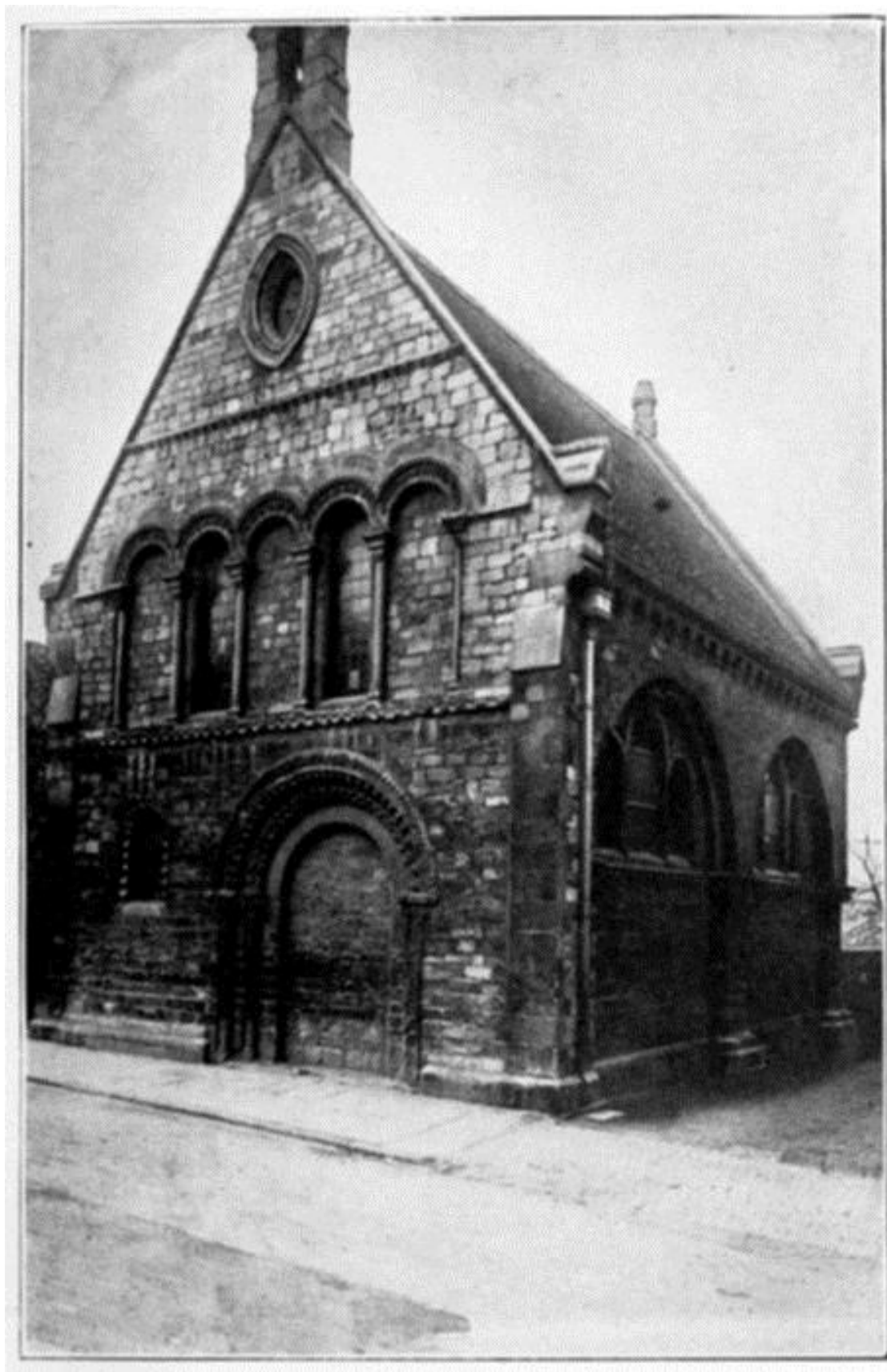
Рассказывают истории о его чудесных избавлениях от опасностей и странных предсказаниях его будущего величия. Ему было открыто во сне или в явлении, "что он должен стать величайшим человеком в Англии и быть рядом с королем". Другая история гласила, что в школьные годы он играл роль короля в пьесе, сам возложил корону на свою голову и добавил к стихам поэта "величественные могучие слова" собственного сочинения. Это обычные выдумки, которыми пестрит ранняя жизнь великих людей. Достоверно известно лишь то, что Кромвель получил образование в свободной школе Хантингдона под руководством доктора Томаса Бирда - пуританского школьного учителя, который писал педантичные латинские

пьесы, доказывал, что Папа Римский - антихрист, и в своем "Театре Божьих судов" показал, что человеческие преступления никогда не остаются безнаказанными Богом даже в этом мире. Борода был строгим человеком, верившим в розгу, и один из биографов описывает его как исправляющего манеры молодого Оливера "с прилежной рукой и внимательным взглядом", что можно принять за истину. Но эти дисциплинарные взыскания не помешали ученику и мастеру стать друзьями в дальнейшей жизни.

В возрасте семнадцати лет Кромвеля отправили в Кембридж, где 23 апреля 1616 года он был принят в колледж Сидни Сассекс в качестве простолюдина. Этот колледж, основанный в 1598 году, был одним из тех двух, на которые Лауд впоследствии жаловался как на питомник пуританства. Его хозяин, Сэмюэл Уорд, был эрудированным и болезненно совестливым проповедником; он был суровым дисциплинарным, требовал от своих учеников подробных отчетов о прослушанных проповедях и бичевал их в зале, если они провинились. Кромвель ничем не отличился, но он ни в коем случае не терял времени в Кембридже. У него не было способностей к языкам. Бернет говорит, что он "не знал ни одного иностранного языка, кроме той небольшой латыни, которая прилипла к нему от воспитания и на которой он говорил очень плохо и скудно". Когда он был протектором, он помнил достаточно латыни, чтобы вести беседу на этом языке с голландским послом.

Другой биограф рассказывает, что Кромвель "преуспел главным образом в математике", а его родственник, поэт Уоллер, был склонен говорить, что протектор был "очень хорошо начитан в греческой и римской истории". Его совет своему сыну Ричарду подтверждает эти сведения о его предпочтениях. "Прочти немного истории, - писал он ему, - изучи математику и космографию. Они хороши в подчинении у вещей Божьих. Они подходят для государственной службы, для которой человек рожден". Для Кромвеля, как и для Монтроза, "История мира" сэра Уолтера Рэли была любимой книгой, и он настоятельно рекомендовал сыну ее прочесть. "Это свод истории, и он добавит к твоему пониманию гораздо больше, чем фрагменты истории".

Говорят, что воспитатель Кромвеля с большой долей осторожности заметил, что его ученик был склонен не столько к рассуждениям, сколько к действиям, а роялистские биографы ставят в упрек его раннее пристрастие к атлетике и спорту. Один из них говорит: "Он легко пресыщался учебой, получая больше удовольствия от конных и полевых упражнений". Другой описывает его как "более известного своими упражнениями на полях, чем в школах, одного из главных сватов и игроков в футбол, дубину или любой другой бурный вид спорта или игры".

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА, ХАНТИНГТОН.

(Из книги Пайка "Оливер Кромвель").

Как долго Кромвель оставался в университете, неизвестно, но точно известно, что он покинул его, не получив степени. Вероятно, он преждевременно покинул Кембридж из-за смерти своего отца, который был похоронен в церкви Всех Святых, Хантингдон, 24 июня 1617 года. Некоторое время Кромвель оставался в Хантингдоне, несомненно, помогая матери в управлении поместьем и улаживании дел отца. Затем он отправился в Лондон, чтобы получить те знания в области права, которые необходимы каждому деревенскому джентльмену и без которых не мог обойтись тот, чье положение указывало на него как на будущего мирового судью и члена парламента. "Он посвятил себя, - говорит современный биограф, - изучению права в Линкольнс-Инн, чтобы ничто не мешало ему стать полноценным джентльменом и хорошим гражданином". Хотя его имя не встречается в книгах этого общества, факт достаточно вероятен и достаточно подтвержден, чтобы быть принятым.

Через три года после смерти отца Кромвель женился, 22 августа 1620 года, в церкви Святого Джайлса, Крипплгейт, на Элизабет Бурсье. Она была дочерью сэра Джеймса Бурсье, городского торговца, жившего на Тауэр-Хилл и владевшего поместьем в Фелстеде в Эссексе. Вероятно, жена Кромвеля принесла ему значительное приданое, поскольку на следующий день после свадьбы он заключил договор, согласно которому под угрозой штрафа в 4000 фунтов стерлингов передал ей в качестве совместного имущества пасторский дом в Хартфорде в Хантингдоншире с землей глеба и десятиной. Элизабет Кромвель была на год старше своего мужа и, по традиции, слыла знатной домохозяйкой. Вопреки роялистским lamentациям, она, если верить ее портретам, не была ни некрасивой, ни недостойной. Ее привязанность к мужу была искренней и продолжительной. "Моя жизнь - это лишь полжизни в твоё отсутствие", - пишет она ему в 1650 году. "Я мог бы укорить тебя, - пишет Кромвель в ответ на жалобу на отсутствие писем, - что во многих своих письмах ты пишешь мне, чтобы я не забывал о тебе и твоих маленьких детях. Воистину, если я люблю тебя не слишком хорошо, то, думаю, не сильно ошибаюсь и с другой стороны. Ты мне дороже всех существ, пусть этого будет достаточно".

После женитьбы Кромвель поселился в Хантингдоне и занялся земледелием на землях, доставшихся ему в наследство от отца. Две трети дохода от поместья Роберт Кромвель оставил своей вдове на двадцать один год, чтобы обеспечить содержание дочерей, так что средства Оливера в первые годы его супружеской жизни должны были быть довольно скудными. Однако было понятно, что ему суждено стать наследником брата матери, сэра Томаса Стюарда, и в 1628 году другой дядя, Ричард Кромвель, оставил ему небольшое поместье в Хантингдоне. Вскоре появилось доказательство того, что Кромвель заслужил доброе мнение соседей, поскольку в феврале 1628 года он был избран представителем родного города в третьем парламенте, созванном Карлом I. Выбор был отчасти обусловлен положением его семьи и ее давними связями с городом, но большее значение имели личный характер и репутация Кромвеля, поскольку местное влияние семьи Кромвелей, благодаря безрассудной расточительности ее главы, уже пошло на убыль. В 1627 году сэр Оливер, чтобы расплатиться с долгами, был вынужден продать Хинчинбрук сэру Сиднею Монтегю и удалился в Рэмси. Он представлял графство в восьми парламентах, но больше в них не заседал, и Монтеги отныне стали ведущей семьей в Хантингдоншире.

ЕЛИЗАВЕТА, ЖЕНА ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ.

(С рисунка У. Бонда.)

Выход Кромвеля на сцену английской политики произошел в тот момент, когда ссора между Карлом I и его парламентом переросла в полный разрыв. До Генриха VIII. Парламенты были подневольными инструментами, с помощью которых он осуществлял свою волю в церкви и государстве. Для Елизаветы они были верными слугами, послушными, хотя иногда и осмеливающимися роптать или критиковать. За время ее правления Палата общин окрепла и осознала свою силу. Добыча монастырей обогатила деревенских дворян, развитие местного самоуправления дало им политическую подготовку, а рост торговли принес

богатство купцам и промышленникам. И в высших, и в средних классах Реформация породила дух, который начался с сомнений в авторитете в вопросах религии и перешел к сомнению в авторитете в политике.

Естественно, именно в религиозных вопросах впервые проявился этот дух оппозиции. Генрих VIII отделил англичан от католической церкви, но не для того, чтобы изменить ее доктрину, а для того, чтобы сделать себя ее хозяином. Доктринальные изменения, которые преждевременно попытался осуществить Томас Кромвель, Сомерсет и Нортумберленд осуществили в правление сына Генриха. Единственным результатом реакции при Марии стало внушение большинству англичан страстной враждебности к вере, во имя которой разжигались костры королевы. Елизавета восстановила протестантизм и вновь установила контроль государства над церковью. Она называла себя "верховным правителем" вместо "главы церкви", но сохранила все основные черты верховенства, установленного ее отцом. Чтобы примирить английских католиков, она сделала доктрину и ритуал Национальной церкви менее оскорбительно протестантскими, но чтобы навязать свой компромисс, она была вынуждена применить силу. Год за годом наказания, налагаемые на католиков, отказывающихся подчиниться, становились все суровее, а их участь все тяжелее, но тысячи людей оставались непоколебимы и предпочитали скорее страдать, чем отречься от своей веры.

Елизаветинский компромисс не только не подавил католицизм, но и породил пуританство и протестантский нонконформизм. Пуританизм с самого начала представлял собой "протестантизм протестантской религии". Целью тех, кто называл себя пуританами, было восстановление Церкви в ее первоначальной чистоте, как они считали, в учении, богослужении и управлении. Некоторые оставались в ее пределах, соглашаясь с правлением епископов и верховенством короны, лишь бы доктрина и ритуал соответствовали их вкусам. Другие, желавшие более простых обрядов и более демократичной формы правления, стремились преобразовать англиканскую церковь по образцу шотландской или женеvской, и были предшественниками пресвитерианской партии времен Карла Первого. Небольшая группа экстремистов полностью отделилась от Национальной церкви и основала самоуправляемые конгрегации, которые сами определяли свое вероучение и выбирали священнослужителей. Но хотя независимость зародилась сначала в Англии, в нее мало кто обращался, и она никогда не процветала, пока не была перенесена в Голландию или Новую Англию.

Елизавета подавила зарождающееся пресвитерианство и с одинаковой силой преследовала католиков-рекузантов и протестантов-сепаратистов. Но внутри национальной церкви, несмотря на репрессивные меры, пуританская партия постоянно укреплялась, а парламент становился все более агрессивно протестантским и все больше стремился к церковным реформам. Пока жила королева, никакие изменения в церковной системе были невозможны. Когда она умерла, мудрые люди посоветовали ее преемнику принять другую политику: попробовать принуждение вместо понимания и пойти на уступки пуританству. Джеймс отказался. "Я заставлю их подчиниться себе", - был его ответ, - "или я изгоню их из страны". Он начал свое правление с утверждения новых канонvв, которые принуждали к более жесткому единообразию, и изгнания трехсот священнослужителей с их мест жительства. Главной причиной его разрыва с первым парламентом стал отказ ограничить власть или реформировать злоупотребления церковных судов.

Церковная политика Якова усугубила разногласия, которые он должен был попытаться устранить; его внешняя политика противоречила как национальным традициям подданных, так и их религиозным предрассудкам. Англичане считали аксиомой, что естественными

союзниками Англии являются протестантские государства Европы и что ее долг - в случае необходимости выступать в качестве защитника протестантизма против католических держав. Но более десяти лет Яков делал тесный союз с Испанией своей главной целью в европейской политике, отчасти с похвальной целью положить конец религиозным войнам, отчасти в надежде оплатить свои долги за счет приданого испанской инфанты. Ради этого союза он отправил Рэли в блок, отказался помогать немецким протестантам, предложил приостановить действие уголовных законов против католиков и запретил парламенту обсуждать иностранные дела. Всеобщая радость, вызванная разрывом испанского союза, показала всю глубину враждебности, которую вызывали замыслы короля.

В те же годы отношение короля к английским институтам вызвало к жизни конституционную оппозицию. Его теория монархии нашла свое выражение в настойчивых попытках расширить власть короны и урезать права парламента. Опираясь на судебное решение о том, что право облагать налогом импорт и экспорт является частью королевской прерогативы, Яков ввел новые таможенные пошлины собственной властью и распустил свой второй парламент, когда тот признал их незаконными. За высказывания в Палате общин членов парламента сажали в тюрьму, а парламенту было запрещено обсуждать государственные тайны или вопросы, касающиеся правления короля. Когда палата заявила о своем праве на свободу слова, Джеймс ответил, что ее привилегии были получены по милости и благосклонности его предков, и стер протест, в котором утверждалось, что свободы парламента являются "несомненным правом рождения и наследством подданных Англии".

Такая политика, казалось, исходила из сформировавшегося замысла уничтожить английскую свободу. По всей Европе абсолютные монархии восстали на руинах национальных свобод, и теперь та же участь грозила Англии. Когда Карл I стал преемником своего отца, он обнаружил, что народ, которым ему предстояло управлять, не только недоволен, но и полон подозрений. "Мы - последняя монархия в христианстве, которая сохраняет свои права", - сказал один парламентский оратор в 1625 году, и недоверие и страх, порожденные притязаниями Якова, тенью легли на путь его сына.

Карл I, с его королевской осанкой и королевскими милостями, казался более подходящим для того, чтобы завоевать сердца своих подданных, чем Яков, которому не хватало ни величия, ни манер. Но он был так же лишен сочувствия к народу, которым управлял, как и его отец, так же склонен лелеять химерические планы и так же слеп к фактам. Джеймс оставил ему в наставники придворного, а не государственного деятеля, и Чарльз оказал Бекингеу такое же полное доверие, как если бы тот обладал опытом Берли или мудростью Бэкона.

К моменту начала нового царствования разрыв с Испанией придал и Карлу, и его министру надуманную популярность. Но как во внешних, так и во внутренних делах король и парламент быстро разногласия. Парламент жаждал войны с Испанией, но не был готов ни предоставить средства для европейской коалиции против дома Габсбургов, ни купить союз с Францией отменой уголовных законов против английских католиков. Она выделила королю деньги на оснащение флота, но отказ от более либеральных поставок и открытое заявление о недоверии к министру короля привели к внезапному завершению сессии.

Бекингеу надеялся оправдать себя успехом и пустился в море европейской политики со всей смелостью авантюриста. Он отправил экспедицию для разграбления Кадиса и захвата испанского флота. Он пообещал субсидии королю Дании для его кампаний в Германии. Он добился популярности у пуритан, отказавшись от обязательств, взятых перед Францией в брачном договоре короля, и попытавшись выступить в роли защитника гугенотов. Но когда собрался второй парламент, ему ничего не оставалось, кроме как констатировать неудачу.

Экспедиция в Кадис закончилась катастрофой и позором. "Наша честь погублена, - взывал сэр Джон Элиот к членам парламента, - наши корабли потоплены, наши люди погибли, не от меча, не от врага, не по воле случая, а от тех, кому мы доверяли". Вся вина легла на человека, монополизировавшего власть, но король запретил парламенту призывать своего слугу к ответу и остановил импичмент Бекингема вторым роспуском.

В течение следующих двух лет Карл пробовал "новые способы", которые он грозился применить, если парламент откажется обеспечивать его нужды. Принудительный заем в размере 300 000 фунтов стерлингов был взимаем, а тех, кто отказывался платить, если они были богаты, сажали в тюрьму, если бедны - накладывали на них порчу. Были разработаны схемы сбора акциза для содержания постоянной армии и корабельных денег для содержания флота. Судьи были уволены за отрицание законности принудительного займа, а прорицатели получили повышение за то, что объявили отказ от выплаты греховным. Но за границей неудачи по-прежнему преследовали внешнюю политику короля. В Германии король Дании был разбит, потому что Карл не смог выплатить обещанные субсидии. Французский союз закончился ссорами, которые переросли в войну с Францией. Экспедиция Бекингема на остров Ре закончилась еще более разорительным провалом, чем экспедиция в Кадис. "Поскольку Англия была Англией, - писал Дензил Холлес, - она получила не столь позорный удар". Не имея возможности продолжать борьбу с Францией и Испанией без денег, Карл был вынужден вновь обратиться к нации.

Третий парламент Карла Первого собрался 17 марта 1628 года. Он начал свою работу с дебатов о жалобах нации, и едва ли не первой речью, которую Кромвель услышал в палате, должно быть, был призыв Элиота к своим братьям-членам помнить о величии стоящего перед ними вопроса. "В этом споре, - сказал представитель общин, - задействованы не только наши товары и земли, но и все, что мы называем своим. Под вопросом те права, те привилегии, которые сделали наших отцов свободными людьми. Если их не беречь еще тщательнее, они сделают нас для потомков менее свободными, менее достойными, чем наши отцы". Палата проголосовала за предоставление королю товаров, но поставила их предоставление в зависимость от удовлетворения жалоб. Затем последовало составление Петиции о праве, объявлявшей отныне незаконными произвольные тюремные заключения и налогообложение без согласия парламента, и наконец общинники, угрожая повторным импичментом Бекингему, добились от неохотно согласившегося короля принятия их петиции.

В перерыве между первой и второй сессиями третьего парламента Бекингом умер от руки Фельтона, но его смерть не положила конец ссоре. Карл стал собственным премьер-министром и дал всем понять, что воля короля, а не влияние фаворитки, является источником политики, против которой протестовали общинники. Начало второй сессии, в январе 1629 года, ознаменовалось новым спором о налогообложении. Общинники утверждали, что взимание тоннажа и фунтов стерлингов без их предоставления, а также продолжение сбора новых таможенных пошлин, введенных Яковом I, противоречит Петиции о праве. Король заявил, что это права, с которыми он никогда не собирался расставаться, и продолжал взимать их, несмотря на голоса палаты. Еще громче звучал плач против духовенства Высокой церкви и церковной политики короля. Пуританские лидеры жаловались не только на проповеди в пользу абсолютной монархии или нововведения в ритуалах. Спор о церемониях теперь перерос в спор о доктрине. Более мягкие теории об оправдании и избрании, известные как арминианство и поддерживаемые духовенством Высокой церкви, казались пуританам расшатывающими основы протестантизма и прокладывающими путь к папизму. Король пытался положить конец доктринальным спорам,

заглушая противоречивые проповеди; общинники требовали подавления арминианства и наказания всех, кто распространял взгляды, отклоняющиеся от того, что они считали протестантской ортодоксией.

Именно во время этих религиозных споров Кромвель впервые принял участие в дебатах общин. Унаследовав традиции семьи, которая всем была обязана Реформации, получив образование в пуританской школе и пуританском колледже, он мог принять только одну сторону, и он возвысил свой голос, чтобы раздуть нападки на друзей папства в церкви. В доме обсуждались некоторые обвинения против доктора Нейла, епископа Винчестерского, когда Кромвель вмешался, рассказав о том, что этот прелат склонялся к папистским догматам. Некий доктор Алабластер, сказал Кромвель, "проповедовал плоское папизм" в проповеди перед лорд-мэром, и когда доктор Бирд, следующий проповедник, пришел по очереди, чтобы произнести свою проповедь, Нейл послал за Бирдом и "поручил ему как своему епарху не проповедовать никаких доктрин, противоречащих той, которую произнес доктор Алабластер". Тем не менее Бирд упорно продолжал опровергать своего предшественника и получил выговор от Нейла за непослушание.

Прежде чем обвинения против Нейла и других прелатов-единомышленников были доведены до конца, и до того, как был доведен до совершенства протест общин против церковной политики короля, Карл положил конец заседанию парламента.

Перед тем как разойтись, палата общин, по велению Элиота, еще раз подтвердила принципы, за которые она боролась. Кромвель был одним из тех непокорных, кто отказался подчиниться приказу короля об отсрочке заседания до тех пор, пока они не примут путем аккламации три резолюции Элиота. Было объявлено, что любой, кто введет новшества в религию или попытается ввести папизм, арминианство или любое мнение, расходящееся с истинной и ортодоксальной церковью, должен быть объявлен главным врагом этого королевства и содружества. Тот, кто советовал взимать тоннаж и фунты без парламентского разрешения, также должен был считаться врагом своей страны и новатором в правительстве; а тот, кто добровольно платил эти налоги, объявлялся предателем свобод Англии. Значение этих резолюций заключалось не только в вызове королю, но и в объединении политического и религиозного недовольства, на которое они указывали. Политика Елизаветы вызвала к жизни религиозную оппозицию. Яков создал конституционную оппозицию. При Карле они объединились, и из их союза возникла Гражданская война.

Для самих себя парламентские лидеры казались защитниками существующей церковной и государственной конституции от революционных преобразований короля. В действительности же величайшее новшество заключалось в утверждении общинников, что церковь и государство должны контролироваться представителями народа, а не волей короля. Когда это требование было однажды сделано, борьба за суверенитет стала неизбежным и неурядимым конфликтом.

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1629-1640

В течение следующих одиннадцати лет Карл правил без парламента. "Помните, - предупредил он общинников в 1626 году, - что парламенты полностью находятся в моей власти в отношении их созыва, заседаний и роспуска; поэтому, как я нахожу их плоды хорошими или плохими, они оставаться или не быть". Теперь он объявил, что их плоды - зло, и что отныне будет считаться самонадеянностью, если кто-то будет предписывать ему время для созыва другого. Отныне он будет править властью, которую вложил в его руки Бог, и так упорядочит государство, что его народ должен признать, что живет счастливее и свободнее, чем все подданные христианского мира.

После этого налогообложение без санкции парламента стало обычной практикой. Тоннаж и фунты взимались с купцов, как будто право на это никогда не оспаривалось, и к старым поборам добавлялись новые. Устаревшие законы были возрождены и неукоснительно исполнялись. В 1630 году был введен в действие закон, обязывающий каждого человека, владеющего поместьем стоимостью 40 фунтов стерлингов в год, принять рыцарское звание, а с тех, кто его не выполнял, взимались штрафы на сумму 170 000 фунтов стерлингов. В 1634 году были возрождены древние лесные законы. Теперь частью королевских лесов объявлялись земли, которые в течение трехсот лет находились за их пределами, а за посягательства на них землевладельцы подвергались крупным штрафам.

Рыцарские штрафы коснулись всех дворян и всех людей в легком положении; расширение лесов угрожало в первую очередь дворянству и знатым особам; возрождение монополий задевало все классы в равной степени. Король, как было подсчитано, получал от винных монополистов 38 000 фунтов стерлингов в год, патентообладатели - 90 000 фунтов, а виноторговцы повышали цену на вино для потребителей, так что народ платил 360 000 фунтов. Кроме винной монополии, существовали монополии на мыло, железо, табак, соль, порох и многие другие товары.

С одной стороны, финансовые меры короля вызывали недовольство народа, а с другой - не удовлетворяли потребности правительства. В 1635 году обычный доход короны составлял около 600 000 фунтов стерлингов, а долги короля - около 1 200 000 фунтов стерлингов. Когда безопасность морей и необходимость внешней политики потребовали наличия флота, возникла необходимость прибегнуть к прямому налогообложению, и были изобретены корабельные деньги. В 1634 году они взимались только с приморских графств и принесли 100 000 фунтов стерлингов; в 1635 году они были распространены на внутренние графства и принесли вдвое большую сумму.

Обращаться в судебные инстанции за защитой или возмещением ущерба было бесполезно. Судьи, сменяемые по воле короля, отказывались выступать в качестве арбитра между королем и народом и предпочитали считать себя слугами короны. Когда их призвали принять решение о законности корабельных денег, их решение было продиктовано скорее политическими, чем юридическими соображениями. Один судья заявил, что закон - это старый и верный слуга короля, что неправда, что *lex* - это *rex*, но общепринято и наиболее верно, что *rex* - это *lex*. Другой утверждал, что никакие акты парламента не могут отнять у короля право распоряжаться лицами и деньгами своих подданных, если он считает, что в этом есть достаточная необходимость. Хорошо было сказано, что причины, приводимые

судьями, были такими, что каждый мог поклясться, что это не закон, и что их логика не оставляла человеку ничего, что он мог бы назвать своим собственным. Для обеспечения исполнения своей воли король, помимо обычных судов, имел в своем распоряжении исключительные суды, созданные Тюдорами. Их юрисдикция расширялась по желанию короля. В 1632 году были расширены полномочия Совета Севера. Тайный совет взял на себя законодательную власть своими прокламациями, "предписывая народу то, что не было предписано законом, и запрещая то, что не было запрещено законом". Звездная палата обеспечивала исполнение прокламаций штрафами и тюремным заключением, а противников или критиков наказывала с неумеренной суровостью.^[1] Судьба Прайн, Бертон и Баствика показала, что ни одна профессия не может избавить своих членов от варварских и позорных наказаний.^[2] Судьба Элиота и его друзей доказала, что привилегии парламента не защищают от мстительности короля.^[3] Были члены Тайного совета, которые "обычно смеялись при слове "свобода" подданного", а мудрым людям казалось, что сами основы права находятся под угрозой разрушения.

Если англичане хотели узнать, какую цель преследуют министры короля, им достаточно было взглянуть через канал Святого Георгия. "Король, - писал Вентворт из Ирландии в 1638 году, - здесь настолько абсолютен, насколько может быть абсолютен любой принц в мире".^[4] Парламенты все еще существовали, но лорд-наместник управлял ими по своему усмотрению, и, как сказал Пим, парламенты без парламентских свобод были лишь благовидными путями к рабству. Присяжные существовали, но когда они выносили вердикты против короны, их штрафовали за неправоту. Высшие чиновники и самые богатые дворяне чувствовали на себе тяжесть руки Уэнтворта и подчинялись его воле. Торговля росла, порядок воцарился там, где никогда не царил прежде, а бедняки жили свободнее от притеснений великих, чем когда-либо мечтали бедняки Ирландии. Но от самоуправления не осталось и следа, кроме нескольких пустых форм; правительство представляло собой машину, в которой все движение, вся сила исходили от королевской власти. Народу ничего не оставалось делать, как подчиняться королю. "Пусть они, - говорил Уэнтворт, - исполняют его волю, с уверенностью в его справедливости, верой в его мудрость и уверенностью в его родительской привязанности", вместо того чтобы питать себя "тщетной лестью мнимой свободы".

Среди англичан использование королем своей абсолютной власти не способствовало такой слепой вере в его высшую мудрость.

Энергичная внешняя политика, направленная на достижение национальных целей, могла бы примирить некоторых подданных с заменой личного правления на самоуправление. Но у Карла не было европейской политики. Когда он распустил свой третий парламент, он находился в состоянии войны с Францией и Испанией, и нехватка денег вынуждала его как можно скорее заключить мир. В европейской политике его единственной целью было добиться восстановления Пфальца для своей сестры и ее детей. Для этого он предложил свой союз одновременно Густаву Адольфу и Фердинанду II. Для этого он вел переговоры с Францией и Испанией, как несколько лет спустя вел переговоры с пресвитерианами и индипендентами. Его политика представляла собой серию интриг, которые провалились, и череду сделок, в которых он много просил, мало предлагал и ничего не получал. Поскольку она была чисто династической по своей цели, одновременно беспринципной и безуспешной, она не оставила ему союзника в Европе.

Один результат, который панегиристы приписывали его мудрости, а придворные считали компенсацией за потерю свободы, - Англия осталась в стороне от войны. "Она наслаждалась", - говорит Кларендон, - "величайшим спокойствием и самой полной мерой благополучия, которыми был благословлен любой народ в течение столь долгого времени, к удивлению и зависти всех частей христианства". Тридцатилетняя война превратила плодородную Германию в пустыню, а ее города - в груды развалин. Все остальные страны обеднели или были опустошены войной, но Англия была "садом христианства" и "биржей Европы". "Здесь, - пел один поэт, - белый мир, прекраснейшая из вещей, свил свое вечное гнездо". Никогда английский двор не был более пышным, более блестящим, более роскошным; никогда маскарады и банкеты не были более частыми, чем во время кризиса протестантизма в Германии.

"Пусть немецкий барабан вопит о свободе, - писал поэт двора, - его шум

"Не тревожит нас и не отвлекает от наших радостей".

Пуритане чувствовали, что эти немецкие барабаны были призывом к Англии, чтобы она поднялась и начала действовать. С тревогой или ликованием они следили за каждым поворотом судьбы в смертельной борьбе католицизма и протестантизма. Элиота, сидевшего в Тауэре, веселила мысль о прогрессе "дела за границей". Когда Тилли бежал перед Густавом при Брейтенфельде, Элиот воскликнул, что теперь "Фортуна и Надежда встретились". Когда Густавус пал под Лютценом, сердце каждого пуританина сжалось. "Никогда, - писал д'Юэс, - смерть одного человека не приносила столько печали всем истинным протестантским сердцам - ни смерть нашего благочестивого Эдуарда, Шестого из этого имени, ни смерть нашего покойного и героического принца Генриха, - как смерть короля Швеции в настоящее время".

Пуританам казалось, что такая же борьба между протестантизмом и католицизмом начинается и сейчас в Англии. Если внешняя политика Карла казалась им трусливым дезертирством протестантизма, то его церковная политика представлялась коварной атакой на него, и под влиянием Лауда церковная политика Карла была столь же единообразной и последовательной, сколь слабой и нерешительной была его европейская политика.^[5] Для себя Лауд представлялся исключительно консервативным реформатором, стремившимся к соблюдению только церковной дисциплины и церковных законов государства. Его целью было вернуть Церковь к ее истинному историческому положению как филиала великой католической церкви и очистить ее от кальвинистского пятна, которое она приобрела со времен Реформации. Не возражая против определенной свободы рассуждений среди ученых людей, он стремился заглушить противоречивые проповеди и был нетерпим к разнообразию форм богослужения. Единство веры было необходимо для существования национальной церкви, и путь к нему лежал через единообразие, "ибо единство не может долго сохраняться в церкви, когда единообразие закрыто у церковных дверей". "Благопристойность и упорядоченность внешнего богослужения в Церкви" - таково было его собственное определение целей, ради которых он трудился.

Для пуритан Лауд казался новатором и революционером. В половине страны те обряды, которые он стремился ввести, уже давно вышли из употребления. Каждое восстановление разрешенной формы, каждое возрождение древнего обычая приближало церковь к римской практике, а по их мнению, и к римской доктрине. Поклон был не выражением благоговения, а признанием идолопоклонства; сюртук - не несколько ярдов белого льна, а римская тряпка. Попытки Лауда заставить замолчать их проповедников усугубили их подозрения относительно его мотивов и утвердили их в мысли, что он - замаскированный папист.

В значительной степени враждебность, которую Лауд навлек на себя, объяснялась теми средствами, которые он использовал. Власть короля как верховного правителя церкви была тем инструментом, с помощью которого государство могло быть использовано для реализации взглядов клерикального реформатора, и он не стеснялся использовать его. Опора Лауда на личное правительство в церковных делах естественным образом объединяла его с его сторонниками в делах светских. Абсолютизм был для Страффорда политическим кредо, а для Лауда - церковной необходимостью. Каждый из них нуждался в одном и том же инструменте: один - чтобы реализовать свою мечту о хорошо управляемом содружестве, другой - чтобы привести церковь, которая наполовину стала кальвинистской, в соответствие с англиканским идеалом. У каждого из них было одинаковое неистовое рвение. "У Лауда, - говорит Яков I, - беспокойный дух, он не может видеть, когда все хорошо, но любит доводить дело до реформации, плавающей в его собственном мозгу". Страффорд описывал себя как человека, который "всегда стремился к лучшему, никогда не был доволен тем, что сделал достаточно, но всегда хотел сделать лучше".

Лауд и Страффорд были одинаковы в своем нетерпении к оппозиции, независимо от того, проистекает ли она из праздности, коррупции или совести; независимо от того, отстаивают ли они юридические формальности или конституционные права. Хотя правительство Карла было произвольным, оно не было достаточно энергичным, чтобы удовлетворить этих двух жаждущих духов. Но возможности Страффорда придать своим взглядам силу были ограничены Ирландским морем, а за пределами церковной сферы Лауду мешали противоречивые влияния. Переписка архиепископа и лорда-наместника полна жалоб на нерадивость других министров короля и вздохов по поводу принятия системы "Торо".

Противники "корабельных денег" и пуритане в целом должны быть подавлены сильной рукой. "Сам гений этого народа, - писал Страффорд, - заставляет их всегда противиться, как в гражданском, так и в церковном смысле, всему, что когда-либо предписывает им власть, но, по правде говоря, если бы им правильно служили, их следовало бы выпороть до нитки". "Это можно было бы сделать, - ответил Лауд, - если бы розга использовалась правильно, но так, как она используется, она не умнеет". Так они вместе принимали сладкие советы, никогда не мечтая о "двуручном двигателе у двери", который ждал, чтобы поразить их обоих.

В течение этих одиннадцати лет произвольного правления жизнь Кромвеля была безмятежной, если не полностью бессобытийной. Это был период неосознанной подготовки к его будущим действиям, тихая посевная, которая принесла плоды в будущем. Когда "великий, теплый, шумный парламент" 1628 года закончился, Кромвель вернулся в свое небольшое поместье в Хантингдоне и занялся сельским хозяйством. В мае 1631 года он продал свое поместье в Хантингдоне за 1800 фунтов стерлингов и арендовал несколько пастбищ в Сент-Айвсе, примерно в пяти милях к востоку и дальше по течению Оуза. В 1636 году сэр Томас Стюард из Эли, брат матери Кромвеля, умер, и Оливер, которого дядя сделал своим наследником, сменил сэра Томаса на посту фермера соборной десятины. Он переехал в Эли, где поселился в "глебском доме" возле церкви Святой Марии, который оставался резиденцией его жены и детей до 1647 года. Теперь его семья состояла из четырех сыновей, Роберта, Оливера, Ричарда и Генри, и двух дочерей, Бриджет и Элизабет, родившихся в Хантингдоне. Еще две дочери, Фрэнсис и Мэри, родились в 1637 и 1638 годах. Дом, который он занимал, стоит до сих пор; в 1845 году в нем находился питейный дом.

"Ни в коем случае не роскошный особняк, - говорит Карлайл, - но в те простые времена он мог с удобством содержать человека с тремя или четырьмя сотнями в год и его семью". Сквозь его ветхость все еще проглядывает некая причудливая атмосфера благородства. Он

двухэтажный, правильнее - полуторазэтажный; в нем много окон, неровные дымоходы и фронтоны".

ДОМ КРОМВЕЛЯ, ЭЛИ.

(С фотографии.)

Некоторые писатели, особенно поэты, говорили об этих годах жизни Кромвеля как о времени, полностью отданном домашнему хозяйству и земледелию. Марвелл хвалит Протектора за раннее воздержание от государственных дел, которое отнюдь не было добровольным:

"Ведь и ты с самого начала не применял

Твой трезвый дух к вещам слишком высоким;

Но в собственных полях упражнялся долго

Здоровый ум в теле крепком".

В другом месте он изображает восхождение будущего полководца Республики:

"Из своих частных садов, где

Он жил сдержанно и строго,

Как будто его высший замысел

Посадить бергамот".

Однако даже в эти частные сады и уединенные поля должно было проникать эхо немецких барабанов, и Тридцатилетняя война должна была взволновать Кромвеля так же, как она взволновала д'Юэса и Элиота. Доказательством тому служит его дальнейшая жизнь. В 1647

году, когда Гражданская война в Англии, казалось, закончилась, Кромвель задумался о том, чтобы самому отправиться на службу в Германию. Когда он стал протектором, его европейская политика была вдохновлена страстями Тридцатилетней войны. Воспоминания о ней определяли его отношение к Австрии и Швеции; он думал, что Леопольд I станет вторым Фердинандом II, и мечтал найти нового Густава в Карле X. Но для пуританского фермера, предвидевшего будущую борьбу, война была не просто зрелищем, а военным образованием. В Англии были опубликованы одни из лучших рассказов о сражениях и способах ведения боя Густавом, а в период с 1630 по 1640 год немногие книги были более популярны, чем "Шведский разведчик" и "Шведский солдат". Не приходится сомневаться, что Кромвель читал эти повествования и впитал из них те знания военных принципов и военной тактики, которые заменили для него личный опыт.

"Я вижу его, - говорит один из современных военных писателей, - при первом же вступлении в войну действующим на основе принципов, установленных прошлым опытом, внимательно следящим за той стадией, которой военное искусство достигло при Густаве, использующим те же моральные стимулы, которые Густав сделал столь эффективными, употребляющим в одном случае те же слова, которые Густав использовал в другом, и различными способами показывающим, что он самым тщательным образом изучил прошлое, хотя у него не было возможности заниматься мирными парадами".

Кромвель с еще большим интересом наблюдал за ростом произвола в Англии. В 1630 году он был одним из многих джентльменов, привлеченных к суду за то, что не прошел церемонию посвящения в рыцари, и в конце концов был вынужден заплатить десять фунтов за свое пренебрежение. Предположительно, он также платил корабельную пошлину, поскольку в государственных бумагах нет упоминаний о том, что он выступал против нее. Если он отказывался платить, шериф, несомненно, налагал на его товары арест на требуемую сумму, и на этом дело заканчивалось. По другому вопросу Кромвель вступил в конфликт с местными властями и оказался втянут в противостояние с Королевским советом. До 1630 года Хантингдон был древней предписывающей корпорацией, управляемой двумя бейлифами и общим советом из двадцати четырех жителей, которые избирались ежегодно. 15 июля 1630 года город получил новую хартию от Карла I. "Чтобы предотвратить народные волнения", старый общий совет был распущен, а управление городом возложено на двенадцать олдерменов, избираемых пожизненно, мэра, ежегодно выбираемого из двенадцати, и регистратора. Олигархия сменилась демократией. Главным проводником этих перемен, похоже, был мистер Роберт Барнард, барристер, живший в Хантингдоне, недавно купивший поместье в Брэмптоне, а затем ставший регистратором города. Старый общий совет дал согласие на изменения в управлении Хантингдоном, но когда условия новой хартии были изучены, возникло массовое недовольство. Прозвучали жалобы на то, что она давала мэру и олдерменам право лишать бюргеров их прав на общие земли и взимать непомерные штрафы с бюргеров, отказывающихся от муниципальных должностей. Кромвель согласился на эти изменения, и в новой хартии он был назначен одним из трех мировых судей в городе. Но он считал эти жалобы вполне обоснованными и выступил выразителем народного недовольства. Возможно, Кромвелю показалось, что Барнард перегнул палку, и в одном из последующих писем он многозначительно предостерегает его от излишней хитрости. В гневе он произнес "позорные и непристойные речи" в адрес нового мэра, а Барнард, и корпорация подали жалобу в Тайный совет. 2 ноября 1630 года совет заключил Кромвеля и одного из его соратников под стражу. Дело было рассмотрено 1 декабря и передано на рассмотрение графа Манчестера, который в своем отчете порицал поведение Кромвеля, но приказал изменить хартию в трех пунктах, чтобы удовлетворить его возражения. Права бедных бюргеров были защищены приказом о том, что "количество мужского скота всех видов,

которое они сейчас держат, согласно порядку и обычаю, на своих общинах, не должно быть сокращено или изменено". Что касается личного вопроса, то доклад Манчестера гласил:

"Что касается слов, сказанных господину мэру и господину Барнарду господином Кромвелем, то, поскольку они были нездоровы, признано, что они были сказаны в пылу и страсти, и их желательно забыть; и я нашел господина Кромвеля очень желающим поддерживать дружбу с господином Барнардом, который с доброй волей, забудет все прошлые недоброжелательные выпады и будет поддерживать то же самое. Так что я оставил все стороны примиренными".

Эта ссора, несомненно, стала одной из причин, по которой Кромвель покинул Хантингдон. В Сент-Айвсе и Эли он проявил такое же рвение в защите прав своих более бедных соседей. В 1634 году была создана компания для осушения болот вокруг Эли, известных как Великий уровень. Авантюристы", возглавляемые графом Бедфордом, должны были получать вознаграждение за спасенные от воды земли, и в 1637 году работа была объявлена завершенной, а вознаграждение - полученным. В результате этих осушительных работ простолюдины потеряли права на выпас скота и рыбную ловлю, которыми они пользовались ранее, и Кромвель выступил защитником их интересов против "искателей приключений".

"Поговаривали, - говорится в одной из жалоб, - что простолюдины в болотах Эли и прилегающих к ним болотах обязались, что мистер Кромвель из Эли, заплатив ему по крупе за каждую корову, которую они держали на участке, будет держать осушителей в судебном порядке в течение пяти лет, а они тем временем будут пользоваться каждым футом своих участков".

В 1638 году король вмешался, объявил, что работы по осушению не завершены, и взялся завершить их сам, объявив, что жители округа должны продолжать владеть своими землями и участками до тех пор, пока работы не будут действительно завершены. Об участии Кромвеля в этих спорах ничего не известно, кроме туманной истории, рассказанной в "Мемуарах" сэра Филипа Уорика, о том, что "вульгарные" протестовали против плана и что мистер Кромвель выступил в качестве главы их фракции. Уорвик, писавший много времени спустя после событий, о которых он упоминал, как само собой разумеющееся предположил, что Кромвель выступал против короля, и это заблуждение легко прижилось.

Несколько лет спустя Кромвель точно так же выступил в защиту прав своих старых соседей в Сент-Айвсе. Пустующие земли в Сомершме близ Сент-Айвса были огорожены без согласия простолюдинов и проданы графу Манчестеру. Когда собрался Долгий парламент, обиженные простолюдины обратились в Палату общин с просьбой о возмещении ущерба. Лорды вмешались, издав приказ в пользу Манчестера. В ответ простолюдины "буйным и воинственным образом" начали ломать изгороди и возвращать себе владения. Тогда лорды послали обученные отряды, чтобы восстановить Манчестер, а Манчестер выдал шестьдесят судебных приказов против простолюдинов. Не пытаясь оправдать насилие со стороны простолюдинов, Кромвель добился от Палаты общин назначения комитета для рассмотрения прав по этому делу. Председатель комитета Хайд был сильно опечален тем, с какой яростью Кромвель отстаивал перед ним права простолюдинов. Кромвель "приказывал свидетелям и просителям, как им действовать, и с большой страстью дополнял то, что они говорили". Он упрекал председателя в пристрастности, оскорблял сына знатного графа, претендовавшего на землю, и "вся его походка была столь бурной, а поведение столь наглым", что председатель пригрозил донести на него в палату.

Эта настойчивая защита прав крестьян и мелких землевладельцев была основой влияния Кромвеля в восточных графствах. Общие права были чем-то конкретным и осязаемым, что

привлекало многих, кто не был пуританином, и становилось достоянием людей, для которых парламентские привилегии были далекой абстракцией. В каждой деревне Хэмпден смотрел на Кромвеля как на лидера и был готов следовать за ним. В 1643 году одна из роялистских газет прозвала его "лордом фенов", но его популярность среди фенов началась задолго до военных подвигов, которые принесли ему этот титул.

В более узкой сфере Кромвель был хорошо известен как ревностный пуританин, но его оппозиция церковной политике Лауда не принесла ему всеобщей известности. Уильямс, епископ Линкольнский, был родственником Кромвеля и жил в эти годы в Бакдене близ Хантингдона. Впоследствии он рассказывал, что его родственник был в те дни "обычным представителем сектантов и отстаивал свою точку зрения с большим упрямством". Часть политики Лауда, к которой Кромвель относился особенно враждебно, заключалась в подавлении лекториев. Пуритане в городах, недовольные небрежностью проповедников или их доктриной, объединялись для поддержки лекторов, то есть священнослужителей, единственным занятием которых была проповедь. Большинство корпораций содержали лекторов, а в 1625 году было создано небольшое общество, которое скупало незаконно присвоенную десятину и использовало вырученные средства для оплаты лекторов. Лауд пытался подавить эти лектории, и в 1633 году Звездная палата распустила феодалов по присвоению десятин и передала их патронаж королю.

В Сент-Айвсе или где-то еще в Хантингдоншире существовал лекторий, который Кромвель очень хотел сохранить. Она была основана несколькими лондонскими гражданами, и в 1636 году ей грозил конец из-за прекращения подписки. Первое письмо Кромвеля - это обращение к забывчивому подписчику, составленное с необыкновенной осторожностью и тактом. "Не последнюю роль в добрых делах ваших сограждан, - начинает он,

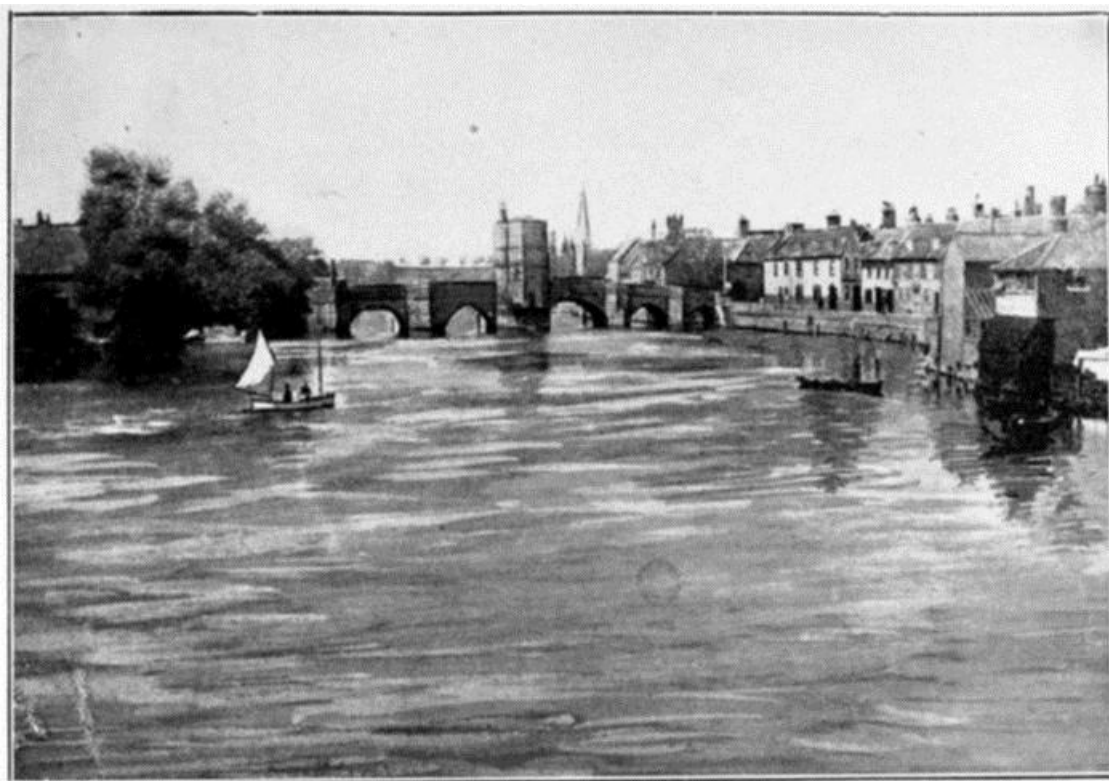
"это то, что они обеспечивают питание душ. Строительство больниц обеспечивает тела людей; строительство материальных храмов считается делом благочестия, но те, кто добывает духовную пищу, те, кто строит духовные храмы, - это люди истинно благотворительные, истинно благочестивые. Именно такой работой было возведение вами лектория".

Далее он говорит, что лектор - хороший и способный человек, и он сделал хорошую работу; поэтому помогите ему продолжить ее.

"Конечно, очень жаль, что лекция попала в руки стольких способных и благочестивых людей, какими, как я убежден, являются ее основатели; в наше время, когда мы видим, что они подавляются с излишней поспешностью и жестокостью врагами Бога, Его Истины..... Отнять жалованье - значит отпустить лекцию; ибо кто идет на войну за свой счет. Поэтому я умоляю вас... пусть хороший человек получает свое жалованье". Души детей Божьих благословят вас за это, и я тоже".

Изменения, которые Лауд внес во внешнюю сторону богослужения, вызывали у Кромвеля такое же отвращение, как и подавление пуританской проповеди. "Были замыслы, - сказал Кромвель, оглядываясь на политику Лауда в 1658 году,

"Ввести у нас новшества в вопросах религии, причем такие новшества, чтобы вытравить сердцевину, силу, сердце и жизнь всей религии, навязав нам компанию ядовитых папистских церемоний и навязав их тем, кто считался пуританами нации и исповедующими религию среди нас, заставив их искать свой хлеб в воющей пустыне. Так было с нашими друзьями, которые были вынуждены бежать в Голландию, Новую Англию, почти в любую другую страну, чтобы найти свободу для своей совести".

ST. IVES AND THE RIVER OUSE, AND MEDIAEVAL CHAPEL ON THE BRIDGE.

(Из книги Пайка "Оливер Кромвель").

Устойчивая традиция утверждает, что Кромвель сам подумывал об эмиграции в Новую Англию, и есть много оснований принять ее за правду.

Если он и вынашивал подобный замысел, то, вероятно, между 1631 и 1636 годами. Когда он покинул Хантингдон в мае 1631 года, он превратил все свои земельные владения в деньги, как это, естественно, должен был сделать человек, намеревающийся эмигрировать. Купленный им скот и арендованные земли можно было продать в кратчайшие сроки. Время, в которое это произошло, делает это событие более значимым, поскольку в 1630 и 1631 годах исход пуритан был в самом разгаре, и большинство колонистов Новой Англии прибыли из Восточной Англии. В марте 1632 года граф Уорик выдал старый патент на Коннектикут лорду Сэю и его помощникам, среди которых был и Джон Хэмпден. Ничто не может быть более вероятным, чем то, что Кромвелю пришло в голову поселиться в колонии, одним из патентообладателей которой был его двоюродный брат.

Если Кромвель хотел эмигрировать, что ему мешало? История XVIII века о том, что он находился на борту одного из кораблей, остановленных по приказу совета в мае 1638 года, явно ложная, поскольку по ходатайству пассажиров им было разрешено продолжить плавание. Современная история дает гораздо более правдоподобное объяснение. Дело в том, что умер его родственник, оставив ему значительное состояние, и этот родственник отождествляется с сэром Томасом Стюардом, чья смерть произошла в январе 1636 года. История, которая так хорошо согласуется с установленными фактами и по своей сути так вероятна, не должна быть легкомысленно отброшена как выдумка.

Есть еще один факт в истории Кромвеля в этот период, о котором нам свидетельствует одно из его писем. Если бы он когда-нибудь написал отчет о своей ранней жизни, то мелкие конфликты с местными властями или любые изменения в его мирской судьбе показались бы

нам менее значимыми, чем перемены, произошедшие внутри него. До 1628 года он стал профессором религии и по всем внешним признакам был пуританином, но к 1638 году официальное принятие кальвинистского вероучения стало совершенной верой, изгоняющей все страхи и сомнения. За его обращением последовал период депрессии и душевного конфликта, который продолжался много лет. Другие пуритане прошли через ту же борьбу. Буньян рассказывает, как он "впал в некоторую внешнюю реформацию в своей жизни", и его соседи считали его "очень благочестивым человеком, новым религиозным человеком, и дивились, видя такую большую и известную перемену". И все же еще долгое время после этого он находился "в заброшенном и печальном состоянии", терзаемый и терзаемый сомнениями. "Как узнать, есть ли у тебя вера?" - говорили внутренние голоса. "Как узнать, избран ли ты? Как понять, что день благодати уже прошел и не наступит?" "Мои мысли", - говорит он, - "были подобны неуправляемым адским гончим; моя душа, как разбитый сосуд, гонимая ветрами и иногда опрокидываемая в отчаяние".

Подобные "упрямые вопросы" преследовали и мучили и Кромвеля. Несимпатичный врач, знавший его в Хантингдоне, описал его как спленика и полного фантазий; другой, к которому он обратился в Лондоне, записал его как "valde melancholicus". Больной ум и душа, воюющая сама с собой, были вне их искусства. Этот внутренний конфликт достиг своего апогея между 1628 и 1636 годами. Один из друзей, знавший Кромвеля тогда, написал много лет спустя следующий рассказ о нем:

"Этот великий человек восстал из очень низкого и страдальческого состояния; он претерпел очень большие душевные страдания, долгое время находясь под сильными ужасами и искушениями и в то же время в очень низком состоянии для внешних вещей: в этой школе страданий его держали, пока он не усвоил урок Креста, пока его воля не была сломлена, чтобы подчиниться воле Божьей". Религия, таким образом, была "вложена в его душу молотом и огнем"; она не "вошла только светом в его понимание".

В 1638 году по просьбе своей кузины, миссис Сент-Джон, Кромвель доверил ей историю этого кризиса в своей жизни.

"Вы знаете, - сказал он, - каков был мой образ жизни. Я жил во тьме и любил тьму, а свет ненавидел; я был вождем, вождем грешников. Это правда, я ненавидел благочестие, но Бог помиловал меня". Но и сейчас борьба не закончилась. "Я живу в Мешце, что, как говорят, означает "продление"; в Кедаре, что означает "чернота"; но Господь не оставляет меня. Хотя Он и продлит, но, верю, приведет меня в скинию Свою, в место покоя Своего. Душа моя с общиной первенцев, тело мое покоится в надежде. Он дает мне видеть свет в Его свете".

Было бы неправильно воспринимать эти самообвинения как подтверждение обвинений, которые роялистские писатели выдвигали против ранней жизни Кромвеля. Они относятся скорее к духовным, чем к моральным недостаткам, возможно, к любви к миру и его суете, от которой он так часто предостерегает своих детей. Они обозначают скорее изменение чувств, чем изменение поведения, подъем от холодности к энтузиазму, от уныния к возвышению.

Полный благодарности за это избавление, Кромвель жаждал свидетельствовать о своей вере. "Если здесь я смогу воздать должное моему Богу либо делами, либо страданиями, я буду очень рад. Воистину, ни одно бедное существо не имеет больше оснований для того, чтобы послужить делу своего Бога, чем я. Заранее я получил обильное жалованье и уверен, что никогда не заработаю ни гроша". Время для этого было уже близко, поскольку, когда он писал, сопротивление шотландцев уже началось. Друг, которого мы уже цитировали, отмечает, как странно переломный момент в духовной жизни Кромвеля совпал с переломным моментом в истории его дела. "Время его крайних страданий было тогда, когда

дело религии, которым мы сейчас занимаемся, находилось на самом низком уровне". Когда же дело стало процветать, "он пришел к успокоению духа и расширению имущества". И так "он страдал и возвышался вместе с делом, как будто у него была одна жизнь с ним".

1638 год стал поворотным пунктом в истории английского пуританства. Когда он начался, власть короля казалась настолько прочной, насколько могло пожелать его сердце. Решение судей о законности корабельных денег дало абсолютной монархии юридическое основание, а также задел для любых будущих требований. Аргументы, доказывающие, что король имеет право взимать налоги по своему усмотрению для поддержки флота, оправдывали его, если он пожелает, в сборе денег на содержание армии. Таким образом, королевская власть, по выражению Страффорда, была "навсегда освобождена от условий и ограничений подданных". "Все наши свободы, - писал один пуританский юрист, - были теперь в один момент полностью разрушены".

В 1637 году ходили слухи о некоторых беспорядках в Шотландии. "Епископы ужасно возмущены тем, что хотят ввести у себя нашу богослужебную книгу", - писал лорду-наместнику Страффорд, но ни один из них не придавал этому особого значения. В конце марта 1638 года шотландцы взяли Ковенант, и маленькая тучка на севере превратилась в угрожающую бурю. Если бы Хэмпден и его друзья могли прочесть письма Лауда к Страффорду, они бы рассмеялись от радости. В мае архиепископ был совершенно обеспокоен "шотландским делом". "Если Бог благословит его хорошим концом, это больше, чем я могу надеяться. Правда в том, что этот снежный ком слишком долго собирался". Через десять дней после решения, вынесенного против Хэмпдена, он был основательно встревожен. "Я смотрю не только на шотландские дела, но и на все положение дел в стране и за границей, на огромные расходы из небольшого количества сокровищ, и моя жалкая душа глубоко опасается не малых бед, надвигающихся на меня. Я не вижу способа излечения без чуда".

Карл был полон решимости подавить сопротивление шотландцев с помощью оружия. "Пока этот ковенант в силе", - сказал он, - "у меня в Шотландии не больше власти, чем у герцога Венеции, от которой я скорее умру, чем буду страдать". Он отправил маркиза Гамильтона на переговоры с шотландцами, "чтобы выиграть время, чтобы они не совершали публичных глупостей, пока я не буду готов их подавить". Но переговоры и интриги не смогли разорвать их союз, и в мае 1639 года Карл собрал двадцать тысяч человек и отправился к границе, чтобы начать работу по подавлению. Александр Лесли, солдат Густава, с равными силами шотландцев преградил ему вход в Шотландию. Армия Лесли была хорошо дисциплинирована, хорошо оплачена и хорошо накормлена; его люди были "похотливы и полны мужества, на лицах всех была великая жизнерадостность". Войска короля были плохо вооружены и плохо обеспечены, и у них не было сердца для своего дела. Английское дворянство было таким же полунцим, как и войска, и король опустошил свою казну, чтобы собрать эту армию.

Не оставалось ничего другого, как заключить мир, и 24 июня 1639 года был подписан Бервикский договор. Если война была фарсом, то договор - высшей комедией. Все было прощено, почти все было обещано. Король сам играл главную роль в переговорах с шотландцами, которые находили его "одним из самых справедливых, разумных, милых людей, которых они когда-либо видели". "Его Величество, - писал один шотландец, - всегда был более любим всеми, кто его слышал, и он также был более любим нами".

Шотландцы вернулись домой полные лояльности, с разрешением решать свои церковные дела в собственной Генеральной Ассамблее, а гражданские - в собственном парламенте.

Карл вернулся в Лондон и задумал свести на нет свои уступки. Он отказался отменить акты, устанавливающие епископат, или подтвердить акты шотландского парламента и вызвал Страффорда из Ирландии, чтобы тот привел шотландцев в чувство. У Страффорда были готовы и план кампании, и политика. Английский флот должен был блокировать шотландские порты и уничтожить их торговлю. Ирландская армия должна была угрожать высадкой в Западной Шотландии или быть переправлена в Камберленд. Английская армия должна была вторгнуться в Шотландию и из укрепленного лагеря в Лейте держать в страхе Эдинбург и Лоуленд, пока не будет принят английский молитвенник и епископы не восстановят свою власть; "нет, возможно, пока я не подчиню это королевство во всем, как в мирских, так и в церковных делах, полностью правительству и законам Англии, и Шотландия будет управляться королем и советом Англии". Первым шагом Страффорда по прибытии в Англию было обеспечение созыва парламента. Ни один англичанин, думал он, не сможет отказаться отдать свои деньги королю в такой крайности, против такого подлого мятежа. Если кто-то сопротивляется, его следует "поставить на пятки", пока он не научится подчиняться и не спорить. Но он отверг предположения о том, что король потерял расположение своего народа. В апреле собрался парламента; его члены были охарактеризованы как трезвые и беспристрастные люди, из которых лишь немногие преследовали дурные цели. Среди них был Кромвель, чья оппозиция "Авантюристам" за осушение болот принесла ему место в округе Кембридж. Все эти трезвые и беспристрастные люди объединились в требовании восстановить парламента на его должном месте в конституции. Пим перечислил все недовольства церкви и государства и утверждал, что их источник - перерыв в работе парламента, поскольку парламента - душа политического тела. На требование короля о деньгах общинники ответили, что "пока не будут очищены свободы палаты и королевства, они не знают, есть ли у них что дать, или нет". Карл попытался торговаться с ними и предложил отменить корабельные деньги, если они дадут ему взамен 840 000 фунтов стерлингов. Они требовали не только отмены корабельных денег, но и отмены новых военных сборов, которые король наложил на графства для содержания их обозных команд. Услышав, что они собираются предложить лордам выступить с совместным протестом против планируемой войны с шотландцами, Карл прервал их проект внезапным роспуском (5 мая 1640 года). Умеренные люди были охвачены меланхолией, но лица лидеров оппозиции демонстрировали "удивительное спокойствие". Пасмурный лик кузена Кромвеля, Сент-Джона, озарился необычным светом. "Все было хорошо, - сказал он, - прежде чем стать лучше, должно было стать хуже, и этот парламента никогда бы не сделал того, что было необходимо сделать".

С помощью парламента или без нее Карл был полон решимости принудить шотландцев к покорности. Некоторые члены его совета, зная о пустоте казначейства, убеждали его занять оборонительную позицию.

"Никакой оборонительной войны, - кричал Страффорд, - действуйте энергично или оставьте их в покое. Король свободен и освобожден от всех правил управления. В случае крайней необходимости вы можете сделать все, что позволит ваша власть. Если парламента откажется, вы будете оправданы перед Богом и людьми. У вас есть армия в Ирландии, которую вы можете использовать здесь, чтобы уменьшить это королевство. Одно лето, проведенное с пользой, сделает это".

Однако на каждом шагу на пути короля вставали старые трудности. Лондон отказал в займе; Франция и Испания ничего не хотели давать; даже к Папе Римскому обращались за людьми и деньгами, но тщетно. Не было выплачено и десятой части положенных корабельных денег, а от плаща и кондукторских денег повсеместно отказывались. Отчаявшись, Карл подумал о

дебетовой чеканке и захвате слитков, которые испанское правительство отправило в Англию для чеканки. Военные перспективы были не менее удручающими, ведь армия была меньше и хуже, чем в 1639 году. Генерал кавалерии в Ньюкасле описывал свою задачу как обучение лошадей военной выправке, а людей, годных для Бедлама и Брайдвелла, - соблюдению десяти заповедей. Командующий пехотой в Йоркшире ответил, что его мятежные обозы - заклятые враги страны. Из этой армии 18 августа Страффорд, полумертвый, но несгибаемый, был назначен главнокомандующим.

Достаточно было одного прикосновения, чтобы ткань абсолютизма рухнула. В то время как главнокомандующий с трудом продвигался к своей армии на подводе, Лесли переправился через Твид с двадцатью пятью тысячами шотландцев. 28 августа он форсировал реку Тайн у Ньюберна, прогнав перед собой три тысячи пеших и пятнадцать сотен конных, которые пытались ее защитить. Ньюкасл был эвакуирован; Нортумберленд и Дарем перешли под власть Лесли; Страффорд встретил свои побитые войска, устремившиеся обратно в Йоркшир с шотландцами по пятам. "Никогда еще ни один человек не приходил к такому проигрышному делу", - восклицал несчастный государственный деятель. Дело было не только в том, что армия была необученной, нищей и трусливой, но и в том, что вся страна была апатичной или враждебной. "Всех охватил всеобщий ужас, всеобщую нелюбовь к службе короля, никто не чувствовал его бесчестья". С отчаянной энергией Страффорд пытался реорганизовать свои разбитые войска и не допустить шотландцев в Йоркшир. При его дыхании угасающая преданность страны вспыхивала ярким пламенем. Казалось, что шотландское вторжение может возродить забытую вражду двух народов.

Напрасные труды и еще более напрасные надежды. Двенадцать пэров подали петицию с требованием мира и парламента, и еще одна с той же целью поступила из лондонского Сити. Карл созвал совет пэров, чтобы заключить перемирие с шотландцами, и объявил им о созыве парламента на 3 ноября. Абсолютизм отжил свое.

ГЛАВА III

ДОЛГИЙ ПАРЛАМЕНТ

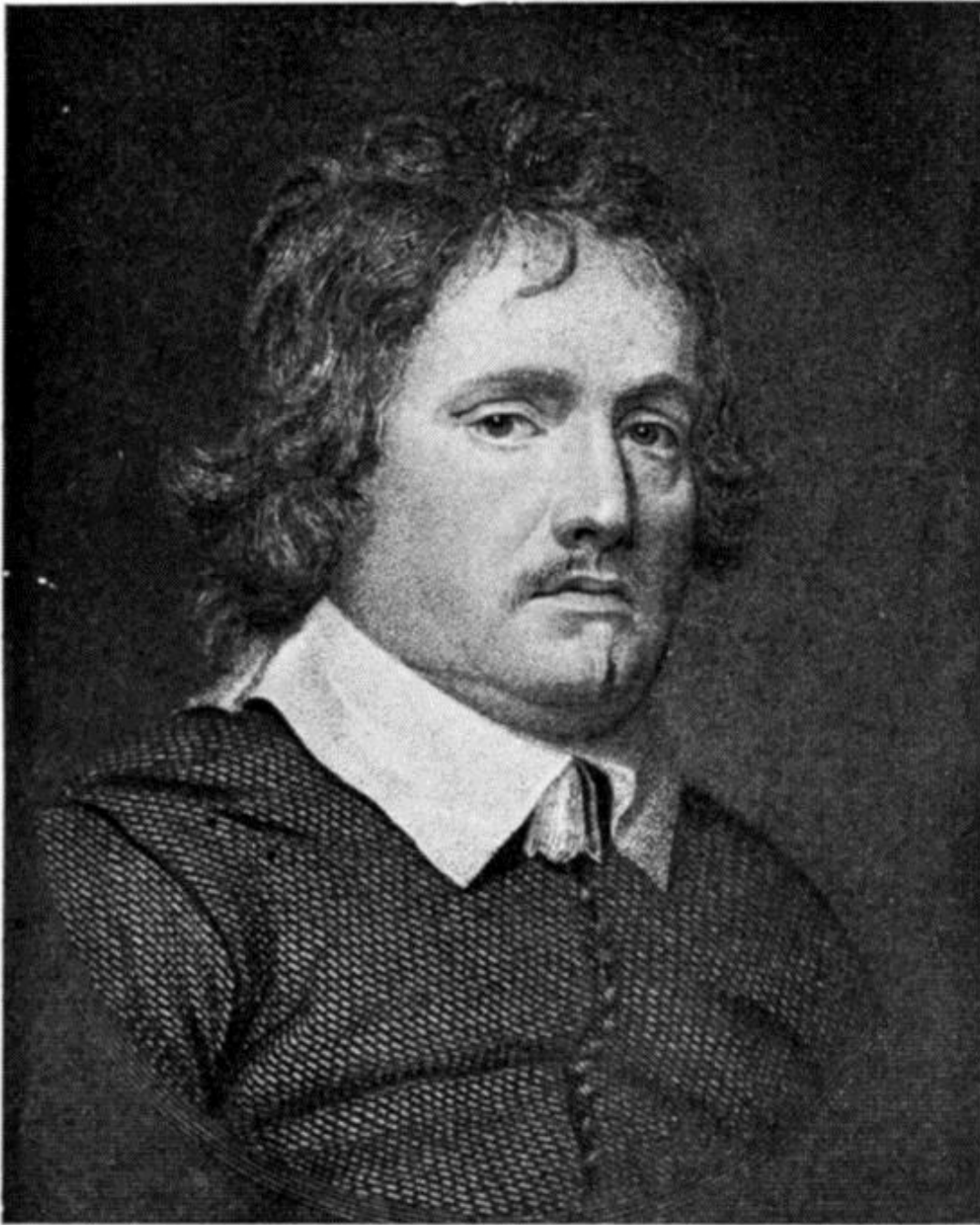
1640-1642

Долгий парламент собрался в Вестминстере 3 ноября 1640 года. Большинство его членов, как и сам Кромвель, заседали в парламенте предыдущего мая, но теперь они собрались в другом настроении и с гораздо большей властью в руках. Карл не мог решиться распустить его, пока шотландская армия стояла лагерем на английской земле. "Нет опасений, что парламент будет распущен, - писал один шотландец, - пока парни в Ньюкасле сидят спокойно".

Долгий парламент был намерен сделать три вещи. Во-первых, освободить страдальцев от произвола; во-вторых, наказать людей, руками которых король пытался установить свою произвольную власть; в-третьих, внести изменения в конституцию, чтобы впредь произвол был невозможен. Долгий опыт работы в парламентах сделал Пима бесспорным лидером народной партии, а его максимой было то, что не достаточно устранить недовольство, но необходимо вырвать с корнем его причины.

Мастер парламентской тактики в те времена, когда партийная дисциплина была неизвестна, Пим сохранял свое превосходство до самой смерти. Но до конца он оставался скорее великим партийным лидером, чем великим государственным деятелем. Он был слишком пристрастен, чтобы понимать чувства своих оппонентов, слишком привязан к прецедентам и юридическим формулам, чтобы воспринимать новые проблемы, которые несли с собой новые времена. Когда нужно было сойти с проторенной дороги, он был неспособен найти новые пути. Пайм был главным оратором своей партии, а также ее руководящим духом. В длинных, методичных изложениях жалоб нации он с убедительной силой выдвигал обвинения против произвола правительства. Но иногда он поднимался до серьезного и возвышенного красноречия или сжимал чувство времени в кратких, язвительных фразах, которые переходили из уст в уста, как пословицы.

Хэмпден стоял рядом с Паймом по авторитету в Палате представителей и пользовался гораздо большей славой за ее пределами. Корабельные деньги сделали его знаменитым. "Глаза всех людей были прикованы к нему как к своему *отцу* и лоцману, который должен вести их судно сквозь бури и скалы, угрожавшие ему". Плохой оратор, но дальновидный, энергичный и решительный, "верховный правитель над всеми своими страстями и привязанностями", он был человеком, который покорял других на совете, и за которым они следовали, когда дело доходило до действий.

ДЖОН ПАЙМ.

(С миниатюры Купера.)

За ними по значимости следовали адвокат Сент-Джон-Хэмпден по делу о корабельных деньгах и самые искусные адвокаты оппозиции - Холлес и Строуд, люди, пострадавшие за свою смелость в парламенте 1629 года, и Рудьярд, чье ораторское искусство принесло ему известность в еще более ранних парламентах. Из молодых людей наиболее заметными были Натаниэль Фиеннес и сэр Генри Вейн, печально известные своими передовыми религиозными взглядами, а также сэр Артур Хаслериг и Гарри Мартен, столь же печально известные своими демократическими взглядами. Штаб-квартирой популярной партии был дом сэра Ричарда Мэнли в маленьком дворике за Вестминстер-холлом, где и поселился Пим. Там, пока заседал парламент, Пим, Хэмпден и еще несколько человек держали общий стол за свой счет, и во время их встреч решалось множество дел. Кромвель, как двоюродный брат

Хэмпдена и Сент-Джона, несомненно, был одним из членов этой группы. Хотя он был известен партии в целом только как довольно молчаливый деревенский сквайр, который был членом двух последних парламентов, очевидно, что он имел некоторую репутацию делового человека. Во время первой сессии Долгого парламента он был специально назначен в восемнадцать комитетов, не считая тех, что занимались делами восточных графств, к которым, естественно, был добавлен член от Кембриджа. Впервые Кромвель принял участие в дебатах Палаты представителей 9 ноября 1640 года, когда на широком уровне излагались жалобы нации и несправедливости тех, кто пострадал при Звездной палате и Высокой комиссии. Он поднялся, чтобы передать петицию Джона Лилберна, заключенного на флоте, и то, как он выглядел и говорил, записано в мемуарах сэра Филипа Уорвика.

"Впервые я обратил на него внимание, - пишет Уорик, - в начале парламента, состоявшегося в ноябре 1640 года, когда я напрасно считал себя придворным молодым джентльменом; ведь мы, придворные, очень дорожили своей хорошей одеждой. Однажды утром я вошел в палату, хорошо одетый, и увидел, что джентльмен, которого я не знал, одет очень обыденно, ибо это был костюм из простой ткани, который, казалось, сшил плохой деревенский портной; Белье его было простое и не очень чистое, и я помню пятнышко или два крови на его маленькой ленте, которая была не намного больше воротника; шляпа его была без шляпной ленты; рост его был хорошего размера; его шпага торчала близко к его боку; его лицо было опухшим и красноватым; его голос был резким и неуправляемым, а его красноречие полным пыла. Ибо тема не терпела рассуждений: речь шла о слуге мистера Прайна, который распускал пасквили на королеву за ее танцы и подобные невинные и придворные развлечения; и он усугубил заключение этого человека в тюрьму за столом Совета до такой высоты, что можно было подумать, будто само правительство подверглось большой опасности из-за этого. Я искренне признаюсь, что это сильно уменьшило мое почтение к этому великому совету, ибо к нему очень прислушивались".

Когда жалобы народа были выслушаны, а петиции отдельных страдальцев переданы в комитеты, Долгий парламент перешел к наказанию министров короля. Сам Карл ни разу не был упомянут, кроме как с большой честью, как король, введенный в заблуждение злыми советниками, которые помешали ему следовать велениям его исконной мудрости и доброты. В интересах короля и подданных, утверждал Рудьярд, эти злые советники должны быть удалены и наказаны. Как сказано в Библии: "Удалите нечестивых от короля, и престол его утвердится".

Поэтому Страффорд был арестован и подвергнут импичменту, как раз в тот момент, когда он сам собирался обвинить лидеров парламента в государственной измене за поощрение и помощь вторжению шотландцев (11 ноября). Месяц спустя Лауд последовал за Страффордом в Тауэр. Уиндебанк, государственный секретарь, и лорд-хранитель Финч, также обвиненные, бежали за море. Еще два епископа и шесть судей были подвергнуты импичменту и заключены в тюрьму, а все монополисты были изгнаны из Палаты общин. Казалось, наступил "всеобщий конец света". Страффорд пострадал первым, и его суд в Вестминстерском зале приковывал к себе все взгляды.

Страффорда обвиняли не только как "великого отступника от содружества", угнетателя английских колонистов в Ирландии, движущую силу несправедливой войны против шотландцев. Суть обвинения против него заключалась в том, что он пытался словами, действиями и советами подорвать основные законы Англии и Ирландии, чтобы ввести произвольное и тираническое правительство. В нем, казалось, воплотилось правление произвола в противовес господству закона, которое стремился восстановить парламент. Речи Пима против Страффорда - это сплошное прославление господства закона. "Хорошие

законы, - говорил он, - да что там, самые лучшие законы, не приносили никакой пользы, когда воля была поставлена выше закона". Все зло, причиняющее вред государству, было заключено в одном преступлении.

"Закон - это то, что ставит различие между добром и злом, между справедливым и несправедливым. Если отменить закон, все вещи придут в беспорядок. Каждый человек станет законом для самого себя, а это, при развращенном состоянии человеческой природы, должно порождать великие преступления. Похоть станет законом, зависть - законом, любостяжание и честолюбие - законами; а какие диктаты, какие решения будут принимать такие законы, можно легко проследить на примере правительства Ирландии".

Замена произвола законом не была вредна только для подданных.

"Это опасно для личности короля и для его короны. Если продолжить историю тех восточных стран, где принцы ведут свои дела в соответствии со злонамеренными принципами графа Страффорда, свободно и без всяких правил управления, то окажется, что они часто сгорают, полны резни и трагических концов принцев".

Страффорд изо всех сил пытался доказать, что преступления, доказанные против него, по закону не являются государственной изменой. Парламент, приняв Билль о предательстве, ответил, что для безопасности государства необходимо признать их государственными изменами. "Изменение устоявшихся рамок и конституции правительства, - сказал Пим, - является государственной изменой в любом государстве. Законы, с помощью которых сохраняются все остальные части королевства, были бы очень тщетными и неполноценными, если бы они не имели силы обеспечивать и сохранять самих себя".

Чарльз стремился спасти жизнь Страффорда, но его ошибочные вмешательства в ход судебного процесса закончились неудачей. Когда выяснилось, что агенты короля замышляют завладеть Тауэром и привести английскую армию из Йоркшира, чтобы одолеть парламент, судьба графа была предрешена. Под давлением обеих палат парламента и под угрозой лондонской толпы в случае отказа Карл согласился на Билль об отмене приговора, и 12 мая 1641 года Страффорд был обезглавлен.

Параллельно с преследованием злых советников короля продолжалась работа по защите от произвола властей в будущем. Чрезвычайные суды, которые были орудием угнетения, были сметены. Долой Звездную палату и Суд высшей комиссии, Совет Севера, Совет Уэльса и Марчей. Закон о тоннаже и фунтах объявил, что отныне взимание таможенных пошлин без разрешения парламента является незаконным. Расширение лесов было запрещено, взимание рыцарских штрафов запрещено, а корабельные деньги объявлены незаконными. Отныне управлять страной без парламента было так же невозможно, как и взимать налоги без парламента. 15 февраля 1641 года Карл подписал Трехгодичный акт, который обязывал его созывать парламент каждый третий год и предусматривал механизмы для его созыва, если он не соберет его в назначенное время. 11 мая он подписал второй акт, который запрещал ему распускать нынешний парламент или даже пророчить его иначе как с его собственного согласия.

Кромвель не принимал участия в преследовании Страффорда, поскольку не был ни оратором, ни юристом, но его имя тесно связано с одним из этих конституционных изменений. Источником Трехгодичного акта стал законопроект, внесенный Строудом для возрождения старого закона Эдуарда III, по которому парламент должен был созываться каждый год. 30 декабря Кромвель перенес его на второе чтение и был одним из членов комитета, после обсуждения которого он был принят как законопроект о созыве парламента

каждые три года. В церковных делах он занимал гораздо более видное место. В конституционных вопросах народная партия была почти единодушна, но в религиозных вопросах ее единодушию пришел конец. Общая цель ее лидеров заключалась в том, чтобы подчинить церковь контролю государства в лице парламента, вместо того чтобы отдать ее под власть короля как "верховного правителя". Но если одни хотели отменить Молитвенник и сделать доктрину Церкви более откровенно кальвинистской, то другие желали лишь отмены нескольких оскорбительных формул или церемоний. В вопросе о церковном управлении мнения разделились. Несколько человек хотели сохранить епископов в их прежнем виде, несколько - полностью упразднить их; большинство же желало сохранить епископат, но ограничить власть епископов. Отсюда популярность плана Ашера об ограниченном епископате, в котором каждому епископу должен был помогать и контролировать совет епархиального духовенства. Пока в парламенте не было партии, которая предлагала бы ввести пресвитерианство или независимость, но тех, кто желал полного уничтожения епископата, было очень много. В общинах Фиеннес и сэр Генри Вейн выступали за его отмену "в корне и по частям", а впоследствии к ним присоединился и Хэмпден. Среди этих "корней и ветвей" был Кромвель, и он был более тесно связан с нападками на Церковь, чем с любой другой частью работы Долгого парламента. Единственное из его писем, относящееся к этому периоду, показывает его интерес к религиозным вопросам. Оно адресовано книготорговцу и содержит просьбу дать ему копию напечатанных "доводов шотландцев в пользу их желания единообразия в религии". "Я хотел бы ознакомиться с ней, - пишет он, - пока мы не приступили к дебатам, которые будут скоро".

Единственная записанная речь Кромвеля в этих церковных дискуссиях была произнесена 9 февраля 1641 года по вопросу о том, следует ли передавать в комитет петицию о полной отмене епископата, подписанную пятнадцатью тысячами жителей Лондона. Один из членов комитета настаивал на ее отклонении, утверждая, что епископы являются одним из сословий королевства и частью конституции. Равенство (или, как он выразился, "паритет") в церкви приведет к равенству в государстве. Кромвель встал и очень прямолинейно опроверг свои умозаключения и предположения, на что "водолазы прервали его и вызвали на скамью подсудимых". Пим и Холлес защищали его, и ему было позволено продолжать.

Мистер Кромвель продолжил и сказал: "Он не понимает, почему тот джентльмен, который говорил последним, должен делать вывод о равенстве между церковью и государством, и что есть какая-то необходимость в больших доходах епископов. Он был более убежден в неправомерности действий епископов, чем раньше, потому что, подобно римской иерархии, они не желали допустить, чтобы их положение подверглось испытанию."

В мае Кромвель воспользовался еще одной возможностью напасть на епископов. Община приняла законопроект, запрещающий священнослужителям вообще занимать светские должности судей, советников или членов палаты лордов, а верхняя палата приняла решение не принимать его. На это "корни и ветви" ответили законопроектом о полном упразднении епископов, который убедили внести сэра Эдварда Деринга, известного оратора. Впоследствии Деринг раскаялся и все объяснил. "Этот законопроект, - сказал он, - был вложен в мои руки сэром Артуром Хаслеригом, а затем принесен ему сэром Генри Вейном и мистером Оливером Кромвелем".

Билль о "корнях и ветвях" так и не прошел дальше комитета, но его появление еще больше усилило раскол в народной партии. Одна часть, возглавляемая Хайдом и лордом Фолклендом, окончательно порвала со своими прежними друзьями. Консерваторы по натуре, они были удовлетворены уже проведенными реформами и готовы были больше доверять королю в вопросах конституции, чем парламенту в вопросах церкви. До конца

сессии Хайд поддерживал связь с королем, и партия конституционных роялистов, основанная на защите Церкви, находилась в процессе формирования. Карл был так же решительно настроен на сохранение Церкви и полон планов по возвращению утраченной власти. Перспектива получить поддержку в Палате общин сама по себе укрепляла его уверенность в конечном успехе, и в августе он отправился в Шотландию, надеясь привлечь на свою сторону шотландское дворянство и использовать одно королевство против другого.

В октябре 1641 года, когда началась вторая сессия Долгого парламента, положение дел сильно изменилось. Народная партия была ослаблена разногласиями по религиозному вопросу, и раскол быстро распространялся на всю нацию. В то же время парламентские лидеры потеряли из-за ухода шотландской армии ту военную силу, которая защитила их от попытки *государственного переворота*. То, что страх перед подобным шагом со стороны короля был отнюдь не беспочвенным, доказывали новости из Шотландии. Ходили слухи, что с санкции короля партия роялистских солдат замышляла захватить Гамильтона и Аргайла, чье поспешное бегство из Эдинбурга только и спасло им жизнь. Вдобавок к этому пришли новости о восстании в Ирландии, о попытке захвата Дублинского замка и о резне английских колонистов в Ольстере. Восстание распространялось с каждым днем, и когда в Дублин потянулись оборванные беглецы, каждый со своей историей убийства и грабежа, волнение в Англии поднялось до лихорадочного накала. Стало общепризнанным, что пятьдесят тысяч англичан были варварски убиты, а некоторые утверждали, что 150 000.

Современным историкам ирландское восстание кажется лишь естественным результатом английской системы управления Ирландией, но для современных англичан оно прозвучало как неожиданный удар. Коренные ирландцы были озлоблены и обнищали в результате конфискаций последних шестидесяти лет, их наполняли ярость и страх перед планами Страффорда по захвату Коннавта. Теперь, когда пуритане были у власти, полное подавление католической религии, которым раньше только угрожали, казалось неминуемым и неизбежным. Импичмент Страффорда и его самых доверенных советников подорвал сильное правительство, которое Страффорд создал, а роспуск его армии наполнил страну людьми, подготовленными к оружию. Наконец-то появилась возможность для успешного восстания, и неудивительно, что ирландцы ею воспользовались. В самом начале октябрьское восстание 1641 года было восстанием коренных ирландцев с целью вернуть земли, с которых они были изгнаны. Сначала оно вспыхнуло в шести графствах Ольстера, засеянных при Якове I, а затем в Уиклоу, самом последнем из более поздних плантаций. Но каким бы кровавым и варварским ни было восстание, всеобщая резня не была ни запланирована, ни осуществлена. Первой целью повстанцев было просто изгнать колонистов из их домов и земель, и в процессе некоторые были убиты, а все разграблены. Число хладнокровно убитых за первый месяц или два восстания, вероятно, составило около четырех тысяч человек, и, возможно, вдвое больше погибло от лишений и нужды.

Для английских пуритан единственным возможным объяснением восстания было то, что оно было естественным результатом папизма. 4 декабря 1641 года Долгий парламент принял резолюцию, согласно которой они никогда не согласятся ни на какую терпимость к религии папистов в Ирландии или в любом другом из владений Его Величества. Не менее фатальным было решение о том, что средства на повторное завоевание Ирландии должны быть собраны за счет новых конфискаций ирландских земель и выделения двух с половиной миллионов акров в счет погашения долга перед теми, кто предоставил эти деньги. Одно голосование превратило локальный мятеж во всеобщее восстание, другое - сделало восстание междоусобной войной.

Обе партии в парламенте одобрили эти голосования. Была открыта общественная подписка, на которую члены парламента и лондонские купцы внесли свободные средства. "Мастер Оливер Кромвель, ничего не знавший об ирландской истории, счел план мудрым и справедливым и внес 500 фунтов стерлингов, что составляло примерно годовой доход. Он разделял общее невежество своих современников относительно причин восстания и верил распространенным преувеличениям относительно резни.

"Ирландия, - говорил он ирландскому духовенству восемь лет спустя, - когда-то была объединена с Англией. У англичан было хорошее наследство, которое многие из них приобрели на свои деньги; у них и их предков, у вас и ваших предков. У них была хорошая аренда от ирландцев на долгие времена, большие запасы, дома и плантации, возведенные на собственные средства и за свой счет. Они жили среди вас мирно и честно. Вы пользовались равной с ними защитой Англии и равной справедливостью законов, за исключением того, что было необходимо государству из государственных соображений, чтобы оказать давление на людей, склонных к восстанию по наущению таких, как вы. Вы нарушили этот союз. Вы без провокации подвергли англичан самой неслыханной и варварской резне (без различия пола и возраста), которую когда-либо видело солнце. И это в то время, когда в Ирландии царил полный мир".

Чтобы отвоевать Ирландию, нужно было срочно собрать армию, а доверить ее управление королю лидеры парламента не могли. Менее чем за полгода до этого Карл задумал собрать армию, чтобы разгромить их дебаты. Во время своей недавней поездки в Шотландию он снова стал вмешиваться в дела офицеров той же армии, и ее расформирование было только что завершено. Если ему дадут новую армию, кто может сомневаться, что не пройдет и шести месяцев, как он обратит ее против парламента? У Пима не было сомнений, и 6 ноября он выступил с обращением, в котором говорилось, что если король не наймет таких министров, которых одобрит парламент, "то они примут такой курс на обеспечение безопасности Ирландии, какой мог бы обеспечить и их самих". И если Пим предлагал захватить исполнительную власть в Ирландии, то Кромвель намеревался наложить руки на нее и в Англии. 6 ноября он внес предложение о том, чтобы обе палаты передали графу Эссексу полномочия командовать всеми обозами к югу от Трента, и чтобы эти полномочия продолжались до тех пор, пока парламент не примет дальнейших распоряжений. Месяц спустя Хаслериг внес билль об ополчении, который предоставлял генералу, назначенному парламентом, верховное командование всеми обозами в Англии. Таким образом, вопрос о том, кто должен командовать вооруженными силами страны - король или парламент - был поставлен со всей определенностью.

В том же ноябре Долгий парламент обратился к нации за поддержкой. В Великом рескрипте были изложены все беды, постигшие нацию за пятнадцать лет правления короля, и все, что сделал парламент за последние двенадцать месяцев для их устранения. В нем указывались препятствия, которые мешали им в их работе, и сообщалось, что они надеются сделать в будущем. Корнем любого зла был злой умысел, направленный на подрыв фундаментальных законов и принципов, на которых основывались религия и справедливость королевства. Пусть "зловредная партия будет удалена", и реформация церкви и государства будет завершена. Резолюция призывала нацию оценить, были ли ее представители достойны ее доверия, и просила сохранить это доверие. Он приближал войну не потому, что был косвенным обвинением королю, а потому, что церковная политика, изложенная в его последних пунктах, разделила нацию на два лагеря. В них Палата заявила о своем намерении взять в свои руки работу по реформированию церкви и потребовала созыва всеобщего синода богословов для помощи в этом деле. По этим пунктам Резонанса шли

долгие и ожесточенные дебаты (22 ноября). Когда она прошла всего одиннадцатью голосами, и большинство предложило ее напечатать, казалось, что гражданская война начнется немедленно, причем прямо на полу палаты. Члены протестовали, кричали, размахивали шляпами, а некоторые взяли в руки свои мечи в ножнах, словно ожидая слова, чтобы достать их. "Мне показалось, - сказал один из очевидцев, - что все мы сидели в долине смертной тени; ведь мы, как юноши Иоава и Абнера, вцепились друг другу в локоны и вложили мечи в кишки друг друга".

Когда шум утих, и участники собрания разошлись по домам, слова Кромвеля, сказанные шепотом Фолкленду, показали, как много значило решение этой ночи. "Если бы Резолюция была отклонена, - сказал он, - я бы продал все, что у меня есть, на следующее утро и никогда больше не видел Англии; и я знаю, что многие другие честные люди придерживаются того же решения".

Через три дня после принятия реконкиты Чарльз вернулся в Уайтхолл. Он вернулся с решимостью не идти больше ни на какие уступки и избавиться от парламентских лидеров в рамках закона. По его мнению, их отношения с шотландцами во время последней войны, их нападки на его королевскую власть и изменения, которые они хотели внести в конституцию, были достаточны, чтобы доказать их виновность в государственной измене. Первым его шагом было снятие стражи вокруг палаты; следующим - заискивание перед Сити; третьим - назначение надежного грубияна командиром Тауэра. Когда общинники попросили восстановить их охрану, Карл ответил им, что, по слову короля, их безопасность от насилия должна быть такой же его заботой, как и безопасность его собственных детей. В день, когда палата получила этот ответ, Карл послал генерального прокурора для импичмента пяти членов палаты и сержанта-оружейника для их ареста.^[6] Общинники отказались отдать их. На следующий день он пришел арестовать их лично, с четырьмя сотнями вооруженных людей спине, но обнаружил, что птицы улетели, и вера в королевское слово тоже улетела (4 января 1642 года). Палата общин удалилась в Сити, который отказался, как и сама палата, выдать обвиняемых членов. Петиционеры тысячами стекались из страны, чтобы поддержать своих представителей, и было очевидно, что чувства нации в подавляющем большинстве случаев были на стороне парламента. *Государственный переворот* короля полностью провалился. 11 января палата общин вернулась в Вестминстер, а король покинул Лондон, чтобы не видеть их триумфа.

Карл не собирался действовать вероломно и считал свои действия вполне законными, но было вполне естественно, что парламентские лидеры, отказавшись ему доверять, с новой силой стали добиваться контроля над вооруженными силами. Кромвель чувствовал это так же сильно, как и его лидеры, и через три дня после возвращения в Вестминстер он выдвинул предложение о создании комитета для приведения королевства в состояние обороны (14 января). Предложение было несколько преждевременным. По мнению Пима, необходимо было, чтобы обе палаты действовали сообща, а лорды медлили. Только когда Пим сказал им, что если они не присоединятся к общинам в деле спасения королевства, то общины спасут королевство без них, верхняя палата уступила. В феврале они приняли билль об исключении епископов и присоединились к требованию о контроле над ополчением. В марте они объединились с общинами и проголосовали за то, чтобы привести королевство в состояние обороны по решению обеих палат.

Однако в настоящий момент и король, и парламент не желали прибегать к оружию: король стремился выиграть время, чтобы набраться сил; парламент все еще надеялся, что король предоставит ему те гарантии, которых они добивались. Поэтому в течение шести месяцев они спорили и вели переговоры, каждый обращался к нации с декларациями и

контрдекларациями, предваряя этими бумажными стычками начало реальных боевых действий. У Карла было две политики, которых он придерживался попеременно, и каждая из них требовала времени для своего успеха. Одна из них была политикой королевы и придворных, другая - политикой Хайда и конституционных роялистов. Политика королевы заключалась в активной подготовке к неизбежной войне, невзирая на любые конституционные доктрины, которые стояли на пути. Необходимо было обратиться за помощью к Франции, Дании или принцу Оранскому, а также обеспечить безопасность порта, в котором можно было бы высадить иностранные войска. Политика Хайда заключалась в том, что король должен оставаться пассивным, что он должен "укрыться полностью под законом", предоставляя все, что закон обязывал его предоставить, и отказывая во всем, что закон позволял ему отрицать, а его положение делало нецелесообразным уступать. "В конце концов, - говорил Хайд, - король и закон вместе будут достаточно сильны для любого столкновения, которое может произойти".

Ни характер короля, ни его положение не позволяли ему проводить абсолютно последовательную политику. На некоторые уступки он был вынужден пойти либо для того, чтобы умиротворить общественное мнение демонстрацией уступчивости, либо для того, чтобы выиграть время для подготовки к войне. Он отменил импичмент пяти членам; снял с должности губернатора Тауэра; повременил с законопроектом об ополчении; даже согласился на исключение епископов из палаты лордов. Последняя уступка была сделана вопреки его собственной совести, но королева настаивала на ней, и, чтобы обеспечить ей безопасный переезд на континент, Карл уступил. Она взяла с собой в Голландию драгоценности короны, которые должны были быть заложены, чтобы обеспечить оружие и боеприпасы, а когда она отплыла, Карл направился в Йоркшир, чтобы собрать вокруг себя друзей и обеспечить необходимый морской порт. Когда он ехал на север, депутация встретила его в Ньюмаркете и возобновила прошение о создании ополчения. Но необходимость в уступках миновала, и он отказался даже от временной субсидии. "Боже, - вскричал он, - ни на час! Вы потребовали от меня того, чего никогда не просили от короля, и чего я не доверю своей жене и детям".

Когда король добрался до Йорка, он предпринял попытку овладеть Халлом. Это был не только самый удобный порт для высадки войск из Голландии и Дании, но и большой арсенал, где хранилось оружие и боеприпасы, собранные для шотландской войны. 23 апреля Карл явился в Халл с тремя сотнями всадников и потребовал разрешения на въезд. Но губернатор сэр Джон Хотэм поднял разводной мост и, заняв позицию на стене, отказался впустить короля. Провозгласив его предателем, Карл ускакал.

В то время как политика, к которой призывала королева, провалилась, политика, сторонником которой был Хайд, с каждым днем приобретала для Карла сторонников. Мнение склонялось на сторону короля. Перемены были вызваны главным образом церковной политикой парламента, поскольку те, кто любил Церковь, боялись, что ее литургия и управление будут отданы в грубые руки пуританского парламента и синода пуританских богословов. Но умелая пропаганда Хайда во многом способствовала развитию реакции. Декларации, которые он писал для короля, с их беглой, яркой риторикой, с оттенками юмора и сарказма, были гораздо более эффективными, чем громоздкие юридические аргументы, опубликованные парламентом. В большей степени благодаря искусству, с которым он представлял короля как хранителя конституции, а парламент - как ее посягателя. Панихида Пима по закону была обращена против самого Пима. Короля сделали защитником "известных законов страны" против революционеров, которые хотели поставить давно установленные права короля и подданных в зависимость от голосования палаты

общин. Его сделали защитником "древней, равной, счастливой, хорошо работающей и никогда не получавшей достаточных рекомендаций конституции" против тех, кто стремился ввести "новую утопию религии и правительства".

То, что парламент претендовал на новые полномочия, а король - на старые права, отрицать было невозможно, и парламенту было трудно доказать необходимость, которая оправдывала его требования. Они могли намекать на "страхи и ревность", которые заставляли их не доверять королю, но реальность их оснований для недоверия к нему доказывают доказательства, о которых они могли только догадываться, и которые позже историки должны были вывести на свет.

Простая спорная победа ничего не могла сделать для решения вопроса, который должен был решить английский народ. Это был уже не спор о том, наделяет ли закон определенными полномочиями король или парламент, а о том, кто должен быть сувереном - король или парламент. В девятнадцати предложениях, которые составили ультиматум парламента, они требовали для себя всех ветвей суверенитета. Сюда входили контроль над внешней политикой, церковной политикой, армией и флотом, назначение министров, советников и судей, право карать и право миловать. Короче говоря, правительство должно было осуществляться лицами, выбранными парламентом, вместо лиц, выбранных королем. Король мог царствовать, но отныне он не должен был управлять.

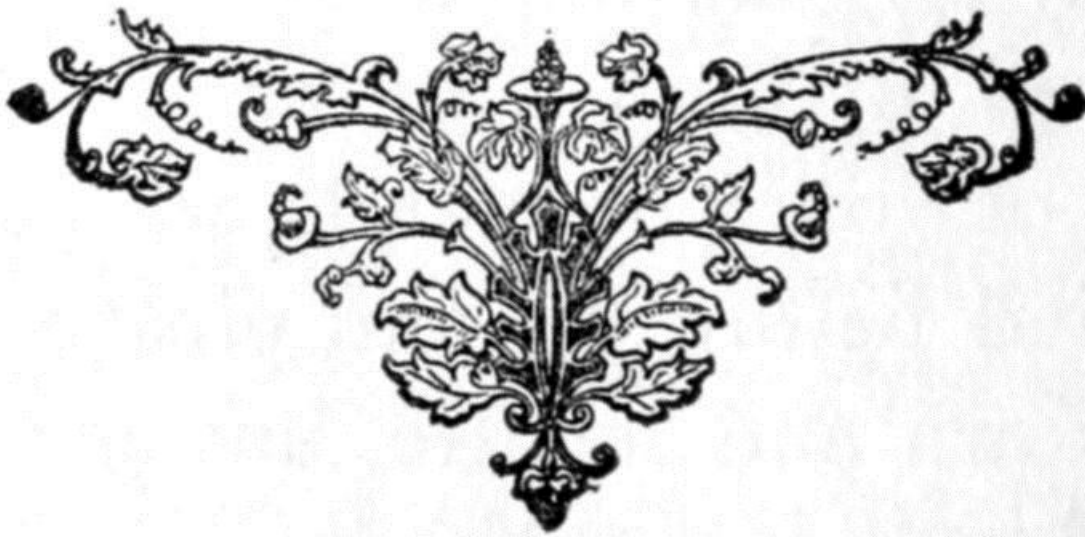
В этом смысле Чарльз понимал Девятнадцать предложений.

"Если они будут приняты, - отвечал он, - нас могут ждать с обнаженной головой, нам могут целовать руку, нам могут продолжать приписывать стиль величества, а власть короля, провозглашенная обеими палатами парламента, может оставаться стилем ваших повелений, перед нами могут нести мечи и булавы, мы можем радовать себя видом короны и скипетра, но что касается истинной и реальной власти, то мы должны оставаться лишь внешней стороной, лишь изображением, лишь знаком короля".

С другой стороны, их требование, как оно представлялось уму парламентариев, было скорее оборонительным, чем агрессивным по своим намерениям. Без этой передачи суверенитета они считали невозможным передать своим потомкам то самоуправление, которое они получили от своих предков.

"Спор между нами и партией короля, - пишет Ладлоу, - заключался, как я полагал, в том, должен ли король править, как бог, по своей воле, а народ - силой, как звери; или же народ должен руководствоваться законами, принятыми им самим, и жить под властью, основанной на его собственном согласии".

Только меч мог принять решение. 4 июля парламент назначил Комитет безопасности; 6 июля они решили собрать десять тысяч человек; 9 июля они назначили графа Эссекса своим генералом. Король установил свой штандарт в Ноттингеме 22 августа.

ГЛАВА IV

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ

1642

С того дня, как король Карл поднял свой штандарт в Ноттингеме, и даже до этой даты Англия была разделена на два лагеря, в зависимости от того, кто выбирал подчиняться королю или парламенту. Стране предстояло на собственном опыте узнать, что такое гражданская война, и пострадать так, как она не страдала с пятнадцатого века. В Войне Роз два соперничающих дома претендовали на верность народа, теперь же его послушания требовали две соперничающие власти. Кроме того, помимо вопроса о том, какой власти следует подчиняться, сам факт раскола парламента затруднял выбор и затушевывал главный вопрос. Палата общин уже не была тем почти единодушным органом, каким она была в ноябре 1640 года. Около 175 членов последовали за флагом короля, в то время как почти триста остались в Вестминстере. В Верхней палате перевес был на стороне короля. Скорее более тридцати пэров бросили свой жребий на стороне народной партии, около восьмидесяти поддержали короля, а около двадцати не приняли никакого участия в борьбе.

Мотивы, побудившие людей выбрать ту или иную сторону, были весьма разнообразны. Для многих пэров судьба короля и дворянства казалась неразрывно связанной, и, подобно Ньюкаслу, они любили монархию как основу и опору своего собственного величия. Некоторые, недавно облагодетельствованные Карлом и его отцом, имели личные обязательства перед домом Стюартов, которые они готовы были возместить любой жертвой. "Будь у меня миллионы крон или десятки сыновей, - писал лорд Горинг своей жене, - король и его дело должны были бы получить их все с большей охотой, чем есть, если бы я умирал от

голода. Я получил все от короля, и он получит все снова". Среди парламентских пэров некоторые, такие как Брук, Сэй и Уорик, были ярыми пуританами и руководствовались религиозным рвением в той же степени, что и политическими мотивами. В Нортумберленде, "самом гордом человеке на свете", казалось, снова жил независимый дух феодального барона. Холланд был честолюбив и находился в немилости при дворе; он надеялся стать одним из генералов парламента. Другие считали, что парламент сильнее короля, и были полны решимости быть на стороне победителей. "Пемброк и Солсбери, - говорит Кларендон, - предпочли бы уничтожить короля и его потомство, чем отнять Уилтон у одного и Хэтфилд у другого".

Среди дворянства наблюдалось такое же смешение мотивов. Большинство из них действительно придерживались короля, но многие поддерживали парламент, особенно в тех районах, где было распространено пуританство.

Из городов соборные города, такие как Йорк и Честер, обычно придерживались роялистских взглядов. Университеты Оксфорда и Кембриджа были за короля, но представители городов в каждом случае были парламентариями. "Лондон, который Мильтон называет "особняком свободы", а Кларендон - "поглотителем недоброжелательности королевства", был штаб-квартирой пуританства, а большинство промышленных или торговых городов были настроены антироялистски. "Манчестер, - говорит Кларендон, - с самого начала, из того развязного юмора, который присущ большинству корпораций, и гордости за свое богатство, выступал против короля и заявлял о магической поддержке парламента". Бирмингем, хотя и был не более чем деревней, "пользовался такой же славой за сердечную, умышленную, пораженческую нелояльность к королю, как и любое другое место в Англии". Швейные города Уэст-Райдинга в Йоркшире и промышленные районы Сомерсетшира и Глостершира также были настроены враждебно по отношению к Карлу. В последних графствах, по словам Кларендона,

"джентльмены из древних родов в большинстве своем хорошо относились к королю, но были и люди низшего сословия, которые благодаря хорошему земледелию, производству одежды и другим процветающим искусствам получили очень большие состояния и, попав в джентльменские поместья, были возмущены тем, что не пользовались таким же уважением и репутацией, как те, чьи поместья они имели; и поэтому изучали все способы, чтобы стать значительными. Эти люди с самого начала были быстрыми друзьями парламента".

В чисто сельскохозяйственных округах влияние крупных землевладельцев обычно было решающим, но было и немало заметных исключений. В восточных графствах многие дворяне были склонны взять в руки оружие и выступить на стороне короля, но "фригольдеры и йомены в целом придерживались парламента".

И все же, хотя основная масса высших классов была на одной стороне, война так и не стала социальной, а осталась борьбой мнений и идей. С самого начала люди, настроенные на сохранение Церкви в неприкосновенности, приняли сторону короля, а те, кто хотел изменить управление Церковью или стремился к свободе вероисповедания вне ее, поддерживали Парламент. Поначалу даже для пуритан политический вопрос казался более важным, чем религиозный. Полковник Хатчинсон читал манифесты обеих партий, пока "не стал достаточно осведомлен в своем понимании и убежден в своей совести в праведности дела Парламента с точки зрения гражданского права". Но "хотя он был удовлетворен попытками

вернуть папство и подмять под себя истинную протестантскую религию, он не считал это столь явным основанием для войны, как защита английских свобод".

Ни одно современное свидетельство не раскрывает точных мотивов, побудивших Кромвеля взяться за оружие: нам остается делать выводы из его прежних поступков и более поздних высказываний. "Я признаю, - писал он в 1644 году, - что никогда не смогу убедиться в справедливости этой войны, если не буду опираться на авторитет парламента, который будет отстаивать свои права". Как и Хатчинсон, он считал церковную политику короля подрывной по отношению к протестантизму, и определял войну как предпринятую для "поддержания наших гражданских свобод как людей и наших религиозных свобод как христиан". По мере развития войны религиозные свободы приобретали в его глазах все большее значение, и то, что первоначально было борьбой с нововведениями, превратилось в попытку утвердить свободу совести.

"Религия, - говорил Кромвель в 1654 году, - не была той вещью, за которую спорили вначале, но в конце концов Бог привел ее к этому вопросу и дал ее нам в избытке, и в конце концов она оказалась тем, что было нам дороже всего. И в чем же это заключалось больше, чем в получении свободы от тирании епископов для всех видов протестантов поклоняться Богу в соответствии с их собственным светом и совестью?"

В каждой гражданской войне политические и религиозные убеждения часто вступают в конфликт с семейными узами. Немногие семьи были похожи на Фэрфаксов и Шеффилдов, о которых говорили, что среди них нет ни одной фамилии, которая не была бы на стороне парламента. Роялисты могли бы похвастаться Байронами, Комптонами и многими менее знатными домами, но в очень многих случаях ближайшие родственники принимали противоположные стороны. При Эджхилле граф Денбиг и граф Дувр вступали в ряды королевской гвардии, а их сыновья, лорд Фейлдинг и лорд Рочфорд, сражались под Эссексом. В семье самого Кромвеля его дядя, сэр Оливер, и кузен, Генри Кромвель, были ярыми роялистами и были обязаны сохранением своих поместий после поражения своей партии заступничеству своих родственников.

Хотя такое разделение семей и друзей делало войну более болезненной, оно способствовало гуманизации ее хода. Люди, оказавшиеся поневоле в оружии друг против друга, не могли забыть старую дружбу и старое родство.

"Моя привязанность к вам, - писал сэр Уильям Уоллер своему старому товарищу, сэру Ральфу Хоптону, когда две их армии должны были сойтись в бою, - настолько неизменна, что сама вражда не может нарушить моей дружбы к вашей персоне, но я должен быть верен делу, которому служу. Великий Бог, Который есть искатель моего сердца, знает, с какой неохотой я иду на эту службу и с какой совершенной ненавистью смотрю на войну без врага. Бог мира в свое благое время пошлет нам мир, а тем временем подготовит нас к его принятию. Мы оба находимся на сцене, и мы должны исполнять роли, отведенные нам в этой трагедии. Давайте сделаем это с честью и без личной вражды".

В целом война велась достойно и гуманно. Дикая жестокость, которой была отмечена Тридцатилетняя война в Германии, отсутствует в современной войне в Англии. Крови проливалось мало, разве что в пылу сражения; четвертование было либеральным, а жизни некомбатантов уважались. Но неизбежное затягивание войны ожесточало нравы обеих сторон, а когда, как в Шотландии и Ирландии, их вражда разгоралась на почве национальной неприязни, проявлялся более свирепый дух.

Война разразилась в Англии летом 1642 года, и до того, как королевский штандарт был установлен в Ноттингеме (22 августа 1642 года), произошло множество локальных столкновений между приверженцами короля и парламента. Во многих графствах роялистский лорд-лейтенант пытался ввести в действие королевский указ о вооружении, а парламентский лорд-лейтенант - парламентский указ об ополчении. Каждый из них призывал местных железнодорожников собраться вокруг него и стремился завладеть магазином, в котором хранилось оружие и боеприпасы графства. Первое из этих столкновений - бескровное - произошло в Лестере в июне; 15 июля кровь пролилась в драке в Манчестере. В июле король попытался осадить Халл, и во время этой вылазки погибло несколько человек. В августе маркиз Хартфорд объявил о начале военных действий в Сомерсетшире, губернатор Портсмута выступил в поддержку короля, и пламя перекинулось с севера и средней полосы на западные графства. Пока серьезных боев не было, но повсюду люди собирали оружие, и началась подготовка к походу.

В этой предварительной проверке сил никто не был более активным сторонником парламента, чем Кромвель. 5 июня он внес пятьсот фунтов в фонд для сбора армии. В следующем месяце, отправив своим избирателям в Кембридже оружие на сто фунтов за свой счет, он добился голосования, разрешающего им обучать и тренировать волонтерские роты. Король послал в университет свои деньги и пластины, но Кромвель, которому помогали его шурины, Валентин Уолтон и Джон Десборо, собрал людей и расположился на северной дороге, чтобы перехватить их. В начале августа он вошел в Кембридж, захватил окружной журнал и забрал большую часть тарелок стоимостью, как утверждают, двадцать тысяч фунтов стерлингов для нужд парламента. В то же время он предотвратил попытку выполнить поручение о массиве в графстве и отправил руководителей трех колледжей - Иисуса, Королевы и Святого Иоанна - пленниками в Лондон. Палата общин проголосовала за его освобождение от ответственности, но быстрота, с которой он взял на себя ответственность и своими действиями предвосхитил их приказы, была чрезвычайно характерна. В Кембридже и Хантингдоншире было много джентльменов более высокого ранга, готовых сражаться за парламент, но с самого начала энергия и готовность Кромвеля к действиям сделали его лидером. В конце августа Кромвель вернулся в Лондон и вскоре после этого присоединился с отрядом из шестидесяти лошадей к армии, которую собирал парламент под командованием графа Эссекса.

С момента начала подготовки к войне у парламента было два больших преимущества перед королем, которые он сохранял до тех пор, пока длилась война. В июле флот в Даунсе принял графа Уорика в качестве своего адмирала и объявил о поддержке парламента. Обладание флотом означало господство на море и пресечение связей короля с континентом. За оружием и боеприпасами он обращался в Голландию и Францию, но парламентские крейсера постоянно захватывали его корабли и прекращали поставки. Все главные порты находились под властью парламента; Карл удерживал Ньюкасл и Честер, но захват Портсмута стал одним из первых результатов дезертирства флота. Благодаря своим кораблям в 1643 и 1644 годах парламент смог сохранить Халл, когда остальной Йоркшир был покорен, и удержать Лайм и Плимут, когда войска короля одержали победу на западе. Благодаря его судам планы короля по привлечению французских, датских или валлонских наемников для восстановления падающего дела стали невыполнимыми, даже если бы он смог собрать деньги для их найма.

Второе преимущество парламента заключалось в том, что в его распоряжении было гораздо больше денег, чем у короля. Он был наиболее силен в самых богатых частях страны. Поскольку Лондон и торговые слои в целом были преданы ему, он не испытывал трудностей с

получением займов. Владение Лондоном и большинством морских портов обеспечивало ему таможенную, которая составляла самую большую и самую обширную часть доходов государства. По мере продолжения войны добровольные займы превратились в принудительные, таможенная была дополнена акцизом, ежемесячные взносы взимались со всех графств, находившихся под властью парламента, а секвестр земель роялистов обеспечил новый источник дохода. Однако, несмотря на огромные ресурсы парламента, его финансовая система была настолько несовершенна, что уже в первые месяцы жалование солдат постоянно задерживалось.

С другой стороны, у Карла почти не было постоянных источников дохода, а денег на снаряжение и содержание армии было очень мало. Чтобы обеспечить своих людей оружием и боеприпасами, он был вынужден заложить драгоценности короны и заложить земли короны. Скудный бюджет короля составляли займы у корпораций и состоятельных людей, продажа пэрства или других титулованных достоинств, таможенные пошлины в немногих портах, находящихся под его контролем, и контрибуции, взимаемые в округах, находящихся в пределах досягаемости его гарнизонов. Главным ресурсом короля была преданность его сторонников. Преданные купцы в Лондоне тайно передавали ему свои пожертвования. Оксфордский университет прислал ему десять тысяч фунтов, а его колледжи отдали свои тарелки, чтобы те были отчеканены для его дела. Богатые дворяне выделили полки или отряды, а бедные джентльмены служили за свой счет. Маркиз Ньюкасл собрал несколько тысяч человек в своих поместьях; граф Вустер и его сын, лорд Герберт, предоставили королю 120 000 фунтов стерлингов в период с марта по июль 1642 года. Благодаря рвению своих сторонников и, прежде всего, территориальному влиянию крупных землевладельцев, Карл смог в скором времени противопоставить парламенту силы, равные его собственным. В конце августа король имел при себе в Ноттингеме всего несколько сотен полувооруженных пехотинцев. Его артиллерия и несколько полков пехоты были оставлены в Йорке, а кавалерия под командованием принца Руперта - в Мидлендсе. Генерал его маленькой армии сказал королю, что не сможет обезопасить его от захвата в постели, если враг предпримет резкую атаку. Парламентские войска, собравшиеся в Нортгемптоне, в начале сентября насчитывали четырнадцать тысяч человек, а всего под командованием Эссекса находилось около двадцати тысяч человек. Это была "армия, которая", по словам историка Долгого парламента, "была слишком велика, чтобы встретить сопротивление в то время от любых сил, действующих в Англии".

РОБЕРТ ДЕВЕРО, ГРАФ ЭССЕКС.

(Из книги Деверо "Жизнь Деверо").

Но вместо того чтобы поспешить сокрушить короля, пока он был слаб, Эссекс дал ему время окрепнуть. Из Ноттингема Карл двинулся к Шрусбери, по мере продвижения увеличивая свои силы и оснащая их оружием, взятым из обозов или из арсеналов верных дворян. Эссекс перебравшись в Вустер и закрепился там, не предпринимая никаких попыток найти короля и сразиться с ним, и сокращая свои силы, оставляя гарнизоны в разных городах. Теперь, когда у него была армия, Карл смело перешел в наступление и двинулся на Лондон, надеясь закончить войну одним ударом. Эссекс поспешил на восток, чтобы защитить столицу, и при Эджхилле 23 октября Чарльз был вынужден повернуть и дать бой своему преследователю.

Теперь две армии были неравноценны. Каждая насчитывала около четырнадцати тысяч человек, но парламентарии были гораздо лучше вооружены, чем роялисты. Кларендон так описывает оснащение армии короля:

"Пешие, за исключением 300 или 400 человек, которые шли без всякого оружия, кроме дубин, были вооружены мушкетами, мешками для пороха и пиками, но во всем корпусе не было ни одного пикинера с корсетом и очень мало мушкетеров, у которых были шпаги. Среди лошадей офицеры имели полное право, если им удавалось раздобыть старые спины, груди и котелки (*то* есть шлемы), с пистолетами или карабинами для двух или трех передних шеренг и шпагами для остальных; они сами и некоторые солдаты по их примеру получили кроме пистолетов и шпаг короткие шестоперы".

Полки, следовавшие за Эссексом, благодаря контролю парламента над деньгами и наличию у него магазинов в Халле и Тауэре, были вооружены более единообразно и более полно. У его мушкетеров были шпаги, у пикинеров, составлявших треть каждого пешего полка, - корсели, у всадников - пистолеты и защитные доспехи. В обеих армиях офицеры состояли в основном из джентльменов, не имевших ни военного образования, ни опыта войны, вперемешку с некоторым количеством солдат удачи, служивших в армиях Франции, Голландии или Швеции. В пеших полках майор или подполковник обычно был старым солдатом, в конных - лейтенантом. "Большая часть наших конников воспитывалась таким образом", - говорит роялистский драматург: "Честный деревенский джентльмен воспитывает отряд за свой счет, затем нанимает лейтенанта из низкого захолустья, чтобы тот сражался за него, а затем посылает за своим сыном из школы, чтобы тот стал корнетом".

ПРИНЦ РУПЕРТ, К.Г.

(С картины сэра Питера Лели, хранящейся в Национальной портретной галерее).

С обеих сторон генералы обладали подготовкой, которой не хватало их солдатам. Эссекс с честью сражался в Пфальце и Голландии; Бальфур, возглавлявший его кавалерию, много лет прослужил в голландской армии. Главнокомандующий короля, граф Линдсей, был еще одним голландским офицером, а принц Руперт успел немного повоевать под командованием принца Оранского и пройти одну неудачную кампанию в Германии. Тем не менее, несмотря на отсутствие опыта у Руперта, король дал ему под командование всех своих лошадей в качестве независимого командира и при организации сражения следовал его советам, а не советам Линдсея. У Карла было одно большое преимущество, которое уравнивало

превосходство в вооружении парламентских войск. Его кавалерия превосходила их как по количеству, так и по качеству. У него было четыре тысячи лошадей против трех тысяч у Эссекса, и его воины были окрылены уверенностью в себе после легкой победы в стычке под Вустером. Руперт решил использовать это преимущество в полной мере. Сосредоточив основную массу кавалерии на правом фланге под своим командованием, он сметал с поля боя противостоящих ему конников, разбил четыре пеших полка Эссекса, разграбил лагерь Эссекса в Кинетоне и преследовал беглецов на протяжении нескольких миль. Уилмот с левой кавалерией атаковал с таким же успехом, и даже резервы присоединились к погоне. Тем временем Эссекс и те из его пеших полков, кто устоял, атаковали роялистскую пехоту фронт к фронту, а Бальфур с двумя полками кавалерии, составлявшими парламентский резерв, обрушился на их незащищенные фланги. Граф Линдсей был смертельно ранен и взят в плен, штандарт короля был захвачен и возвращен, несколько полков были разрублены на части, а два только удержали свои позиции. Когда Руперт вернулся из погони, его кавалерия была слишком расстроена, чтобы ее можно было вызвать в атаку, но их прибытие спасло королевскую пехоту от дальнейшего нападения, и ночью сомнительная битва была завершена. Перед рассветом к Эссексу присоединился Хэмпден с двумя свежими пешими и десятью конными полками и призвал его наступать и вытеснить короля с его позиций. Эссекс, обескураженный неправильным поведением своей кавалерии и тяжелыми потерями, не захотел рисковать и отступил к Уорику. Все плоды победы достались королю, и, захватив без боя замок Банбери, он продолжил свой поход на Оксфорд и сделал этот город своей штаб-квартирой на оставшуюся часть войны (29 октября).

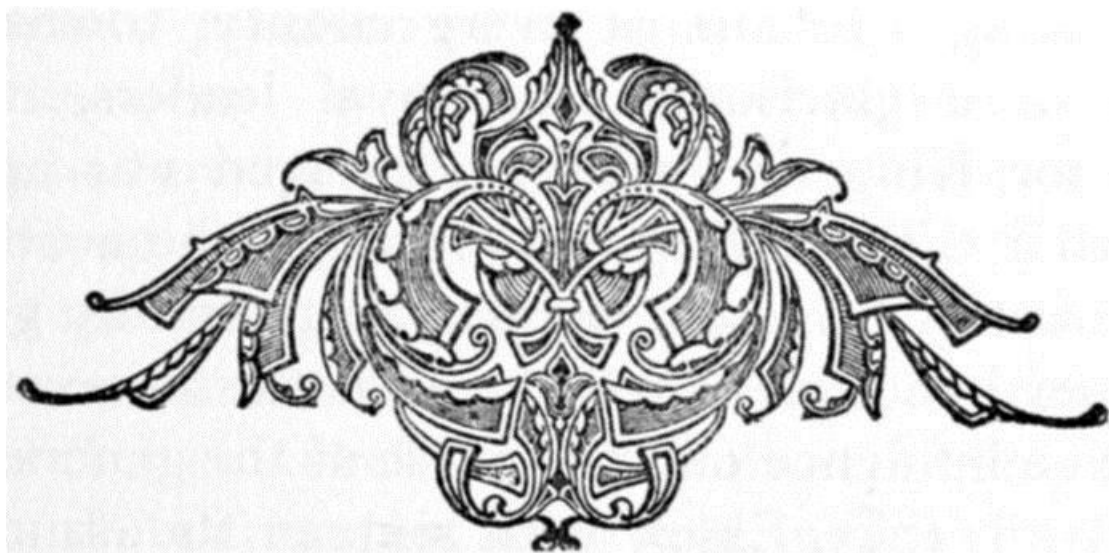
В начале ноября Карл возобновил наступление на Лондон. По мере приближения к нему Рединг был оставлен, но к этому времени Эссекс разместил свою армию между королем и столицей, и для паники, охватившей горожан, не было никаких оснований. В парламенте партия мира на мгновение одержала верх и отправила уполномоченных для начала переговоров. Карл выразил готовность к переговорам, но ничего не сказал о приостановке военных действий и продолжал наступать. По его приказу 12 ноября Руперт, воспользовавшись туманом, скрывавшим его передвижения, обрушился на аванпосты Эссекса у Brentford и разрубил на части два полка Холлеса и Брука. Хэмпден пришел им на помощь и прикрыл отступление оставшихся в живых, но Brentford был основательно разграблен роялистами. Сити ожидала та же участь, и, по словам Кларендона, "аларум донесся до Лондона с таким же ужасным криком, как если бы армия вошла в их ворота". Переговоры были прерваны с громкими обвинениями короля в предательстве. Железнодорожные оркестры бросились к оружию, и всю ночь полки шли из Сити на подкрепление Эссексу. На следующий день Карл обнаружил, что двадцать тысяч человек преградили ему путь у Тернхэм-Грин, а еще три тысячи заняли Кингстон и угрожали его линии отступления. Произошел обмен пушечными выстрелами, но король был слишком слаб, чтобы атаковать, а Эссекс слишком осторожен. Хэмпден снова призвал его к действию, и на мгновение показалось, что он склонен перейти в наступление. У него было два человека против одного у короля, а его солдаты-граждане жаждали сражаться и приветствовали "Старого Робина" всякий раз, когда он появлялся среди них. Но, как и после Эджхилла, "старые солдаты удачи, на чье мнение генерал больше всего полагался", были против сражения, и он отозвал Хэмпдена, эвакуировал Кингстон и позволил Карлу беспрепятственно отвести свои войска. Поход на Лондон был остановлен, по крайней мере, на этот год; магазины его жителей были в безопасности, и ни "капитан, ни полковник, ни рыцарь под оружием" не угрожали "беззащитным дверям" пуританских поэтов. Чарльз удалился в Оксфорд, парламентская армия встала на зимние позиции, и кампания закончилась так же нерешительно, как и Эджхилл. Имея более многочисленную и лучше оснащенную армию и располагая большими финансовыми ресурсами, Эссекс все время

позволял королю брать инициативу в свои руки и пренебрегал всеми возможностями, которые предоставляла ему судьба. Карл же, как только собрал армию, принял последовательный стратегический план и следовал ему с энергией и даже дерзостью. Его аванпосты теперь находились в тридцати милях от Лондона, и по всей Англии его сторонники завоевывали позиции и обретали сердца.

С сентября Кромвель служил под началом Эссекса, и эта неудачная кампания стала его единственной тренировкой в военном искусстве. При Эджхилле его войска входили в состав полка под командованием сэра Филипа Стэплтона, одного из двух полков, которые так блестяще проявили себя в тот день. В более поздние годы партийные памфлетисты с удовольствием утверждали, что он даже не присутствовал в битве, но в одном из современных отчетов капитан Кромвель специально упоминается в списке офицеров, которые "никогда не отходили от своих войск, а сражались до последней минуты". По крайней мере, один урок он усвоил в Эджхилле: необходимость держать под рукой резерв и важность энергичного его использования. Другой урок, который преподало ему сражение, заключался в том, что оружие парламента никогда не будет победоносным, пока его кавалерия не сравняется по качеству с королевской. Некоторые из пеших полков Эссекса были превосходны, но ряды его кавалерии были заполнены людьми, которых привлекало только высокое жалованье и возможность грабежа - людьми, которые не были ни солдатами, ни хорошим материалом для создания солдат. Последствия оказались такими, каких и следовало ожидать. "Когда я впервые вышел на бой, - говорил Кромвель, - я увидел, что наших людей бьют со всех сторон". Поэтому он поговорил со своим кузеном Хэмпденом и попросил его организовать формирование нескольких новых полков для пополнения армии Эссекса.

"Я сказал ему, что буду полезен ему, если приведу таких людей, которые, по моему мнению, обладают духом, способным принести пользу в этом деле. "Ваши войска, - сказал я, - в большинстве своем состоят из старых обветшалых служивых, чечеточников и тому подобных людей; неужели вы думаете, что дух таких низменных, подлых парней когда-нибудь сможет противостоять джентльменам, в которых есть честь, мужество и решимость? Вы должны набрать людей такого духа, чтобы они могли зайти так далеко, как заходят джентльмены, иначе вас все равно побьют".

Хэмпден ответил, что идея хорошая, но неосуществимая. Невыполнимо - это не слово, которое Кромвель понимал. Он получил отпуск для себя и своего отряда и в январе 1643 года отправился в восточные графства, "чтобы поднять таких людей, которые имели страх Божий перед собой и испытывали некоторую совесть за то, что они сделали".

ГЛАВА V

КРОМВЕЛЬ В ВОСТОЧНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

1643

К началу кампании 1643 года силы роялистов значительно возросли, а к ее завершению преимущество перешло к королю. Почти в каждом графстве города и замки были укреплены гарнизонами, а соперничающие лидеры, собирая войска для короля или парламента, вели войну друг с другом с переменным успехом. На севере и на западе Англии роялисты быстро одержали верх, и эти локальные успехи оказали решающее влияние на ход общей войны.

В апреле 1643 года Эссекс с шестнадцатью тысячами пеших и тремя тысячами конных продвинулся к Оксфорду и захватил Рединг (27 апреля). Хэмпден призвал его воспользоваться этим преимуществом и осадить Оксфорд, который был слабо укреплен и плохо снабжался. Но армия Эссекса взбунтовалась из-за нехватки жалованья и была ослаблена сильной болезнью, которая разразилась в его лагере после падения Рединга. Он возобновил движение на Оксфорд только в июне, а тем временем король получил мощное подкрепление. С уменьшившимися силами Эссекс не смог взять Оксфорд, а в небольших столкновениях, которые произошли вокруг него, его войска в целом потерпели поражение. На Чалгровом поле 18 июня Хэмпден был смертельно ранен, и его смерть неделю спустя стала для его партии таким же тяжелым ударом, как и проигрыш сражения. "Каждый честный человек, - писал один из сослуживцев, - причастен к этой утрате и будет также скорбеть. Он был галантным человеком, честным человеком, способным человеком, и, если взять все, я не знаю ни одного второго живого человека". За свою короткую военную карьеру он проявил

энергию, решительность и стратегическое чутье, которые, казалось, выделяли его как будущего генерала.

После смерти Хэмпдена Эссекс отступил от Оксфорда и оставался в бездействии, позволив королю соединиться с роялистами на севере и западе. На севере маркиз Ньюкасл захватил большую часть Йоркшира и запер лорда Фэрфакса и его сына сэра Томаса в Вест-Райдинге. 30 июня он разбил обоих Фэрфаксов у Адвальтон-Мура, недалеко от Брэдфорда, и заставил их укрыться в Халле - единственной крепости, которую парламент теперь удерживал в Йоркшире. Королева высадилась в Бридлингтоне в феврале, и эти успехи позволили ей отправиться на юг и присоединиться к Чарльзу в Оксфорде с оружием, боеприпасами и подкреплениями.

На западе в тот же период небольшая армия корнуоллцев под командованием сэра Ральфа Хоптона одерживала победу за победой над парламентариями. В Брэдок-Дауне 19 января 1643 года Хоптон разбил генерала Рутвена; в Страттоне 16 мая он победил лорда Стэмфорда. Затем, присоединившись к принцу Морису и маркизу Хартфорду, он продвинулся в Сомерсетшир и 5 июля сразился в затяжном бою с сэром Уильямом Уоллером при Лэнсдауне, недалеко от Бата. Преследуемый Уоллером, Хоптон продолжил свой поход к Оксфорду и был заблокирован преследователем в Девизе со своей пехотой. Но отступление Эссекса дало королю возможность беспрепятственно двигаться и оставило Уоллера без поддержки. 13 июля, в тот самый день, когда королева достигла Оксфорда, Уилмот с конным отрядом, посланным из Оксфорда, разгромил армию Уоллера у Раундвей Даун и спас тяжело нагруженную армию Хоптона.

Таким образом, к концу июля роялисты стали хозяевами положения, и Карл смог перейти в наступление. По первоначальному плану короля, он должен был сдерживать Эссекс, в то время как Ньюкасл продвигался с севера в Эссекс, а Хоптон пробирался через южные графства к Кенту. Затем все трое должны были вплотную подойти к Лондону и разгромить мятеж в его штаб-квартире. Но теперь армия Ньюкасла отказывалась идти на юг, пока не захвачен Халл, а западная армия не решалась продвигаться дальше, пока не взят Плимут. Местные чувства были слишком сильны, чтобы ими можно было пренебречь, и Чарльз был вынужден завершить покорение запада вместо того, чтобы наступать на Лондон.

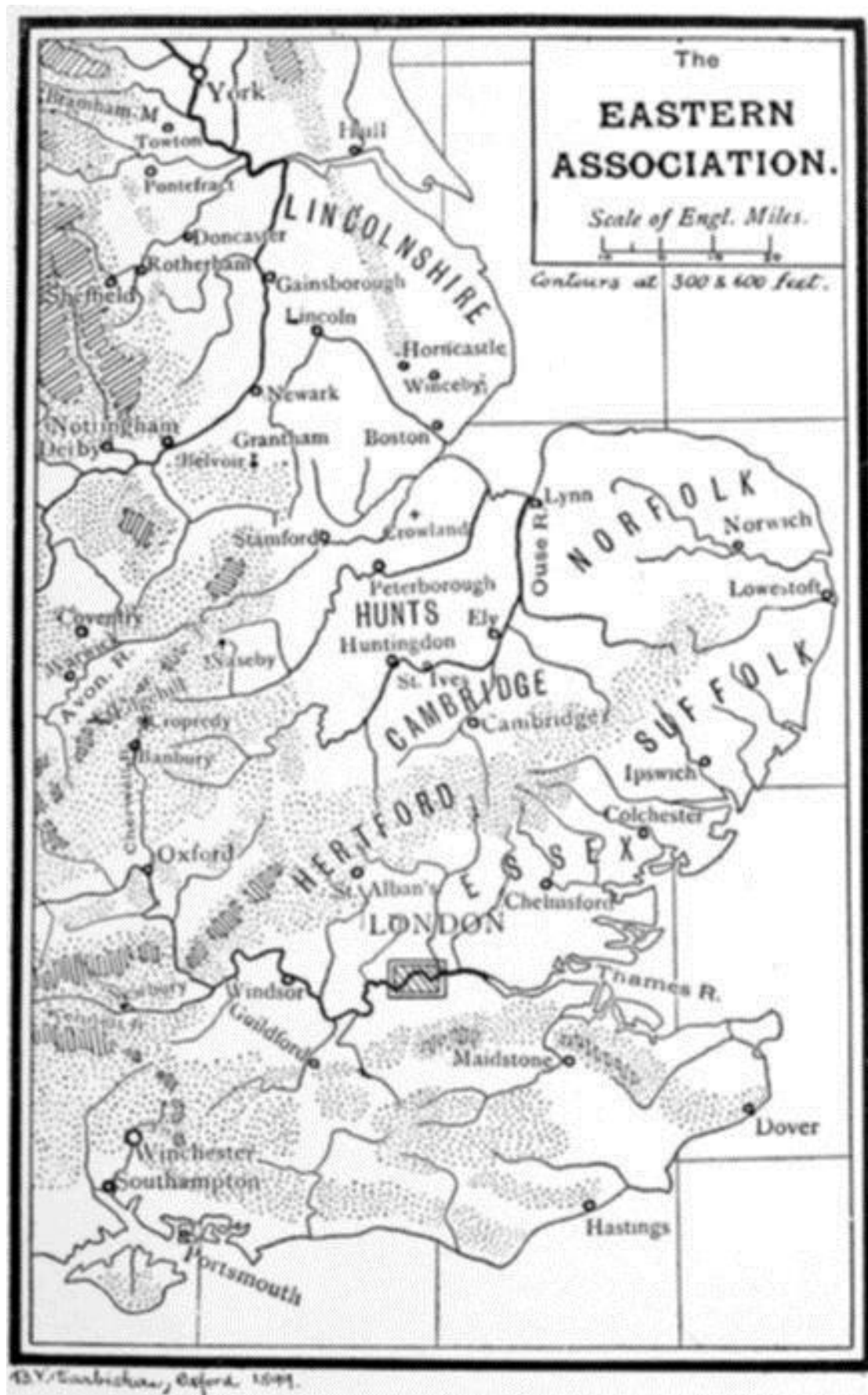
ДЖОН ХАМПДЕН.

(Из книги Ньюджента "Жизнь Хэмпдена").

26 июля Бристоль, второй порт королевства, сдался принцу Руперту. Глостер был осажден 10 августа, и хотя полковник Масси энергично защищал его, казалось, что он непременно падет, так как у парламента не было армии для его освобождения. "Уоллер, - ликовали роялисты, - вымер, и Эссекс не может прийти". Пим и парламент снова обратились к Сити, и Лондон откликнулся с рвением, которое не смогли охладить никакие бедствия. Горожане закрыли свои лавки, шесть полков лондонского обоза присоединились к разбитой армии Эссекса, и с пятнадцатью тысячами человек за спиной граф двинулся к Глостеру. Тщетно Руперт и конные короля пытались задержать его продвижение; при его приближении осаждающие отвели свои силы без боя, и Глостер был спасен.

Когда парламентарии возвращались в Лондон, король преградил им путь у Ньюбери и заставил прорубить себе дорогу или погибнуть (20 сентября). На этот раз парламентская конница сражалась хорошо, но именно стойкость и мужество пехоты Эссекса сохранили армию. Лондонские железнодорожные оркестры, над которыми насмехались кавалеры, "стояли как оплот и таран для защиты остальных" и принимали один за другим удары коней Руперта своими пиками так же уверенно, как если бы они занимались строевой подготовкой на своем плацу. Долгие тренировки в военных упражнениях придали им "готовность, порядок и ловкость в обращении с оружием", что компенсировало их неопытность в реальной войне. Шаг за шагом парламентская армия отвоевывала позиции, пока король из-за нехватки боеприпасов не был вынужден отступить и оставить проход свободным. Эссекс с триумфом вернулся в Лондон. Глостер был в безопасности, и его армия была в безопасности, но Рединг, единственный трофей его годичной борьбы, был снова оставлен роялистами.

1643 год завершился для парламента мрачно. За исключением Глостера, Плимута и нескольких портов в Дорсетшире, весь запад принадлежал королю; север был его, за исключением Халла и Ланкашира, а в средней полосе парламентарии удерживали свои позиции с трудом. Только в восточных графствах парламент набрал силу и территорию, и этим единичным успехом он был обязан Кромвелю больше, чем кому-либо другому. В конце 1642 года парламент принял ордонанс, объединяющий пять графств - Норфолк, Саффолк, Эссекс, Кембридж и Хартфордшир - в целях общей обороны (10 декабря 1642 года). Восточная ассоциация, как ее называли, была завершена присоединением Хантингдоншира (26 мая 1643 года) и, наконец, Линкольншира (20 сентября 1643 года). Кембридж стал его штаб-квартирой, а Кромвель с самого начала был его руководящим духом. Во время своего марша из Лондона в январе 1643 года Кромвель схватил роялистского верховного шерифа Хартфордшира, когда тот провозглашал на рыночной площади Сент-Олбанса приказ короля о наборе войск, и отправил его в Лондон (14 января). В феврале он был в Кембридже, занятый укреплением города и сбором людей, чтобы противостоять угрожающему нападению лорда Кейпела. В марте он подавил восстание роялистов в Лоустофте, взяв в плен множество джентльменов и "хороший запас пистолетов и другого оружия". Через несколько дней он разоружил роялистов Линна; в апреле та же участь постигла роялистов Хантингдоншира, а 28 апреля он захватил Кроулэнд, где партия короля установила гарнизон. Всякий раз, когда роялистские рейдеры совершали набег на Ассоциацию или недовольные дворяне пытались поднять восстание, полковник Кромвель и его люди быстро подавляли их. "Счастливы, - писал он, - вовремя противостоять таким начинаниям", и ему это никогда не удавалось.

Тем временем идея, которую Хэмпден считал неосуществимой, быстро становилась фактом. Один отряд Кромвеля из восьмидесяти лошадей стал ядром полка. К марту 1643 года у него было пять отрядов, а к сентябрю - десять. Когда была сформирована армия нового образца,

его полк превратился в двойной полк из четырнадцати полных отрядов, насчитывавших около одиннадцати сотен кавалеров. Прежде всего это были люди того же духа, что и их полковник. Его первоначальный отряд был тщательно подобран. "Он особенно старался, - пишет Бакстер, - чтобы в его отряд попадали религиозные люди; эти люди были более понятливы, чем обычные солдаты... и, сделав своей целью не деньги, а то, что они принимали за общественное благо, они были тем более готовы быть доблестными". Новые пополнения были того же качества. "Молитесь о воспитании честных, благочестивых людей, и я возьму их в свой полк", - пообещал Кромвель городу Норвичу. "Мои войска увеличиваются, - сказал он другу несколько недель спустя, - у меня прекрасная рота; ты бы уважал их, если бы знал их; они не анабаптисты, они честные, трезвые христиане".

Офицеры были выбраны по тому же принципу. "Если вы выберете благочестивых, честных людей в качестве капитанов лошадей, за ними пойдут честные люди; и они будут стараться оседлать таких", - писал Кромвель комитету из Саффолка. Когда он мог получить джентльменов, он предпочитал их, но благочестие и рвение к делу были главными условиями.

"Я предпочел бы иметь, - говорил он, - простого капитана в русской куртке, который знает, за что сражается, и любит то, что знает, чем того, кого вы называете "джентльменом", но который ничем иным не является. Я почитаю джентльмена, который действительно так себя ведет. Может быть, это провоцирует некоторых духов, когда такие простые люди становятся капитанами лошадей. Было бы хорошо, если бы на эти должности шли люди почтенные и родовитые, но почему они не появляются? Но раз это необходимо, значит, работа должна продолжаться, и лучше простые люди, чем никакие".

В первую очередь наблюдателей поразила жесткая дисциплина, которую Кромвель насаждал не только в своем полку, но и во всех подчиненных ему людях. Не допускалось никаких грабежей, сообщала одна из газет; "никто не клянется, пока не заплатит свои двенадцать пенсов; если он пьян, его сажают в колодки или еще хуже". Какое счастье было бы, если бы все войска были так дисциплинированы!" Следующим примечательным фактом было то, что они были лучше вооружены, чем другие полки, а также лучше дисциплинированы. Кроме меча, у каждого солдата была пара пистолетов, но не карабины или другое огнестрельное оружие. В качестве защитного вооружения у них был лишь легкий шлем или "котелок", а также железные "спина и грудь". Таким образом, будучи достаточно защищенными, они были легче и активнее полностью экипированных кюирасиров, и, будучи достаточно вооруженными, у них не было соблазна перенимать тактику конной пехоты или драгун. Более того, с самого начала людей Кромвеля учили атаковать дома, полагаться на силу удара и остроту своих мечей. Они были хорошо одеты, и многие из них владели лошадьми, на которых ехали, будучи, как говорит Уайтлок, "фригольдерами или сыновьями фригольдеров, которые по соображениям совести участвовали в этой ссоре". Другие были предоставлены из конюшен роялистов, а одно из писем Кромвеля - это защита офицера, который захватил лошадей "Малиньянов", чтобы укомплектовать свой отряд. Будучи сам большим любителем лошадей и оружия, полковник Кромвель заставлял своих людей содержать и то, и другое в хорошем состоянии. "Кромвель, - пишет один из роялистов, - ежедневно заставлял их ухаживать за лошадьми, кормить и одевать их, а когда это было необходимо, ложиться вместе на землю; кроме того, он учил их чистить и содержать в порядке свое оружие, чтобы оно было готово к службе". Люди такого духа, вооруженные, конные, обученные и дисциплинированные с особой тщательностью, вскоре доказали свое превосходство как над войсками короля, так и над войсками Эссекса и Уоллера.

"Это различие, - говорит Кларендон, - было замечено вскоре после начала войны: хотя войска короля одерживали верх в атаке и разбивали тех, кого они атаковали, они никогда не восстанавливали свой порядок, и их нельзя было заставить повторить атаку в тот же день, тогда как войска Кромвеля, если они одерживали верх, или хотя они были побиты и разбиты, сразу же снова поднимались и стояли в хорошем порядке до получения новых приказов".

В мае 1643 года Эссекс приказал войскам восточных графств и восточных мидлендов объединиться в , чтобы освободить Линкольншир, а по возможности проникнуть в Йоркшир и помочь Фэрфаксам. Кромвель с готовностью взялся за выполнение приказа, но сначала один, а затем и другой местный военачальник отказался оставить без защиты свой населенный пункт. "Лучше пусть Лестера не будет, - сказал Кромвель, - чем мы не найдем возможности немедленно занять поле боя нашими силами для достижения общих целей". Он сам отправился в Линкольншир и 13 мая у Грэнтэма разбил роялистские войска, вдвое превосходившие его по численности. Роялисты потерпели поражение в основном благодаря своей неэффективной тактике. У их командира был двадцать один отряд и несколько драгун против двенадцати у Кромвеля, но он ни разу не попытался атаковать. Два конных корпуса стояли на расстоянии мушкетного выстрела друг от друга, а их драгуны обменивались выстрелами около получаса.

"Затем, - говорится в депеше Кромвеля, - они не продвигались к нам, и мы решили атаковать их... Мы двинулись с нашими войсками довольно резвой рысью, они стояли твердо, чтобы принять нас: и наши люди яростно атаковали их, по Божьему провидению они были немедленно разбиты и побежали все прочь, и мы преследовали их две или три мили".

Десять дней спустя Кромвель достиг Ноттингема и соединился с войсками Линкольншира и Дербишира, но при всем своем рвении он не смог продвинуться дальше. Три командира поссорились, а один из них, капитан Джон Хотэм, вел тайную переписку с роялистами. К трудностям Кромвеля добавлялось то, что некоторые из его солдат не получали жалованья и бунтовали, хотя он срочно писал ему о необходимости денег. Эта проблема постоянно повторялась в его письмах на протяжении всей кампании, потому что части Ассоциации постоянно задерживали оплату набранных ими людей.

"Не кладите слишком много, - обращался он к одному неплательщику, - на спину бедного джентльмена, который желает без лишнего шума положить свою жизнь и пролить кровь до последней капли, чтобы служить делу и вам. Я не прошу у вас денег для себя; если бы это было моей целью и надеждой - жалованье за мое место, - я бы сейчас и рта не раскрыл. Я хочу отказать себе, но другие не будут удовлетворены".

До конца июня Кромвель оставался в Ноттингеме, разбивая в стычках гарнизон Ньюарка и надеясь хоть как-то воспрепятствовать походу королевы на юг, но его соратники покинули его, и он был вынужден отступить в Ассоциацию и оставить Фэрфаксов на разгром у Адвальтон-Мура.

Наступил опасный для Ассоциации час. Поддержанные армией Ньюкасла, роялисты соседних графств начали насаждать на ее границы. Одна партия угрожала Питерборо и держала гарнизон Берли-Хаус близ Стэмфорда. Другая осадила лорда Уиллоуби, командующего парламентариями Линкольншира, в Гейнсборо. Кромвель подоспел на помощь со свойственной ему быстротой, 24 июля захватил Берли-Хаус и его гарнизон и, собрав все силы, которые смог собрать в Ноттингемшире и Линкольншире, поспешил на выручку Гейнсборо. Полковник Кавендиш столкнулся с ним с конным корпусом роялистов, размещенным на краю песчаного плато за городом, и людям Кромвеля пришлось взобраться

на него, прежде чем они смогли атаковать. Не успев полностью сформироваться, роялистские конники двинулись вперед, но Кромвель не стал ждать, пока они примут атаку.

"В таком порядке, в каком мы были, - говорит он, - мы атаковали их огромное тело. Мы подошли верхом на лошадь, где довольно долго спорили с ними на мечах и пистолетах, соблюдая строгий порядок, чтобы один не мог сломить другого. Наконец они немного дрогнули, и наши люди, заметив это, набросились на них и тут же разгромили все тело".

Часть парламентариев преследовала их пять или шесть миль, но Кромвель остановил три отряда своего полка, как только смог, и хорошо, что он это сделал, потому что тем временем Кавендиш и его резерв обошли войска Линкольна, составлявшие вторую линию парламентариев, и горячо преследовали их, когда Кромвель со своими тремя отрядами обрушился на их тыл и загнал их с холма в болото. Кавендиш был убит лейтенантом Кромвеля, а его полк рассеян по ветру. В осажденный город подвезли порох и провизию, а отряд парламентариев активно атаковал роялистов, обнаруженных на другом берегу Гейнсборо, когда прибыла армия Ньюкасла, пятьдесят пеших рот "и большое количество лошадей". Сражаться было безнадежно. Парламентариям ничего не оставалось, как отступить, если удастся. Пешие отступили с некоторым замешательством и укрылись в городе; конные, под командованием Кромвеля, были выведены в хорошем порядке с позиции на позицию. Четыре отряда его полка под командованием майора Уолли и четыре отряда Линкольна под командованием капитана Эйскоу, попеременно отступая и сталкиваясь с противником, прикрывали отход.

"Они с этой горсткой столкнулись с врагом и смели его до зубов, по крайней мере, в восьми или девяти удалениях, враг следовал за ними по пятам; и они, хотя их лошади были сильно утомлены, отступали в порядке под карабинным огнем врага, который таким образом следовал за ними, стреляя по ним; полковник Кромвель собрал основное тело и столкнулся с ним позади этих двух меньших тел".

В таком порядке он без потерь отступил к Линкольну.

Без более значительных сил оттеснить Ньюкасл было невозможно, и, объявляя о своей победе, Кромвель обратился за подкреплением.

"Бог следует за нами с ободрениями..... Они приходят вовремя; как будто Бог должен сказать: "Вставай и действуй, а я буду рядом и помогу тебе". Нет ничего, чего можно было бы опасаться, кроме нашего собственного греха и лени..... Если бы я мог сказать слова, чтобы пронзить ваши сердца пониманием нашего и вашего положения, я бы это сделал".

Две тысячи футов должны быть собраны немедленно, если они хотят спасти Гейнсборо. "Если этого не сделать, то вы увидите, как армия Ньюкасла ворвется в ваши недра, находясь сейчас по эту сторону Трента. Я знаю, что будет трудно собрать столько в столь короткий срок: но позвольте заверить вас, что это необходимо и поэтому должно быть сделано".

Парламент осознал всю неотвратимость опасности. В день победы Кромвеля при Гейнсборо он назначил его губернатором острова Эли. Неделью спустя он получил особую благодарность палаты за свои "верные старания для Бога и королевства", и ему было выделено три тысячи фунтов на содержание войск. 10 августа был принят ордонанс, уполномочивающий Объединенные графства собрать десять тысяч пеших и пять тысяч конных под командованием графа Манчестера. Однако казалось, что восточные графства будут захвачены до того, как удастся собрать новую армию. Гейнсборо был взят, Линкольн оставлен, весь Линкольншир, кроме Бостона, перешел во власть роялистов. В Норфолке

Линн поднял королевский штандарт. Однако Ньюкасл с основной частью своих сил повернул назад, чтобы осадить Халл, и пока Манчестер со всеми пешими войсками, которые он смог собрать, осаждал Линн, Кромвель со своей кавалерией совершил смелый марш в Линкольншир. У сэра Томаса Фэрфакса, запертого в Халле вместе с отцом, был с собой двадцать один конный отряд, бесполезный для обороны города, но способный изменить ход кампании, если его добавить к силам Кромвеля. Фэрфакс переправил их на лодках вниз по Хамберу до Солтфлита в Линкольншире, избежав таким образом попыток кавалерии Ньюкасла перехватить его, и соединился с Кромвелем. Затем оба присоединились к Манчестеру, который к тому времени захватил Линн, и в октябре объединенная армия приступила к отвоеванию Линкольншира.

Кавалеры Линкольншира и часть кавалерии Ньюкасла во главе с лордом Уиддрингтоном и сэром Джоном Хендерсоном сразились с ними при Уинсби 11 октября. Во главе фургона шел Кромвель, его поддерживал сэр Томас Фэрфакс.

"Сразу же после того, как их драгуны дали первый залп, - говорится в одном из парламентских отчетов, - полковник Кромвель с храбростью обрушился на врага; однако они были так проворны, что за полпистолетного выстрела дали еще один; его лошадь была убита под ним во время первой атаки и упала на него; когда он поднялся, его снова сбил с ног джентльмен, который его атаковал; но после этого он вернул бедную лошадь в руки солдата и храбро взобрался на себя. Воистину, этот первый удар был нанесен с такой силой и выполнен нашими войсками с таким восхитительным мужеством и решимостью, что враг не выдержал и не остановился, а был отброшен назад на свое собственное тело, которое должно было поддержать его, и в конце концов привел их в явное расстройство, и таким образом менее чем за полчаса боя все они были полностью разгромлены".

Тридцать пять цветов и около тысячи пленных стали трофеями победителей; Линкольн и Гейнсборо попали в их руки через несколько недель. Более того, в день победы при Уинсби лорд Фэрфакс выступил из Халла, выбил Ньюкасла из его окопов и заставил его в беспорядке снять осаду. Таким образом, Ассоциация была защищена от вторжения, Линкольншир завоеван, а парламент удерживает Йоркшир.

Так завершилась вторая кампания Кромвеля. Он продемонстрировал редкое среди мужественных рыцарей и оруженосцев, которые "скакали колонизаторами", умение обращаться с кавалерией. Он сдержал обещание, данное Хэмпдену, - воспитал людей с таким духом, что они никогда не поворачивались спиной к врагу, и дисциплинировал их так, что они были примером для всех войск парламента в лагере или в бою. О всеобщем признании его великих заслуг свидетельствуют два факта. 16 февраля 1644 года парламент назначил новый комитет по управлению войной, названный, поскольку в него вошли представители Шотландии, Комитетом обоих королевств. Кромвель не был членом Комитета безопасности, назначенного на момент начала войны, но он с самого начала был членом этого нового комитета. Вторым фактом стало назначение Кромвеля генерал-лейтенантом армии Восточной ассоциации. С момента создания армии он был практически вторым помощником Манчестера, и 22 января 1644 года он получил свою должность. Это назначение имело важные результаты, как политические, так и военные. Сам Манчестер, "милый, кроткий человек", - говорит пресвитерианин Бейли, - "позволил своему генерал-лейтенанту руководить всей армией по своему усмотрению". О Кромвеле он добавляет: "человек очень мудрый и деятельный, всеми любимый как религиозный и стойкий; будучи известным независимым, большинство солдат, любивших новые пути, отдали себя под его командование". Так влияние Кромвеля распространилось на всю армию Восточной

ассоциации, а офицеры и солдаты прониклись духом его полка. К марту 1644 года армия Манчестера насчитывала пятнадцать тысяч человек.

ЭДВАРД МОНТЕГЮ, ГРАФ МАНЧЕСТЕР.

(Из книги Берча "Головы выдающихся личностей").

"Его армия не только грозна числом, но и точна в дисциплине; и чтобы все они были единодушны в религии, как и решительны на поле боя, он суровым оком следил за манерами всех своих офицеров и увольнял тех, кого находил хоть сколько-нибудь нерегулярными в жизни или недоброжелательными к делу".

ГЕРБ КРОМВЕЛЯ.

ГЛАВА VI

МАРСТОН МУР

1644

Пока еще ни одна из сторон не одержала решительного перевеса, хотя казалось, что перевес на стороне парламента. Поэтому обе партии искали союзников за пределами Англии: одна - чтобы закрепить свой успех, другая - чтобы вернуть утраченное. Король обратился к Ирландии и к тамошней армии, которая при слабой поддержке парламента пыталась подавить восстание. 15 сентября 1643 года Ормонд, лорд-лейтенант, заключил с мятежниками соглашение о прекращении огня и в течение последующих месяцев смог отправить на помощь королю несколько полков опытных солдат. Английские пуритане обратились к своим братьям в Шотландии; в сентябре Торжественная лига и ковенант обязались объединить две нации для реформации религии в соответствии со Словом Божьим и примером лучших реформированных церквей; в ноябре шотландский парламент согласился отправить двадцать одну тысячу человек на помощь английским парламентариям. В январе 1644 года Александр Лесли, ныне граф Левен, переправился через Твид с обещанной армией.

Кампания 1644 года началась для короля неудачно. В январе сэр Томас Фэрфакс разбил лорда Байрона и ирландские войска короля при Нантвиче. В марте Уоллер разбил Хоптона при Черитоне в Гемпшире и сорвал его намерение продвинуться в Сассекс. В апреле Ньюкасл, после тщетных попыток воспрепятствовать продвижению Лесли в Дареме, был вынужден броситься в Йорк, где Лесли и Фэрфаксы осадили его армию. В мае войска Уоллера и Эссекса двинулись на Оксфорд. Роялисты эвакуировали Рединг и Абингдон, и Чарльз, опасаясь блокады Оксфорда, оставил город на защиту его гарнизона и с примерно шестью тысячами человек бежал в Вустер. Но Эссекс, вместо того чтобы преследовать и разбить слабую армию короля, как ему следовало бы сделать, передал эту задачу Уоллеру, а сам отправился восстанавливать юго-западные графства и освободить Лайм.

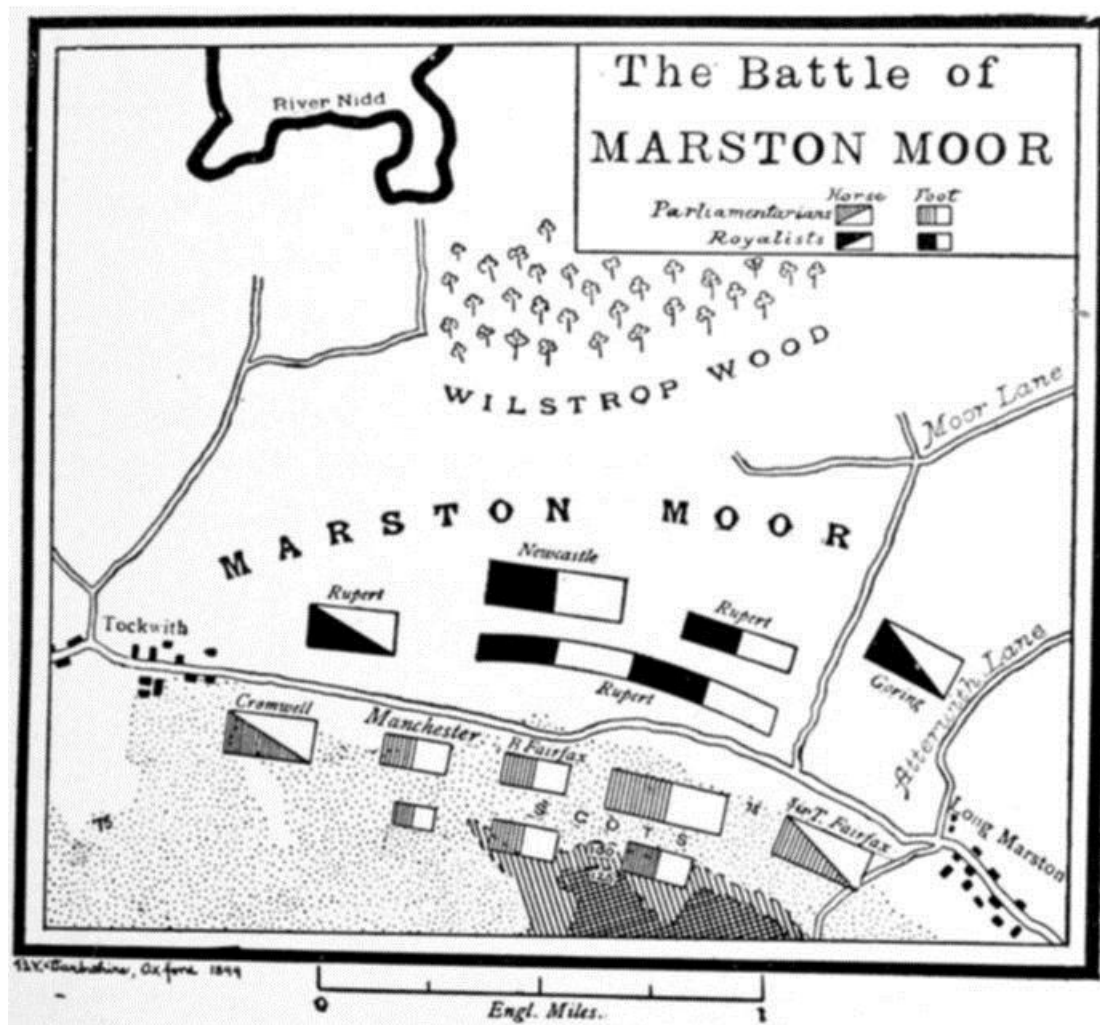
В апреле, пока Уоллер и Эссекс готовились к походу на Оксфорд, армия Восточной ассоциации под командованием Манчестера вышла на поле боя. Первым делом ей предстояло отвоевать Линкольншир - спорную землю между севером и востоком, - поскольку поражение Руперта от осаждавших Ньюарк в марте 1644 года вновь отдало Линкольншир в руки роялистов. 6 мая армия Манчестера отвоевала Линкольн, а в начале июня он присоединился к двум армиям, осаждавшим Йорк, с девятью тысячами человек. Из этих девяти тысяч три тысячи были кавалерией под командованием Кромвеля. Йорк упорно сопротивлялся; было взято несколько отделенных фортов и сожжены пригороды, но попытка штурма была кроваво отбита. В конце июня пришло известие, что принц Руперт с пятнадцатью тысячами человек перешел через холмы из Ланкашира и движется на помощь

городу. Три генерала, Левен, Фэрфакс и Манчестер, сняли осаду, чтобы дать бой армии Руперта, но когда они собрали свои силы на южном берегу Оуза, Руперт переправился на северный берег и достиг Йорка, не нанеся ни одного удара. Утром 2 июля парламентские генералы, обнаружив, что их перехитрили, а возобновление осады стало невозможным, полностью отступили на юг, когда атаки Руперта на их арьергард заставили их остановиться и предложить сражение. Они расположили свою армию на возвышенности между Токвитом и Марстоном, с видом на открытое болото, на котором роялисты заняли свой пост. Между армиями, отмечая южную границу болота, проходила живая изгородь и ров, который Руперт обложил мушкетерами, а несколько подобных препятствий укрепили левый фланг роялистов. Армия Руперта, усиленная войсками Ньюкасла из Йорка, насчитывала около восемнадцати тысяч человек, а парламентариев - около двадцати семи тысяч, но роялисты имели преимущество в сильной оборонительной позиции и открытой местности, на которой их кавалерия могла свободно маневрировать.

В течение трех часов две армии стояли друг против друга в боевом порядке; прозвучало несколько пушечных выстрелов, но ни одна из них не продвинулась вперед. Круглоголовые перешли к пению псалмов, а роялистские генералы пришли к убеждению, что в этот день сражения не будет. Около пяти часов вся парламентская линия начала продвигаться вперед, и Кромвель с кавалерией, составлявшей его левое крыло, атаковал лорда Байрона и роялистов справа. Под командованием Кромвеля находились все конные и драгунские части Восточной ассоциации, половина полка шотландских драгун и три слабых полка шотландской кавалерии, составлявших его резерв, - всего не менее четырех тысяч человек, из которых тысяча была драгунами. Драгуны быстро вытеснили роялистских мушкетеров из рва и позволили кавалерии пройти через него. Кромвель возглавил движение и с первыми переправившимися войсками атаковал ближайший полк роялистов. Его собственному подразделению, как пишет современник, "пришлось нелегко, ведь на них наседали храбрейшие люди Руперта как спереди, так и с фланга". Но как только они смогли сформироваться, остальные войска первой линии Кромвеля бросились на поддержку своего лидера, вскоре передовые полки роялистов были разбиты, и, добиваясь победы, люди Кромвеля вступили в бой со второй линией.

В этой рукопашной схватке Кромвель был ранен в шею пистолетным выстрелом, выпущенным так близко к глазам, что наполовину ослепил его, но, хотя на короткое время и потерял трудоспособность, не покинул поле боя. Тем временем сам Руперт, ужинавший в тылу, когда началась атака, прискакал со свежим полком и, сплотив своих людей, отбросил войска Кромвеля. Это было лишь временное препятствие, поскольку Дэвид Лесли со второй линией Кромвеля обрушился на фланг Руперта, и роялистская кавалерия была безвозвратно разбита. Отправив легкие шотландские полки резерва в погоню за бегущими кавалерами, Кромвель и Лесли восстановили свои усталые эскадроны и остановились, чтобы узнать, как идет сражение на других участках поля. Вскоре до них дошли вести о катастрофе, и стало ясно, что сражение более чем наполовину проиграно для Парламента. Сэр Томас Фэрфакс, раненый и почти одинокий, пришел с известием, что лошади правого крыла под его командованием разбиты и обращены в бегство. Его собственный полк успешно атаковал и прорвался сквозь врага; те, кто должен был поддержать его, растерянные из-за зарослей и неровной земли, через которую им пришлось пройти, чтобы деблокироваться на болоте, были атакованы роялистами и полностью рассеяны. Пехоте парламентского центра пришлось не легче. Поначалу наступление было успешным на всем протяжении линии, было взято несколько орудий и пройден ров. Слева пехота Манчестера под командованием

генерал-майора Кроуфорда обошла противостоящую ей пехоту и продолжала наступать. В центре пешие войска лорда Фэрфакса и поддерживающие их шотландские полки, отбитые северянами в белых мундирах Ньюкасла и растоптанные их собственными летучими лошадьми, находились в полном бегстве. Справа основная масса шотландской пехоты была сильно потеснена; некоторые полки сдались, как и их собратья в центре, другие стойко держали оборону. Однако, когда центр парламентской линии был прорван, а кавалерия правого крыла вытеснена с поля боя, положение этих изолированных полков, подверженных атакам как спереди, так и с фланга, казалось безнадежным. Так думал и старый Левен, который, тщетно пытаясь собрать беглецов, признал день проигранным и галопом поскакал в Лидс. Лорд Фэйрфакс тоже был унесен с поля боя, но вернулся позже.

Пока победоносные кони Горинга преследовали беглецов или останавливались, чтобы разграбить багаж, сэр Чарльз Лукас с другой дивизией Горинга атаковал шотландскую пехоту. Полки Мейтланда и Линдсея, стоявшие в крайнем правом ряду, стояли как скалы и отбили три атаки своими пиками. Как и их предки при Флоддене, но с большей удачей,

"Упорные копьеносцы по-прежнему держались молодцом.

Их темный, непробиваемый лес,

Каждый наступал туда, где стоял его товарищ.

Как только тот падал".

Теперь помощь была под рукой. Пронесясь по болоту позади роялистского центра, Кромвель и Лесли со всеми своими силами пришли на помощь шотландцам. Вместе с ними шли Кроуфорд и три бригады манчестерских пехотинцев. Когда они продвигались вперед, конники Лукаса приостановили свою атаку, и люди Горинга вернулись от преследования и грабежа, чтобы встретить нового противника.

Теперь кавалерия Кромвеля заняла то самое место, где расположились люди Горинга, когда началось сражение, и встретила их в "том же самом невыгодном месте", где был повержен сэр Томас Фэрфакс. Схватка была короткой, но решительной, и когда последние эскадроны конных роялистов были разбиты, Кромвель перешел к сотрудничеству с Кроуфордом и шотландцами в атаке на роялистскую пехоту. Некоторые полки ветеранов Руперта успешно отступили к Йорку; белые кареты Ньюкасла попали на участок местности, огороженный, и дорого продали свои жизни; остальные рассеялись и бежали под покровом защищающей темноты. В битве пало около трех тысяч роялистов, а трофеями победителей стали шестнадцать пушек, сто цветов, шесть тысяч мушкетов и шестнадцать сотен пленных. Руперт оставил Йорк на произвол судьбы и вернулся в Ланкашир с шестью тысячами человек, а сам город сдался через две недели.

В депешах, которые три генерала направили в Комитет обоих королевств, они не рассказали о деталях сражения и не упомянули о заслугах Кромвеля. Частные письма были более откровенны. В одном из них он был назван "главным агентом в достижении победы". Некоторые говорили о нем как о "спасителе трех королевств", хотя Кромвель с некоторым гневом отвергал это звание. Друзья шотландской армии обесценивали его заслуги, приписывали то, чего добилась его кавалерия, Дэвиду Лесли и распространяли сообщения о том, что Кромвель не принимал никакого участия в сражении после своего первого удара.

Высказывания лидера роялистов как до, так и после битвы показали, что он более справедливо оценивал значение Кромвеля. "Кромвель там?" - спросил Руперт у пленного, взятого незадолго до битвы, и именно Руперт после сражения дал Кромвелю прозвище "Железнобокий" или "Железнобокий". По словам одного из современных биографов, это прозвище произошло "от непробиваемой силы его войск, которые ни в коем случае нельзя было сломить или разделить", а позже оно было распространено с предводителя на самих солдат.

Единственный рассказ Кромвеля о битве содержится в нескольких строках, написанных его шурину, полковнику Валентайну Уолтону.

"Англия, - сказал он, - и Церковь Божья получили великую милость от Господа в этой великой победе, данной нам, подобной которой не было с начала этой войны. Она имела все признаки абсолютной победы, одержанной благодаря благословию Господа в основном на стороне благочестивых. Мы ни разу не атаковали, но разгромили врага. Левое крыло, которым я командовал, состоявшее из наших собственных лошадей, за исключением нескольких шотландцев в нашем тылу, побито всех лошадей принца. Господь превратил их в стерню для наших мечей. Мы атаковали их пешие полки своими лошадьми и разгромили всех, кого атаковали. Подробности я сейчас не могу рассказать, но полагаю, что из 20 000 человек у князя осталось не более 4000. Воздайте славу, всю славу Богу".

Письмо Кромвеля было обвинено в сокрытии заслуг Дэвида Лесли и шотландцев. Но каждое слово в его кратком отчете было правдой. Он не привел подробностей боя, потому что писал письмо с соболезнаваниями, а не депешу. Сын Уолтона, капитан полка самого Кромвеля, пал в битве, и Кромвель написал письмо, чтобы сообщить отцу подробности гибели его сына. Он начал с известия о великой победе, чтобы Уолтон почувствовал, что жизнь его сына не была

выброшена на ветер. Затем он неожиданно перешел к основной теме письма. "Сэр, Бог забрал вашего старшего сына из-за пушечного выстрела. Он сломал ему ногу. Мы были вынуждены отрезать ее, от чего он и умер". Далее он восхвалял погибшего - "галантного юношу", "чрезвычайно милостивого", "чрезвычайно любимого в армии всеми, кто его знал", умершего "в полном утешении", не сожалея ни о чем, кроме того, что он больше не может служить Богу против своих врагов, и радуясь в свои последние мгновения тому, что "видит, как разбегаются негодяи". Весной Кромвель потерял собственного сына, капитана Оливера, который умер не в бою, а от оспы в своей каюте в Ньюпорте. "Гражданский молодой джентльмен и радость своего отца", - писала газета. Теперь он вспоминал об этом, пытаясь утешить Уолтона. "Вы знаете мои собственные испытания на этом пути; но Господь поддержал меня в том, что Господь забрал его в счастье, о котором мы все мечтаем и ради которого живем". Пусть та же вера поддержит Уолтона, и пусть "эта публичная милость к Церкви Божьей" поможет ему забыть о своей "частной печали". Так заканчивалось письмо, раскрывавшее в нежность и сочувствие, энтузиазм и преданность делу, глубины натуры Кромвеля и секрет его власти над товарищами по оружию.

После падения Йорка три парламентские армии разделились. Левен и шотландцы снова повернули на север, чтобы осадить Ньюкасл, Фэрфаксы остались захватывать роялистские крепости в Йоркшире, а Манчестер, захватив по пути Шеффилдский замок и несколько небольших гарнизонов, вернулся в Линкольн. Весь август он простоял там без дела, отказавшись даже осадить Ньюарк. Он устал от войны, стремился к соглашению с королем и был потрясен распространением сектантских и демократических взглядов в своей армии и в королевстве. Кромвель, как защитник сектантов, был на расстоянии вытянутой руки с генерал-майором Кроуфордом, который пытался их подавить; Кроуфорд обналичил офицера на том основании, что тот был анабаптистом, а Кромвель и некоторые его полковники угрожали отказаться от своих комиссий, если Кроуфорд не будет смещен. Некий компромисс был достигнут, но влияние Кромвеля на Манчестер было подорвано.

Тем временем на юге Англии столь удачно начатая кампания заканчивалась катастрофой. Чарльз повернул против своего преследователя и 29 июня разбил Уоллера у моста Кропреди в Оксфордшире. Оставив дезорганизованную и мятежную армию Уоллера слишком слабой, чтобы причинить ей какой-либо вред, он последовал за Эссексом на запад и, объединившись с силами западных роялистов, угрожал одолеть его. В конце августа Комитет обоих королевств приказал армии Восточной ассоциации отправиться на помощь Эссексу. Кромвель охотно согласился. "Это дело, - писал он своему другу Уолтону, - волнует наши сердца, и, поистине, будь у нас крылья, мы бы полетели туда". Армия Манчестера, хотя и плохо обеспеченная предметами первой необходимости и оклеветанная злыми языками как развратная, была готова служить где угодно. "Мы никогда не находим наших людей такими веселыми, как когда есть работа". Но далее он намекнул, что в высших эшелонах власти есть препятствия, которые менее охотно сражаются, чем их солдаты. "Среди нас есть те, кто очень медлителен в действиях; если бы мы все могли меньше задумываться о собственных целях, а также о собственном удобстве, наши дела пошли бы в гору".

Не успел Манчестер отъехать от Линкольна, как наступила ожидаемая катастрофа. При Лоствители 2 сентября Скинптон и пехота армии Эссекса были вынуждены капитулировать и сложить оружие. Конные бежали ночным маршем через брешь в рядах роялистов, а сам Эссекс с несколькими офицерами скрылся по морю. После победы король медленно вернулся в Оксфорд, а Манчестер с величайшей неохотой двинулся на юго-запад, чтобы встретить его. "Моя армия, - открыто заявил он, - была собрана Ассоциацией и для охраны Ассоциации. Она не может быть под командованием парламента без его согласия".

Необходимо было дать бой Карлу до того, как он сможет добраться до своей старой штаб-квартиры в Оксфорде, пока его армия ослаблена силами, оставленными на западе, но отказ Манчестера от наступления позволил роялистам достичь Ньюбери до того, как король был вынужден вступить в бой. В Ньюбери 27 октября армия Манчестера, усиленная войсками Уоллера и тем, что осталось от войск Эссекса, предприняла совместную атаку на короля. Против девятнадцати тысяч человек, выставленных против него, у Карла было всего десять тысяч, но он выбрал сильную позицию между двумя реками, защищенную с одной стороны замком Доннингтон, а с другой - окопами в местах наибольшей опасности. Кроме того, его армия находилась под командованием одного командира, в то время как армией парламента руководил комитет. Эссекс отсутствовал по болезни, и Комитет обоих королевств надеялся избежать споров, передав командование в руки комиссии.

По замыслу парламентариев, пешие войска Скиппона с лошадьми Кромвеля и Уоллера должны были атаковать позиции короля на западе, а Манчестер - на северо-востоке. Это не удалось из-за отсутствия комбинации. Пехота Скиппона разбила роялистские окопы и вернула несколько пушек, потерянных в Корнуолле, но кавалерия, которой мешал характер местности, мало что смогла сделать. Манчестер задержал атаку, пока не стало слишком поздно, чтобы помочь им, и был отбит с большими потерями. Тем не менее в результате дневных боев положение короля оказалось настолько серьезно подорванным, что спасти его армию могло только отступление. Ночью роялистская армия бесшумно прошла мимо манчестерских аванпостов, а к утру оказалась на полпути к Уоллингфорду. Уоллер и Кромвель отправились в погоню с основной частью кавалерии, но поскольку Манчестер и большинство членов комитета отказались поддержать их пехотой, Чарльз предпринял отступление к Оксфорду. Через две недели король, усиленный Рупертом с пятью тысячами человек, вернулся, чтобы освободить замок Доннингтон и забрать оставленную там артиллерию (9 октября 1644 года). Он предложил сражение, и Кромвель был готов сражаться, но Манчестер и большинство членов комитета высказались против. Численность пеших и конных значительно сократилась, а последние "изнемогали от тяжелой службы в такую непогоду, какую редко приходилось видеть". Манчестер, помимо военных соображений, привел и политические аргументы против риска сражения.

"Если мы побьем короля девятносто девять раз, он все равно останется королем, и его потомство будет таким же; но если король побьет нас один раз, нас всех повесят, а наше потомство сделают рабами". "Милорд, - возразил Кромвель, - если это так, то зачем мы вообще брались за оружие? Это против того, чтобы воевать впредь. Если так, то давайте заключим мир, пусть даже такой низкий".

Но как бы он ни презирал логику Манчестера, ему пришлось подчиниться логике фактов и принять мнение комитета в целом.

Так закончилась кампания 1644 года. Север Англии был определенно завоеван, и при умелом руководстве поражение Эссекса в Корнуолле могло быть компенсировано поражением короля в Беркшире. Когда Кромвель задумался о событиях последних нескольких месяцев, он приписал неудачу в достижении этой победы исключительно Манчестеру. Он потерпел неудачу, по-видимому, не из-за случайности или непредусмотрительности, а по причине отсталости от всех действий. И этот откат, заключил Кромвель, проистекал "из некоего принципа нежелания, чтобы война продолжалась до полной победы; и желания, чтобы она закончилась уступкой на таких условиях, на которых было бы невыгодно слишком опускать короля". 25 ноября Кромвель выступил в Палате общин, рассказал историю Ньюберийской кампании и выдвинул это обвинение против Манчестера. Манчестер оправдывал свой генералитет в палате лордов, утверждая, что он

всегда действовал по совету военного совета, а Кромвель был фактическим и препятствующим подчиненным. Затем, оставив в покое военные вопросы, он обрушился на Кромвеля как на политика. Когда-то он оказал генерал-лейтенанту большое доверие, но в последнее время у него возникли подозрения относительно его замыслов, и он был вынужден отказаться от них. Ведь Кромвель выступал против дворянства и говорил, что надеется дожить до того времени, когда в Англии не останется ни одного дворянина. Он с презрением отзывался об Ассамблее богов и враждовал с шотландцами за попытку установить в Англии пресвитерианство. Наконец, он заявил, что желает, чтобы в армии Восточной ассоциации не было никого, кроме индипендентов, "чтобы в случае, если будут сделаны предложения о мире или заключен мир, не соответствующий тем целям, к которым должны стремиться честные люди, эта армия могла бы предотвратить такое несчастье".

Кромвель не стал отрицать эти высказывания, и их обнародование произвело эффект, которого ожидал Манчестер. Расследование ошибок в ведении войны переросло в политическую ссору. Лорды приняли дело Манчестера как причину своего порядка. Шотландцы интриговали против Кромвеля как противника своего вероисповедания. "Ради интересов нашей нации, - писал Бейли, - мы должны просить разум этого любимца сектантов", и говорили о том, чтобы сломить власть этой мощной фракции "и добиться его удаления из армии, которое он сам же своей чрезмерной поспешностью и обеспечил". Некоторые шотландские лидеры советовались между собой о целесообразности обвинения Кромвеля как "поджигателя войны", который стремился вызвать раздор между двумя народами, но английские юристы посоветовали отказаться от этого.

"Генерал-лейтенант Кромвель, - сказал мистер Мейнард, - человек, пользующийся большой популярностью и интересом в Палате общин, а также у некоторых пэров, и поэтому должны быть доказательства, причем самые ясные и очевидные доказательства против него, чтобы убедить парламент признать его поджигателем войны".

По мере того как продолжался спор, нижняя палата заявила о своей позиции на стороне Кромвеля, и среди ее членов распространилось убеждение в недееспособности Манчестера. Но вместо того, чтобы выдвинуть обвинение, Кромвель отступил. Личный триумф, добытый ценой разрыва между двумя палатами, а возможно, и разрыва между Англией и Шотландией, не стоил того. Ему нужна была военная эффективность и энергичное ведение войны, и он решил использовать недовольство, которое вызвала медлительность Манчестера, для достижения этих целей и отказаться от личных обвинений, чтобы обеспечить их. Момент был благоприятным, так как 23 ноября общины приказали Комитету обоих королевств рассмотреть вопрос о реорганизации всей армии. 9 декабря, когда в Палату общин был представлен отчет об обвинениях против Манчестера, Кромвель перевел дискуссию на более серьезную тему. По его словам, сейчас главное - вывести нацию из кровоточащего, почти предсмертного состояния, в которое ее привело долгое продолжение войны.

"Без более быстрого, энергичного и эффективного ведения войны мы заставим королевство устать от нас и возненавидеть имя парламента".

"Ибо что говорят враги? И что говорят многие, кто был другом в начале Парламента? Даже вот что: Что члены обеих палат получили большие должности и командование, и меч в их руках; и что по интересам в парламенте, что по власти в армии, будут вечно продолжать себя в величии, и не позволят войне быстро закончиться, чтобы их собственная власть не определилась с ней..... Если армия не будет переведена на другой метод и война не будет

вестись более энергично, народ не сможет больше выносить войну и принудит вас к бесчестному миру".

Далее он отказался от нападков на Манчестер, порекомендовав Палате представителей не настаивать на подаче жалоб на любого командира. В военных делах редко удается избежать недосмотра, и он признал, что сам был виновен в этом. Важно было не выяснять причины этих промахов, а найти средство их устранения. Этим средством, как он уже предположил, была реорганизация армии и смена ее командиров. "И я надеюсь, - заключил он, - что мы такие истинно английские сердца и ревностные привязанности к общему благу нашей родины, что ни один из членов обеих палат не побрезгует отказать себе и своим частным интересам ради общественного блага".

Предложение Кромвеля было сразу же принято, и еще до окончания дебатов была принята резолюция, согласно которой ни один из членов обеих палат парламента не должен во время войны занимать какой-либо пост или командовать как в военной, так и в гражданской сфере. Десять дней спустя, 19 декабря, Ордонанс о самоотречении прошел Палату общин и был направлен в лорды. Лорды колебались, медлили и в конце концов отклонили его, сославшись на то, что они не знают, какую форму примет новая армия. Общинники немедленно сформулировали свою схему, назначили сэра Томаса Фэрфакса будущим генералом и определили численность новой армии в двадцать две тысячи человек. 15 февраля 1645 года лорды приняли его, вопреки своей воле; а 3 апреля, с еще большей неохотой, они приняли второй ордонанс о самоотречении. Но новый ордонанс был гораздо менее строгим, чем старый. Он просто предписывал всем членам обеих палат, занимающим свои должности, сложить с себя полномочия в течение сорока дней после его принятия, и ничего не говорил о том, что не сможет помешать их повторному назначению в будущем, если обе палаты сочтут это нужным. По крайней мере, пэры многого добились своим сопротивлением.

Кромвель был одним из лидеров на раннем этапе этой борьбы. Он был одним из глашатаев большинства, избравшего Фэрфакса генералом вместо Эссекса, и настаивал на том, чтобы Фэрфакс имел полную свободу в выборе своих офицеров. Его собственная военная карьера казалась законченной, поскольку он вряд ли мог рассчитывать сохранить свое командование, когда все остальные члены потеряли свое. Если бы он стремился сохранить его, то продолжил бы преследование Манчестера, а не пытался бы воздвигнуть юридический барьер против собственной службы. Но не успела закончиться борьба, не успел быть принят или даже представлен второй указ о самоотречении, как он снова оказался на поле боя. На западе Англии Веймут и Таунтон были сильно потеснены роялистской армией под командованием Горинга. Уоллеру было приказано выступить и освободить их, но без подкреплений он был слишком слаб, чтобы сделать это. Парламент приказал полку Кромвеля присоединиться к Уоллеру; тот роптал, бунтовал и, казалось, вот-вот откажется повиноваться. 3 марта палата приказала Кромвелю идти с ним, ропот прекратился, и повиновение было немедленно восстановлено. Кромвель не возражал против того, чтобы перейти под командование Уоллера, и Уоллер нашел его восхитительным подчиненным. В его поведении, писал Уоллер, не было ничего, что свидетельствовало бы о том, что он осознавал свои выдающиеся способности; "хотя он был прямолинеен, он не относился к себе с гордостью или презрением. Как офицер он был послушен, никогда не оспаривал моих приказов и не спорил с ними". Больше всего Уоллера поразило то, что, будучи сам немногословным человеком, Кромвель умел заставить говорить других и с необыкновенной проницательностью оценивал их характеры и раскрывал их секреты.

Экспедиция Уоллера достигла своей цели: конный полк роялистов был захвачен, пешие парламентские войска успешно отбиты, и в конце апреля Кромвель вернулся в штаб-квартиру, чтобы сложить с себя полномочия. Оставалось выяснить, сможет ли парламент отказаться от его услуг, а главное, будет ли армия довольна потерей генерала, который завоевал доверие солдат больше, чем любой другой лидер, которого породила война.

ГЛАВА VII

НЭЙСБИ И ЛЭНГПОРТ

1645-1646

Армия "нового образца", которой командовал Фэрфакс, имела больше шансов на успех, чем армия Эссекса. Эссекс потерпел неудачу отчасти из-за неспособности, а отчасти потому, что его войска никогда не содержались должным образом и не набирались. Его полки таяли без боя, потому что жалование им постоянно задерживали, а снабжение было нерегулярным и недостаточным. Но теперь парламент исправил худшие недостатки своей финансовой системы и обеспечил регулярную оплату солдат во время кампании за счет ежемесячного налога, взимаемого со всех графств, находящихся под его властью. Новая армия состояла из одиннадцати конных полков, каждый из которых насчитывал шестьсот человек, двенадцати пеших полков, каждый из двенадцати сотен, тысячи драгун и небольшого обоза артиллерии. Примерно половина пехоты состояла из людей, служивших при Эссексе, Манчестере и Уоллере; остальные были набранными властями графства людьми. Из кавалерии более половины было взято из бывшей армии Восточной ассоциации. Старый полк Кромвеля был разделен на два: одним командовал его двоюродный брат Эдвард Уолли, другим - сам сэр Томас Фэрфакс.

Своим назначением Фэрфакс был обязан отчасти своей военной репутации, отчасти свободе от политических возражений. Он был религиозен, но вопрос о том, был ли он пресвитерианином или независимым, оставался загадкой, которую никто не мог решить. Хотя он участвовал в кампании в Голландии, его настоящей школой стала долгая борьба с Ньюкаслем и северными роялистами. Стремительные марши и лихие атаки, находчивость в трудностях и упорство в поражениях сделали его знаменитым. "Черный Том" был кумиром своих солдат, и хотя друзья жаловались, что он слишком безрассудно выставляет себя напоказ, враги говорили о его "неразумной и грубой доблести" и отказывали ему во всех высших качествах. На него смотрели как на командира кавалерии, и его выбор в качестве генерала вместо генерал-лейтенанта удивил даже его друзей. Большинству офицеров своей армии Фэрфакс был неизвестен, разве что по репутации. Когда он принял командование, они увидели человека лет тридцати трех, высокого роста, очень смуглого, со шрамами от старых ран на лице. Он вел себя тихо и сдержанно, но вскоре заметили, что, хотя он мало говорил на совете, он был очень упорен в своих взглядах и очень быстро их отстаивал. В бою он словно преобразился, сбросил с себя сдержанность, перестал заикаться и был полон огня, энергии и решимости.

СЭР ТОМАС ФЭРФАКС.

(С картины Жерара Зуста.)

Скиппон был назначен генерал-майором армии , чтобы обеспечить научные знания и многолетний опыт, которых не хватало главнокомандующему, но второе место в армии оставалось незаполненным, поскольку не было назначено ни одного генерал-лейтенанта для командования конницей. Можно не сомневаться, что это место было намеренно оставлено открытым, чтобы Кромвель мог его занять.

С марта Кромвель был занят экспедицией на запад. 19 апреля он вернулся в штаб-квартиру в Виндзоре, чтобы принять прощание с Фэрфаксом и сложить с себя полномочия, как того требовал Указ о самоотречении. На следующее утро пришло письмо от Комитета обоих

королевств, в котором ему сообщалось о новых обязанностях. Король собирался выйти на поле боя, а "Новая модель" не была готова сражаться с ним. С начала апреля Фэрфакс упорно трудился над реорганизацией армии, но рекруты прибывали медленно, а препятствия лордов отбрасывали все приготовления назад. Самой боеспособной частью армии и наиболее готовой к немедленным действиям была бригада кавалерии, которую Кромвель привел с запада, и с ней он был направлен в Оксфордшир, чтобы помешать королю соединиться с принцем Рупертом. Карл находился в Оксфорде с частью королевской армии, включая артиллерийский обоз; Руперт с остальными, а также с основной частью кавалерии, был расквартирован в Херефорде и Вустере. Кромвель немедленно выступил в путь и на рассвете 24 апреля разгромил три полка королевской конницы у Айлипа, убив двести человек и взяв двести пленных. Часть беглецов укрылась в Блечингтон-Хаусе, который Кромвель сразу же атаковал и под угрозой штурма заставил сдаться. По условиям, гарнизону было разрешено отойти в Оксфорд, но он должен был сдать лошадей и оружие. "Я очень сомневался в штурме этого дома, - писал Кромвель в свое оправдание, - он был сильным и хорошо укрепленным, а у меня было мало драгун, и это было не мое дело". Два дня спустя в Бэмптоне в Буше он перехватил пеший полк, шедший из Фарингдона в Оксфорд, взял несколько сотен человек, а остальных убил или рассеял. 29-го числа он появился перед Фарингдон-хаусом и предпринял попытку штурма, но был отбит с потерями. Несмотря на этот отпор, Кромвель выполнил то, ради чего был послан. Поход короля был остановлен. Его кавалерия была разбита поражениями, а артиллерия не могла двигаться, потому что Кромвель перебил всех тягловых лошадей в округе. Чарльз был вынужден вызвать кавалерию Горинга с запада, чтобы прикрыть стык с Рупертом, и смог выступить только 7 мая.

Тем временем Фэрфакс привел свою армию в походный порядок и 1 мая, оставив Кромвеля наблюдать за королем, отправился освобождать Таунтон. Его действия определялись не его собственным суждением, а приказами Комитета обоих королевств. На полпути к Таунтону он получил новый приказ, предписывающий ему отправить бригаду на его освобождение, а с остальными войсками повернуть назад, чтобы осадить Оксфорд. Поэтому в течение двух недель он осаждал Оксфорд, ограничиваясь лишь блокадой, поскольку осадный обоз не подошел, а без тяжелых пушек и траншейных орудий он не мог сделать ничего больше. В течение этих недель Руперт и король с девятью или десятью тысячами человек без сопротивления маршировали по Средней полосе. 15 мая Карл взял Хоксли-Хаус в Вустершире, а затем повернул на север, чтобы освободить Честер, но по дороге узнал, что осада снята. Некоторые из его советников призывали его продолжать поход на север, чтобы освободить Понтефракт и победить Левена и шотландцев; другие предлагали совершить рейд в Восточную ассоциацию. Но сообщения об опасности Оксфорда удерживали его на юге, и в качестве отвлекающего маневра было решено атаковать Лестер. 31 мая этот город был взят штурмом и разграблен армией короля.

Перемещения короля полностью нарушили планы Комитета обоих королевств. Как только пришло известие о взятии Лестера, Фэрфакс получил приказ покинуть Оксфорд и выступить в поход против короля. Наученные опытом, стратеги-любители из Комитета предоставили ему свободу распоряжаться своими передвижениями так, как он считает нужным, и сняли все ограничения, которые были наложены ранее. В тревоге, вызванной успехами короля, общественное мнение настоятельно требовало нанять Кромвеля. Все считали, что он слишком необходим, чтобы его можно было пощадить. 10 мая парламент продлил его полномочия еще на сорок дней. 28-го, когда король угрожал восточным графствам, Кромвель был поспешно отправлен в Эли, чтобы позаботиться об их обороне. Неделью спустя Лондон подал прошение о том, чтобы он имел право поднимать и командовать всеми силами Ассоциации. Наконец, 10 июня Фэрфакс и его военный совет обратились в парламент с

просьбой назначить Кромвеля генерал-лейтенантом. Ведь теперь они продвинулись на несколько миль от позиции короля, и у Фэрфакса было большое количество лошадей, но не было генерала, который мог бы командовать ими в предстоящем сражении. Никто, кроме Кромвеля, не подойдет, убеждал Фэрфакс.

"Общее уважение и привязанность, которые он питает как к офицерам, так и к солдатам всей армии, его личные достоинства и способности для этой работы, его большая забота, усердие, храбрость и верность в тех службах, в которых вы его уже нанимали, а также постоянное присутствие и благословение Божье, которые его сопровождали, заставляют нас считать долгом перед вами и обществом сделать его нашим кандидатом".

Лорды ничего не ответили на это нежелательное прошение, но общинники согласились на назначение на тот срок, пока Кромвель будет нужен в армии. Итак, 13 июня Кромвель въехал в лагерь Фэрфакса с шестью сотнями лошадей из Ассоциации, и солдаты приветствовали его "могучим криком". "Железнобокий, - кричали они, - приехал возглавить нас", называя его по имени, которое Руперт дал ему после битвы при Марстон-Муре.

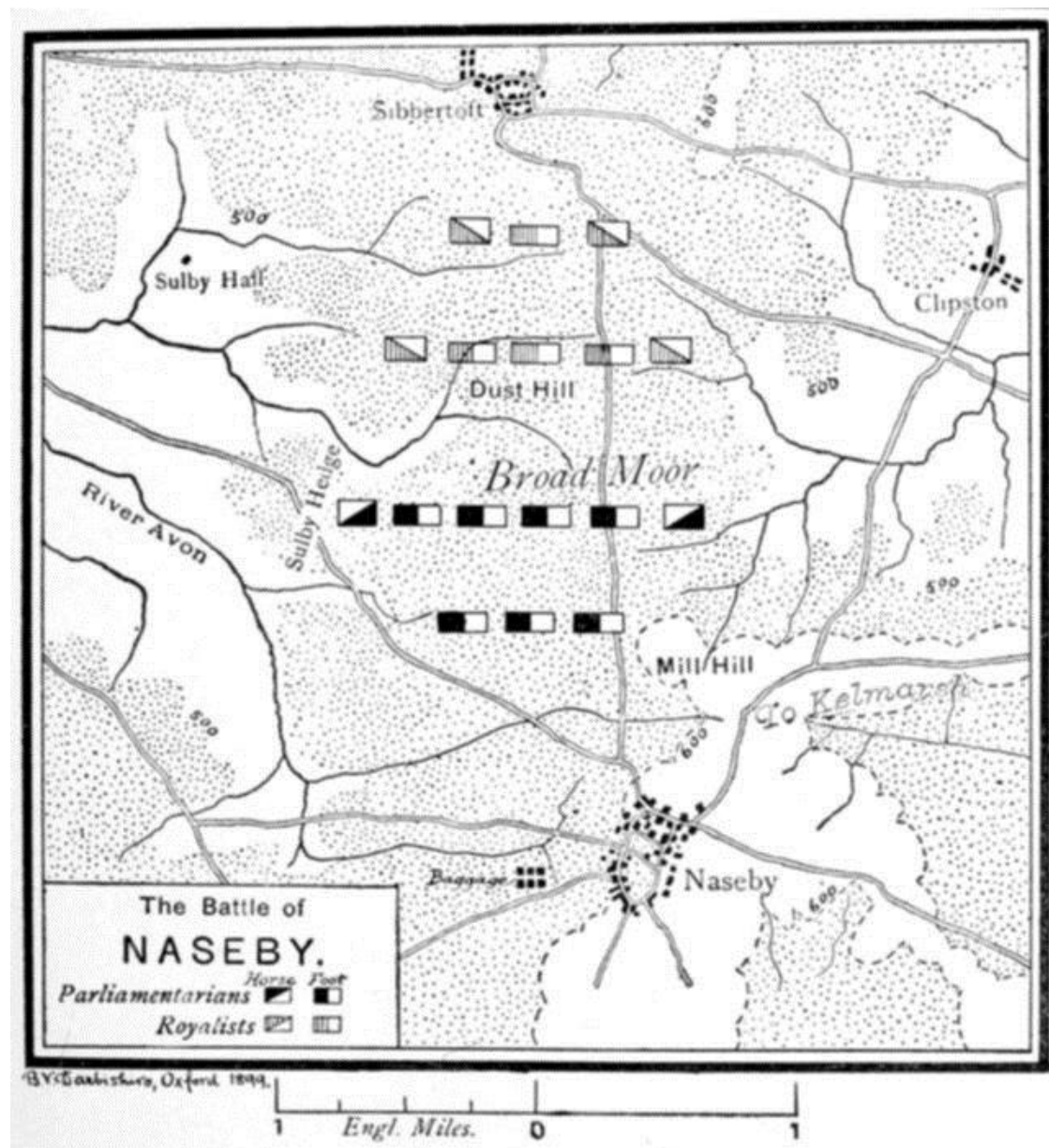
В лагере короля мнения разделились. Руперт, главнокомандующий, выступал за один курс, а гражданские советники короля - за другой. Карл колебался и медлил до тех пор, пока не обнаружил Фэрфакса у себя под боком, и тогда он был вынужден вступить в бой. 14 июня две армии встретились. Первоначально Руперт намеревался провести оборонительное сражение на выбранной позиции в Харборо, но его разведчики ввели его в заблуждение, что войска Фэрфакса отступают, и он выдвинулся вперед, чтобы обнаружить их в боевом порядке на высоком плато перед маленькой деревней Нейсби. Армия короля насчитывала не более пяти тысяч конных и четырех или пяти тысяч пеших. У Фэрфакса было тринадцать тысяч человек, из которых шесть тысяч были конными. Несмотря на такие шансы, роялисты рассчитывали на легкую победу. Многие из парламентских пехотинцев были новобранцами, в то время как королевские войска были старыми солдатами. Сам Чарльз уверенно говорил, что победит "нового грубого генерала мятежников", как он победил опытного Эссекса, и даже сторонники парламента не очень-то верили в свою неопытную армию. "Никогда, - писал один из них, - ни одна армия не отправлялась на войну, которая пользовалась бы меньшим доверием своих друзей или была бы объектом большего презрения своих врагов". Но Кромвель, со своей стороны, не сомневался в исходе битвы.

"Я могу сказать следующее о Нейсби, - писал он месяц спустя. "Когда я увидел, что враг выстроился и в галантном порядке движется к нам, а мы, компания бедных, невежественных людей, ищем, как нам организовать сражение - генерал приказал мне отдать приказ всем лошадям, - я не мог, скача в одиночку по своим делам, вознести хвалу Богу в уверенности в победе, потому что Бог, используя то, чего нет, сведет на нет то, что есть. В этом я был очень уверен, и Бог это сделал".

Когда роялистская линия продвинулась вперед, артиллерия Фэрфакса сделала несколько выстрелов, которые прошли высоко и не принесли никакой пользы. Королевские пушки были слишком далеко позади, чтобы оказать какую-либо услугу. Пешие с каждой стороны сделали по одному залпу, а затем набросились друг на друга с пиками и мушкетами. Наступление роялистской пехоты было столь яростным, что четыре из пяти полков в передовой линии Фэрфакса сдались перед ним. Полк Скиппона был разбит, его подполковник убит, а сам Скиппон тяжело ранен. Но полк Фэрфакса устоял на ногах, а вторая линия, подойдя, отбросила роялистов назад и дала разбитым полкам время собраться.

Еще хуже обстояли дела у полковника Айретона и левого крыла парламентской конницы. Пять полков Иретоны выдвинулись навстречу Руперту, но их атака была неудачной и плохо

поддержанной. Вначале сам Иретон добился временного успеха, но, преждевременно повернув, чтобы атаковать пеший полк, он был сбит с коней, ранен и на короткое время попал в плен. Руперт с присущей ему энергией использовал свое преимущество и, не довольствуясь тем, что увел с поля боя лошадей Иретона, атаковал обоз и багажную стражу парламентариев за Нейсби. Когда они устояли, он отказался от этой попытки и вернулся посмотреть, как идет сражение на плато.

В это время лошади правого крыла парламентариев под командованием Кромвеля решили судьбу дня. Кромвель не стал дожидаться, пока сэр Мармадюк Лангдейл атакует его, а встретил его всадников, когда они продвигались вперед, и после упорной борьбы смял их в беспорядке и заставил укрыться за своим резервом. Войска Кромвеля, по словам очевидца, были подобны потоку и гнали всех перед собой. Чарльз встал во главе своих гвардейцев и остатков резерва и приготовился возглавить отчаянную атаку на наступающих круглоголовых. "Пойдешь ли ты на смерть?" - сказал один дворянин, схватив его за уздечку; гвардейцы остановились, развернулись и отошли на четверть мили от поля. Оставив четыре полка, чтобы сдерживать их, Кромвель с остальными своими лошадьми и с тем, что смог собрать у Иретона, повернул, чтобы обрушиться на центр роялистов. Роялистская пехота сражалась с большим упорством, но, атакованные одновременно конными и пешими, они

вскоре были разбиты, и полк за полком складывали оружие. Бригада голубых кавалеров стояла "с невероятным мужеством и решимостью", отбивая пиками атаку за атакой. Наконец Кромвель атаковал одну сторону площади пешим полком Фэрфакса, а Фэрфакс, обнажив голову, повел свою гвардию против другой. Он тоже был разбит, и Фэрфакс взял знамена своей рукой. Из королевской пехоты едва ли кто избежал плена.

Фэрфакс остановил победоносную кавалерию, пока не подошла основная масса пеших, а затем, сформировав свежую линию боя, приказал перейти в общее наступление. К гвардейцам короля и конникам Лангдейла присоединились победоносные войска Руперта, и они были готовы к повторному наступлению. Но как ни были они обескуражены, а без артиллерии и пешей поддержки их положение было безнадежным. Через несколько мгновений они дрогнули и сломались, и каждый, повернув голову лошади в сторону Лестера, поскакал изо всех сил.

Преследование продолжалось около тринадцати миль. В руки победителей попали почти пять тысяч пленных, более ста цветов, весь багаж и артиллерия короля, а также его личные бумаги. Через четыре дня Лестер сдался, и Фэрфакс, оставив короля укрываться в Уэльсе, поспешно отправился на встречу с генералом Горингом и западной армией. Получив известие о его приближении, Горинг снял блокаду Таунтона и занял позицию примерно в десяти милях от Бриджуотера, с фронта, прикрытого реками Йео и Паррет. Две армии столкнулись у Лэнгпорта 10 июля. Горинг расположил своих людей на гребне холма, перед которым находились заграждения и болотистая долина. На дне долины был брод через небольшой ручей, а вверх по холму вела дорожка к открытой площадке на вершине, где стояла кавалерия Горинга, в то время как живые изгороди и загоны по обе стороны дорожки были заполнены его мушкетерами. Намереваясь отступить к Бриджуотеру, Горинг отправил туда свой багаж и все свои пушки, кроме двух.

Лэнгпорт стал одним из немногих сражений Гражданской войны, в котором полевая артиллерия сыграла важную роль. Фэрфакс начал с того, что подавил два орудия Горинга огнем своих собственных, заставив кавалерию отойти подальше назад и оставить своих мушкетеров без поддержки. Затем он приказал выдвинуть вперед пятнадцать сотен мушкетеров, которые, продвигаясь по одному склону холма и по другому, прогнали скорпионов Горинга от изгороди к изгороди и очистили заграждения. Наконец, по приказу Кромвеля шесть конных отрядов (все из старого полка самого Кромвеля) пронеслись через брод и по дорожке бросились на кавалерию Горинга. Майор Бетелл возглавил атаку, которую он провел, как пишет Кромвель, "с величайшей галантностью, какую только можно себе представить", а майор Десборо поддержал его с не меньшим мужеством. Бетелл отбил два корпуса лошадей Горинга и "сбил их на острие меча"; но, подавленные численностью, три его отряда отступали, когда Десборо с тремя другими подоспел им на помощь. Затем они снова атаковали, и оба вместе разгромили еще один отряд Горинга. В то же время мушкетеры Фэрфакса, подобравшись к кавалерии, открыли огонь, и люди Горинга обратились в бегство. Кромвель остановил Десборо и Бетелла на завоеванной ими земле, не позволяя преследовать их до тех пор, пока к ним не присоединятся остальные конники. В двух милях от них роялистская кавалерия предприняла еще одну вылазку, но одного заряда оказалось достаточно, и они были отправлены в бегство в направлении Бриджуотера. Через горящие улицы Лэнгпорта Кромвель бросился за ними, захватив во время погони две пушки и четырнадцать сотен пленных.

Сразу же после победы Фэрфакс осадил Бриджуотер. Подобно Густаву Адольфу, его метод заключался в том, чтобы рисковать штурмом там, где успех казался возможным, а не тратить время на тщательную подготовку осадных сооружений. Часть города на восточном берегу

Паррета была взята с помощью эскалады 21 июля, а другая половина сдалась после короткой бомбардировки. Овладение Бриджуотером, а также Таунтоном, Лангпортом и Лаймом позволило Фэрфаксу создать линию гарнизонов, отрезавшую Корнуолл и Девон от остальной Англии и ограничившую оставшуюся часть армии Горинга этими двумя графствами. Поэтому он повернул назад, чтобы завершить завоевание запада, взяв оставленные в тылу опорные пункты. Бат был взят 29 июля, сильный замок Шерборн после двухнедельной осады был взят 15 августа, а через неделю был взят Бристоль. Руперт с тридцатью пятью сотнями человек удерживал город, но его укрепления были очень обширными, а во многих местах слабыми. 10 сентября, около часа ночи, Фэрфакс предпринял общий штурм по всему периметру укреплений, и к рассвету самый важный форт и миля линии оказались в его владении. Руперту ничего не оставалось, как сразу же капитулировать.

Теперь Кромвель получил в командование четыре пеших и три конных полка и был отправлен очищать Уилтшир и Гемпшир от вражеских гарнизонов. Девайзес и Лейкок-Хаус сдались ему 23 сентября; Винчестер выдержал недельную осаду, но сдался, как только был пробит брешь. "Вы видите, - писал Кромвель спикеру, - Бог не устает делать вам добро. Его благосклонность к вам так же заметна, когда он своей силой воздействует на сердца ваших врагов, превращая их в места силы для вас, как и когда он придает мужество вашим солдатам, чтобы они пытались выполнить трудные задачи". Бейсинг-Хаус, следующее место, подвергшееся нападению, был очень силен, выдержал много осад и был гарнизонирован решительными людьми. Его владелец, маркиз Винчестерский, был католиком, и многие его защитники придерживались того же вероисповедания. Кромвель пробил стены из пушек и приказал штурмовать. Ночь перед штурмом он провел в молитве. "Он редко сражается, - говорил его капеллан, - без какого-нибудь текста из Писания, который бы его поддержал". На этот раз его взгляд упал на текст из Псалтири, предсказывающий гибель идолов и идолопоклонников: "Делающие их подобны им; таков же и всякий, кто уповает на них". Для пуритан это казалось обещанием уверенной победы, и Кромвель дал слово штурмовать в полной уверенности в успехе. Его солдаты "навалились с великой решимостью и бодростью", прикрепили лестницы к стенам, выбили врага из его построек и сделали дом своим. Около трехсот человек из гарнизона были убиты, еще столько же взяты в плен, а сам дом был тщательно разграблен солдатами, а затем сожжен. "Благодарю Бога, - писал Кромвель спикеру, - я могу дать вам хороший отчет о Бейсинге".

В конце октября Кромвель, выполнив свою задачу, присоединился к Фэрфаксу перед Эксетером. За исключением Девона и Корнуолла, весь запад теперь был очищен от роялистов. На валлийской границе королю принадлежали Вустер и Херефорд, а также ряд более мелких населенных пунктов, но Честер был осажден, а на севере единственной важной крепостью оставался Ньюарк. Между этими разными местами и своей штаб-квартирой в Оксфорде Карл, сопровождаемый двумя или тремя тысячами лошадей, бесцельно бродил со времени своего поражения при Нейсби. Сначала он думал присоединиться к Горингу и принцу Чарльзу на западе, но Лэнгпорт положил конец этому плану. В августе он попытался совершить рейд в Восточную ассоциацию, взял и разграбил Хантингдон. В сентябре слух о его приближении заставил Левена и шотландцев поднять осаду Херефорда. Не раз король подумывал о том, чтобы присоединиться к Монтрозу в Шотландии. В сентябре 1644 года Монтроз начал удивительную серию побед, которые грозили вынудить ковенантеров вывести свою армию из Англии. Он победил их при Типпермуире, Абердине, Инверлочи, Олдирне и Алфорде и мечтал покорить всю Шотландию и прийти на помощь королю. При Килсите 15 августа 1645 года он одержал еще более значительную и решительную победу, чем все остальные. Глазго был занят; Эдинбург и юг

Шотландии покорились; лидеры ковенантов укрылись в Бервике. Монтроз отправил королю триумфальное послание, в котором говорилось, что он скоро перейдет границу с двадцатью тысячами человек. Но его горцы ушли домой с награбленным добром, шотландцы из низин отказались записываться под его знамена, и у него оставалось менее двух тысяч человек, когда Дэвид Лесли с четырьмя тысячами лошадей из шотландской армии в Англии застал его небольшие силы у Филифора и разбил их на куски (13 сентября). Не зная об этой катастрофе, Чарльз отправился из замка Раглан с тремя тысячами лошадей на соединение с Монтрозом. У Роутон-Хита 24 сентября он потерпел поражение от генерал-майора Пойнца при попытке освободить Честер и потерял девятьсот человек. Вынужденный отказаться от плана марша на север через Ланкашир, король направился в Ньюарк, а затем, в ноябре, вернулся в Оксфорд. Из Ньюарка лорд Дигби предпринял отчаянную попытку добраться до Шотландии, но единственным результатом стала потеря пятнадцати сотен лошадей, которых он взял с собой.

С военной точки зрения положение короля теперь было совершенно безнадежным. Если бы после Нейсби он собрал людей, растраченных в мелких гарнизонах, то смог бы собрать силы, достаточные для того, чтобы встретить "Новую модель" в поле. Но он пренебрег моментом, один за другим его гарнизоны были взяты, а новые войска рассеяны, прежде чем они смогли объединиться. Его генералы потеряли надежду, и пока ссоры Горинга и Гренвилла парализовали западную армию короля, Руперт убеждал своего дядю заключить мир. Карл упрямо отказывался слушать ни его, ни остальных сторонников мира.

"Если бы у меня была какая-либо другая проблема, кроме защиты моей религии, короны и друзей, - писал Карл, - вы имели бы полное основание для вашего совета; ибо я должен признать, что, говоря как простой солдат или государственный деятель, нет никакой вероятности, кроме моей гибели. Однако как христианин я должен сказать вам, что Бог не допустит, чтобы мятежники процветали, а Его дело было низвергнуто, и какое бы личное наказание Ему ни было угодно наложить на меня, оно не должно заставить меня унывать, а тем более отказаться от этой ссоры".

Народ в целом устал от войны и с нетерпением ждал мира. На западе и юге Англии сельские жители начали создавать ассоциации, чтобы не пускать в свои районы вооруженных людей любой из сторон, положить конец вольным поборам и грабежу скота. На юго-западе эти "клубы", как их называли, попадали под влияние агентов роялистов, но в целом сохраняли нейтралитет. Когда Фэрфакс отправился в Дорсетшир, он нанял Кромвеля, чтобы тот разгонял собрание за собранием деревенщин, вооруженных дубинками и мушкетами.

"Я заверил их, - писал Кромвель Фэрфаксу, - что вы очень заботитесь о том, чтобы они ни в коем случае не подвергались грабежу, и что они должны защищаться от насилия и приводить в вашу армию тех, кто причинил им зло, где они будут наказаны со всей строгостью; после этого они очень тихо и мирно разошлись по своим домам, будучи очень довольными и удовлетворенными".

Другой отряд открыл огонь по людям Кромвеля, и их пришлось рассеять кавалерийским наскоком. Несколько десятков человек было убито, а около трехсот взято в плен - "бедные глупые создания", которых он отпустил с напутствием. Умеренность и справедливость Кромвеля и Фэрфакса, а также отличная дисциплина их солдат быстро восстановили доверие. Соотечественники поняли, что лучшая надежда на мир заключалась в триумфе парламента. При осаде Бристоля окрестные клубы помогли взять город, а при его сдаче Руперта пришлось охранять, чтобы он не отомстил за санкционированные им грабежи.

Чувства в пользу парламентского дела еще более усилились после того, как стало известно о переговорах короля о введении иностранных войск в Англию. Письма, захваченные в Нейсиби в июне, показали, что король вел переговоры с герцогом Лотарингским об отправке в Англию армии в десять тысяч человек. Захваченные, когда Дигби потерпел поражение в попытке добраться до Шотландии, доказывают, что Карл пытался получить войска из Дании. В октябре еще одна захваченная переписка раскрыла договор, заключенный с ирландскими повстанцами в августе, по которому они должны были предоставить Карлу десять тысяч человек в обмен на законное установление католицизма в Ирландии. Наконец, в январе 1646 года Фэрфакс перехватил письма роялистских агентов во Франции о пяти тысячах французов, которые должны были быть высажены на западе страны. Эти последовательные открытия оттолкнули людей, сражавшихся за короля, и превратили нейтралов в сторонников парламента.

Именно для того, чтобы предвосхитить высадку иностранных войск в Англии, Фэрфакс выступил в бой в начале 1646 года. В течение последних двух месяцев 1645 года он блокировал Эксетер, но в начале января, несмотря на то что на земле лежал снег и стоял сильный мороз, был отдан приказ о всеобщем наступлении. Силы роялистов в Корнуолле и Девоне насчитывали не менее двенадцати тысяч человек, помимо гарнизонов, но, по признанию Кларендона, это была "беспутная, недисциплинированная, злая, избитая армия", более грозная для своих друзей, чем для врагов. Горинг, чьим проступком была вызвана эта дезорганизация, сложил с себя командование в конце 1645 года, а сменивший его храбрый и безупречный Хоптон ничего не смог добиться с такими войсками. За два месяца сопротивление запада рухнуло. Кромвель открыл кампанию, настигнув бригаду лорда Уэнтуорта в Бови Трейси 9 января; Уэнтуорт и большинство его людей спаслись в темноте, но четыре сотни лошадей были захвачены, а вся бригада рассеяна. Десять дней спустя Фэрфакс взял штурмом сильную крепость Дартмут, захватив сто пушек и более тысячи пленных. 16 февраля случайное столкновение форпостов у Торрингтона в Северном Девоне переросло в генеральное сражение, в ходе которого Хоптон был выбит из города с потерей шестисот человек, а его пехота была полностью рассеяна. У Хоптона оставалось еще около пяти тысяч лошадей, поэтому, несмотря на страдания своих солдат от тяжелых маршей и зимней непогоды, Фэрфакс решил последовать за ним в Корнуолл, "разбив там это конное войско, как наиболее вероятное средство предотвратить или воспрепятствовать высадке любых иностранных войск в тех краях". Когда он вошел в графство, корнуоллцы, завоеванные его хорошим обращением с пленными и примерным поведением солдат, не оказали ему никакого сопротивления. Войска Хоптона ежедневно дезертировали, а в тех, кто оставался при своих знаменах, не осталось ни капли бодрости. Принц Уэльский и его советники бежали на Нормандские острова, а 14 марта армия Хоптона капитулировала. Фэрфакс мудро предложил либеральные условия, и каждый простой солдат, сдав лошадь и оружие и пообещав больше не выступать против парламента, получал двадцать шиллингов на дорогу до дома.

Из Корнуолла Фэрфакс отправился в Эксетер, который сдался ему 9 апреля, а затем осадил Оксфорд, который занял в начале мая. Кромвель оставался с Фэрфаксом до падения Эксетера, а затем по желанию генерала отправился в Лондон, чтобы дать парламенту отчет о положении дел на западе. 23 апреля Палата общин поблагодарила его за "великие и верные услуги". Награды другого характера они ему уже предоставили. 1 декабря 1645 года палата общин, составляя мирные предложения, которые должны были быть предложены королю, постановила, что генерал-лейтенант Кромвель должен получить поместье в двадцать пятьсот фунтов в год и что король должен просить сделать его бароном. Переговоры сорвались, но 23 января палата постановила, что земли в Гемпшире, принадлежащие маркизу Вустеру и его

сыновьям, должны быть закреплены за Кромвелем, и ордонанс с этой целью в конце концов прошел через обе палаты. Поскольку рента с этих земель не соответствовала обещанному доходу, впоследствии к ним были добавлены другие поместья того же дворянина в Гламорганшире, Глостершире и Монмутшире, чтобы восполнить сумму.

Кромвель вернулся к Фэрфаксу в Оксфорд, чтобы принять участие в переговорах о его сдаче. Современная молва приписывает смягчение условий, предоставленных гарнизонам Эксетера и Оксфорда, в основном его влиянию на Фэрфакса и военный совет. Оксфорд был сильно укреплен, и его взятие стоило бы многих людей, но, помимо этого, существовали политические причины, имевшие большой вес, которые должны были понравиться Кромвелю. Незадолго до того, как Фэрфакс захватил Оксфорд, король Карл под покровом ночи бежал из города и укрылся в лагере шотландской армии в Ньюарке. В течение нескольких месяцев он вел переговоры с шотландцами через французского посла и надеялся, что ему удастся убедить их принять его сторону против английского парламента. Ходили слухи, что шотландцы намерены использовать свою армию в его интересах, их причастность к его бегству казалась доказанной, и открытый разрыв между двумя нациями казался более чем возможным. "Подлые, низменные предложения, которые Кромвель сделал оксфордским злопыхателям, - пишет Бейли, - оскорбили многих больше, чем его прежняя капитуляция в Эксетере; все видели явный замысел этих совестливых людей предоставить наибольшие условия наихудшим людям, чтобы ускорить их северную войну".

Даже если бы политическая ситуация была иной, необходимость залечивать раны войны путем либерального отношения к побежденным была аксиомой для армии и ее лидеров. Политики, как обычно, были менее щедрыми, чем солдаты. Статьи были неохотно ратифицированы парламентом, и неоднократно поступали жалобы на их нарушение. Кромвель и офицеры армии не переставали утверждать, что честь и политика в равной степени требуют их точного соблюдения. "В последнее время идет спор об Оксфордских статьях", - сообщала роялистская газета в феврале 1648 года. "Один джентльмен, недовольный их величиной, сказал генерал-лейтенанту, что они потеряют двести тысяч фунтов, сохранив их; тот ответил, что лучше потерять вдвое больше, чем сломать один артикул".

С капитуляцией Оксфорда 24 июня 1646 года война была закончена. Вустер, правда, продержался до июля, а отдельные замки в Уэльсе, такие как Раглан, Денбиг и Харлех, - еще несколько месяцев, но их ослабление было лишь вопросом короткого времени.

Кромвель оставил эти небольшие осады на усмотрение других и вернулся к своим обязанностям в парламенте. Он перевез свою семью из Эли в Лондон и снял дом на Друри-Лейн, а примерно через год переехал на Кинг-стрит в Вестминстере. Его семья уменьшилась после замужества двух старших дочерей. Бриджет, старшая, 15 июня 1646 года вышла замуж за генерального комиссара Генри Иретона, самого доверенного подчиненного своего отца, а Элизабет, любимая дочь Кромвеля, 13 января 1646 года стала женой Джона Клейпола, сквайра из Нортгемптоншира. Только две младшие дочери, Мэри и Фрэнсис, все еще оставались дома. Из четырех сыновей двое уже умерли: Роберт умер в мае 1639 года, еще до начала войны, а капитан Оливер - пять лет спустя, во время службы в полку своего отца. Ричард, старший из двух оставшихся в живых, служил в лейб-гвардии Фэрфакса, а Генри, которому было около девятнадцати лет, был корнетом или лейтенантом в каком-то кавалерийском полку. Кромвель отдал своих сыновей делу так же свободно, как и себя.

ГЛАВА VIII

ПРЕСВИТЕРИАНЕ И НЕЗАВИСИМЫЕ

1642-1647

Урегулирование ситуации в королевстве после окончания войны было задачей гораздо более сложной, чем поражение королевских войск. Ее нельзя было решить, посадив Карла на трон, как будто ничего не произошло. Необходимо было разработать меры, обеспечивающие постоянные гарантии от неправильного правления в будущем и делающие невозможной новую войну. Более того, эти цели должны были быть достигнуты путем соглашения между королем и парламентом, поскольку действие конституции зависело от сотрудничества этих двух держав и примирения двух партий, следовавших за своими знаменами. Невозможно было добиться прочного урегулирования без учета новых идей и новых сил, появившихся за четыре года борьбы.

С начала Гражданской войны в Англии произошла церковная революция. Как только начались военные действия, партия "Корни и ветви" получила преимущество в парламенте, и на первых же переговорах с королем одним из требований стало полное упразднение епископата. В июле 1643 года парламент созвал ассамблею богословов, которая должна была собраться в Вестминстере и заняться реформацией церкви. Затем последовало принятие парламентом Торжественной лиги и завета, подразумевающее обещание построить Англиканскую церковь по образцу Шотландской, и включение представителей шотландского духовенства в Ассамблею божеств.

Шаг за шагом английская церковь преображалась. В январе 1645 года обе палаты приняли ряд резолюций о реорганизации Церкви на пресвитерианской основе, за которыми последовали ордонансы, устанавливающие одну за другой составные части этой системы. К концу 1646 года использование Молитвенника было запрещено, вместо него вводилась "Директория", составленная Ассамблеей, готовились новые Статьи вероучения, новое Исповедание веры и новый Катехизис. Епископы и вся зависимая от них церковная иерархия были упразднены, а их земли переданы в доверительное управление для уплаты долгов государства (октябрь 1646 года). Работа была еще не завершена, но при всем внешнем соответствии между пресвитерианскими церквями Англии и Шотландии оставалось

существенное различие. В Шотландии церковь ни от кого не зависела, в Англии она будет зависеть от парламента. Что бы ни решила Вестминстерская ассамблея, это было установлено только авторитетом парламента, который пересматривал ее выводы, критиковал ее формулы и ограничивал ее функции по своему усмотрению. По сравнению с идеальной пресвитерианской церковью, правящей по праву, присущему ей как единственной богоустановленной форме церковного правления, английская церковь была бы, как жаловался один шотландский богослов, "всего лишь хромым эрастианским пресвитерием". Однако, как бы то ни было, ее духовенство было столь же высоко в своих притязаниях на власть, как английские епископы, и столь же нетерпимо, как шотландские священники. Они сотней разных способов доказывали истинность изречения Мильтона о том, что "новый пресвитер - это старый священник в большом количестве".

В те годы, когда росло английское пресвитерианство, в Англии укоренилась и конкурирующая система церковной организации. Индепенденты черпали свое вдохновение не в Шотландии, а у пуританских изгнанников в Голландии и пуританских колонистов в Новой Англии. Идее национальной Церкви с ее местной основой и иерархией властей они противопоставили идею о том, что истинная Церковь - это добровольное объединение верующих, и что каждая община по праву является полной, автономной и суверенной. Большинство из них приняли богословие Кальвина, даже если отвергали его церковную организацию; все они утверждали право самостоятельно толковать Библию, не обращая внимания на традиции и авторитеты. Их принцип заключался в совете, который Джон Робинсон дал отцам-пилигримам: быть готовыми принять любую истину, которая станет известна им из написанного Слова Божьего. Отсюда их горячая вера в новые откровения, с разнообразием доктрин и множеством сект, которые были ее естественным следствием. Отсюда и ужас, с которым пресвитериане и епископалы относились к системе, начавшейся с отрицания их теории церкви и государства и закончившейся посягательством на основы их вероучения.

Так же как два подразделения парламентской партии различались в отношении конституции Церкви, так же они различались и в отношении конституции государства. Каждая из них была как политической, так и религиозной партией. Цель пресвитерианцев заключалась в том, чтобы сделать короля и церковь ответственными перед парламентом, и до сих пор индепенденты шли с ними в ногу. Но если одна партия провозглашала суверенитет парламента и обосновывала свои притязания историческими прецедентами, то другая провозглашала суверенитет народа и основывала свои притязания на апелляции к естественным правам. Церковная демократия, как Бакстер называл независимость, принесла с собой и государственную демократию. Примененные к политике, церковные теории индепендентов превратились в основополагающие принципы демократического правления. Те, кто считал, что церковь - это добровольное объединение верующих, связанных взаимным договором, естественно, приняли следствие, что государство - это объединение свободных людей, основанное на взаимном договоре. Если члены религиозной организации имеют право избирать своих служителей, то, очевидно, столь же справедливо, что члены гражданского общества должны избирать своих судей. Не раз в своих бумажных войнах с королем парламента выдвигал мнение, что короли - всего лишь чиновники, власть которых доверена народом, но он уклонялся от четкого формулирования или практического применения принципа, который содержался в его декларациях. Поэтому именно в оппозиции к Долгому парламента суверенитет народа впервые утвердился в английской политической жизни. В 1646 году, когда Джон Лилберн был заключен лордами в тюрьму за клевету на Манчестер, он обратился к Палате общин как к "верховой власти нации" и отрицал власть пэров, поскольку они не были избраны народом. Когда палата

общин отказалась его выслушать, он воззвал "к всеобщности народа" как к "суверенному владыке", от которого он получил свою власть и который должен был призвать его к ответу за ее использование.

Однако пока принципы Лилберна не нашли поддержки в парламенте, и нижняя палата не собиралась ссориться с верхней по вопросу об абстрактных правах. В Общине, даже после того, как новые выборы 1645 и 1646 годов увеличили численность палаты, индипенденты были в меньшинстве как по политическим, так и по церковным вопросам. По чисто религиозным вопросам они могли собрать пятьдесят-шестьдесят голосов, из которых, вероятно, менее половины были убежденными демократами. Но узы партийной верности были слабы, а способности лидеров Независимых давали им влияние за пределами круга их последователей. В таких вопросах, как ведение войны, контроль над притязаниями Вестминстерской ассамблеи и притязания шотландцев на распоряжение королем, большинство палаты принимало политику Независимых. Но когда война закончилась, а спор с шотландцами был улажен, преимущество перешло к пресвитерианским лидерам и осталось за ними.

С другой стороны, армия с самого начала была оплотом индипендентов, и там их приверженцы становились все многочисленнее с каждым днем. Летом 1645 года, когда Ричард Бакстер стал капелланом кавалерийского полка, он обнаружил, что тот полон горячих сектантов. В его рядах были представлены все секты и все ереси. "Независимость и анабаптизм были наиболее распространены; антиномианство и арминианство - в равной степени". В один день ему приходилось опровергать противников крещения младенцев, в другой - отстаивать церковный порядок и церковное управление. Но самым распространенным убеждением среди офицеров и солдат и тем заблуждением, которое ему чаще всего приходилось опровергать, было то, что гражданский магистрат не имеет права в вопросах религии ни сдерживать, ни принуждать, и что каждый человек имеет право верить и проповедовать то, что ему угодно.

В армии политические принципы независимости также достигли своего наиболее полного и свободного развития. Бакстер нашел офицеров и солдат, "яростно выступающих против короля и против любого правительства, кроме народного".

"Я понял, - пишет он, - что они принимали короля за тирана и врага и действительно намеревались полностью овладеть им или погубить его, и что они думали, что если они могут сражаться против него, то могут убить или завоевать его; а если они могут завоевать, то никогда больше не должны доверять ему дальше, чем он находится в их власти; и они считали глупостью раздражать его войнами или противоречиями в парламенте, если так нужно, они должны принимать его за своего короля и доверять ему свои жизни, когда они таким образом вызывали его недовольство".

Таковы были принципы, на которых, по их мнению, должно основываться любое урегулирование, и они намеревались донести свою точку зрения до общественности. "Они ясно показали мне, - продолжает Бакстер, - что считают, что Божье провидение возложит на них, как на завоевателей, доверие к религии и королевству".

В мирное время, даже больше, чем в военное, армия ожидала, что Кромвель возглавит ее. Помимо великолепных военных дарований, он обладал всеми качествами, необходимыми для завоевания популярности среди солдат. В Кромвеле не было ни сдержанности, ни замкнутости Фэрфакса. Широкая душа, экспансивная, энергичная натура находила выражение в его поступках и высказываниях. "У него был сангвинический цвет лица, - говорит Бакстер, - и от природы такая живость, веселость и резвость, как у человека,

выпившего слишком много вина". В другом месте он говорит о "привычной деревенской походе Кромвеля со своими солдатами во время спортивных состязаний", а один из офицеров Кромвеля рассказывает, что "Оливер любил невинную шутку". Не делало его менее популярным и то, что под этим дружелюбием скрывался вспыльчивый характер, который иногда выливался в яростные высказывания или внезапные вспышки страсти. Отчасти именно по этой причине ему обычно приписывали гораздо более демократичные взгляды, чем он имел на самом деле. Люди помнили его резкие высказывания о лордах во время его ссоры с Манчестером и принимали раздражение практичного человека против полунисших и неспособных лидеров за укоренившуюся враждебность к институту. Его покровительство Лилберну казалось еще одним доказательством его крайних взглядов. Кромвель добился освобождения Лилберна из тюрьмы в 1640 году, получил для него назначение в манчестерскую армию в 1643 году, а в 1645 году вступил от его имени в Палату общин. Люди приписывали симпатии к развитой демократии то, что на самом деле было вызвано ненавистью к угнетению и несправедливости. Восхваления Лилберна способствовали укреплению этой иллюзии. Как бы ни был велик Кромвель в поле, утверждал Лилберн, он был еще более полезен в парламенте.

"О самоотверженном Кромвеле, вернувшемся домой... ибо он здоров сердцем, а не гнилостен, ненавидит частности и корыстные интересы и смеет свободно высказывать свое мнение". "Я сам и все остальные люди моего вероисповедания, - писал Лилберн Кромвелю в 1647 году, - смотрели на вас как на самого беспристрастного великого человека в Англии, незапятнанного и не преследующего собственных целей".

В религии, однако, Кромвель представлял армию более полно, чем в политике. Кромвель был, как верно назвал его Бейли, "великим Независимым" - типом Независимости как таковой, представляя не какой-то отдельный вид Независимости, а весь род, который включает в себя этот термин. Он не называл себя по имени ни одной секты, "не присоединялся ни к одной партии" и "не исповедовал, какого он мнения". "В хороших разговорах" он иногда "очень бегло излагал свои мысли, восхваляя Свободную Благодать", но отказывался спорить по вопросам доктрины. В некоторых высказываниях Кромвеля есть указания на то, что его привлекали те, кто называл себя "Искателями", потому что они находили удовлетворение не в какой-либо видимой форме или определенном вероучении, а в вечном поиске истины и совершенства. "Быть Искателем, - пишет Кромвель в письме, написанном примерно в это время, - значит принадлежать к лучшей секте после Находчика, и таким в конце концов должен быть каждый верный смиренный Искатель". Но, стоя немного в стороне от каждой секты, Кромвель, казалось, разделял стремления и энтузиазм каждой из них. "Анабаптисты, антиномийцы, искатели, сепаратисты" - он сочувствовал всем, приветствовал всех в рядах армии и "связывал всех точкой свободы совести, которая была общим интересом, в котором все они объединялись".

В этом требовании свободы совести Кромвель всегда делал себя выразителем. В самом начале войны он и его офицеры предложили сделать свой полк "собранный церковью". Будучи губернатором Эли, он и его заместитель, Иретон, заполнили остров индипендентами, пока люди не пожаловались, что из-за разнообразия религий это место стало "просто Амстердамом". Когда он стал генерал-лейтенантом манчестерской армии, индипенденты распространились из его полка на остальных солдат, которыми он командовал.

"Если вы посмотрите на его конный полк, - сказал один из оппонентов, - то увидите, как много там тех, кто называет себя благочестивыми людьми; некоторые утверждают, что видели видения и имели откровения. Посмотрите на полк полковника Флитвуда с его майором

Гаррисоном, какое там скопление проповедующих офицеров и солдат. По правде говоря, почти вся наша лошадь состоит из этой фракции".

Кромвель защищал их от манчестерских пресвитерианских капелланов и от враждебности пресвитерианских офицеров. В марте 1644 года, когда генерал-майор Кроуфорд обналичил подполковника своего полка на том основании, что тот был анабаптистом, Кромвель сразу же выступил с протестом. Если подполковнику вменяется в вину какое-либо военное преступление, его должен судить военный трибунал, если же нет, Кроуфорд должен восстановить его в должности. "Признайте, что он анабаптист, разве это сделает его неспособным служить обществу? Сэр, государство, выбирая людей на службу, не обращает внимания на их мнения; если они готовы верно служить ему, этого достаточно". Шесть месяцев спустя, после второй ссоры с Кроуфордом по тому же поводу, Кромвель добился от парламента так называемого "приказа о размещении". Должен был быть назначен комитет

"принять во внимание различия во мнениях членов Ассамблеи Богов относительно церковного управления и попытаться объединиться, если это возможно; а в случае, если это невозможно, попытаться выяснить, каким образом нежные совести, которые не могут во всем подчиниться общему правилу, которое будет установлено, могут быть улажены в соответствии со Словом, и как это может быть полезно для общественного мира" (13 сентября 1644 года).

После каждой победы "новой модели" Кромвель напоминал парламенту о необходимости законодательно закрепить веротерпимость, которую обещало это голосование. "Честные люди верно служили вам в этом деле, - писал он с поля Нейсби, - они надежны; я умоляю вас именем Бога не отговаривать их. Тот, кто рискует жизнью за свободу своей страны, я желаю, чтобы он уповал на Бога за свободу своей совести, а вы - на свободу, за которую он сражается". Общинники так мало разделяли его чувства, что изуродовали его письмо, опустив в опубликованных копиях его призыв к веротерпимости, но он повторил его еще более простым языком после штурма Бристоля.

"Пресвитериане и индепенденты, все здесь имеют один и тот же дух веры и молитвы... они согласны здесь, у них нет имен различий; жаль, что нигде не должно быть иначе. Все верующие имеют истинное единство, которое наиболее славно, потому что внутреннее и духовное..... Ибо, будучи едины в формах, обычно называемых единомыслием, каждый христианин ради мира будет изучать и делать, насколько позволит совесть. И от братьев по разуму мы не ждем никакого принуждения, кроме как от света и разума".

Парламент ответил, изуродовав это письмо так же, как и другое. Какова была перспектива того, что теперь, когда мечи Индепендентов больше не нужны, к их политическим и религиозным требованиям прислушаются, и что никакое принуждение, кроме света и разума, не будет применено против их совести? Что касается религии, то, если парламент позволит пресвитерианскому духовенству творить свою волю, индепенденты не смогут ожидать ничего, кроме преследований. "Позволить людям служить Богу по убеждению их собственной совести", - писал один пресвитерианский божественный деятель, - "значит изгнать одного дьявола, чтобы вошли семь худших". Толерантность, писал другой, была "шедевром дьявола". "Если бы у дьявола был выбор, установить ли в королевстве иерархию, церемонии и литургию или предоставить веротерпимость, он бы выбрал веротерпимость". "Мы ненавидим и отвращаемся от столь старательной толерантности", - заявило собрание лондонских священнослужителей. Лондонская корпорация подкрепила свое заявление петицией о подавлении всех ересей. В самом парламенте было очевидно, что антитолериционисты одержали верх. Еще в апреле 1646 года общинники обещали должное

уважение к нежной совести при условии, что они не будут расходиться в основах религии. Однако в сентябре палата приняла во втором чтении законопроект, который наказывал смертью тех, кто отрицал доктрины, касающиеся Троицы и Воплощения, и пожизненным заключением тех, кто выступал против крещения младенцев и других менее важных доктрин. В декабре, когда был внесен законопроект, запрещающий мирянам проповедовать в церквях и других местах, Кромвель смог собрать лишь пятьдесят семь членов в пользу того, чтобы разрешить им хотя бы излагать Писание. В предложениях парламента об устройстве королевства не было и намека на то, что конституционное урегулирование будет включать в себя терпимость к независимости.

Так же мало надежд было и на короля. С мая 1646 года Карл находился в плену в лагере шотландцев, сначала в Ньюарке, а затем в Ньюкасле. Главные требования, содержащиеся в предложениях, направленных ему в Ньюкасл, заключались в том, чтобы король принудил к принятию Ковенанта через все три королевства и принял пресвитерианскую церковь, созданную парламентом. В то же время он должен был передать парламенту контроль над военно-морскими и военными силами страны на ближайшие двадцать лет, а по истечении этого срока обе палаты должны были решить, как распорядиться ими в дальнейшем. При поддержке церкви и с мечом и кошельком в руках власть парламента была бы надежно закреплена.

Сколько мог, Карл уклонялся от прямого ответа. Он считал, что епископы и апостольское преемство необходимы истинной Церкви. Если он уступит отмене епископата, "Церкви не будет", а уступить велениям совести было бы "грехом высочайшего свойства". Политические мотивы усиливали возражения совести. Принятие или навязывание Ковенанта было бы "вечным разрешающим мятежом". Что касается законодательного установления пресвитерианства,

"под предлогом глубокой реформации в Англии они намерены отобрать всю церковную власть у короны и передать ее двум палатам парламента. Более того, они введут доктрину, которая учит, что восстание законно и что верховная власть находится в народе, перед которым короли, как они говорят, должны давать отчет и быть исправлены, когда они поступают неправильно..... Со времен Соломона не было более мудрого человека, чем тот, кто сказал: "Нет епископа - нет короля"".

Самое большее, на что согласился Карл после многомесячных переговоров, - это на три года установить пресвитерианство и на десять - контроль над армией и флотом. По истечении десяти лет он оговаривал, что контроль над армией и флотом должен вернуться к короне, а по истечении трех твердо решил восстановить епископат.

После восьми месяцев тщетных переговоров шотландцы, возмущенные упорным отказом короля принять пресвитерианство, решили отказаться от дела короля и передать его английским подданным. Они уладили свои разногласия с английским парламентом по поводу задолженности по жалованию, получили двести тысяч фунтов стерлингов в счет оплаты и эвакуировались из Ньюкасла 30 января 1647 года, оставив Карла на попечение парламентских комиссаров. В феврале его привезли в Холмби-Хаус в Нортгемптоншире под охраной комиссаров и кавалерийской гвардии.

Но момент, когда король, казалось, пал ниже всех, ознаменовал успех его политики. Его отказ принять условия, предложенные ему в Ньюкасле, основывался главным образом на убеждении, что он незаменим. "Люди, - говорил он в одном из своих писем, - начнут

понимать, что без моего утверждения не может быть мира". Даже его противники должны это понять: "Не претендуя на пророчество, я предскажу их гибель, если они не согласятся со мной". Рано или поздно, но он был уверен, что какая-то сторона среди его противников должна ради их же блага принять его условия и прийти к взаимопониманию с ним. То, что он предвидел, уже свершилось. Еще до его приезда в Холмби несколько пресвитерианских пэров согласились принять уступки короля в качестве основы соглашения, по завершении которого Карл должен был вернуться к исполнению своих полномочий. Это было начало того союза между роялистами и пресвитерианами, который привел ко Второй гражданской войне и, наконец, к реставрации Карла II. 12 мая в Вестминстер поступило новое послание короля, содержащее эти уступки, и можно было не сомневаться, что большинство в обеих палатах примет их как удовлетворительные.

Соглашение на такой основе было перемирием, а не миром. Оно оставляло нерешенными вопросы, ставшие причиной войны, и отбрасывало все плоды победы. Парламент и король боролись за суверенитет, но теперь, ценой временных уступок, суверенитет оставался в руках короля. Пока за королем сохранялось право вето на законопроекты, он мог предотвратить превращение любых временных уступок в постоянные, и он намеревался это сделать. Индепенденты чувствовали всю опасность такого одностороннего компромисса, но теперь они были в безнадёжном меньшинстве в обеих палатах. Когда армия будет распущена, они лишатся всякого влияния. Ее расформирование произошло бы в октябре 1646 года, если бы не напряженные отношения парламента с шотландцами, и в феврале 1647 года было проведено голосование по схеме роспуска. Из сорока тысяч вооруженных людей в Англии парламент предложил сформировать новую армию, состоящую из шести тысяч четырехсот конных и около десяти тысяч пеших для гарнизонной службы. Он воспользовался возможностью избавиться от всех независимых офицеров "новой модели". Фэрфакс должен был остаться генералом, но все остальные генеральские офицеры должны были быть уволены. Ни один член парламента не должен был занимать должность в новой армии, и ни один офицер не должен был быть принят на службу, если он не принадлежал к пресвитерианской церкви. Из солдат "нового образца" четыре тысячи конных должны были остаться на службе в Англии; остальная конница и пехота должны были использоваться для повторного завоевания Ирландии.

В Ирландии с момента прекращения войны в 1643 году Ормонд, лорд-лейтенант короля, оставался в Дублине, стараясь превратить прекращение войны в мир и послать помощь королю в Англию. Но отказ католического духовенства согласиться на меньшее, чем установление католицизма в Ирландии, сорвал его переговоры, и в 1646 году Дублин снова был осажден. Имея мало войск и не имея денег на их оплату, Ормонд оказался вынужден подчиниться либо ирландским, либо английским повстанцам. Он выбрал последний вариант как единственный способ сохранить Ирландию за английской нацией и в феврале 1647 года предложил парламенту передать свое обвинение. Ничто не могло так удачно совпасть с планами пресвитерианцев, и 6 марта 1647 года парламент постановил, что 12 600 человек, набранных из рядов "Нового образца", должны быть немедленно отправлены в Ирландию, и направил комиссаров в штаб армии, чтобы убедить солдат поступить на ирландскую службу.

Если бы с солдатами обращались справедливо, то не составило бы труда убедить их либо записаться добровольцами в Ирландию, либо тихо распуститься. Но глупость пресвитерианских лидеров породила военный бунт, который изменил лицо английской политики. Как и следовало ожидать, солдаты хотели получить плату за свою службу, прежде чем распускаться или снова поступать на службу. Пешие солдаты имели восемнадцатинедельную задолженность по жалованью, конные - сорокатрехнедельную.

Они обратились к Фэрфаксу с просьбой представить их пожелания в парламенте, в частности, попросив предоставить им компенсацию от судебных разбирательств за действия, совершенные в ходе войны, и гарантировать выплату жалования. Палата общин приказала подавить петицию и объявила тех, кто упорствует в петиции, врагами государства и нарушителями общественного спокойствия. Что касается их задолженности, то она предложила выплатить им только шесть недель, и даже это предложение было отложено до конца апреля. В результате из всех двадцати двух тысяч человек "новой модели" в Ирландию добровольно отправились только двадцать три сотни, а недовольство армии разрослось до грозного волнения. В апреле конные полки избрали представителей, называемых агитаторами или агентами, для согласования совместных действий, а в мае их примеру последовали пешие. В конце апреля агитаторы восьми полков направили совместное письмо Скиппону и Кромвелю, призывая их представить парламенту информацию о несправедливом положении армии и добиться исправления ситуации. Кромвель и Скиппон представили письмо в Палате представителей, и Палата приказала им в сопровождении Иретона и Флитвуда отправиться в армию и попытаться утихомирить волнения солдат. Он пообещал солдатам значительную часть их задолженности при расформировании и хорошую гарантию выплаты оставшейся части. Предлагаемое шестинедельное жалование было увеличено до восьми.

До этого момента Кромвель не принимал никакого участия в переговорах с солдатами, а тем более в движении среди них против роспуска. В феврале 1647 года, когда были приняты первые голоса за роспуск, он был опасно болен и некоторое время отсутствовал как в Палате представителей, так и в Комитете обоих королевств. Все знали о его недовольстве политикой, которой придерживались пресвитерианские лидеры, и некоторые приписывали его воздержание этой причине. "Мы полны раздоров и еще хуже", - так прокомментировал Кромвель состояние дел в парламенте в августе 1646 года. Он с тревогой отмечал рост роялистских настроений в Лондоне и растущую враждебность горожан к армии и индипендентам.

"Мы получили очень длинную петицию из Сити, - писал он Фэрфаксу 21 декабря 1646 года, - как она направлена против армии и какие другие цели преследует, вы увидите из ее содержания, а также каковы преобладающие нравы в настоящее время и чего следует ожидать от людей. Но вот в чем наше утешение: Бог на небесах, и Он делает то, что Ему угодно; Его и только Его совет останется в силе, каковы бы ни были замыслы людей и ярость народа".

В марте 1647 года настроение в городе было еще хуже.

"Не во всех местах, - говорил он Фэрфаксу, - найдутся люди, которые имеют столько злобы против армии, сколько их одолевает. Никогда еще дух людей не был так озлоблен, как сейчас.... В день поста были подняты конные и пешие солдаты, около двухсот в Ковент-Гардене, чтобы помешать нам, солдатам, перерезать горло пресвитерианам ! Это прекрасные уловки, чтобы насмехаться над Богом".

Его раздражали и подозрения, с которыми относились к нему самому, и прием, который они встречали у людей, которым следовало бы знать лучше.

"Жалкое дело, - говорил он Ладлоу, - служить парламенту, которому, пусть человек никогда не будет так предан, но если среди них появится хоть один прагматик и будет клеветать на него, он никогда не сотрет ее; тогда как, служа генералу, он может оказать столько же услуг и при этом быть свободным от всякого порицания и зависти".

Кромвель даже подумывал о том, чтобы покинуть Англию с таким количеством своих соратников, какое он мог взять с собой, и сражаться за дело немецких кальвинистов под флагом курфюрста Палатина. В марте или апреле 1647 года он долго беседовал с курфюрстом на эту тему.

Но, несмотря на недовольство Кромвеля, ни в его словах, ни в действиях нет признаков того, что он собирался противостоять политике парламента или думал о военной революции. Некоторые из его самых больших поклонников горько жаловались на то, что он упорно препятствует петициям солдат.

"Сегодня мне сообщили, - писал Лилберн Кромвелю 25 марта, - офицер из армии, что вы и ваши агенты намерены разбить в пух и прах надежды на наше внешнее сохранение, подав петицию в Палату представителей, и не позволите им подать петицию, пока они не сложат оружие; ведь вы же обещали Палате, что они сложат оружие, когда она прикажет им".

Действия Кромвеля в течение последних нескольких месяцев, продолжал Лилберн, наполнили его печалью и изумлением. Может быть, его сдерживали временные политики, "жадные дождевые черви", такие как Вейн и Сент-Джон, или подкупили его бездействием те владения, которые ему предоставил парламента? Пусть он наберется решимости, "как человек, который будет упорствовать быть человеком для Бога", и рискнет жизнью, чтобы избавить своих соратников от разорения, а свою страну - от вассальной зависимости и рабства.

Кромвель остался глух к этим призывам. Он боялся поощрять вмешательство солдат в политику и еще больше опасался анархии, которая могла последовать за разрывом между парламентом и армией. В мае он вместе с тремя коллегами отправился в штаб армии в Саффрон-Уолдене, внимательно изучил жалобы просителей, сообщил о голосах парламента и сделал все возможное, чтобы склонить офицеров и солдат к покорности.

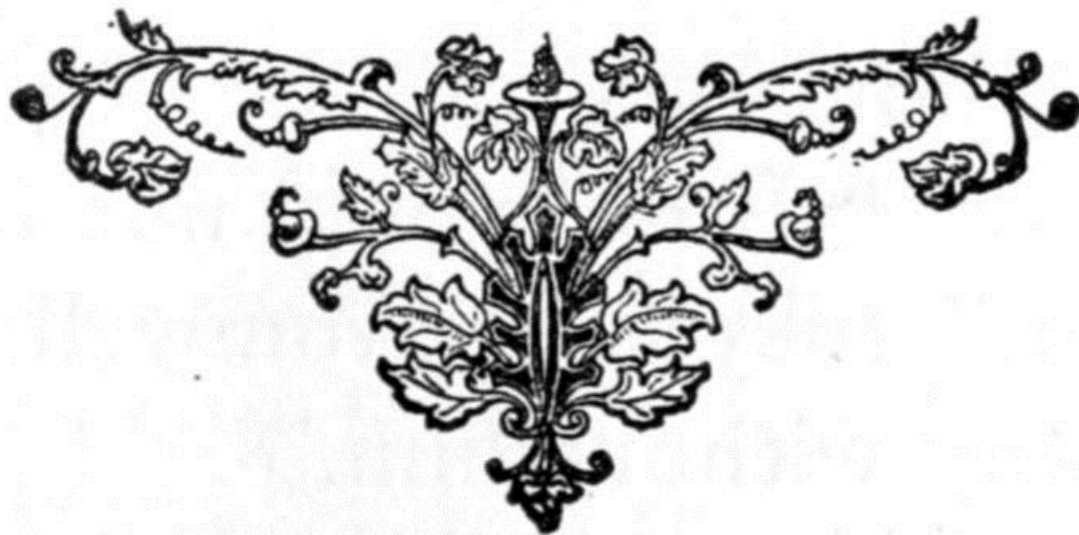
"Воистину, джентльмены, - сказал он офицерам, - вам будет очень полезно как можно лучше использовать голоса и интерес, который каждый из вас имеет к своим полкам, чтобы сформировать у них хорошее мнение о той власти, которая есть и у нас, и у них. Если этот авторитет упадет до нуля, не будет ничего, кроме путаницы".

Комиссары сообщили, что вся армия находится "под глубоким ощущением некоторых страданий", а простые солдаты "сильно расстроены". 21 мая Кромвель получил благодарность общинников и сообщил им, что солдаты, конечно, не пойдут в Ирландию, но он думает, что они спокойно распустятся. Под его влиянием палата на какое-то время, казалось, была склонна к примирительной политике и приняла ордонансы, устраняющие некоторые мелкие недовольства солдат. Но не было предпринято никаких шагов, чтобы предоставить им обещанную гарантию выплаты задолженности, и 27 мая была проголосована схема немедленного расформирования. Оно должно было начаться 1 июня с полка самого Фэрфакса, а чтобы предотвратить любые согласованные действия, полки должны были быть распущены по отдельности в отдаленных друг от друга местах.

Пресвитерианские лидеры решили прибегнуть к силе, чтобы довести свою политику до конца. Втайне они обсуждали с французским послом и уполномоченными шотландского парламента план ввода шотландской армии в Англию. Принц Уэльский должен был быть отправлен в Шотландию, чтобы возглавить предполагаемое вторжение. Как можно скорее король должен был быть перевезен из Холмби в Лондон, где городское ополчение находилось под полным контролем пресвитерианцев. В то же время, чтобы подавить сопротивление армии, артиллерийский обоз должен был быть перевезен из Оксфорда в

Тауэр. Затем, при поддержке шотландцев и Сити, они заставят солдат подчиниться их условиям и накажут офицеров, принявших в этом участие. Это означало новую гражданскую войну.

Одновременно начался всеобщий мятеж. Голосования на сайте за роспуск солдат до устранения их недовольства лишили запоздалые и ничтожные уступки парламента всякой ценности. Скрытые планы пресвитерианских лидеров стали известны в армии почти сразу после ее формирования. По требованию агитаторов армия отказалась распускаться. "Будьте активны, - писал один из них, - ибо все поставлено на карту". Теперь речь шла не просто о задолженности по жалованию. "Благо всего королевства и его сохранение - в ваших руках". Так считало большинство офицеров и обещало поддерживать своих людей. Так решил и военный совет Фэрфакса, и по ходатайству солдат приказал устроить общее собрание всей армии 3 июня. "Я вынужден, - извинялся Фэрфакс, - уступить в чем-то, чтобы уберечь армию от беспорядка и худших неудобств". Без его приказа конный отряд захватил артиллерийский обоз в Оксфорде, а 3 июня захватил короля в Холмби. В тот же день Кромвель покинул Лондон, решив бросить свой жребий вместе с армией.

ГЛАВА IX

АРМИЯ И ПАРЛАМЕНТ

1647-1648

Кромвель вступил в армию, потому что хотел предотвратить начало анархии или гражданской войны. Война была неизбежна, если бы пресвитерианским лидерам позволили ввести шотландские войска в Англию для подавления Независимой армии. Анархия была

неизбежна, если независимая армия не будет сдерживаться сильной рукой. Если Кромвель останется пассивным, мятеж превратится в военную революцию, и произойдет кровавое столкновение между индепендентами и пресвитерианами. Предотвратить это можно было только немедленными действиями. Теперь было слишком поздно пытаться посредничать, поскольку с его помощью или без нее агитаторы решили действовать. "Если он немедленно не придет и не возглавит их, - заявили они Кромвелю, - они пойдут своим путем и без него".

Как только Кромвель принял решение, он нанес стремительный и решительный удар. Король был ключом к разгадке ситуации, и обладание его персоной для любой из сторон означало девять пунктов закона. Его сотрудничество было необходимо для успеха пресвитерианского плана, ведь если они не выполнят соглашение с Карлом, шотландцы не пересекут границу, английские роялисты не восстанут, а жители Лондона не будут сражаться. В Холмби-Хаусе Чарльза охранял полк полковника Грейвса, который был ярым пресвитерианином, а Грейвс подчинялся приказам четырех пресвитерианских комиссаров, назначенных парламентом. Опасность заключалась в том, что Грейвс, либо по собственной воле, либо по приказу комиссаров, мог увести короля в Шотландию или в Лондон.

31 мая 1647 года Кромвель приказал корнету Джойсу, офицеру лейб-гвардии Фэрфакса, собрать партию лошадей и предотвратить вывоз короля из Холмби. Около полуночи 2 июня Джойс добрался до Холмби и расставил своих людей вокруг дома. На следующее утро солдаты королевской гвардии распахнули ворота и побратались с его людьми, а Грейвс сбежал, оставив короля и комиссаров в руках Джойса. Кромвель не отдавал никаких приказов о вывозе короля, но на следующий день появились слухи, что Грейвс возвращается с сильным отрядом, чтобы вернуть короля, и люди Джойса убеждали его удалить Карла в какое-нибудь безопасное место в кварталах армии. Чарльз, которому предложили выбор, выбрал Ньюмаркет, и, покинув Холмби в пятницу, 4 июня, Джойс и король вечером добрались до Хинчинбрука. В субботу Джойса во время марша встретил полковник Уолли, которого Фэрфакс послал принять командование над королевской охраной и доставить короля обратно в Холмби. Но Чарльз отказался возвращаться в то место, которое считал своей тюрьмой, и упорно продолжал идти в Ньюмаркет, где теперь располагался штаб армии.

В ту же пятницу и субботу в Кентфорд-Хите, недалеко от Ньюмаркета, состоялось общее собрание армии, на которое из Лондона прибыл Кромвель. На собрании было представлено полное изложение жалоб солдат, и все связали себя торжественным обязательством не распускаться и не разделяться, пока их права не будут обеспечены. Был учрежден совет, состоящий из генералов, двух офицеров и двух рядовых, выбранных от каждого полка, который должен был вести переговоры с парламентом от имени солдат и представлять армию в политических вопросах. Эксперимент был опасным, но ограничить функции агитаторов и побудить их сотрудничать со своими офицерами было единственным способом поставить их под контроль. Однако в военных вопросах генерал и его военный совет оставались верховными, и в этом органе Кромвель был правящим духом. Противники описывали генерал-лейтенанта как "*primum mobile*", "главное колесо", которое приводило в движение всю машину. Под его влиянием субординация и дисциплина были быстро восстановлены, и уже через несколько недель реальное руководство армией перешло в руки военного совета, а Генеральный совет опустился до положения дискуссионного общества. Никто не сомневался, что это дело рук Кромвеля. "Вы лишили, - жаловался Лилберн в июле, - своими несправедливыми уловками честных и галантных агитаторов всей их власти и авторитета и передали их исключительно в руки того, что называется военным советом".

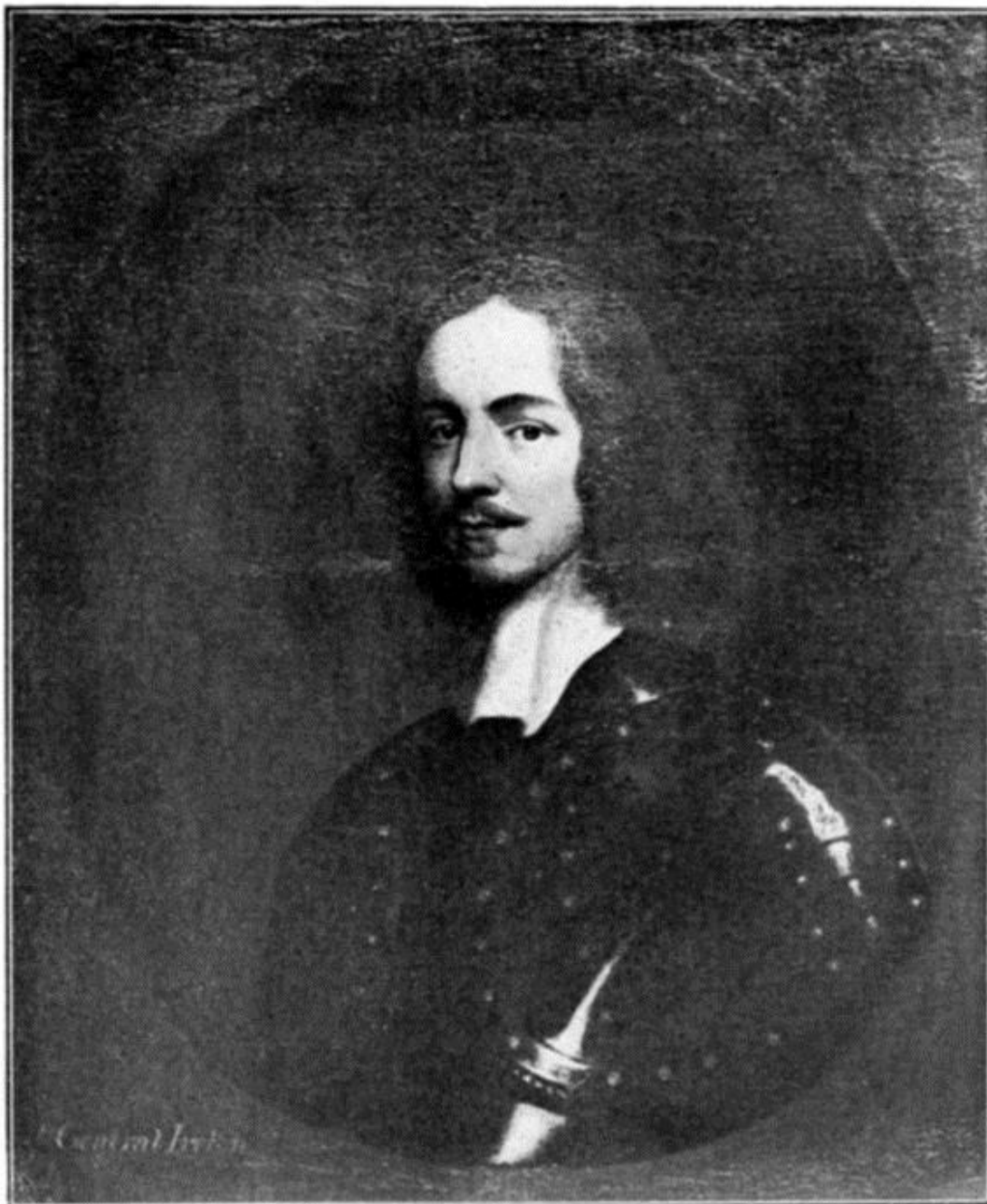
Из Ньюмаркета армия двинулась к Лондону. Парламент пообещал солдатам все их долги и отменил наступательные декларации. Но теперь солдаты требовали гарантий на будущее, а также удовлетворения за прошлое. Они настаивали на отстранении пресвитерианских лидеров от власти и требовали права голоса в урегулировании ситуации в стране. Письмо в лондонский Сити, подписанное всеми главными офицерами, но, вероятно, написанное самим Кромвелем, объясняло изменение их отношения.

"Как англичане - и, конечно, то, что мы являемся солдатами, не лишает нас этого интереса, хотя наши злобные враги хотели бы этого, - мы желаем урегулирования мира в королевстве и свобод подданных в соответствии с голосами и декларациями парламента, которые, прежде чем мы взяли оружие, были использованы парламентом в качестве аргументов, чтобы пригласить нас и многих наших дорогих друзей уйти; некоторые из них потеряли свои жизни в этой войне. Которая теперь, с Божьего благословения, закончена, и мы думаем, что имеем такое же право требовать и желать счастливого урегулирования, как и в отношении наших денег и других общих интересов солдат, на которых мы настаивали".

Кромвель утверждал, что армия не желает ни гражданской, ни церковной революции, но повторил требование веротерпимости.

"Мы говорили раньше и заявляем сейчас, что не желаем никаких изменений в гражданском правительстве. Так же мало мы желаем прерывать или хотя бы вмешиваться в устройство пресвитерианского правления. Мы также не стремимся открыть путь для разнузданной свободы под предлогом облегчения нежной совести. Мы, как и всегда в таких случаях, заявляем, что, когда государство установило порядок, нам ничего не остается, как подчиниться или терпеть. Мы лишь желаем, чтобы каждый добропорядочный гражданин и каждый человек, ведущий мирный образ жизни и приносящий пользу Содружеству, мог иметь свободу и поощрение; это соответствует истинной политике всех государств и даже самой справедливости".

Очевидно, что для Кромвеля обретение свободы совести казалось более важным, чем любые возможные изменения в конституции церкви или государства. Задача сформулировать политическую программу армии выпала на долю его зятя Иретона, который имел более определенные, чем Кромвель, взгляды на необходимые конституционные изменения. Произвольная власть, утверждал Иретон в Декларации армии от 14 июня, является корнем всех зол. От абсолютизма парламента нужно защищаться так же, как и от абсолютизма короля, а парламентские привилегии могут стать такой же опасностью для народных свобод, какой была королевская prerogative. Чтобы обезопасить права народа, нужно было сделать парламент более представительным. Отныне требование скорейшего прекращения деятельности существующего парламента сопровождалось требованиями выравнивания избирательных округов, коротких парламентов и защиты права на подачу петиций.

ГЕНРИ ИРЕТОН.

(С картины Роберта Уокера, хранящейся в Национальной портретной галерее).

Длинный парламент не был расположен к таким демократическим изменениям, но он был вынужден временное решение. Пришло известие, что десять тысяч человек северной армии под командованием генерала Пойнца находятся на грани мятежа и готовы присоединиться к войскам под командованием Фэрфакса. Одиннадцать пресвитерианских лидеров, которым армия объявила импичмент, спасли достоинство палаты добровольным уходом, и 1 июля в Уайкомбе начались переговоры. После двухнедельных переговоров агитаторы стали роптать на задержку и требовать немедленного возобновления похода на Лондон и выполнения своих требований. Кромвель и высшие офицеры выступили против. "Что бы мы ни получили по договору, - утверждал Кромвель, - он будет прочным и долговечным. Это будет передано

потомкам". Друзья армии с каждым днем все больше укрепляли свои позиции в палате представителей.

"То, что мы и они получим свободным путем, лучше, чем в два раза больше принудительным, и будет в большей степени принадлежать нам и нашим потомкам. На то, что вы получили силой, я смотрю как на ничто. Я не знаю, что сила должна использоваться, если только мы не можем получить то, что служит благу королевства, без нее".

По мнению Кромвеля, было бы достаточно императивно потребовать определенных уступок в качестве гарантии того, что договор имеет серьезные намерения, а условия политического урегулирования оставить на усмотрение переговоров. Прежде всего, необходимо было объединить армию. "Вы можете быть правы, а я - нет, но если мы разделимся, я сомневаюсь, что мы оба окажемся в проигрыше".

План Кромвеля был принят, и Долгий парламент уступил. Все приготовления к вооруженному сопротивлению были прекращены. Парламент назначил Фэрфакса главнокомандующим всеми войсками в Англии, включая те, что в последнее время находились под командованием генерала Пойнца; он распустил всех солдат, набранных для противостояния Фэрфаксу; он вернул контроль над лондонским ополчением старому комитету, которому доверяла армия, вместо исключительно пресвитерианского комитета, назначенного весной. Но если парламент счел нужным уступить, то Лондон этого не сделал. 21 июля толпы горожан подписали соглашение о сохранении Ковенанта и восстановлении короля на его собственных условиях, хотя обе палаты единодушно осудили это соглашение. 26-го числа толпы подмастерьев и уволенных солдат осадили палаты и пригрозили их членам насилием, если командование городскими войсками не будет возвращено пресвитерианам. Лорды сдались первыми; общинники сопротивлялись еще несколько часов, но в конце концов тоже подчинились толпе и отменили свои голоса. Бунтовщики также вымогали у них голос, приглашающий короля в Лондон. После этого обе палаты объявили перерыв до 30 июля, но еще до наступления этого дня оба спикера, за которыми последовали восемь пэров и пятьдесят семь членов общин, укрылись в армии, заявив, что парламент не свободен, а армия, обязавшаяся восстановить свободу парламента, идет на Лондон. Пресвитериане приготовились к бою и передали силы Сити под командование генерал-майора Мэсси. Одиннадцать отстраненных от власти пресвитерианских лидеров снова заняли свои места в парламенте, взяли на себя руководство движением и назначили Комитет безопасности. Но гражданское ополчение и недисциплинированные добровольцы имели бы мало шансов против ветеранов Нейсби. Даже фанатичная толпа Сити знала это, и когда Фэрфакс прибыл в Хаунслоу с двадцатью тысячами человек, их храбрость упала до нуля.

Толпы людей собрались у Гилдхолла, где отцы Сити обсуждали, сражаться или сдаться. Когда приходил разведчик и приносил известие о том, что армия остановилась, или другие хорошие сведения, они кричали: "Один и все". Но если разведчики приносили известие о том, что армия приблизилась к ним, то они так же громко кричали: "Лечиться, лечиться, лечиться". 4 августа Лондон безоговорочно подчинился, а через два дня армия сопровождала беглых членов в Вестминстер и триумфально проследовала через Сити. Агитаторы громко говорили о чистке Палаты общин путем изгнания всех членов, заседавших во время отсутствия спикеров, но Кромвель и офицеры довольствовались тем, что требовали признать недействительными решения, принятые за последние десять дней. Даже этого не удалось добиться, пока Кромвель не пригрозил применить силу и не вывел полк кавалерии в Гайд-парк, чтобы придать вес своим аргументам. Пресвитериане по-прежнему составляли большинство в парламенте, хотя их лидеры уже бежали на континент.

Теперь армия возлагала свои надежды на короля, а не на парламент. Во время похода на Лондон она опубликовала свои предложения "по очищению и обеспечению прав королевства, установлению справедливого и прочного мира". В "Главах предложений", как и в "Ньюкаслских предложениях", содержалось требование, чтобы в течение следующих десяти лет парламент контролировал ополчение и назначал государственных чиновников, но они были более мягкими по отношению к партии короля. Роялисты должны были на время лишиться возможности занимать должности, но их штрафы должны были быть уменьшены, число исключений из помилования сокращено, а также должна была быть объявлена всеобщая амнистия. Помимо этих временных мер безопасности, в конституцию должны были быть внесены три постоянных изменения. Религиозное урегулирование должно было основываться на веротерпимости, а не на принуждении к пресвитерианству. Никто не должен был быть обязан принимать Завет, епископы и церковные чиновники должны были быть лишены всякой принудительной власти, а статуты, принуждающие посещать церковь или использовать молитвенник, должны были быть отменены. В будущем королевская власть должна была быть ограничена учреждением Государственного совета, который должен был совместно с королем управлять военными силами и вести внешние дела. Парламенты должны были собираться раз в два года, заседать ограниченное время и избираться по более равным округам, а действующий парламент должен был заканчивать свою работу в течение года.

Главным автором этих предложений был Иретон, но Кромвель в равной степени стремился к соглашению между армией и королем.

"Что бы ни судил о них мир, - сказал Кромвель одному из агентов короля, - армия не будет искать для себя ничего, кроме разрешения жить, как подобает подданным, и хранить свою совесть; и они считают, что ни один человек не сможет спокойно наслаждаться своей жизнью и имуществом, если король не будет иметь своих прав".

Когда Карл выдвинул возражения против первого варианта "Предложений", Кромвель и Иретон убедили Совет армии снизить свои требования и внести важные изменения в окончательно опубликованную схему. Если король примет его, армейские лидеры заверяли его, что больше не потребуют от него никаких уступок. А если после принятия схемы парламент откажется ее утверждать, они очистят палаты от противников, "пока не сделают их такими, чтобы они могли вести дела Его Величества".

Так говорили офицеры, но вскоре стало ясно, что они не рассчитали своего хозяина. Король не был склонен подчиняться постоянным ограничениям королевской власти, которых требовала армия, и думал, что сможет воспользоваться ссорой между ним и парламентом, чтобы навязать свою волю обоим. Он откровенно заявил об этом. "Вы не можете обойтись без меня. Вы разоритесь, если я не поддержу вас", - сказал он офицерам, когда "Предложения" были впервые предложены ему. "Сэр, - ответил Иретон, - вы намерены быть арбитром между парламентом и нами, а мы - между вашим величеством и парламентом". В другой раз Карл ответил на уговоры Иретона вызывающим заявлением: "Я буду вести свою игру так хорошо, как смогу". "Если у вашего величества есть своя игра, - ответил Иретон, - вы должны дать нам право играть в свою".

Они не смогли прийти к соглашению. Карл упорно продолжал свою политику игры одной партии против другой, уверенный, что его дипломатическое искусство обеспечит ему окончательную победу. В сентябре парламент вновь предложил королю "Предложения Ньюкасла", на что тот ответил, что "Предложения" армии предлагают лучшую основу для прочного мира, и попросил заключить личный договор. Передовая партия среди

индепендентов, возглавляемая Гарри Мартеном и полковником Рейнсборо, настаивала на том, что парламент должен приступить к урегулированию королевства, не советуясь с королем. Они сравнивали Карла с Ахавом, чье сердце ожесточил Бог, и с Ионой, который должен быть выброшен за борт, чтобы корабль государства благополучно пришел в порт. Кромвель, поддержанный Иретоном и Вейном, высказался за новое обращение к королю, и восемьдесят четыре голоса против тридцати четырех Палата постановила подготовить новые предложения. Кромвелю казалось, что восстановление монархии - единственный способ избежать анархии. Уже один офицер был исключен из Совета армии за заявление о том, что в Англии теперь нет никакой видимой власти, кроме власти меча, и Кромвель предупредил парламент, что среди солдат быстро растет число людей, считающих, что меч должен править всеми. Он утверждал, что необходимо как можно скорее договориться с королем, но убедить парламент снизить свои требования оказалось выше его сил. Новые условия, которые он выработал, не свидетельствовали о готовности к компромиссу. Как и прежде, все ведущие роялисты должны были быть исключены из числа помилованных, вновь настаивалось на установлении пресвитерианства на неопределенный срок, а в веротерпимости было отказано не только католикам, но и всем, кто использует литургию. Попытки Кромвеля ограничить срок действия пресвитерианства тремя или семью годами не увенчались успехом. Парламент был столь же неподатлив, как и король, и пока он бесплодно обсуждал предложения, которые не могли привести к согласию, прогресс демократического движения в армии угрожал новой революцией.

Переговоры Кромвеля с королем, его речи в пользу монархии, изменение условий, предложенных Карлу армией, и попытка смягчить условия, предложенные парламентом, - все это вызывало подозрения. Хотя Карл не доверял Кромвелю и Иретону, потому что они не просили для себя никаких личных услуг или преимуществ, их обоих смело обвиняли в том, что они заключили с королем частную сделку для своего собственного продвижения. Кромвель, как утверждали, должен был стать графом Эссексом, как и его родственник, капитаном королевской гвардии и рыцарем Подвязки, а Иретон - лордом-лейтенантом Ирландии. Роялисты распространяли эти истории, чтобы посеять раздор между Кромвелем и армией; солдаты проглотили их, потому что боялись восстановления монархии. Памфлетисты "Левеллеров", как в народе называли крайних радикалов, публиковали расплывчатые обвинения в предательстве и двойных сделках против армейских лидеров. Иногда Кромвеля описывали как честного человека, сбитого с пути амбициозным Айретоном; в других случаях этих двоих считали сообщниками во зле, чьи случайные разногласия были всего лишь приемом, чтобы пустить пыль в глаза всему миру. В их обращениях к Кромвелю звучали нотки удивления и печали. "О мой некогда высокочтимый Кромвель, - писал Уайлдмен, - может ли эта ваша грудь - легендарный дворец свободы - вместить такое чудовище зла, как этот царственный принцип?" В то время как Уайлдман надеялся "пробудить совесть Кромвеля из мертвых", Лилберн, признаваясь, что его добрые мысли о Кромвеле еще не совсем угасли, угрожал свергнуть его с мнимого величия еще до того, как он станет старше на три месяца.

Эти нападки поколебали доверие солдат к своим вождям и раздули искры недовольства в пламя. Агитаторы, некогда страстно желавшие договориться с королем, стали требовать немедленного разрыва переговоров с ним. Пусть армия, говорили они, возьмет урегулирование ситуации в стране в свои руки, раз уж ни их генералы, ни парламент не в состоянии этого сделать. В октябре пять конных полков сняли с должности своих старых представителей как слишком умеренных, избрали новых агентов и предъявили свои требования Фэрфаксу.

Существующий парламент должен был быть распущен в течение года, а в будущем должны были быть созданы двухгодичные парламенты, равные избирательные округа и избирательное право для мужчин. Ничего не говорилось ни о короле, ни о палате лордов, но молчаливо предполагалось упразднение и того, и другого. К проекту конституции прилагалась декларация, в которой свобода совести, свобода от принуждения и равенство перед законом утверждались как исконные права каждого англичанина - права, которые ни один парламент или правительство не вправе уменьшить или отнять. Офицеры предлагали более ограниченную монархию - адаптацию старой конституции к новым условиям, которые создала Гражданская война. Солдаты же требовали демократической республики, основанной на письменной конституции, составленной в соответствии с абстрактными принципами, новыми для английской политики.

Солдаты просили, чтобы их план, который они называли "Соглашение народа", был немедленно представлен на рассмотрение нации для принятия. Парламент должен был быть отменен прямым обращением к народу как единственному законному источнику всей политической власти. Против этого протестовали Кромвель и Айретон. Армия, по их словам, взяла на себя определенные обязательства в своих недавних обращениях к нации, и обещания, данные в них, должны быть соблюдены. Оба заявили, что, если эти публичные обещания не будут выполнены, они сложат свои полномочия и больше не будут участвовать в военных действиях. Столь же решительными были их возражения против некоторых принципов, которые содержало "Соглашение", и против метода, которым предлагалось навязать его нации. "Этот документ, - сказал Кромвель, - содержит очень большие изменения в правительстве королевства - изменения того правительства, под которым оно находилось с тех пор, как стало нацией. О том, каковы будут последствия таких изменений, даже если бы не было ничего другого, должны подумать мудрые и благочестивые люди". Предложенная конституция содержала много нелепого и правдоподобного, но также и много спорного. И пока они обсуждали ее, другие партии могли выдвинуть другие схемы, столь же правдоподобные.

"И не только другая и другая, но и множество подобных. А если так, то каковы, по-вашему, будут последствия этого? Не будет ли это путаницей? Не будет ли это полной путаницей? Не превратит ли это Англию в подобие Швейцарии: один кантон швейцарцев против другого, одно графство против другого? И что это даст, кроме полного опустошения нации? Я спрашиваю вас, - сказал он в заключение, - не должен ли каждый честный человек всерьез положить это себе на сердце?"

Более того, следует рассматривать не только последствия, но и пути и средства достижения цели. Если допустить, что это была лучшая из возможных конституций для народа Англии, то все же трудность ее достижения была очень реальным возражением.

"Я знаю, - сказал он, - человек может ответить на все трудности верой, и вера ответит на все трудности там, где она действительно есть; но все мы очень склонны называть верой то, что, возможно, является лишь плотским воображением и плотским рассуждением". Вера способна сдвинуть горы, "но позвольте мне сказать, что на пути к этому будут стоять очень большие горы".

Упоминание Кромвеля о трудностях вызвало в памяти полковника Рейнсборо, лидера демократической партии среди офицеров.

"Если бы мы когда-либо смотрели на трудности, - воскликнул Рейнсборо, - я не знаю, чтобы мы когда-либо смотрели врагу в лицо. Пусть вокруг вас трудности, пусть перед вами смерть, а по обе стороны от вас и за вами море; если вы убеждены, что дело правое, я думаю, вы

обязаны его выполнить; и я думаю, в последний день никогда нельзя будет ответить Богу, что вы его не выполнили. Ведь это плохая служба Богу и королевству - брать плату и отказываться от работы".

"Возможно, - ответил Кромвель со спокойным достоинством, - мы все делали свое дело, не страшась трудностей, как один, так и другой, и я надеюсь, что все намерены делать это и впредь. Я не думаю, что кому-то из присутствующих нужна храбрость, чтобы сделать то, что подобает честному человеку и англичанину. Но мы говорим как люди, желающие иметь страх Божий перед глазами, и люди, которые могут не решаться делать то, что мы делаем во власти плотской силы, но положить это в основу всех наших действий, чтобы делать то, что является волей Божьей".

Когда дело дошло до обсуждения деталей "Предложений", самые ожесточенные дебаты разгорелись по вопросу о мужском избирательном праве.

"Каждый человек, родившийся в Англии, - утверждал Рейнсборо, - бедняк, самый ничтожный человек в королевстве", должен иметь право голоса при выборе тех, кто устанавливает законы, по которым ему предстоит жить и умереть. Это было естественное право, часть права каждого англичанина по рождению и часть свободы, за которую солдаты проливали свою кровь. "На этом основании мы взяли в руки оружие, - сказал один из них, - и на этом основании мы будем его поддерживать".

Иретон ответил, что предоставление права голоса людям, не имеющим никакого отношения к стране, поставит под угрозу как свободу, так и собственность. Логически, утверждал он, теория естественных прав подразумевает право на собственность, а также право на политическую власть. Кромвель, согласившись с тем, что всеобщее избирательное право "очень сильно склоняет к анархии", полностью отверг абстрактные принципы и выразил готовность согласиться на разумное расширение избирательного права.

Далее последовала борьба по вопросу о короле и лордах. Кромвель заявил, что не имеет никаких частных обязательств ни перед одним из них и не желает сохранять их, если их сохранение несовместимо с безопасностью нации. Демократическая партия в совете считала, что и монархия, и верхняя палата должны быть упразднены и что их сохранение в любой форме опасно. Мнение Кромвеля заключалось в том, что в настоящее время, учитывая свои государственные обязательства, армия не может по справедливости и честности ни упразднить их, ни отложить, и поэтому он желал сохранить и то, и другое, насколько это возможно без риска для государственных интересов. Некоторые смело утверждали, что власть короля и лордов - часть того Вавилона, который Бог разрушит, и приводили свои собственные убеждения на этот счет как откровение с небес. Кромвель ответил предостережением против "мнимых откровений". По его словам, он, как и они, верил в исполнение библейских пророчеств. "Я один из тех, чье сердце Бог привлек к ожиданию неких экстраординарных событий, согласно тем обещаниям, которые Он дал о вещах, которые должны свершиться в последующие времена, и я не могу не думать, что Бог начинает их". Он был склонен согласиться с теми, кто считал, что Бог свергнет короля и владык. Однако пусть они не делают для себя правилом те вещи, которые они не могут ясно знать, как мыслит Бог. Пусть они не говорят: "Таков разум Божий, и мы должны действовать в соответствии с ним". Если Божья цель - уничтожить власть короля и лордов, Он может сделать это, не заставляя армию позорить себя, нарушая свои обязательства. Пусть они ждут Божьего времени и выполняют свой простой, непосредственный долг. "Конечно, то, что Бог хочет, чтобы мы сделали, он не желает, чтобы мы сходили с пути ради этого".

В этих дискуссиях Фэрфакс отсутствовал или молчал. Готовность Иретона к дебатам и знание конституционного права и политической теории сделали его представителем высших офицеров. Он хорошо понимал принципы, о которых шла речь, обладал большой логической остротой и говорил четко, энергично и даже красноречиво. Но он был слишком догматичен и слишком непримирим, чтобы убедить оппонентов. Обладая меньшим диалектическим мастерством и гораздо меньшим умением выражать свои мысли, Кромвель был бесконечно более эффективным оратором. Его речи отличала неизменная умеренность и здравый смысл, которые вынуждены были признать даже те мечтатели и демагоги, с которыми он боролся. Ни религиозные, ни политические формулы не ослепляли его перед фактами. Утверждая, что благо народа является надлежащей целью правительства, и признавая, что вся политическая власть должным образом исходит от народа, он опроверг вывод демократов о том, что республика является единственным законным правительством для Англии. В самом начале этих дебатов он установил правило, согласно которому, предлагая любое важное политическое изменение, в первую очередь необходимо учитывать, "готовы ли дух и нрав людей этой нации пойти на это". По этой причине он заявил, что предпочитает монархию. "В управлении нациями следует заботиться о привязанностях народа, и это удовлетворяет мою совесть в данном случае". Конкретная форма правления казалась ему совершенно неважной по сравнению с ее приемлемостью для народа. Рассмотрим, утверждал он, пример евреев. Ими управляли последовательно патриархи, судьи и цари, и при всех этих различных видах правления они были счастливы и довольны. Более того, есть вещи более важные, чем гражданское управление государством. Даже если вы смените правительство на самое лучшее из возможных, "это всего лишь мораль". Менее важна, по мнению Кромвеля, свобода вероисповедания. Как говорит Павел, "все это ничто и навоз по сравнению с Христом". Почему же тогда они должны так много спорить за мирские вещи? Если каждый человек в королевстве будет настаивать на борьбе за то, чтобы реализовать то, что он считает лучшей формой правления, "я думаю, государство придет в запустение".

В сознании Кромвеля всегда присутствовало желание избежать новой гражданской войны и страх перед анархией. Теперь он решил положить конец распространению неповиновения среди солдат и ограничить политические действия армии до минимума. Без повиновения офицерам, заявил он, армия перестанет существовать. Недопустимо, чтобы частные лица, каковыми являются агенты, брали на себя право отдавать приказы и созывать собрания отряда или полка. "Этот путь губителен для армии и для каждого человека в ней. Мне сообщили некоторые из королевской партии, что если они дадут нам достаточно веревки, мы сами себя повесим". Солдаты должны подчиняться своим офицерам: офицеры должны подчиняться решениям парламента. Армия должна предоставить парламенту решать, какое правительство лучше всего подходит для нации, и довольствоваться требованием, чтобы парламенты избирались честно, часто созывались и распускались в положенное время. Так как она нуждается в поддержке гражданских властей, ей должна принадлежать власть парламента. Со своей стороны, добавил он, он готов ухватиться за что угодно, "лишь бы это было похоже на авторитет", чем не иметь такового.

Борьба в совете продолжалась почти две недели, но в конце концов Кромвель одержал верх. "Соглашение народа" было преобразовано в ряд предложений, которые должны были быть предложены парламенту, вместо того чтобы быть принятым в качестве конституции, которая должна быть навязана народу и парламенту. Требование всеобщего избирательного права превратилось в просьбу о расширении избирательного права. Монархия и палата лордов не подлежали полному уничтожению, но отныне были ограничены в полномочиях и подчинены палате общин. Старая конституция должна была быть сохранена и дополнена, но не заменена новой.

Однако к этому времени даже те офицеры, которые стремились сохранить монархию, начали сомневаться в возможности сохранения короля. Уже несколько недель переговоры с Карлом были полностью прерваны, а недоверие к его искренности стало всеобщим. Было хорошо известно, что он интригует с комиссарами, недавно прибывшими в Англию из шотландского парламента, и мало что можно было ожидать от предложений, которые английский парламент готовился направить ему. Демократическая партия - левеллеры, как их теперь называли, - требовала не только его свержения с престола, но и наказания. 11 ноября 1647 года полковник Харрисон в комитете Совета армии осудил короля как человека крови, которого они должны предать суду. В ответ Кромвель лишь сказал, что бывают случаи, когда по благоразумным соображениям кровопролитие может остаться безнаказанным. Например, Давид позволил Иоаву избежать наказания за убийство Абнера, "чтобы не подвергать себя опасности пролить еще больше крови, поскольку сыновья Зеруи были слишком сильны для него". Если король заслуживает наказания, заключил он, то вершить правосудие над ним должен скорее парламент, чем армия. В любом случае Кромвель был намерен обезопасить короля от угроз покушения левеллеров на его жизнь. "Молю, позаботьтесь о своей охране, - писал он своему кузену, полковнику Уолли, - ибо если такое случится, это будет считаться самым ужасным поступком".

В ту же ночь король сбежал из-под стражи полковника Уолли в Хэмптон-Корте, а 15 ноября пришло известие, что он добрался до замка Кэрисбрук на острове Уайт. Современные памфлетисты и авторы мемуаров часто выдвигают версию, что Кромвель запугал короля бегством из Хэмптон-Корта, чтобы осуществить свои собственные честолюбивые замыслы. Именно это мнение выражено в известных строках Марвелла, в которых рассказывается о том, как

Сплета тонкие страхи с надеждой

Он сплел сеть такого размаха

Что сам Чарльз мог бы преследовать

К узкому делу Кэрисбрука,

Чтоб оттуда королевский актер

Трагический эшафот украсить.

В пользу этой теории нет никаких доказательств. В долгосрочной перспективе бегство короля стало одной из причин его свержения и казни, а значит, и прихода Кромвеля к верховной власти. В данный момент оно усугубило трудности Кромвеля и добавило опасностей, подстерегавших правительство. В Хэмптон-Корте король находился в надежных руках полковника Уолли, кузена Кромвеля, на которого можно было положиться в том, что он будет выполнять приказы генерала. В Кэрисбруке он находился в руках полковника Хэммонда - родственника Кромвеля по браку с дочерью Джона Хэмпдена, но человека, в действиях которого под "большим искушением" обращения короля к его верности Кромвель был мучительно неуверен. Об этом свидетельствуют письма Кромвеля к Хэммонду. В течение следующих шести недель вопрос о том, подчинится ли Хэммонд Фэрфаксу и парламенту или позволит Карлу идти туда, куда он пожелает, оставался нерешенным.

Настоящей причиной бегства короля стала его интрига с шотландскими комиссарами. В октябре они пообещали ему помощь Шотландии в возвращении трона, если он пойдет на удовлетворительные уступки в вопросах религии. Но для завершения сделки было необходимо, чтобы Карл вырвался из рук армии и мог свободно вести дела. План бегства

короля был разработан в начале ноября. Шотландцы убеждали его укрыться в Бервике; он думал о Джерси, но предпочел остаться в Англии; в конце концов он остановился на острове Уайт, по предложению одного из своих сопровождающих, который считал Хэммонда в душе роялистом. Находясь в безопасности на острове Уайт, Чарльз решил, что сможет договориться с парламентом, шотландцами и офицерами и принять условия, предложенные тем, кто больше заплатит. Если переговоры провалятся, бегство во Францию не составит труда.

В течение шести месяцев Чарльзу удавалось играть против армии, а армии против парламента. Но в результате оба парламента не доверяли ему, а его бегство из Хэмптон-Корта объединило их против него. Король возлагал большие надежды на разделение армии, но одновременно с его прибытием в Карисбрук Кромвель и Фэрфакс вновь привели свои войска к повиновению. 8 ноября Кромвель провел голосование о временном прекращении заседаний Совета и отправил агитаторов и офицеров обратно в их полки. Неделью спустя Фэрфакс провел общий смотр армии, разделив ее на три бригады, которые собрались в трех разных местах. На каждом смотре он торжественно обещал солдатам быть рядом с ними, чтобы добиться удовлетворения их военных жалоб и реформы парламента, требуя от них взамен подписанного обещания повиноваться приказам генерала и военного совета. На первом собрании, которое состоялось 15 ноября недалеко от Уэйра, возникла некоторая оппозиция. Левеллеры пытались превратить его во всеобщую демонстрацию в пользу "Соглашения народа". Два полка пришли туда без приглашения, с "Соглашением народа" на головных уборах и девизом "Свобода Англии, права солдат". Они прогнали своих собственных офицеров, призвали другие полки сделать то же самое и планировали схватить Кромвеля как предателя народного дела. Но когда он подъехал к мятежникам, никто не осмелился поднять на него руку. "Карета генерал-лейтенанта Кромвеля, с обнаженной шпагой, устрасила солдат с бумагой в шляпе, заставила их вырвать ее и подчиниться командованию". Одного солдата судили и расстреляли на поле боя; остальных, включая нескольких офицеров, оставили на суд будущего военного трибунала. 19 ноября Кромвель смог доложить парламенту, что армия очень спокойна и послушна, и получил благодарность общин за свои услуги.

Тем временем король отправил в парламент послание с острова Уайт, предлагая различные уступки и прося принять его на личный договор в Лондоне. Он также обратился к военачальникам, призывая их поддержать его просьбу, на что холодно ответили, что они - армия парламента и должны решать эти вопросы с ним. Парламент, столь же недоверчивый к Карлу, ответил на его уговоры составлением ультиматума, состоящего из четырех законопроектов, на которые он должен был дать согласие, прежде чем начнется заключение какого-либо договора. Главным их требованием был прямой контроль над ополчением в течение следующих двадцати лет и доля в управлении им по истечении этого срока. Другие конституционные вопросы можно было бы оставить для обсуждения, но они должны были убедиться, что король никогда не сможет применить силу, чтобы навязать свою волю нации. Доведенный до крайности этим требованием, Карл вновь обратился к шотландским уполномоченным, которые уже прибыли в Карисбрук. Он нашел их готовыми пожертвовать свободами англичан, и они пообещали ему восстановление всех прав его короны в обмен на трехлетнее установление пресвитерианства в Англии, жесткое подавление индипендентов и других еретиков, а также определенные привилегии для Шотландии и шотландского дворянства. Если парламент откажется распустить свои войска и вступить в переговоры с королем в Лондоне, армия должна была пересечь границу и сменить Карла на троне (27 декабря 1647 года). "Договор был завернут в свинец и закопан в саду замка до тех пор, пока

его не удалось вывезти с острова. На следующий день король решительно отверг ультиматум английского парламента и приготовился к побегу на континент.

Но было уже слишком поздно. Как только ответ короля был доставлен, его охрана была удвоена, а сам он превратился в близкого пленника. Обе палаты были прекрасно осведомлены о том, что его отказ от их условий был вызван неким соглашением с шотландцами, хотя и не знали его точной природы.

"Палата общин, - писал Кромвель Хэммонду, - очень хорошо осведомлена о действиях короля и наших братьев в этой последней сделке. Если у вас есть что-то, что может обнаружить плутовство, вам стоит поискать это и сообщить нам. Это может быть очень полезно в настоящее время, потому что мы, я надеюсь, займемся делами, связанными с ними, чтобы предотвратить опасность".

3 января 1648 года Палата общин проголосовала за то, чтобы больше не обращаться к королю и не получать от него никаких посланий. Кромвель и Иретон, выступавшие против резолюции, которую Мартен выдвинул в сентябре предыдущего года, теперь решительно высказались в ее пользу. "Теперь ожидалось, - сказал Кромвель, - что парламент будет управлять и защищать королевство своей собственной властью и не будет больше учить народ ожидать безопасности и правления от упряма, чье сердце ожесточил Бог". При такой политике, добавил он, армия будет стоять на стороне парламента против любой оппозиции: но если парламент будет пренебрегать обеспечением собственной безопасности и безопасности нации, армия будет вынуждена добиваться своего спасения другими способами.

Таким образом, события заставили Кромвеля стать главным сторонником политики полного устранения короля от власти, против которой он так долго и упорно выступал. Однако, будучи убежденным в том, что королю нельзя доверять, он не был готов отказаться от монархии. На конференции по урегулированию государственного устройства, состоявшейся в начале 1648 года, "люди Содружества", как называли республиканцев, настаивали на немедленном создании свободного Содружества и суде над королем. Ладлоу с большим неудовольствием отметил, что Кромвель и его друзья "витали в облаках и не высказывались ни за монархическое, ни за аристократическое, ни за демократическое правительство; утверждая, что любое из них может быть хорошо само по себе или для нас, в зависимости от того, как нас направит Провидение". Когда он в частном порядке выяснил у Кромвеля основания его возражений против республики, Кромвель ответил, что убежден в желательности предложенного, но не в его осуществимости. Есть свидетельства, что весной 1648 года лидеры Независимых обсуждали схему низложения Карла I и возведения на трон принца Уэльского или герцога Йоркского. Но нежелание принца и бегство герцога во Францию сорвали этот план.

Стремясь найти компромисс, который предотвратил бы новую войну, Кромвель попытался объединить все части парламентской партии, чтобы встретить ее, если она начнется. Объединение армии уже было осуществлено. Оно было завершено в ходе ряда заседаний совета, состоявшихся в Лондоне в декабре 1647 года, на которых были помилованы офицеры, арестованные за неповиновение, и состоялось личное примирение между Кромвелем и Рейнсборо. В феврале и марте 1648 года Кромвель делал примирительные предложения пресвитерианам Сити, но поскольку ничто, кроме восстановления власти короля, не могло их удовлетворить, переговоры провалились. Так же мало Кромвелю удалось преодолеть недоверие и враждебность, которые теперь испытывала к нему передовая партия среди индипендентов. 19 января 1648 года Джон Лилберн, выступая в Палате лордов,

публично обвинил его в государственной измене. Подозрения вызывали не только его отношения с королем. В течение последнего года его политическая позиция постоянно менялась. В апреле он призвал армию к мирному роспуску, в июне возглавил ее восстание, в ноябре снова заставил ее подчиниться парламенту. Кроме очевидной непоследовательности, он был безразличен к принципам, которые левеллеры и люди Содружества считали главными. Для них республика означала свободу, а монархия - рабство. Для него же выбор между двумя вариантами был вопросом целесообразности и зависел от обстоятельств. В открытом совете он заявил, что "не привержен формам правления", а в частном порядке, как говорят, утверждал, что для достижения своих целей может пройти через все формы правления. Поэтому неудивительно, что люди, для которых его оппортунизм был непонятен, считали корысть или честолюбие естественным объяснением его поведения, и что против него свободно выдвигались обвинения в лицемерии и отступничестве.

Сквозь это облако клеветы Кромвель невозмутимо продолжал свой путь. Иногда он отвечал своим обвинителям прямым отказом. "Если кто-то скажет, что мы ищем себя, делая это, то это принесет ему много пользы в его мыслях. Это не собьет меня с пути". В другое время он относился к этим клеветам с терпеливой уверенностью, что в конце концов справедливость восторжествует. "Пусть, - писал он в сентябре 1647 года, - в настоящее время над нашими действиями может лежать облако для тех, кто не знаком с их основаниями; но мы не сомневаемся, что Бог очистит нашу честность от любых других целей, к которым мы стремимся, кроме Его славы и общественного блага". Ни потеря популярности, ни ложные сведения, ни незаслуженное недоверие не могли ослабить рвение Кромвеля к делу. "Я нахожу единственное благо, - писал он после выздоровления от опасной болезни весной 1648 года, - любить Господа и Его бедный презираемый народ, делать для него добро и быть готовым страдать вместе с ним, и тот, кто окажется достойным этого, получит великую милость от Господа".

Не только высказывания Кромвеля, но и его поступки свидетельствуют о честности его побуждений. В марте 1648 года парламент закрепил за ним поместье в качестве награды за его заслуги, на что он ответил предложением вносить тысячу в год из семнадцати сотен, которые он получал, для использования на восстановление Ирландии. И так мало он мечтал о том, что когда-нибудь сам станет правителем Англии, что в тот самый момент, когда фортуна открыла широчайшее поле для амбиций, он начал переговоры о женитьбе своего старшего сына на дочери частного джентльмена, не имевшего большого влияния и положения.

ГЛАВА X

ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1648

Вторая гражданская война разразилась в Уэльсе. Она началась с восстания офицеров и солдат, которые на протяжении всей первой войны рьяно сражались на стороне парламента. В феврале 1648 года полковник Пойер, губернатор замка Пембрук, отказался передать свои полномочия офицеру, которого Фэрфакс назначил своим преемником. В марте он открыто выступил на стороне короля, и войска полковника Лафарна, за которым вскоре последовал их предводитель, присоединились к войскам Пойера. В апреле в Лондоне стало известно, что шотландцы собирают армию для вторжения в Англию, а в конце месяца партии английских роялистов с помощью шотландцев захватили Бервик и Карлайл. Чтобы противостоять этим двум опасностям, Фэрфакс отправил Кромвеля подавить валлийских повстанцев, а сам готовился к походу на север против шотландцев.

В начале мая Кромвель покинул Лондон, взяв с собой два конных и три пеших полка. Пойер был полон уверенности. Он одержал несколько небольших побед и сказал своим людям, что встретится с Кромвелем в честном бою, и что он сам будет первым, кто зарядит "Железную сторону", добавив, что если у Кромвеля "стальная спина и железная грудь, то он смеет и будет с ним сражаться". Но прежде чем Кромвель достиг Уэльса, полковник Хортон разбил хвастливого Пойера при Сент-Фагансе 8 мая, а когда прибыл Кромвель, война превратилась в войну осад. Чепстоу был взят штурмом полковником Эвером 25 мая, Тенби сдался полковнику Хортону в конце мая, но замок Пембрук продержался более шести недель. Его стены были крепкими, а гарнизон - отчаянным. У Кромвеля не было с собой тяжелой артиллерии, и хотя он "наскреб", по его словам, несколько маленьких пушек и проделал брешь, его штурмы были отбиты с потерями. Враждебность жителей и недостаток провизии усугубляли трудности осаждающих. "Это милость, - писал Кромвель Фэрфаксу, - что мы смогли сохранить наших людей в такой нужде, ведь пропитание пеших в основном состоит из хлеба и воды". Однако положение осажденных было еще хуже, и наконец 11 июля голод заставил Пойера и Лафарна "сдаться на милость парламента" и отдать город и замок.

За три дня до падения Пемброка Гамильтон и шотландская армия пересекли границу, и Фэрфакса не было рядом с ними. Лондон кипел от недовольства: в городе и восточных графствах происходили беспорядки, а массовые петиции из Эссекса, Кента и Суррея призывали парламент примириться с королем и распустить армию. В конце мая в Кенте вспыхнуло восстание роялистов, и флот в Даунсе выступил на стороне короля.

ЗАМОК ПЕМБРОК.

(С фотографии.)

Фэрфакс собрал восемь или девять тысяч человек и отправился в Кент. 1 июня он ворвался в Мейдстон, где разместилась основная масса кентских роялистов, и после упорных боев на забаррикадированных улицах овладел городом, разбив повстанческую армию. Часть из них под командованием старого лорда Норвича двинулась к Лондону, но обнаружила, что городские ворота закрыты против них, и рассеялась. Сам Норвич с пятью или шестью сотнями лошадей переправился через Темзу и призвал роялистов Эссекса к оружию. Вскоре вокруг него собралось четыре тысячи человек, и Фэрфакс, оставив отряды для завершения покорения Кента, поспешил в Эссекс, чтобы подавить это новое восстание. Норвич бросился в Колчестер, и в пригороде произошло кровопролитное сражение, в котором неокрепшие войска роялистов отбили ветеранов Фэрфакса с большими потерями. Парламентский генерал, видя, что ему не удастся взять город с ходу, был вынужден приступить к регулярной осаде, которая в итоге переросла в блокаду. Вокруг Колчестера были построены форты, соединенные линиями окопов, чтобы отрезать все припасы и предотвратить побег. Ополченцы Саффолка и Эссекса дополнили небольшой отряд регулярных войск Фэрфакса и завершили инвестиру. Осажденные хорошо сражались и предпринимали энергичные вылазки, но если помощь не придет извне, конец был неизбежен. Когда осада началась, такая помощь казалась весьма вероятной. По всей Англии непрерывно вспыхивали небольшие локальные восстания, которые грозили стать всеобщими, если их не подавить в кратчайшие сроки. В июне восстания произошли в Северном Уэльсе, Нортгемптоншире и Ноттингемшире. В начале июля лорд Холланд и молодой герцог Бекингем собрали около шестисот кавалеров в Кингстоне в надежде освободить Колчестер. Но их преследовала с места на место кавалерия Фэрфакса, и они нигде не могли задержаться достаточно долго, чтобы собрать своих партизан. Те немногие, кто держался вместе, были взяты в плен в Сент-Нотсе, в Хантингдоншире, 10 июля. В конце июля принц Чарльз и восставшие корабли блокировали Темзу, надеясь угрозой для торговли убедить Лондон объявить себя на стороне короля. Но один только флот не мог освободить Колчестер, поскольку Фэрфакс занял остров Мерси и отрезал город от моря. Кроме того, Лондон сохранял спокойствие, так как, хотя и был сильно пресвитерианского толка, не желал

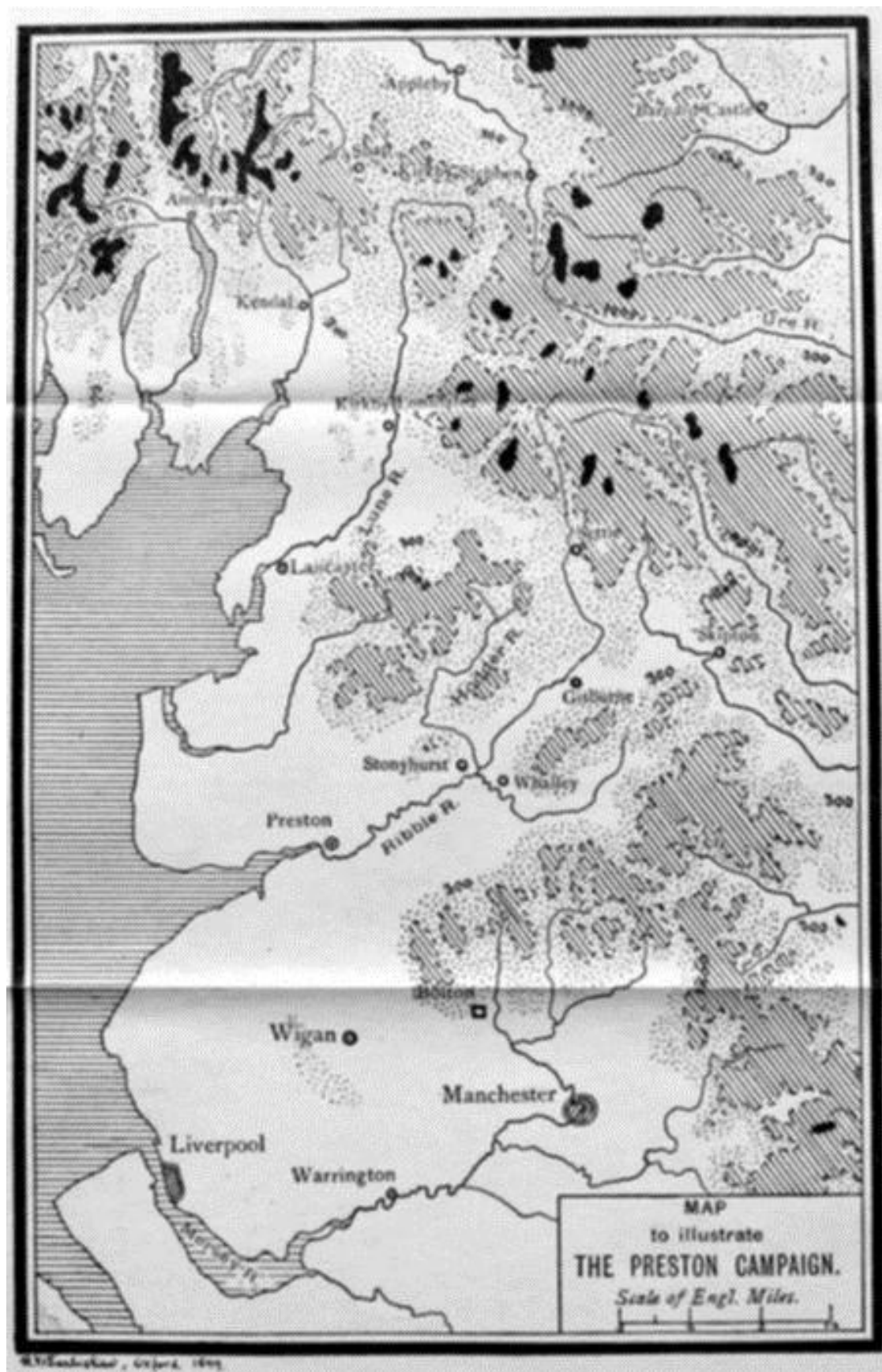
безоговорочного восстановления короля. Единственная надежда осажденных была связана с продвижением Гамильтона и шотландской армии.

На севере Англии у парламента не было достаточно сил, чтобы остановить продвижение шотландцев на юг. Генерал-майор Ламберт, главнокомандующий в северных графствах, с тремя или четырьмя полками регулярной конницы и местными сборами Йоркшира и Ланкашира, с лихвой справился с английскими роялистами под командованием Лэнгдейла и Масгрейва, разгромив их на поле боя и доведя гарнизон Карлайла до полного истощения. Но когда Гамильтон выступил на помощь своим союзникам, Ламберт смог лишь отступить, упорно сопротивляясь, в северный Йоркшир, оставив шотландцев захватывать Камберленд и северные районы страны. Ему тоже мешали восстания в тылу: в начале июня замок Понтефракт был захвачен роялистами, а в конце месяца Скарборо объявил о переходе на сторону короля. 8 июля, когда Гамильтон вступил в Англию, он взял с собой не более десяти или одиннадцати тысяч человек, но позже к нему подошли дополнительные силы, и, включая английских роялистов под командованием Лэнгдейла и Масгрейва, к следующему месяцу под его командованием было около двадцати четырех тысяч человек. Он шел медленно, чтобы дать время подойти подкреплениям, и некоторое время потратил на осаду Эпплби и других северных замков. Только в середине августа он возобновил наступление и решил продвигаться на юг через Ланкашир.

Тем временем Кромвель спешил на север на помощь Ламберту. Еще до падения Пемброка он отправил часть своих лошадей на север. Как только она сдалась, он сразу же отправился в путь с остальными лошадьми и пехотой. Его люди месяцами не получали жалованья, но железная дисциплина не позволяла им грабить. Большая часть его пехотинцев была без обуви и в лохмотьях, но сапоги им выдали в Лестере. Продвигаясь через Глостер и Средние земли, Кромвель достиг Лестера 1 августа, Ноттингема 5 августа и присоединился к Ламберту возле Кнаресборо в Вест-Райдинге в субботу, 12 августа. Некоторые полки пришлось оставить для осады Понтефракта и Скарборо, так что их объединенные силы составили не более восьми тысяч пятисот человек, из которых около трех тысяч были конными. Но три четверти этой армии составляли старые солдаты, и, как писал один из офицеров Кромвеля, это была "прекрасная, умная армия, пригодная для действий".

До сих пор у Кромвеля складывалось впечатление, что шотландцы намеревались продвигаться через Йоркшир и, освободив по пути Понтефракт, двинуться напрямик на Лондон. Теперь же он узнал, что Гамильтон выбрал ланкаширский путь и уже движется через это графство. Поэтому в воскресенье, 13 августа, он отправился в путь, чтобы пересечь холмы, отделяющие Ланкашир от Йоркшира, и атаковать захватчиков. В понедельник вечером он расположился в Скиптоне, во вторник - в Гисберне. В среду он двинулся вниз по долине реки Риббл в Ланкашир. Теперь перед ним открывались два пути. Он мог переправиться через Ходдер-Бридж на южный берег Риббл и попытаться воспрепятствовать продвижению Гамильтона на юг, расположившись где-нибудь на его пути; или же он мог держаться северного берега реки и столкнуться с Гамильтоном где-нибудь у самого Престона. Кромвель выбрал второй путь, причем сделал это с полным сознанием важности выбора. "Считалось, - писал он, - что вызывать врага на бой - наше дело", и поход прямо на Престон с большей вероятностью привел бы к сражению, поскольку казалось вероятным, что Гамильтон будет стоять на своем. Была и вторая причина. Если он расположится к югу от Гамильтона, поражение отбросит Гамильтона назад, к его опорам в Уэстморленде и на пути в Шотландию. Если бы он разбил Гамильтона у Престона, то, возможно, смог бы оттеснить его на юг, отделив его от своих сторонников и отрезав ему путь к отступлению. При таких обстоятельствах поражение привело бы к уничтожению

шотландской армии, а не просто вынудило бы ее отступить в Шотландию. Именно по этим причинам, а не по счастливой случайности, Кромвель принял второй план. Как он объяснил пару лет спустя: "По обдуманному совету мы предпочли поставить себя между их армией и Шотландией". Поэтому всю среду он продолжал свой марш по северному берегу Риббла и разбил лагерь на ночь в Стоунихерсте, примерно в девяти милях от Престона.

Тем временем армия Гамильтона маршировала по Ланкаширу так же беспечно и свободно, как если бы Кромвель находился в пятидесяти милях от нее. Сам Гамильтон, с десятью тысячами пеших и, возможно, пятнадцатью сотнями конных, находился в Престоне. Граф Каллендар и генерал Миддлтон с основной частью шотландской конницы находились в

Уигане, в пятнадцати милях впереди пехоты, а в тридцати милях в тылу, в Кирби-Лонсдейле, в Уэстморленде, лежал генерал-майор Монро с примерно тремя тысячами конных и пеших ветеранов, взятых из шотландской армии в Ольстере, и двумя или тремя тысячами английских роялистов под командованием сэра Филипа Масгрейва. Между Кромвелем и Престоном, прикрывая фланг Гамильтона, стояла дивизия английских роялистов сэра Мармадьюка Лэнгдейла, насчитывавшая три тысячи пеших и шестьсот конных. Гамильтон был предупрежден о приближении врага Лэнгдейлом, но опроверг его информацию и посчитал, что ему угрожают всего лишь некоторые силы ланкаширского ополчения.

Рано утром в четверг, 17 августа, Кромвель обрушился на дивизию Лэнгдейла с огромной силой и, перебиваясь от живой изгороди к живой изгороди, погнал ее к Престону. Лэнгдейл направил настоятельные призывы к Гамильтону, но герцог не оказал ему должной поддержки. Вместо того чтобы помочь ему, он отвлек шотландские пешие войска из Престона к югу от Риббла, чтобы облегчить их соединение с кавалерией у Уигана. Для защиты Престона он оставил лишь пару пеших бригад и пятнадцать или шестнадцать сотен лошадей своего арьергарда. Против таких разрозненных сил атака Кромвеля была неотразима. К вечеру четверга Престон был в его руках, и не только город, но и мост через Риббл, а также второй мост через Дарвен в миле или около того к югу от него. Вся его армия прочно обосновалась между Гамильтоном и Шотландией. Дивизия Лэнгдейла перестала существовать, а из двух пеших бригад Гамильтона не спасся почти ни один человек. Тысяча человек пали в бою, у Кромвеля было четыре тысячи пленных, а его кавалерия преследовала летящую лошадь Гамильтона десять миль по дороге в Ланкастер.

В шотландском лагере царили растерянность и подавленность. Силы Гамильтона все еще превосходили по численности силы Кромвеля, ведь на южной стороне реки у него было шесть или семь тысяч пеших, которые почти не стреляли, кроме Миддлтона и авангарда кавалерии у Уигана. Но герцог, проявивший немало личной храбрости, был слаб и непостоянен в совете. Генерал-майор Бейли, командовавший его пешими войсками, убеждал его стоять на месте, пока Миддлтон и конные не присоединятся к ним. Граф Каллендар, второй командир Гамильтона, предложил, чтобы пешие войска ушли, как только стемнеет, и присоединились к Миддлтону, и предложение Каллендара было принято. При этом пришлось бросить обоз Гамильтона, поскольку у них не осталось лошадей, чтобы тащить повозки, а все боеприпасы, кроме тех, что люди несли в своих флягах, попали в руки Кромвеля. Всю ночь шотландская пехота маршировала. "Наш марш, - рассказывает один из них, - был очень печальным: путь был очень глубоким, солдаты оба промокли, проголодались и устали, и все смотрели на свое дело как на полуразрушенное". К моменту прибытия в Уиган они потеряли много отставших. В пятницу утром Кромвель, оставив ланкаширских ополченцев охранять Престона и его пленников, отправился в погоню за Гамильтоном с тремя тысячами пеших и двадцатью пятью сотнями конных. Бои в пятницу велись в основном между конниками двух армий. Пока шотландская пехота шла к Уигану, чтобы присоединиться к Миддлтону, Миддлтон шел к Престону, чтобы присоединиться к ним, и, поскольку он шел другой дорогой, им не удалось встретиться. Достигнув лагеря пехоты, он не обнаружил ничего, кроме заброшенных костров и нескольких отставших, и повернул назад, чтобы следовать по дороге Гамильтона к Уигану. Всадники Кромвеля преследовали его по пятам всю дорогу, "убивая и захватывая водолазов", хотя полковник Торнхауг, командовавший фургоном Кромвеля, был убит шотландским уланом.

Армия Гамильтона, когда к ней присоединились конники, расположилась на болоте к северу от Уигана, чтобы дать бой, но, сочтя местность невыгодной, Гамильтон отступил в город до

того, как подошел Кромвель. "В ту ночь мы лежали в поле, - рассказывает Кромвель, - рядом с врагом, очень грязные и усталые, пройдя двенадцать миль по такой местности, по которой я никогда в жизни не ездил, а день был очень сырым". Однако в Уигане шотландцам не было покоя. Их командиры решили совершить еще один ночной марш к Уоррингтону, намереваясь разрушить мост и поставить Мерси между собой и своим преследователем. В субботу кавалерия Кромвеля обнаружила шотландских пехотинцев на хорошей позиции в Винвике, примерно в трех милях от Уоррингтона.

"Мы удерживали их в споре, - писал Кромвель, - пока не подошла наша армия; они удерживали проход с большой решимостью в течение многих часов, наши и их, сбиваясь в пики и очень близко, что заставило нас уступить землю; но наши люди, благословением Божьим, быстро восстановили ее и, набросившись на них, выбили их из строя. Мы убили около тысячи из них и взяли, как мы полагаем, около двух тысяч пленных".

Это было последнее выступление шотландцев. Когда Кромвель достиг Уоррингтона в ту же субботу вечером, генерал Бейли и остальная шотландская пехота сдались в плен. Гамильтон и Каллендар с двумя или тремя тысячами лошадей бежали в Чешир, намереваясь присоединиться к лорду Байрону, который был на стороне короля, но их судьба не заставила себя долго ждать. Кромвель отправил Ламберта с четырьмя конными полками в погоню и призвал соседние графства послать за беглецами всех лошадей, которых они смогут собрать.

"Они так устали и находятся в таком смятении, что, если бы моя лошадь могла рысью бежать за ними, я мог бы взять их всех. Но мы так измотаны, что едва ли сможем сделать больше, чем идти за ними. Мои лошади сильно побиты, а у меня десять тысяч пленных".

Непрерывно вступая в стычки с деревенскими жителями и местным ополчением, Гамильтон дошел до Стаффордшира, и по дороге партия за партией его сторонников покидала город, чтобы сдаться или скрыться. С теми немногими, кто остался, он капитулировал перед Ламбертом в Уттоксетере в пятницу, 25 августа. В следующий понедельник Колчестер сдался Фэрфаксу, и Вторая гражданская война была практически закончена.

После капитуляции в Уоррингтоне Кромвель снова повернул на север, как только его солдаты смогли отправиться в поход. Монро и его шесть тысяч человек все еще оставались неразобранными, и он опасался нападения с их стороны на силы, оставленные в Престоне. Полковник Эштон, командовавший в Престоне, имел под своим началом пленных больше, чем войск, и, подобно Генриху V при Азенкуре, Кромвель приказал Эштону предать пленных мечу, если на него нападут. Но ничто не было дальше от мыслей Монро, чем наступление. Получив известие о поражении при Престоне, он сразу же отступил, прошел через Дарем и снова вошел в Шотландию. В Бервике и Карлайле были оставлены гарнизоны, которые Кромвель создал, как только подошел, и, когда они отказались сдаться, обратился к Комитету сословий Шотландии с официальным заявлением об их восстановлении. Чтобы придать силу своему требованию, он переправил свою армию через Твид, заявив при этом, что у него нет никаких разногласий с шотландским народом. Если он и войдет в Шотландию, то лишь для того, чтобы свергнуть фракцию, спровоцировавшую недавнее вторжение.

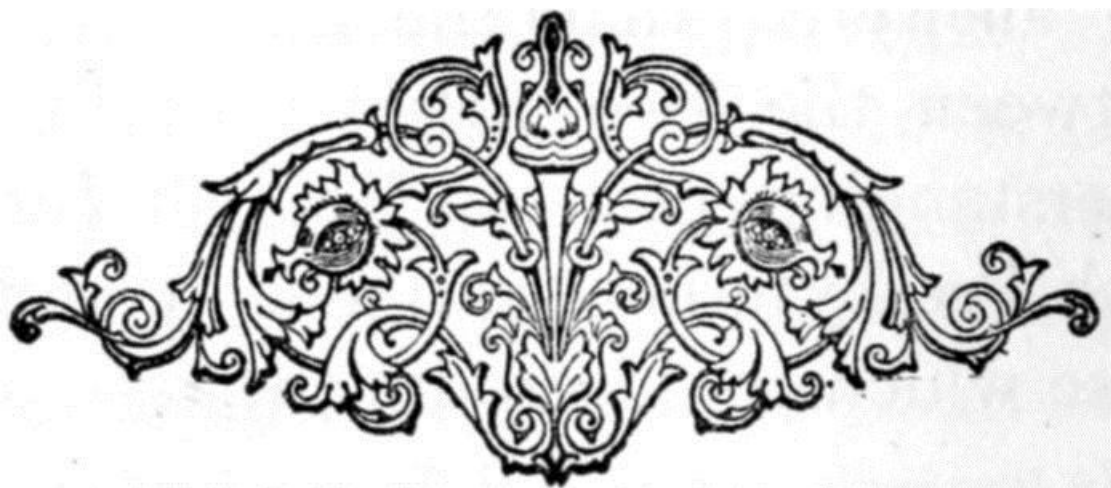
"Мы так далеки от того, чтобы искать зла благополучным жителям Шотландии, что исповедуем, как перед Господом, что мы приложим все наши усилия, чтобы беда обрушилась на зачинщиков и авторов этого нарушения, а не на бедных невинных людей, которые были приведены и принуждены к этому действию, как признаются многие несчастные души, находящиеся сейчас в плену у нас".

Революция в Шотландии способствовала политике Кромвеля. Жесткие пресвитериане западной части страны, которые ненавидели любой союз с епископами и малиньяками и больше заботились о Кирке, чем о короне, поднялись на борьбу и захватили Эдинбург. Аргайл и его горцы поддержали их, и 26 сентября гамильтоновская фракция, образовавшая Комитет эстейтов, согласилась отправить войска Монро обратно в Ирландию, распустить своих людей и уступить власть своим соперникам. Партия Аргайла была только рада заключить соглашение с Кромвелем и заручиться поддержкой его армии против своих противников, пока они не смогут организовать собственные значительные силы. Был отправлен приказ о немедленной сдаче Карлайла и Бервика, и Кромвель прибыл в Эдинбург для переговоров с Аргайлом. "Дайте гарантию, - потребовал Кромвель, - что вы не допустите и не допустите, чтобы те, кто активно участвовал или соглашался на участие в войне против Англии, были заняты на каком-либо государственном посту или в какой-либо должности. Это наименьшая гарантия, которую я могу потребовать". Не было ничего, что соперничающая фракция сделала бы с большей готовностью, и актом шотландского парламента "англичане", как называли приверженцев Гамильтона, были навсегда отстранены от политической власти.

Кромвель оставил три полка в Шотландии на несколько недель, чтобы обеспечить безопасность нового правительства, и вернулся с основной частью своей армии в Англию. Скарборо и Понтефракт еще оставалось захватить, но Вторая гражданская война была закончена. Некоторые из друзей Кромвеля среди лидеров независимых винили его за соглашение с Аргайлом и не видели никакой безопасности для Англии в преобладании фанатичной пресвитерианской фракции в Эдинбурге. Они считали, что Кромвель должен был либо потребовать более существенных гарантий будущего мира, либо разделить власть между двумя партиями, чтобы они уравнивали друг друга и не могли навредить Англии. Кромвель ответил, что единственная надежда на будущий мир между двумя странами заключается в установлении взаимопонимания между английскими индипендентами и шотландскими пресвитерианами, и что он выбрал единственный путь, который может привести к этому.

"Я желаю от всего сердца - я молюсь об этом - я жду того дня, когда увижу союз и взаимопонимание между благочестивыми людьми - шотландцами, англичанами, евреями, язычниками, пресвитерианами, анабаптистами и всеми остальными. Наши братья из Шотландии - искренние пресвитериане - были нашими величайшими врагами. Бог оправдал нас в их глазах - заставил нас воздавать добром за зло - заставил их признать это публично в государственных актах и частным образом, и это истинно в глазах Солнца..... Разве не следовало быть вежливыми, признаться в любви, поговорить с ними с ясностью, чтобы устранить предрассудки; спросить их, что они имеют против нас, и дать им честный ответ? Это мы и сделали, и не более того: и в наших глазах это более славное дело, чем если бы мы взяли в свои руки разграбление Эдинбурга, сильного замка, и совершили завоевание от Твида до Оркад; и мы можем сказать, что, благодаря Богу, мы оставили среди них такое свидетельство, что, если оно еще не действует, потому что бедные души так привязаны к своему церковному правительству, все же на них есть то убеждение, которое, несомненно, даст свои плоды в свое время".

Он вернулся в Англию с уверенной надеждой, что мир с Шотландией отныне обеспечен.

ГЛАВА XI

КРОМВЕЛЬ И КАЗНЬ КОРОЛЯ

1648-1649

Пока Фэрфакс и Кромвель сражались с армиями, собранными от имени короля, парламент снова вел переговоры с Карлом I. Несмотря на голосование за отказ от обращения, принятое 17 января 1648 года, апрель еще не закончился, когда обе палаты обсуждали возобновление переговоров. Из Сити приходили петиция за петицией с требованием заключить личный договор с королем, и Палата лордов поддержала это требование. Лорды так ревностно относились к миру, что, когда Гамильтон и шотландцы вторглись в Англию, они отказались присоединиться к нижней палате и объявить их врагами. Общины, более осторожные, настаивали на том, что король должен принять определенные предварительные условия, прежде чем начнется заключение договора, и отказались разрешить ему приехать в Лондон для переговоров. Наконец обе палаты пришли к компромиссу, и 1 августа было решено заключить личный договор с Карлом на острове Уайт. Уполномоченные парламента встретились с королем в Ньюпорте 18 сентября, за пару дней до того, как Кромвель вошел в Шотландию. Карл согласился аннулировать свои прежние заявления против парламента и признать, что они начали войну "в свою справедливую и законную защиту". Он пообещал установить пресвитерианскую систему на три года и ограниченный епископат после этого. Он даже предложил контроль над ополчением в течение двадцати лет и урегулирование Ирландии таким образом, как сочтет нужным парламент. Вопрос о том, были ли эти уступки достаточной основой для прочного мира, вызывает у современных историков столько же разногласий, сколько и у современных политиков. Несомненно, что король не был искренен, делая их. "Если говорить с вами откровенно, - писал Карл одному из своих друзей, - то великая уступка, которую я сделал сегодня, - церковь, ополчение и Ирландия - была сделана

только для того, чтобы я мог спастись. Я надеюсь лишь на то, что теперь они поверят, что я не смею им ни в чем отказать, и будут менее осторожны со своей охраной". Пресвитерианские лидеры спорили и торговались в надежде добиться постоянного утверждения пресвитерианства, но вопрос о том, свяжет ли договор короля, они не принимали во внимание.

Тем временем в армии распространялось опасное волнение. Независимая армия могла опасаться соглашения между пресвитерианами и роялистами. Первым результатом договора станет всеобщее расформирование. Быть уволенным с несколькими шиллингами в кармане, но без гарантии выплаты недоимок или возмещения ущерба за свои действия во время войны - это самое большее, на что мог рассчитывать солдат. Если кто-то из сектантов, сражавшихся за парламент, надеялся, что тот даст ему свободу поклоняться так, как велит его совесть, то закон против ереси и богохульства, принятый в мае 1648 года, показал тщетность его надежд. Независимо от того, епископат или пресвитерианин одержат верх, веротерпимость закончится, как только он сложит оружие. К этому следует добавить, что солдаты были твердо убеждены в том, что предложенный договор не обеспечит политических свобод нации. Восстановив свою власть, Карл либо силой, либо интригами сбросит ограничения, наложенные договором, и вновь создаст ту ткань абсолютизма, свержение которой стоило шести лет борьбы. Возобновление войны усилило их недоверие к Карлу и обострило враждебность к нему. Ответственность за первую Гражданскую войну возложили на злых советников короля; ответственность за вторую - на самого короля. Именно по его наущению, говорили офицеры, побежденные враги вновь взяли за оружие, старые товарищи отступили от своих принципов, а иностранная армия вторглась в Англию. На большом молитвенном собрании, состоявшемся в Виндзоре перед отъездом в поход, они пообещали себе донести эту ответственность до короля. "Мы пришли, - писал один из них, - к очень четкому решению, что наш долг, если Господь когда-нибудь вернет нас в мир, призвать Карла Стюарта, этого человека крови, к ответу за кровь, которую он пролил, и зло, которое он причинил до предела делу Господа и людям в этих бедных странах". Они были столь же решительно настроены наказать орудия короля. В конце первой войны армия показала себя более милосердной, чем парламент, но вторая война сделала ее свирепой, непримиримой и решительной, чтобы требовать кровь за кровь. Казнь Фэрфаксом Лукаса и Лайсла, двух лидеров роялистов, взятых в Колчестере, "в отместку за невинную кровь, пролитую по их вине", стала признаком этой перемены нравов.

Кромвель разделял это мстительное чувство по отношению к авторам второй войны. При взятии Пемброка он исключил некоторых лиц из условий капитуляции и оставил их для будущего наказания.

"Исключенные, - писал он парламенту, - это те, кто раньше служил вам в очень хорошем деле; но теперь, когда они отступили, я скорее избрал их, чем тех, кто всегда был за короля; осуждая их беззаконие вдвойне, потому что они согрешили против столь яркого света и против стольких доказательств того, что Божественное провидение сопутствовало и процветало справедливому делу, в управлении которым они сами принимали участие".

Он был в равной степени раздражен против тех, кто способствовал шотландскому вторжению.

"Это, - сказал он, - более чудовищная измена, чем все, что совершалось прежде; потому что прежняя ссора заключалась в том, чтобы англичане могли править друг другом, а эта - в вассальной зависимости от иностранного народа. И их вина, проявившаяся в деле этого

лета, несомненно, вдвое больше их вины в первом, потому что это повторение одного и того же преступления против всех свидетелей, которых привел Бог".

Мораль, которую он извлек из своей победы в Престоне, заключалась в том, что парламент должен использовать ее для защиты мирных христиан всех взглядов и наказания нарушителей спокойствия любого ранга.

"Мужайтесь, - сказал он им, - совершайте дело Господне, исполняя цель вашей магистратуры, стремясь к миру и благосостоянию этой земли, чтобы все, кто будет жить мирно, могли получить от вас благосклонность, а те, кто не способен и не оставит беспокойства, могли быть быстро уничтожены из этой земли. Если вы будете мужественны в этом, Бог благословит вас, и добрые люди будут стоять за вас, и Бог будет иметь славу, и земля будет иметь счастье от вас, несмотря на всех ваших врагов".

Когда Кромвель вернулся из Шотландии, он обнаружил, что парламент готовится заменить короля на его троне и довольствуется изгнанием нескольких десятков роялистских лидеров. Полк за полком армии Фэрфакса вручал своему генералу петиции против договора и требования наказать виновных в войне. Войска Кромвеля подражали их примеру, и, пересылая петиции Фэрфаксу, их лидер выразил полное согласие со своими солдатами.

"Я нахожу, - писал он, - очень большое чувство в офицерах... к страданиям и разорению этого бедного королевства, и во всех них очень большое рвение к беспристрастному правосудию над всеми преступниками; и я во всем своем сердце согласен с ними, и я действительно думаю, что это вещи, которые Бог вкладывает в наши сердца".

20 ноября 1648 года армия юга направила парламенту "Ремонстранцию", требуя разрыва переговоров и наказания короля как "главного виновника всех наших бед". Кромвель одобрил эту декларацию и сказал Фэрфаксу, что не видит в ней "ничего, кроме того, что честно, как и подобает честным людям, говорить и предлагать". По его мнению, было бы лучше дожидаться заключения договора, прежде чем заявлять свой протест, но теперь, когда он был заключен, он был готов поддержать его. Ньюпортский договор представлялся ему полной капитуляцией перед Карлом. "Они отдали бы в его руки, - говорил он позже, - все, что мы наторговали, и вся наша безопасность оказалась бы маленькой бумажкой". Никто лучше Кромвеля не знал, что простым протестом Парламент не остановить, и он был готов применить силу, если потребуется. Аргументы, которыми он оправдывал ее применение, полностью изложены в его письме к другу, Роберту Хэммонду, чьи угрызения совести он пытался преодолеть.

Разве не правда, что безопасность народа является высшим законом? Разве не было уверенности, что этот договор сведет на нет все, что было достигнуто в ходе войны, и сделает ситуацию еще хуже, чем до ее начала? Если сопротивление власти вообще законно, то разве не так же законно выступать против парламента, как против короля?

"Подумайте, - убеждал он, - не является ли эта армия законной властью, призванной Богом противостоять и бороться с королем на определенных основаниях; и, имея власть для таких целей, не может ли она противостоять одному названию власти для этих целей так же, как и другому, - поскольку не внешняя власть, созвавшая их, своей силой сделала ссору законной, а ссора, которая была законной сама по себе".

Однако это были лишь "плотские рассуждения", а есть и более высокие аргументы. "Давайте посмотрим на провидения; несомненно, они что-то значат. Они так связаны между собой; они были так постоянны, так ясны и незамутнены".

Победы, дарованные Богом, не могли закончиться таким жертвоприношением Его дела и Его народа, как "это губительное лицемерное соглашение". "Думаешь ли ты в сердце своем, что славные Божьи устроения направлены к этому?" Решимость армии помешать заключению договора также была Божьим промыслом. "Что вы думаете о том, что Провидение распорядилось сердцами стольких людей Божьих таким образом? Мы верим, что тот же самый Господь, Который устроил наши умы в наших поступках, с нами и в этом". Предстояло столкнуться с трудностями, и врагов было не мало - "появление объединенных имен, титулов и властей"; но они не испугались, "желая лишь бояться нашего великого Бога, чтобы мы не сделали ничего против Его воли".

Вкратце аргументы Кромвеля сводились к тому, что победы армии и убеждения благочестивых были внешними и внутренними свидетельствами Божьей воли, которой следовало повиноваться как долгу. Это были опасные рассуждения, и не менее опасно, что светские и политические мотивы совпадали с диктатом религиозного энтузиазма. Подобные аргументы могли бы оправдать не только временное вмешательство армии, но и ее постоянное принятие на себя управления Англией. Практический здравый смысл и консервативные инстинкты не позволили Кромвелю принять крайние последствия своей теории; у большинства его товарищей логика фанатизма не была ограничена подобными соображениями.

Поскольку парламент продолжал соблюдать договор, не обращая внимания на их протест, армия решила применить силу. 1 декабря офицеры, посланные Фэрфаксом, захватили Чарльза в Ньюпорте и увезли его в замок Херст в Хэмпшире. На следующий день Фэрфакс и его войска заняли Лондон. Не выдержав, Палата общин 129 голосами против 83 постановила, что ответы короля являются основанием для урегулирования королевства. Вечером того же дня командующие армией и лидеры парламентского меньшинства собрались на конференцию, чтобы решить, что делать дальше. Еще на марше офицеры заявили о своем намерении распустить Долгий парламент и сделать верное меньшинство временным правительством до тех пор, пока не соберется новый парламент. Но теперь, повинаясь желанию своих друзей в парламенте, они решили вместо этого изгнать пресвитерианское большинство из палаты и оставить независимое меньшинство под именем и властью парламента. Поэтому 6 декабря полковник Прайд с мушкетерами подошел к дверям Палаты общин, схватил некоторых членов, пытавшихся войти, и силой отбросил других. Тот же процесс продолжался и 7-го числа, пока сорок пять членов не были арестованы, а еще около девяноста шести исключены.

Кромвель прибыл в Лондон в ночь после начала "гордой чистки" и на следующий день занял свое место среди пятидесяти или шестидесяти членов, которые продолжали заседать в палате. Как и остальные офицеры, он предполагал насильственный роспуск и созыв нового парламента. Но, видя, что его друзья на месте приняли другой план, он без колебаний согласился с ним. Он сказал, "что не был знаком с этим планом, но поскольку он был осуществлен, то он рад ему и постарается его поддержать".

В вопросе о короле между Кромвелем и основной массой офицеров вскоре обнаружились разногласия. Он одобрял захват Карла и не сомневался в справедливости его предания суду. Но он сомневался в целесообразности суда над королем и его осуждения, если для обеспечения прав нации можно придумать какой-либо другой удовлетворительный способ. Возможно, будет достаточно низложения короля или он, наконец, пойдет на уступки, от которых до сих пор отказывался. О дискуссиях, которые велись в совете офицеров в течение следующих трех недель, известно очень мало. Ходят смутные слухи о том, что среди них произошел большой раскол, что одна сторона жестко настаивала на наказании короля, а

другая готова была довольствоваться его низложением или тюремным заключением. Мы видим, как Кромвель ведет переговоры с юристами и судьями об урегулировании нации, предпринимает последнюю попытку договориться с Карлом и утверждает, что можно сохранить королю жизнь, если он примет предложенные ему условия. Все эти попытки компромисса не увенчались успехом. Король предпочитал расстаться с жизнью, а не с королевской властью, и пока он не уступит, никакое конституционное урегулирование было невозможно. Таким образом, военная революция, на мгновение задержавшаяся в своем развитии, неотвратимо двигалась вперед, и Кромвель шел вместе с ней.

23 декабря Чарльза привезли в Виндзор. "Господь да пребудет с вами и благословит вас в этом великом деле", - написал Кромвель губернатору, направив ему при этом подробные инструкции по содержанию своего пленника. В тот же день палата общин назначила комитет "для рассмотрения вопроса о том, как поступить с правосудием в отношении короля". "Если бы кто-нибудь из людей, - как сообщается, сказал Кромвель, - сознательно задумал такое, он был бы величайшим предателем в мире, но "Божье провидение" обрушило это на них".

Через пять дней был принят ордонанс о создании трибунала для суда над королем, состоящего из трех судей и жюри из 150 уполномоченных. 2 января 1649 года ордонанс был передан лордам с резолюцией, провозглашающей, что "по основным законам этого королевства король Англии на данный момент является государственной изменой, развязывая войну против парламента и королевства Англия". Единодушное отклонение этого ордонанса и открытие, что судьи откажутся от возложенной на них роли, не заставили общинников отступить. Был принят новый ордонанс, учреждавший суд из 135 комиссаров, которые должны были выступать и в качестве судьи, и в качестве присяжных, и исключавший трех судей. Свежие резолюции объявляли народ источником всей справедливой власти, Палату общин - верховной властью в стране, а законы, принятые общинами, - обязательными для исполнения без согласия короля или лордов. Этот ордонанс, или, как его теперь называли, акт, был принят 6 января 1649 года. В нем говорилось о том, что Карл Стюарт злодейски замыслил полностью ниспровергнуть древние и основные законы этой нации и ввести вместо них произвольное и тираническое правительство; что он развязал и вел жестокую войну против парламента и королевства; и что новые волнения возникли из-за нежелания парламента преследовать его. Поэтому, чтобы впредь "ни один начальник или судья не смел воображать или замышлять порабощение или уничтожение английской нации и рассчитывать на безнаказанность при попытке или совершении этого", для суда над упомянутым Карлом Стюартом были назначены лица, чьи имена следуют далее. 19 января король был доставлен из Виндзора в Сент-Джеймс под охраной конных войск.

Начиная с восьмого числа, члены комиссии по суду над королем собирались в Окрашенной палате, чтобы определить порядок действий. Но почти половина из них отказалась принять возложенную на них обязанность. Кто-то опасался за свою безопасность, кто-то - по политическим соображениям, кто-то возражал против конституции или полномочий суда. Алджернон Сидни заявил своим коллегам, что есть две причины, по которым он не может принять участие в их разбирательстве. Во-первых, король не может быть судим этим судом; во-вторых, ни один человек не может быть судим этим судом. "Говорю вам, - ответил Кромвель с характерным презрением к конституционным формулам, - мы отрубим ему голову с короной на ней".

Тем не менее, вопрос об их полномочиях был вопросом, на который суд должен был дать ответ. Если верить истории, рассказанной на суде над Регицидами, утром 20 января, когда начался процесс, комиссары все еще находились в растерянности. Когда они сидели в

Расписной палате, пришло известие, что король высаживается у ступеней, ведущих вверх от реки.

"Кромвель подбежал к окну и стал смотреть на короля, когда тот поднимался в сад; он стал белым, как стена... затем, обратившись к совету, сказал следующее: "Мои господа, он пришел, он пришел, и теперь мы делаем то великое дело, которым будет полна вся нация. Поэтому я хочу, чтобы вы решили здесь, какой ответ мы дадим королю, когда он предстанет перед нами, ибо первый вопрос, который он нам задаст, будет о том, какой властью и поручением мы его судим? Некоторое время никто не отвечал. Затем, немного подумав, Генри Мартен поднялся и сказал: "Именем общин в парламенте, собравшихся на заседание, и всего доброго народа Англии".

Около часа дня суд удалился в Вестминстер-холл. В верхней или южной части зала был сооружен деревянный помост, занимавший все пространство, которое обычно занимают Канцелярский и Королевский суды. Деревянная перегородка, возвышающаяся примерно на три фута над полом этой платформы, отделяла собственно суд от основной части зала. С нижней стороны этой перегородки, пересекая зал из стороны в сторону, находился широкий проход, огороженный деревянными перилами, и такой же проход шел прямо по залу до большой двери. По бокам проходов, спиной к перилам, стояла шеренга мушкетеров и пикинеров, офицеры которых ходили вверх и вниз по свободному пространству посреди проходов. Основная масса зрителей стояла в пределах огражденного перилами пространства между боковыми стенами зала и проходами, но с каждой стороны самой площадки и непосредственно над ней находились две небольшие галереи, одна над другой, предназначенные для особо привилегированных зрителей. В задней части суда, прямо под большим окном, сидели королевские судьи, числом около семидесяти человек, расположившись на четырех или пяти ярусах скамей, покрытых алой тканью. Они были одеты в обычную одежду офицеров или джентльменов. В заднем ряду, по обе стороны от эмблемы с гербом Английского Содружества, сидели Кромвель и Гарри Мартен. В центре первого ряда судей, за возвышающимся столом, сидел сержант Джон Брэдшоу, председатель суда, а по обе стороны от него - его помощники, Лисл и Сэй, одетые в черные адвокатские мантии. Примерно посередине пола суда стоял стол, за которым сидели два клерка, а на столе лежали булава и шпага государства. В передней части суда, у самого края помоста, находились три отделения, чем-то напоминающие скамьи, спинки которых были образованы низкой перегородкой, отделявшей суд от зала. В центральном из них стояли кресло, обитое малиновым бархатом, и небольшой столик, покрытый турецким ковром, на котором лежали чернильница и бумага. Здесь сидел король, а в простенке справа от него - три адвоката, выступавшие в качестве защитников Содружества. Король был повернут лицом к президенту, а спиной - к толпе в глубине зала. Поскольку пол суда был выше пола зала, зрители стояли как бы в театральной яме, но перегородка несколько загораживала им вид на внутреннее убранство суда. Тем не менее они могли видеть голову и плечи короля над ней.

Карл держал шляпу на голове и не выказывал никаких знаков уважения к суду.

"Заклученный, - говорится в официальном отчете, - пока читалось обвинение, сидел в своем кресле, глядя то на Высокий суд, то на галереи, снова поднимался, поворачивался, чтобы посмотреть на стражников и зрителей, а после садился, глядя очень сурово и с ничуть не тронутым лицом, пока не были прочитаны слова "*Карл Стюарт - тиран, предатель*" и т. д.; при этом он смеялся, сидя, в лицо суду".

На протяжении всего процесса, как и предполагали королевские судьи, он отказывался признавать юрисдикцию суда. В каждый из трех дней, когда он предстал перед судом, 20-

го, 22-го и 23 января, он продолжал отказываться признавать свою вину. "Принцы, - заявил он в декларации, опубликованной в 1629 году, - обязаны давать отчет о своих действиях не иначе как одному Богу", и теперь он последовательно повторял, что "король не может быть судим ни одной высшей инстанцией на земле". Однако большее сочувствие вызвала его ассоциация прав подданных со своими собственными и утверждение, что он защищает и тех, и других от произвола армии.

"Это не только мое дело, - говорил он, - это свобода и вольность народа Англии; и как бы вы ни притворялись, я больше стою за их свободы. Ибо если власть без закона может издавать законы, может изменять основные законы королевства, то я не знаю, какой подданный в Англии может быть уверен в своей жизни или в том, что он называет своим".

Во вторник, 23-го числа, после того как Карл в третий раз отказался признать свою вину, суд удалился в Окрашенную палату, и более решительные члены решили рассматривать короля как сговорчивого и приступить к вынесению приговора против него. Другие воспротивились этому, и следующие два дня были потрачены на заслушивание доказательств на закрытых заседаниях суда в Картинной палате - отчасти для того, чтобы выиграть время, пока непокорные члены суда перевоспитывались. Один за другим несколько свидетелей утверждали, что видели короля в оружии против парламента. Один видел королевский штандарт, установленный в Ноттингеме. Другой видел короля в Ньюбери в полных доспехах, с обнаженным мечом, и слышал, как он увещевал конный полк стоять рядом с ним в тот день, потому что его корона лежала на острие меча. Третий поклялся, что слышал, как Карл побуждал своих солдат раздевать и избивать пленных во время штурма Лестера. Также были принесены документы, подтверждающие, что король приглашал иностранные войска войти в Англию. В конце концов, вечером в четверг, 25-го числа, было принято решение о том, что суд приступит к вынесению смертного приговора Карлу Стюарту, а утром 26-го числа шестьдесят два члена комиссии согласились с условиями приговора, составленными их комитетом. Однако было решено, что король должен предстать перед судом для оглашения приговора, а не быть осужденным в его отсутствие, и это, несомненно, было сделано для того, чтобы дать ему шанс оправдаться, если он раскается в своем измене.

Днем в субботу, 27 января, шестьдесят семь членов комиссии заняли свои места в Вестминстер-холле во главе с Брэдшоу, который теперь облачился в алую мантию, чтобы вынести приговор. Чарльз снова отказался признать себя виновным и попросил, чтобы перед вынесением приговора его заслушали лорды и общинники, собравшиеся в Окрашенной палате. Он заявил, что ему есть что сказать, что "очень важно для благосостояния королевства и свободы подданных". Я уверен в этом, и это заслуживает внимания". После этого прошел слух, что он намеревается предложить отречься от престола и принять на трон своего сына на условиях, которые должны были быть согласованы. После недолгого обсуждения суд отклонил это предложение, и Брэдшоу, изложив преступления заключенного и увещевая его покаяться, приказал секретарю зачитать приговор. Король попытался заговорить. "Ваше время истекло", - ответил Брэдшоу и велел секретарю читать дальше. После того как приговор был зачитан, все члены комиссии встали, чтобы засвидетельствовать свое согласие. Чарльз снова попытался добиться слушания. "Сэр, вас не будут слушать после приговора", - был ответ. Он все еще пытался добиться, чтобы его заслушали. "Стража, выведите вашего заключенного", - приказал президент. "Мне не дают говорить", - вскричал король. "Ожидайте правосудия от других людей".

Когда короля выводили из зала суда, солдаты подняли крик, яростно крича: "Казнить, казнить!" Другие, как говорили, поносили его, когда он проходил мимо них, и дули ему в лицо своим табачным дымом. Но снаружи, на улице, когда он шел из Вестминстера в Уайтхолл,

"лавки и окна были полны людей, многие из которых проливали слезы, а некоторые из них звучными голосами молились за короля". Было очевидно, что народные чувства были на стороне короля, и это соображение, если бы не было других, вполне могло побудить армейских лидеров даже в последний момент отступить. Но даже если бы они этого захотели, армия не позволила бы им этого сделать. Кроме того, Кромвель на протяжении всего процесса не колебался и не колебался, и его влияние удерживало Регидов вместе. Когда королевские судьи предстали перед судом за свою жизнь, некоторые из них пытались представить себя действующими под принуждением. Один заявил, что Кромвель и Иретон схватили его и заставили занять свое место в суде; другие описывали Кромвеля как заставляющего непокорных судей подписывать смертный приговор и ущемляющего меньшинство, которое хотело, чтобы король был выслушан после вынесения приговора. Полковник Инголдсби смело заявил, что Кромвель схватил его за руку и направлял его перо, хотя на самом деле подпись Инголдсби не содержит никаких признаков принуждения. В современной литературе циркулирует множество подобных легенд, вымышленных самих по себе, но свидетельствующих о вполне обоснованном народном впечатлении. Кромвель твердо решил, что король должен умереть, а когда решение было принято, он был непреклонен. Против этой воли все попытки спасти короля были тщетны. Принц Чарльз обратился к Фэрфаксу, но, упорно отказываясь принимать какое-либо участие в судебном процессе, во всем остальном он оставался пассивным инструментом в руках совета офицеров. Голландские послы обратились к парламенту, но оставшиеся члены парламента были беспомощны или упрямы.

Уполномоченные шотландского парламента выступили с публичными протестами и частными обращениями к лидерам армии. Они спорили с Кромвелем, говоря ему, что Ковенант обязывает обе страны сохранять личность короля и что пойти на крайние меры против него - значит нарушить союз между Англией и Шотландией. Кромвель ответил им рассуждениями о природе королевской власти, утверждая, что нарушение доверия к королю должно караться сильнее, чем любое другое преступление. Что касается Ковенанта, то его целью была защита истинной религии; если король был самым большим препятствием для установления истинной религии, они не были обязаны его сохранять. "Он обязывал их, - добавил он, - предавать суровому наказанию всех поджигателей и врагов дела, а разве мелкие преступники должны быть наказаны, а величайшие из всех - отпущены на свободу?"

Тем временем в течение воскресенья и понедельника Карл готовился к смерти. Он провел много времени в молитве с епископом Жаксоном, сжег свои бумаги, раздал небольшие остатки личного имущества и оставил своих детей. Поскольку он опасался, что армия сделает герцога Глостера королем, он попросил его простым языком не занимать трон своего "брата".

"Милая, - сказал Чарльз, взяв ребенка на колени, - сейчас они отрубят голову твоему отцу [при этих словах ребенок непоколебимо посмотрел на него]; запомни, дитя, что я говорю: Они отрубят мою голову и, возможно, сделают тебя царем; но запомни, что я говорю: Ты не должен быть королем, пока живы твои братья Чарльз и Джеймс; ибо они отрубят головы твоим братьям, когда смогут поймать их, и отрубят и твою голову, в конце концов; и поэтому я поручаю тебе не становиться королем с их помощью".

На что ребенок, вздохнув, сказал: "Меня разорвут на куски первым". О том, что Карл сказал своей дочери, рассказала сама леди Елизавета:

"Он пожелал, чтобы я не горевала и не мучилась из-за него, ибо смерть его будет славной, ибо он умрет за законы и свободы этой земли и за поддержание истинной протестантской

религии. Он сказал мне, что простил всех своих врагов и надеется, что Бог простит и их, и велел нам и всем остальным моим братьям и сестрам простить их. Он просил передать моей матери, что его мысли никогда не покидали ее и что его любовь должна быть такой же до последнего".

Затем, пытаясь утешить ее, он снова попросил ее "не горевать о нем, ибо он должен умереть мучеником, и он не сомневается, что Господь возведет на трон его сына, и все мы будем счастливее, чем могли бы ожидать, если бы он был жив".

В понедельник вечером король спал в Сент-Джеймсе. За два часа до рассвета 30 января он поднялся и, позвав своего слугу Герберта, велел ему тщательно одеться. "Пусть на мне будет рубашка больше, чем обычно, - сказал он, - потому что время года такое резкое, что, возможно, заставит меня дрожать, что, по мнению некоторых, происходит от страха. Я бы не хотел, чтобы меня так считали; я не боюсь смерти. Смерть для меня не страшна. Благословляю Бога, я готов".

Около десяти часов приехал полковник Хакер, чтобы доставить короля в Уайтхолл. В сопровождении Герберта и Джексона он прошел через Сент-Джеймский парк. Его окружил караул алебардистов, а по обе стороны от него выстроились пешие роты. "Барабаны били, и шум стоял такой, что едва ли можно было расслышать, что говорит другой". Утро было холодное, морозное, и король шел, по своему обыкновению, очень быстро, а обращаясь к своей гвардии "в приятной манере", велел им идти быстрее. Когда он достиг Уайтхолла, его заставили ждать в своей опочивальне два или три часа, возможно, для того, чтобы дать парламенту время принять акт, запрещающий провозглашение нового короля. Часть этого времени он молился вместе с Жаксоном, по настоянию епископа съел полный рот хлеба и выпил стакан кларета. Около половины первого дня Хакер снова пришел, чтобы позвать короля на эшафот. На галереях и в Банкетном доме, через которые следовал Карл, расположились мужчины и женщины, чтобы видеть, как король проходит мимо. Когда он проходил мимо, "он слышал, как они молились за него, солдаты не упрекали никого из них, казавшиеся своим молчанием и удрученными лицами скорее страдающими, чем оскорбленными".

Из среднего окна Банкетного дома Чарльз вышел на эшафот. Он был одет в черное с головы до ног, но не в траур, и носил Георгия и ленту Подвязки. Эшафот был покрыт черной тканью, а с перил вокруг него, высотой до пояса человека, свисали черные петли. В центре эшафота лежала колодка - "небольшой кусок дерева, плоский снизу, длиной около полутора футов" и высотой около шести дюймов. Возле нее лежал "яркий топор для казни преступников", который был доставлен из Тауэра - возможно, тот самый топор, которым был обезглавлен Страффорд. Возле колодки стояли двое в масках; оба были одеты в облегающие одежды - как моряки, сказал один зритель, как мясники, сказал другой. Один из них был в нахлобученном на голову пелерине и казался стариком из-за седой бороды. Непосредственно вокруг подножия эшафота стояли ряды солдат, конных и пеших, а за ними толпилась масса мужчин и женщин. Другие наблюдатели заполнили окна и крыши домов вокруг.

Видя, что его голос не может донестись до людей, Карл обратился к тем, кто стоял на эшафоте, числом четырнадцать или пятнадцать человек. Он должен очистить себя, сказал он, как человек, как король и как христианин. Посвятельство на свободу народа никогда не входило в его планы. Парламент начал эту несчастную войну, а не он сам. "Но при всем том, - продолжал он, думая о Страффорде, - суды Божьи справедливы. Несправедливый приговор, который я допустил, чтобы он вступил в силу, теперь наказывается несправедливым приговором мне".

Затем король простил виновников своей смерти и в нескольких словах изложил свою концепцию дела, за которое он умер.

"Что касается народа, то я желаю его свободы и вольности, как и любой другой человек; но я должен сказать вам, что его свобода и вольность состоит в том, чтобы иметь правительство, в тех законах, по которым его жизнь и имущество могут быть в основном его собственностью. Это не значит, что они имеют долю в правительстве; это не имеет к ним никакого отношения..... Если бы я уступил, чтобы все изменилось в соответствии с силой меча, мне не нужно было бы приходить сюда; и поэтому я говорю вам (и молю Бога, чтобы это не было поставлено вам в вину), что я - мученик народа".

КАРЛ I.

(Со старой гравюры.)

О ужасное убийство

Но вот настал час, настал день.

Молчаливый ягненок принесен, волки встречены;
И где же бойня? Должно быть, в Уайтхолле,
В последнее время - его дворец, теперь - его Кальвария.
А теперь, сенаторы, так ли это?

Так часто заявляли, что это ваш славный король?
Религия впадает в уныние и скорбит о том, что она
вынуждена владеть таким ужасным злодейством.

Когда он закончил, король убрал свои длинные волосы под шапку, ему помогли Жаксон и седобородый человек в маске, и перекинулся несколькими словами с Жаксоном. Он снял плащ и дублет, отдал епископу своего Георга^[7] и велел палачу закрепить колодку. Затем, стоя, он произнес два-три слова про себя, подняв руки и глаза, и, лежа, положил шею на колодку. Минуту он лежал и молился; глаза его сияли, сказал один из наблюдавших, так живо и бодро, как никогда не видел. Внезапно он протянул руки, и седобородый мужчина одним ударом отделил его голову от тела. Сейчас, отметил другой зритель, было ровно четыре минуты второго.

Другой человек в маске взял голову короля и, не говоря ни слова, протянул ее народу. Тысячи людей, собравшихся вокруг эшафота, разразились стоном - "таким стоном, - пишет Филипп Генри, - какого я никогда не слышал прежде и желаю, чтобы никогда больше не услышал". После этого он увидел, как два конных отряда, один из которых шел в сторону Вестминстера, а другой - в сторону Чаринг-Кросс, грубо разгоняли толпу, и был рад, что ему удалось уйти домой без потерь.

Тело короля было помещено в простой деревянный гроб, покрыто черной бархатной пеленой, затем, после бальзамирования, помещено в свинцовый гроб и перевезено в Сент-Джеймс. Слуги хотели похоронить его в Вестминстере, в часовне Генриха Седьмого, среди его предков, но в этом было отказано, поскольку "это привлекло бы туда бесконечное количество людей всех мастей, что было бы небезопасно и неудобно". Виндзор казался более безопасным, и парламент разрешил Герберту похоронить своего хозяина там, выделив пятьсот фунтов на расходы.

пятьсот фунтов на расходы по погребению. Герцогу Ричмонду, графу Саутгемпτονу и еще двум дворянам было разрешено присутствовать на похоронах. Они выбрали склеп в часовне Святого Георгия, где были похоронены Генрих VIII и Джейн Сеймур, и положили туда тело короля в пятницу, 9 февраля. Служба над ним не читалась, поскольку губернатор не позволил Жаксону использовать службу из Молитвенника, заявив, что форма из Директории - единственная, разрешенная парламентом. Однако скорбящим казалось, что небеса дали знак о невиновности их покойного государя.

"Запомнилось, - пишет Герберт, - что в то время, когда тело короля выносили из зала Святого Георгия, небо было безмятежным и ясным; но вскоре начался снегопад, и он шел так быстро, что к тому времени, когда они подошли к западному концу королевской часовни, черный бархатный покров был полностью белым, цвет невинности, будучи плотно покрыт снегом".

Англия скорбела, но армия и ее партизаны ликовали. Наконец-то кровь, пролитая в Гражданской войне, была искуплена смертью ее автора. "Кровь оскверняет землю, - цитирует Ладлоу, - и земля не может быть очищена от крови, пролитой на ней, кроме как

кровью того, кто ее пролил". Публичность и формальность процесса против короля, казавшиеся большинству людей оскорбительной насмешкой над правосудием, для самих Регицидов были источником ликования. "Мы не убивали, и не делали этого в углу", - говорил Скот. "Мы сделали это перед лицом Бога и всех людей". Предание, подкрепленное некоторыми современными историями, гласит, что Кромвель сам пришел ночью, чтобы увидеть тело мертвого короля в камере в Уайтхолле, куда его перенесли с эшафота. Он поднял крышку гроба, некоторое время вглядывался в лицо и пробормотал "Жестокая необходимость". Поэт-роялист изобразил его на смертном одре преследуемым "бледным образом" мученически погибшего монарха. Поэтическая справедливость требовала такого возмездия, но история ничего не знает о раскаянии Кромвеля. Он был одним из последних в своей партии, кто считал смерть короля необходимостью, но, убедив себя в том, что это был справедливый и необходимый акт, он не видел причин для раскаяния. Ему казалось, что Англия освободилась от тирана "способом, о котором христиане в последующие времена будут упоминать с честью, а все тираны в мире будут смотреть со страхом".

ГЛАВА XII

РЕСПУБЛИКА И ЕЕ ВРАГИ

1649

За казнь Карла I последовала отмена монархии. 6 февраля 1649 года палата общин проголосовала за то, что палата лордов бесполезна и опасна и должна быть упразднена. 8 февраля она постановила, что должность короля является ненужной, обременительной и опасной для свободы, безопасности и общественных интересов этой нации. Затем последовали акты об упразднении обоих государств, а 19 мая третий акт учредил Английскую республику. "Англия, - провозглашалось в нем, - отныне будет управляться как Содружество,

или Свободное государство, верховной властью этой нации, представителями народа в парламенте и теми, кого они назначат и сделают министрами при них для блага народа". Отныне все судебные акты должны были составляться от имени Хранителей Свободы Англии, а на Большой печати должно было быть изображение Парламента с надписью: "В первый год Свободы, благословением Божиим восстановленной".

Что именно они подразумевали под "свободным государством", основатели Республики не объяснили. Гоббс и Харрингтон сошлись в определении нового правительства как олигархии. Один памфлетист превозносил его как аристократию. Но принципы, на которых оно якобы основывалось, были принципами демократии. В своих резолюциях от 4 января 1649 года Палата общин заявила, что народ является под Богом источником всей справедливой власти, и на этом основании заявила о своем праве на власть над лордами. В своей декларации о причинах установления республики они утверждали, что короли - это чиновники, учрежденные по соглашению между людьми, которыми они управляют, и поэтому народ имеет право свергнуть их в случае неправильного правления. Мильтон, ставший одним из секретарей Государственного совета, поддержал те же принципы. В своем труде "О пребывании королей и магистратов" он утверждал, "что все люди от природы рождены свободными, будучи образом и подобием самого Бога", и предвосхитил Руссо, проследив происхождение правительства на основе общественного договора. Однако, несмотря на демократические декларации, Республика была просто правлением Долгого парламента под новым именем. Вся власть, которой раньше обладали король и три сословия королевства, маленький остаток палаты общин присвоил себе. Все сдержки, которые когда-то накладывало существование короля и лордов или участие церкви в законодательстве, теперь были сметены. Единственный созданный новый институт был просто дальнейшим развитием той системы управления с помощью комитетов, которая стала необходимой в результате Гражданской войны. Государственный совет не был ни сенатом, ни кабинетом министров; он не обладал полномочиями ни уравнивать, ни контролировать парламент, а был лишь ежегодно избираемым комитетом, на который парламент возлагал исполнительные и административные функции. Из сорока одного человека, входившего в его состав, все, кроме десяти, были членами самого парламента.

Таким образом, Долгий парламент обладал властью, которой не обладало ни одно политическое собрание в Англии ни до, ни после него. Его законодательная власть была неограниченной. Исполнительную власть он осуществлял косвенно через Совет и непосредственно через свои собственные постановления. Вмешиваясь в рассмотрение частных исков и назначая комитеты с квазисудебными функциями, он также осуществлял судебную власть. Его суверенитет был безраздельным и бесконтрольным.

"Таков был случай с народом Англии в то время, - сказал Кромвель восемь лет спустя, - Парламент присвоил себе власть трех сословий, которые были раньше. Он настолько присвоил себе эту власть, что если бы кто-нибудь пришел и спросил: "По каким правилам вы судите?", он бы ответил: "У нас их нет. Мы верховны в законодательной и судебной власти".

Еще более обременительной эту власть делало то, что не было никакой перспективы, что она когда-нибудь закончится. Вместо того чтобы заседать около семи месяцев в году, как это делают парламенты сейчас, они заседали круглый год, никогда не уходя в отпуск более чем на три-четыре дня. Более того, согласно Акту от 11 мая 1641 года, он не мог быть отложен, пророчен или распущен иначе как с его собственного согласия, и хотя король, принявший этот акт, был мертв, он считался по-прежнему действующим. Таким образом, по выражению Кромвеля, страной управлял "вечно заседающий парламент".

Хотя претензии Долгого парламента достигли своего апогея, теория, на которой они основывались, перестала соответствовать фактам. "Общины Англии в собравшемся парламенте, - гласила резолюция палаты 4 января 1649 года, - *будучи избранными и представляющими народ*, обладают верховной властью в этой нации". Но Палата никогда не была менее представительной, чем в тот момент, когда она приняла это голосование. В результате изгнания членов-роялистов во время войны и пресвитериан в 1648 году она была, как сказал Кромвель, "просеяна и доведена до пригоршни". Когда в ноябре 1640 года собрался Долгий парламент, он состоял примерно из 490 членов; в январе 1649 года в палате заседало или могло заседать не более девяноста человек. Целые округа были не представлены. В списке заседающих членов, приведенном в одном из современных памфлетов, не было ни одного представителя графств Херефордшир, Хартфордшир, Камберленд и Ланкашир, а также ни одного округа в их пределах. Уэльс представляли три человека, а Лондон - всего один гражданин. В последующие годы в результате нескольких реадмиссий и нескольких новых выборов общее число действующих членов увеличилось примерно до 125, но ни в один из периодов между 1649 и 1653 годами Долгий парламент не мог сказать, что представляет народ. Его власть опиралась не на согласие народа, а на поддержку армии и на суеверное почтение, которое англичане оказывали даже тени парламента.

С политической точки зрения важнейшим вопросом было то, как долго армия будет сохранять власть этого остатка Долгого парламента. Соглашение между двумя сторонами скрывало фундаментальные различия в их политических взглядах. Армия рассматривала сохранение существующего собрания как временную меру. Парламент считал себя легитимным сувереном с неоспоримым правом на правление. Под Свободным государством армия подразумевала демократию и не могла понять республику без республиканских институтов. Прежде всего она требовала, чтобы новое государство основывалось на писаной конституции, определяющей права управляемых и полномочия правительства. В "Соглашении народа", составленном в январе 1649 года, она набросала контуры желаемой республики. Долгий парламент должен был завершиться в апреле 1649 года. Голоса должны были получить все плательщики, отчисляющие средства на помощь бедным, и каждый человек, не являющийся слугой или нищим. Избирательные округа должны были стать более равными. Парламенты должны были избираться каждые два года и заседать не более шести месяцев в году, а во время их отсутствия власть должен был осуществлять Государственный совет. По желанию государства, оно могло обеспечить поддержание национальной церкви, но, за исключением папизма и прелатизма, все формы христианства должны были быть терпимы. Наконец, в качестве защиты от произвола властей были перечислены некоторые основные права, в которые не могло вмешиваться никакое правительство: свобода от принуждения, равенство перед законом и свобода вероисповедания.

Конституционная схема армии была представлена парламенту 20 января 1649 года. Они не просили навязывать ее нации законом, но предлагали ее народу для принятия. Соглашение должно было распространяться в народе для сбора подписей, как петиция, и если большинство сторонников дела одобряет его, то должны были быть предприняты шаги для приведения его в действие. Парламент принял соглашение с благодарностью и отложил его в сторону.

Прошел апрель 1649 года, а они не подавали признаков роспуска. Их отношение к вопросу о новом парламенте хорошо выразил Гарри Мартен в 1650 году. Мартен сравнил Содружество с младенцем Моисеем. Когда Моисей, по его словам, был найден среди камышей и принесен дочери фараона, она позаботилась о том, чтобы узнать мать ребенка и отдать его ей на

воспитание. Содружество было младенцем, слабого роста и очень нежного телосложения; никто не был так пригоден для его выхаживания, как мать, которая его родила, и пока он не наберет больше лет и сил, его не должны были доверять в другие руки".

В 1649 году можно было многое сказать в пользу этой точки зрения. В стране и за рубежом молодая республика была окружена врагами. В Англии ей угрожали роялисты, пресвитериане и левеллеры; в Европе у нее не было друзей. Казнь Карла I вызвала всеобщий ужас среди иностранцев. Правда, не было никакой перспективы общего союза европейских государств для наказания цареубийства, на что надеялись роялисты, но и правительства, и народы были настроены враждебно. В России царь посадил в тюрьму английских купцов и конфисковал их товары. В Германии, Швеции и Дании священнослужители читали проповеди, обличающие английских сектантов и доказывающие, что между протестантизмом и королеубийством нет необходимой связи. В Соединенных провинциях, где республиканцы могли рассчитывать на сочувствие, общественное мнение было настроено против них не менее яростно. Генеральные штаты обращались к Карлу II как к королю, соболезновали ему в связи со смертью отца и разрешили Руперту снарядить свой флот в голландских портах. Они отказались предоставить аудиенцию Стрикленду, английскому агенту в Голландии, и отказались признать новое государство. В мае 1649 года специальный посол из Англии, доктор Дорислаус, был убит шотландскими роялистами в Гааге, и хотя голландское правительство пообещало возместить ущерб, народные чувства обеспечили побег убийц. Во многом эта враждебность объяснялась влиянием штатхольдера Вильгельма II, чей брак с Марией, дочерью Карла I, сделал Оранский дом единственным твердым другом дома Стюартов. Вильгельм II помогал своему шурина деньгами и советами и сделал бы больше, если бы мог. Но Голландия, самая богатая и могущественная из семи провинций, была против воинственных замыслов Штатхольдера и желала оставаться в мире с Англией.

Во Франции смерть короля сделала каждого англичанина непопулярным. Война с Испанией и отвлеченность самой Франции не позволили Мазарину оказать помощь Карлу II, но он не признал республику. Отношения Англии и Франции стремительно ухудшались. Французское правительство запретило ввоз английских драпировок; англичане ответили запретом на французские вина, шерстяные изделия и шелк. Французские каперы и даже правительственные корабли нападали на английскую торговлю и в течение 1649 и 1650 годов захватили английские суда на пять тысяч тонн и товары на полмиллиона. Естественно, английские купцы нанесли ответный удар по французской торговле. Дипломатические сношения прекратились; одному французскому агенту было приказано покинуть Англию, второго развернули на побережье, а третий был уволен почти сразу же по прибытии в страну.

Враждебность Франции сделала Испанию сравнительно дружелюбной. Она не признала Республику, но ее посол поддерживал неофициальные контакты с Государственным советом, а правительство сохраняло настоящий нейтралитет между английскими партиями. Оно выжидало, пока не будет обеспечено постоянство нового правительства, а пока отказывалось помогать претенденту, чьи шансы на восстановление казались сомнительными. Коттингтон и Хайд, послы, отправленные Карлом II в Испанию, были приняты холодно, а их прошения о помощи отклонены. С другой стороны, Ашам, агент Содружества, был убит английскими кавалерами, как только достиг Мадрида (27 мая 1650 года), и только один из его убийц был наказан. "Я завидую этим джентльменам, - сказал испанский премьер-министр, - за то, что они совершили столь благородный поступок". Политическая необходимость могла заставить Испанию сохранить дружеские отношения с

Содружеством, но чувства подданных и правителей были столь же враждебны, как и у французов.

В самой Англии реакция, начавшаяся после того, как король стал пленником, усилилась после его смерти. Через десять дней после казни в печати появилась книга Eikon Basilike - портрет короля Карла в его одиночестве и страданиях. Книга действительно была написана доктором Гауденом, но ни один кавалер не сомневался, что в ней содержатся мысли и чувства короля, изложенные его собственной рукой. Она вдохновила роялистов на более пылкую преданность, обратила колеблющихся и тронула даже равнодушных. Толпа начала верить, что Карл был лучшим из монархов и кротчайшим из мучеников. Он больше не был вероломным тираном политиков, а человеком с мягким голосом и скорбными глазами, которого должны были прославлять драматурги. Мильтон жаловался, что народ "с одурманенным и вырождающимся подлым духом, за исключением некоторых немногих, кто еще сохранил в себе старую английскую стойкость и любовь к свободе, готов пасть ниц и воздать поклонение образу и памяти этого человека, который предложил больше хитроумных приемов, чтобы подорвать наши свободы и превратить тиранию в искусство, чем любой британский король до него". В своих "Эйконокластах" он попытался разбить идола "непостоянного, неразумного и преклоняющегося перед образами сброда", но потерпел полное фиаско.

На данный момент роялистская партия была слишком слаба, чтобы представлять серьезную опасность. В Голландии и во Франции толпы разоренных дворян и потрепанных солдат с нетерпением ждали возможности нанести еще один удар по своим завоевателям. Монтроз уже набирал людей в Северной Европе для нового похода на Шотландию. В своих строках, обращенных к мертвому королю, он обещал отомстить за его смерть.

"Я пропою твои похороны в трубных звуках,

И напишу эпитафию твою в крови и ранах".

Другие изгнанники, стремясь не только к мести, но и к наживе, занялись каперством. Из ирландских портов, с островов Мэн, Джерси и Скилли выходили целые стаи каперов, которые проникали в Ла-Манш и грабили английские суда. Не были спокойны и более отдаленные моря. Через несколько месяцев принц Руперт с тем, что осталось от королевского флота, взял несколько призов в Атлантике, совершил внезапный набег на Средиземное море, перехватывал у Азорских островов корабли, идущие в обратном направлении, и даже посеял хаос в водах Вест-Индии. "Мы бороздим моря, чтобы прокормиться", - писал один из его офицеров, - "бедность и отчаяние - наши спутники, а месть - наш проводник".

Однако дома роялисты были разбиты и покорены. Некоторые из их лидеров оказались в плену, другие пострадали под Высшим судом Республики. Как правило, наказания, наложенные на побежденную сторону, ограничивались денежными штрафами. В начале войны парламент принял решение о секвестре всего имущества тех, кто выступал против него. Впоследствии он принял план компаундирования с нарушителями; то есть разрешил роялисту выкупить свое имущество, заплатив определенную часть его стоимости. Размер таких компенсаций варьировался от половины до десятой части капитальной стоимости имущества и определялся в зависимости от положения и преступности владельца. Благодаря этой системе удалось собрать большие суммы для оплаты расходов на войну, но она была менее эффективна как средство повышения доходов, чем как метод наказания роялистов. Деревенский джентльмен, переплавивший свои тарелки и срубивший дубы, чтобы помочь королю, оказался вынужден собирать деньги в условиях нехватки средств и

огромного падения стоимости земли. Назначение штрафа было долгим и мутным процессом, и пока он не был назначен, его имущество находилось под секвестром. Если он не выплачивал свои взносы в нужное время или оказывалось, что его имущество было занижено, следовала повторная оценка штрафа или новый секвестр имущества. Он мог так же горячо желать того дня, когда король снова будет наслаждаться своей собственностью, но, обезоруженный и обнищавший, он мало что мог сделать, чтобы приблизить его. Тем не менее многие кавалеры были готовы снова рисковать своими жизнями в этой попытке. Эта часть партии вела активную переписку с изгнанным двором, и к 1650 году был создан центральный роялистский совет с агентами в каждом графстве. Но самые оптимистичные заговорщики признавали, что без помощи из-за границы партия в целом была "слишком ошеломлена", чтобы взяться за оружие.

В Англии их возможными союзниками против правительства были пресвитериане и левеллеры. Пресвитериане были многочисленны, богаты и влиятельны. Их силы находились в Лондоне, крупных городах и Ланкашире, но большинство представителей среднего класса и духовенства принадлежали к их партии. Пресвитерианское духовенство громко протестовало против суда над королем; многие из них проповедовали против республики, а некоторые были достаточно смелы, чтобы молиться за Карла II. Они осуждали Содружество как "еретическую демократию" и отказывались от навязанного парламентом обязательства быть верными ему. Но дальше пассивного сопротивления мало кто из них пошел. Радужное сотрудничество между пресвитерианами и роялистами было невозможно, поскольку желания сторон сильно различались. Пресвитериане хотели конституционной монархии на основе условий, предложенных королем в Ньюпортском договоре; роялисты хотели восстановления монархии в том виде, в котором она существовала до начала войны. Одна сторона требовала установления пресвитерианства в той или иной форме, другая - сохранения епископата. В 1648 году недоверие и апатия пресвитерианцев помешали успеху роялистов, и та же причина помешала их союзу сейчас. Роялисты не доверяли пресвитерианам в той же степени. Для таких людей, как Хайд, они казались предателями и мятежниками, чье раскаяние было пустым, а принципы были столь же губительны для монархии и религии, как и у индепендентов. Лишив Карла королевской власти, они сделали так, что Индепенденты смогли лишить его жизни. Один роялист подвел итог доле двух партий, сказав, что Индепенденты отрубили королю голову, а пресвитериане довели его до блокады. Невзгоды могли сблизить пресвитерианцев и роялистов, но только после того, как ненависть к военному правлению и страх перед анархией изгладят воспоминания о войне, станут возможны их совместные действия.

Столь же мало перспектив было и у союза левеллеров с роялистами. Под именем левеллеров скрывались две разные партии, ни одна из которых, как бы враждебно ни относилась к существующему правительству, не была благосклонна к монархии. Небольшая часть, называвшая себя истинными левеллерами, требовала масштабных социальных изменений. Без них, заявляли они, республика превратится в посмешище. "Если мы, бедняки, не будем иметь часть земли, чтобы жить на ней свободно, так же как и дворяне, это не может быть свободным Содружеством". В настоящее время они требовали права обосноваться на общинных и пустующих землях, но мечтали о социалистической республике, в которой не будет ни частной собственности на землю, ни купли-продажи, ни богатых, ни бедных.

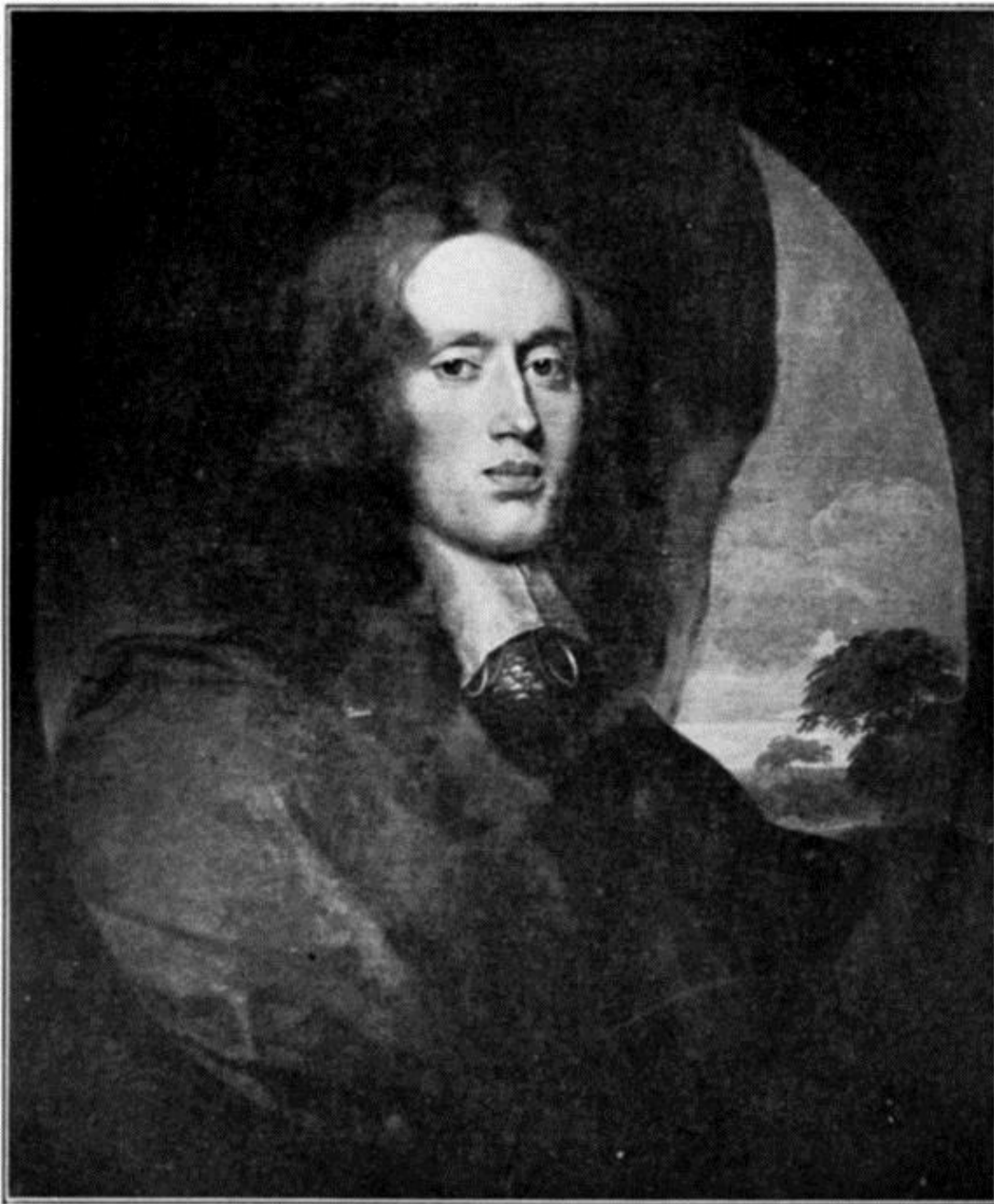
Большинство левеллеров требовали только политических изменений и заявляли, что не желают "нивелировать мужские поместья, уничтожить собственность или сделать все общим". Они хотели ограничить власть правительства и расширить права личности. Тремя главными пунктами их программы были избирательное право для мужчин, ежегодные

парламенты и полная религиозная свобода. Они жаловались на то, что революция 1648 года закончилась слишком рано, и что Республика не была абсолютной демократией.

Социалисты были безобидными мечтателями, чьи доктрины пали на каменистую почву, но учение демократов принесло обильные плоды. Лилберн, их представитель, был эффективным памфлетистом, энергичным оратором и партийным лидером необычайной настойчивости и мужества. В своей борьбе с правительством он озвучил не только чаяния своей партии, но и чувства всех противников республики. Правительство конфисковало его памфлеты, бросило его в тюрьму и отдало под суд за государственную измену. Это только увеличило его популярность. Когда "честный Джон" отрицал право меча диктовать законы и требовал свободы, которая по праву рождения принадлежит каждому англичанину, ни одно лондонское жюри не согласилось бы осудить его. Его раз за разом сажали в тюрьму, но подавить его было невозможно, пока парламент не принял акт о его изгнании (декабрь 1651 года).

Имея вокруг себя столько врагов, основателям Республики пришлось решать задачу чрезвычайной сложности. Но весь механизм управления был в их руках, и хотя их сторонники составляли меньшинство, энергия и энтузиазм компенсировали недостаток численности. Государственный совет состоял из деревенских джентльменов с военным или политическим опытом, нескольких юристов, нескольких купцов, а также трех-четырех профессиональных солдат. В нем было несколько способных людей и несколько государственных деятелей, лучше которых, как говорит Мильтон о Вейне, никто из сенаторов не держал штурвал Рима, когда римский сенат отбил Пирра и Ганнибала. Система управления через комитеты и коллегии позволяла добавлять к каждому из органов, которым поручалось руководство тем или иным ведомством, определенное число сторонних специалистов, обладавших особыми знаниями или навыками. Таким образом, административные дела в Республике велись гораздо лучше, чем в Долгом парламенте или монархии. Роялистские памфлетисты представляли людей, стоящих у власти, как повсеместно коррумпированных и корыстных; но за редким исключением это были люди с высоким характером и бескорыстием. Иностранному наблюдателю, скорее враждебному, чем дружественному, они казались достойными осуществлять власть, каким бы ущербным ни было их право на нее.

"Они не только сильны на море и на суше, - писал один из агентов Мазарина, - но и живут без показухи, без помпезности и без взаимного соперничества. Они экономны в личных делах и расточительны в своей преданности государственным делам, ради которых каждый трудится, как ради своего личного интереса. Они распоряжаются крупными денежными суммами, которыми распоряжаются честно, соблюдая строгую дисциплину. Они хорошо вознаграждают и строго наказывают".

СЭР ГЕНРИ ВЕЙН (МЛАДШИЙ).

(С картины Уильяма Добсона, хранящейся в Национальной портретной галерее).

Денежные ресурсы Республики были намного больше, чем у любого из Стюартов. Доход Карла I в 1633 году оценивался в 618 000 фунтов стерлингов. Доход Республики в 1649 году от ежемесячных сборов, таможен, акцизов, штрафов с нарушителей и продажи конфискованных земель составил около двух миллионов. Но потребности в доходах были еще выше. Безопасность на морях и возможность иностранной войны делали реорганизацию флота насущной необходимостью. В связи с этим комиссия Уорика как лорда-верховного адмирала была отозвана, а командование флотом передано трем морским генералам - Блейку, Дину и Попхэму. Вместо Уорика общий надзор за военно-морскими делами осуществлял Адмиралтейский комитет Государственного совета, но строительство кораблей, забота об их экипажах и все практическое управление флотом были возложены на совет морских комиссаров, наученных службой в море тому, что требуется от боевого флота.

В течение следующих трех лет флот пополнился сорока одним новым военным кораблем, который еще больше увеличился за счет наемных торговых судов. Моряков лучше кормили, лучше платили и лучше заботились о них, чем при Карле I, и, кроме того, их рвение стимулировали, отдавая им треть всех взятых ими призов. Вторжение быстро стало невозможным, а господство на морях - реальностью, а не пустой претензией.

Армия Содружества, если и была мала для стоящих перед ней задач, то вполне достаточна для подавления мятежа или предотвращения вторжения. Двадцать одна тысяча человек "новой модели" разрослась до вдвое большей численности. Постоянная армия в 1649 году насчитывала сорок четыре тысячи человек, из которых двенадцать тысяч предназначались для повторного завоевания Ирландии. По характеру и составу она мало чем отличалась от "новой модели". Форма стала универсальной, и отныне красный мундир и солдат были синонимами. Поскольку жалование в войсках было высоким и выплачивалось со сравнительной регулярностью, отпала необходимость в принудительном наборе рекрутов. Для офицеров армия стала карьерой, и мало кто уходил в отставку, разве что инвалид или кассир. Офицеры всех рангов были воодушевлены определенным корпоративным чувством и привыкли действовать сообща в политике. Но между офицерами и рядовыми начали проявляться серьезные расхождения во взглядах. Агитация левеллеров нашла отклик в нижних чинах армии. Многие солдаты, как и Лилберн, требовали немедленного установления демократической республики. Другие хотели восстановить Совет агитаторов и отменить военное положение. Как и в 1647 году, недовольство разрасталось из-за нежелания служить в Ирландии и вопроса о задолженности по жалованию.

Лилберн воспользовался возможностью напасть на совет офицеров и Кромвеля как его руководящего духа. Он и его ученики осуждали генерал-лейтенанта как тирана, отступника и лицемера. "С Кромвелем нельзя говорить ни о чем, - говорится в одном из их памфлетов, - но он положит руку на грудь, поднимет глаза и призовет Бога. Он будет плакать, выть и каяться, даже когда будет бить вас под пятое ребро".

Личные оскорбления не подействовали на Кромвеля, но он почувствовал опасность, которой эта агитация грозила Республике. Будучи упорно привязанным к существующему общественному порядку, он считал учение левеллеров рассчитанным на свержение власти и уничтожение собственности. В одной из своих поздних речей он подводит итог своим взглядам на левеллерское движение. Различие между сословиями и классами было краеугольным камнем общества. "Дворянин, джентльмен, йомен - вот хороший интерес земли и великий". Но "принцип выравнивания" стремился свести все порядки и сословия людей к равенству. Сознательно или бессознательно он стремился к этому, "ибо в чем была его цель, как не в том, чтобы сделать арендатора таким же либеральным, как и лендлорд?". Проповедь такой доктрины представляла опасность для государства, "потому что она была приятна для всех бедняков и поистине нежелательна для всех дурных людей".

Когда дело доходило до распространения нивелирующих взглядов в армии и подстрекательства солдат к неповиновению своим офицерам, Кромвель расправлялся с зачинщиками коротко и резко. В марте 1649 года Лилберн и еще трое поджигателей войны предстали перед Государственным советом.

"Говорю вам, - сказал Кромвель, ударяя по столу совета, - у вас нет другого способа справиться с этими людьми, кроме как сломить их, иначе они сломят вас; да, и возложат всю вину за кровь и сокровища, пролитые и потраченные в этом королевстве, на ваши головы, и расстроят и сделают недействительной всю ту работу, которую вы проделали за столько лет, трудом и муками; и поэтому я еще раз говорю вам, что вы должны сломить их".

Лилберн и его друзья отправились в Тауэр, но волнения среди солдат все еще продолжались. В мае 1649 года в Солсбери три полка, отобранные для отправки в Ирландию, подняли открытый мятеж и отказались выступить в поход, пока не будут обеспечены свободы Англии. Их лозунгом было "Свобода Англии, права солдат", и они ожидали, что другие полки присоединятся к ним. Но Кромвель и Фэрфакс не оставили им времени на сбор сил. Спеша форсированным маршем из Лондона в Оксфордшир, два генерала обрушились на мятежников у Берфорда, взяли четыре сотни пленных, а остальных рассеяли. Крови было пролито немного. Три унтер-офицера были расстреляны; остальным мятежникам сказали, что они заслуживают уничтожения; тем не менее, их снова поставили в строй и отправили в Ирландию.

Кромвель не ограничивался солдатской задачей уничтожения врагов дела; он с не меньшим рвением старался примирить сомневающихся сторонников и вернуть утраченных друзей. Многие индипенденты были готовы принять республику, теперь уже установленную, если бы они могли сделать это, не одобряя метод, с помощью которого она была создана. Кромвель, вероятно, был автором компромисса, благодаря которому эти люди были вынуждены занять свои места в Государственном совете бок о бок с авторами поздней революции. Столь же примирительным было его отношение к вопросу о палате лордов. Для фанатичных республиканцев вроде Ладлоу было доказательством его беспринципности то, что он возражал против упразднения этого института и желал сохранить его в качестве чисто совещательного органа. На самом деле его природный консерватизм не позволял ему вносить в конституцию больше изменений, чем того требовала необходимость, и он стремился сохранить поддержку тех немногих пэров, которые до сих пор поддерживали это дело. В апреле 1649 года Кромвель даже сделал предложение пресвитерианам. Он предложил, как и в 1647 году, согласиться на установление пресвитерианской системы, если будут терпимы к людям других вероисповеданий, которые "ходят мирно". Он был готов согласиться на восстановление членов, исключенных в результате "чистки Гордости", если они пообещают верность Республике. Но пресвитериане отвергли его предложения.

От этих попыток компромисса в истории осталось мало следов, но письма Кромвеля свидетельствуют о его усилиях по обращению отдельных людей. Роберт Хэммонд и лорд Уортон когда-то были его товарищами по борьбе, но теперь, по словам Кромвеля, они сами себя отстранили от служения Господу. Чтобы вернуть их, он обратился к вере, а не к разуму, поскольку именно так он утихомирил свои собственные сомнения.

"Напрасно, - сказал он Уортону, - спорить о ваших сомнениях или пытаться ответить на ваши возражения. Я выслушал их все и отдохнул от проблем, связанных с ними, а также от того, что поднялось в моем собственном сердце, за что я хочу быть смиренно благодарен. Я не осуждаю ваши рассуждения. Я сомневаюсь в них".

Чистка Гордыни и казнь короля застряли у Уортона в горле. Он осуждал незаконность установления республики и характер некоторых людей, причастных к этому.

"Легко, - ответил Кромвель, - возражать против славных деяний Бога, если мы слишком много смотрим на инструменты. Не обижайтесь на способ; возможно, другого пути не было. Что, если Бог принял их рвение, как принял рвение Финееса, которого разум мог бы призвать к суду присяжных?" Но самое главное, "что, если Господь засвидетельствовал Свое одобрение и принятие и этого - не только внешними действиями, но и сердцем?"

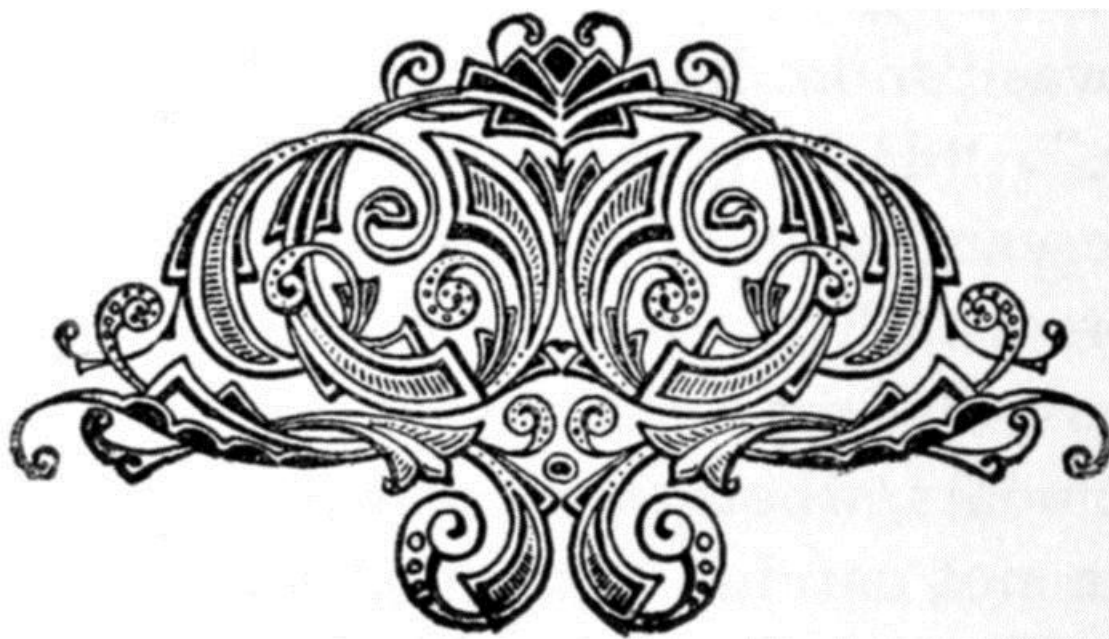
Для Кромвеля это соединение внешнего знака с внутренним убеждением было чем-то гораздо выше аргументов. Логика событий была единственной убедительной логикой. Это был ответ, который он дал на сомнения Хэммонда в 1648 году. "Плотские рассуждения опутывают нас"; давайте посмотрим, каков замысел Божий, проявляющийся в событиях. Ибо как ничто не происходит только по воле Бога, так и то, что люди называли событиями, для христиан было "диспенсациями", "манифестациями", "провидениями", "явлениями Бога". Не существовало такого понятия, как судьба - "это было слишком языческое слово". Не существовало такой вещи, как случайность. Каждая битва была "обращением к Богу" - Кромвель часто использует эту фразу как синоним сражения. Победа или поражение не были случайностью; это было действие "Провидения Божьего в том, что ложно называют случайностью войны". Поэтому каждый последующий триумф его дела был новым доказательством его праведности. Его победы в Ирландии стали оправданием Республики. "Это, - сказал он спикеру, - печати Божьего одобрения вашей великой смены правительства".

Нельзя отрицать, что в этой вере было что-то фаталистическое. Сам Кромвель однажды признается, что был склонен придавать слишком большое значение "внешним диспенсациям". Но уверенность в своем деле, которую давало это вероучение, была источником его власти над своими последователями.

"На высоких полях, - говорил один из них, - как в Данбаре, Вустере и других местах, когда он нес свою жизнь в руках, разве его вера не действовала тогда с большей силой, чем обычно? Настолько, что успех и победа были в его глазах, когда страх и уныние угнетали сердца других, и некоторых хороших людей тоже".

Что бы ни случилось с ним самим, Дело не могло потерпеть неудачу. "Дело - от Бога, и оно должно процветать". Не ради дела, а ради своих сомневающихся друзей он старался убедить их. "Господь не нуждается в вас", - говорит он одному из них. "Не ты нужен делу, а оно тебе", - говорит он другому. Страх в его голове был только один: "Что, если мой друг отстранит свое плечо от работы Господа по ложным, ошибочным соображениям?" Служить в этой работе на любой должности было "большей честью, чем может дать или показать мир". "Как велика честь, - восклицает он, - быть слугой Господа в любом труде!" Как же мало значения имеет, называют ли человека отступником или тираном, какие упреки приносит это служение, какие отчуждения, какие бдения или труды. "Давайте все не будем заботиться о том, что люди сделают из этих поступков. Они, воля их, не воля их, исполнят благоволение Божие, и мы будем служить нашим поколениям. Наш покой мы ожидаем в другом месте: это будет долговечно".

Поэтому, когда другие дрогнули и отстали, Кромвель (по выражению Марвелла) "неутомимо шел вперед". К счастью для Республики, в трудную минуту у нее был такой слуга. Еще большее счастье было бы, если бы ее правители поняли, что дело, которому служил Кромвель, - это не форма правления, а идеальные цели, совместимые с любой формой. Он стремился обрести религиозную и гражданскую свободу в монархии; сейчас он искал ее в республике; в будущем он должен был искать ее в правительстве, которое не было бы ни тем, ни другим. В настоящее время она казалась ему неотделимой от жизни Республики.

ГЛАВА XIII

ИРЕЛАНДИЯ

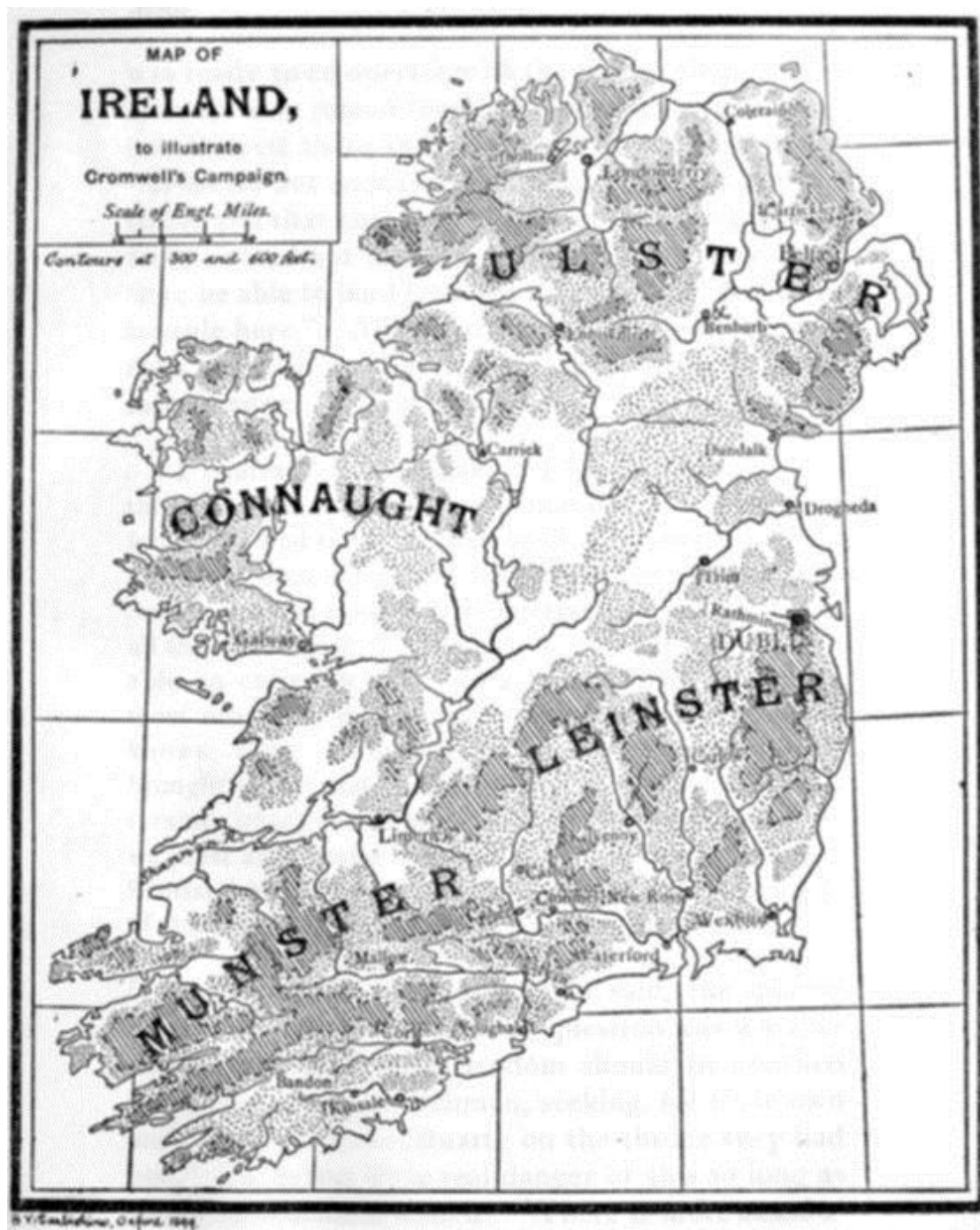
1649-1650

Вторая гражданская война имела свой аналог в Ирландии, где в мае 1648 года лорд Инчикин и мюнстерские протестанты вышли из повиновения парламенту и подняли королевский штандарт. Ормонд вновь вернулся в Ирландию в сентябре 1648 года, а к январю 1649 года ему удалось объединить англо-ирландских роялистов и конфедератов-католиков в лигу против приверженцев парламента. Напрасно Ринуччини, папский нунций, противился лиге. Свобода и равенство, обещанные католической религии, независимость, обещанная ирландскому парламенту, склонили многих священнослужителей на сторону Ормонда. Они призвали ирландских солдат сражаться за Бога и Сезара под его знаменами и обязались снабдить его армией в двадцать тысяч человек. В феврале 1649 года Ринуччини покинул Ирландию.

Казнь короля еще больше раздула ряды роялистов; в то время как часть пресвитериан Ольстера открыто выступила на стороне Ормонда и провозгласила Карла II, остальные отбросили всякое подобие повиновения парламенту. Только Оуэн Ро и ольстерские ирландцы, недовольные условиями договора, держались в стороне от коалиции и, ведя переговоры сначала с Ормондом, а затем с парламентскими чиновниками, некоторое время сохраняли нейтралитет. В Лондондерри сэр Чарльз Кут по-прежнему выступал на стороне парламента, полковник Монк удерживал Дандолк, а полковник Майкл Джонс, всегда

бдительный и энергичный, держался в Дублине. Джонс был назначен губернатором Дублина в июне 1647 года, когда Ормонд сдал его парламенту. Он одержал блестящую победу над ирландцами у Дунганс-Хилла в августе 1647 года, и на него можно было положиться в том, что он будет сражаться до последнего. Но если не придет помощь из Англии, сохранение этих последних оплотов было вопросом нескольких месяцев.

Дело было не только в том, следует ли отделять Ирландию от Англии, ведь было ясно, что Ирландия в руках роялистов будет использована как основа для нападения на Англию. Посланцы молодого короля объявили о его скором прибытии в Ирландию, и ничто, кроме отсутствия денег, не препятствовало его путешествию. Принц Руперт с эскадрой из восьми кораблей уже находился в гаванях Мюнстера. Именно в этот момент Государственный совет назначил Кромвеля командующим в Ирландии (15 марта 1649 года). Речь, которую Кромвель произнес перед офицерами армии неделю спустя, показала его понимание кризиса. "Ваши старые враги, - сказал он им, - снова объединяются против вас". Шотландия провозгласила Карла II; большая партия в Англии была готова сотрудничать с шотландцами; все партии в Ирландии объединились, "чтобы искоренить там английский интерес и поставить принца Уэльского". "Если мы не постараемся своевременно и в полной мере реализовать наши интересы там, то мы не только искореним наши интересы там, но и в очень скором времени они смогут высадить войска в Англии и доставить нам неприятности здесь". Вся национальная гордость англичанина восстала при мысли о шотландском или ирландском вмешательстве.

"Признаюсь, - продолжал он, - меня часто посещали мысли, которые, возможно, являются плотскими и глупыми: Я бы предпочел, чтобы меня захлестнул кавалергардский интерес, а не шотландский, я бы предпочел, чтобы меня захлестнул шотландский интерес, а не ирландский, и я думаю, что из всего этого наиболее опасно..... Если им удастся продолжить свое дело, они сделают этот народ самым несчастным на земле, ибо весь мир знает об их варварстве..... Ссора доведена до такого состояния: мы не можем вернуться к той тирании, под игом которой мы раньше находились, но в то же время мы должны быть подчинены королевству Шотландии или королевству Ирландии для введения короля. Это должно пробудить всех англичан".

По сути, как верно сказал Кромвель, ссора была национальной, и вопрос заключался в том, не помешают ли росту английской свободы ирландцы и шотландцы, стремящиеся в своих собственных целях заменить Стюартов на потерянном ими троне. Реальная опасность этого

была невелика, пока армия оставалась единой. "Существует больше причин опасности от разлада между нами, чем от чего-либо со стороны наших врагов..... Я уверен, что если мы будем выполнять свой долг и ожидать Господа, то Он будет как медная стена вокруг нас, пока мы не закончим работу, которую Он поручил нам сделать". Но при всей этой вере в божественную помощь Кромвель не стал недооценивать трудности повторного завоевания Ирландии и не оставил без внимания ничего, что было необходимо для достижения успеха.

Кромвель отказался принять командование, пока не будет уверен в адекватной поддержке со стороны правительства, а после принятия командования (30 марта) отказался вести своих солдат за море, пока не будет обеспечен деньгами для их оплаты. Парламент доверил ему на три года совмещать полномочия лорда-лейтенанта и главнокомандующего, назначив ему жалование за эти две должности в размере около тринадцати тысяч фунтов в год и предоставив ему армию в двенадцать тысяч человек, хорошо укомплектованную и оснащенную. Организация армии, сбор кораблей для ее перевозки и, главное, трудности сбора денег на ее содержание задержали его выступление более чем на четыре месяца, и только 13 августа Кромвель высадился в Дублине.

Если бы Ормонд был отличным полководцем или если бы Оуэн Рой отказался от своего нейтралитета в марте, а не в августе, все английские гарнизоны могли бы быть взяты до прихода Кромвеля. Инчкин, лейтенант Ормонда, в июле взял Дандолк и Дрогеду, а сам Ормонд блокировал Джонса в Дублине. Но Кромвель усилил Джонса тремя полками из Англии, и 2 августа гарнизон Дублина напал на лагерь Ормонда в Ратмине и разгромил его, потеряв пять тысяч человек. "Удивительное милосердие, - писал Кромвель, - столь великое и своевременное, что мы уподобились тем, кто мечтал". В результате Ормонд не смог собрать армию, достаточную для того, чтобы противостоять Кромвелю в поле, и был вынужден полагаться на крепости, чтобы сдержать захватчика, пока не соберет свежие силы. В Дрогеду, первой подвергшейся угрозе, Ормонд бросил всю свою армию. Кромвель ворвался в Дрогеду 10 сентября и предал мечу двадцать восемь сотен человек, защищавших ее. "Я не думаю, что тридцать человек из всего этого числа избежали смерти", - писал он. Затем, отправив отряд на помощь Лондондерри, он повернул свой марш на юг и 11 октября взял штурмом Вексфорд. Около пятнадцати сотен его гарнизона и жителей пали на улицах и на рыночной площади, и, как и в Дрогедде, каждый священник, попавший в руки победителей, был немедленно предан смерти.

В Дрогедде приказ не щадить никого из взятых в руки был отдан Кромвелем намеренно, после того как его первый штурм был отбит. В Вексфорде резня была скорее случайной, чем преднамеренной. Кромвель не выразил ни малейшего сожаления по поводу этого кровопролития. Он ненавидел избирательную жестокость, которую многие английские командиры того времени практиковали в Ирландии, и ни один генерал не был так заботлив, чтобы защитить мирных крестьян и некомбатантов от грабежа и насилия. "Назовите нам хоть одного человека, с тех пор как я пришел в Ирландию, который не был бы вооружен, истреблен, уничтожен или изгнан, в отношении которого не была бы совершена или не была бы предпринята попытка совершить правосудие", - требовал он от католического духовенства. Но когда города брались штурмом, законы войны разрешали отказывать в четвертовании их защитникам, и на этом основании Кромвель оправдывал свои действия в Дрогедде и Уэксфорде. Он оправдывал их как с военной, так и с политической точки зрения. Он прибыл в Ирландию не только как завоеватель, но и как судья, "чтобы потребовать отчета за невинную кровь, пролитую" во время восстания 1641 года, и "наказать самую варварскую резню, которую когда-либо видело солнце". О резне в Дрогедде он писал:

"Я убежден, что это праведный суд Божий над теми варварскими ублюдками, которые запятнали свои руки таким количеством невинной крови, и что он будет способствовать предотвращению пролития крови в будущем; таковы удовлетворительные основания для таких действий, которые в противном случае не могут не вызывать угрызений совести и сожаления". О Вексфорде он сказал: "Бог, по неожиданному провидению, в своей праведной справедливости вынес им справедливый приговор, заставив их стать добычей солдат, которые в своих пиратствах стали жертвами стольких семей, и своей кровью ответить за жестокость, которую они проявили к жизни бедных протестантов".

Короче говоря, Кромвель считал себя, по выражению Карлайла, "служителем Божьего правосудия, вершащим Божьи суды над врагами Бога!" Но только фанатики могут смотреть на него в таком свете. Его правосудие было несовершенным, неизбирательным, человеческим правосудием, слишком сильно замешанным на мести, и, как говорит святой Иаков, *Ira viri non operatur justitiam Dei*. С политической точки зрения эти массовые убийства были ошибкой - память о них до сих пор помогает разделять две расы, которые Кромвель хотел объединить. Однако с военной точки зрения они на короткое время оказались успешными, как надеялся Кромвель, и позволили избежать дальнейшего пролития крови.

"Невозможно представить себе, - писал Ормонд, - насколько велик ужас, который эти успехи и сила мятежников вселили в этот народ. Они настолько одурманены, что мне с большим трудом удастся убедить их действовать как люди, чтобы сохранить себя".

Гарнизоны Трима и Дандолка были оставлены, Росс открыл свои ворота, как только в его стенах появилась брешь, а английские роялисты Ормонда дезертировали десятками. Но в ноябре, когда Кромвель атаковал Уотерфорд, чары были разрушены. Упорное сопротивление города и бурная зимняя погода вынудили его снять осаду, так как тяготы ирландской кампании поредели, и большая часть армии была "пригодна для госпиталя, а не для поля". Майкл Джонс, второй командир Кромвеля, умер от лихорадки, да и сам Кромвель заболел.

Тем временем слабость коалиции, которую создал Ормонд, проявилась. Между мюнстерскими протестантами, которых Инчикин склонил к выступлению на стороне короля в 1648 году, и их ирландскими союзниками-католиками лежала пропасть, которую не могли преодолеть никакие временные политические соглашения. Перед тем как Кромвель покинул Англию, он начал тайные переговоры с некоторыми военачальниками в Мюнстере, и теперь его интриги принесли плоды. В октябре Корк изгнал гарнизон Ормонда, а в ноябре Югал, Кинсейл, Бандон и еще несколько небольших городков подняли английский флаг. Таким образом, к концу 1649 года все побережье Ирландии от Лондондерри до мыса Клир, за единственным исключением Уотерфорда, оказалось в руках Кромвеля: "большая протяженность земли вдоль берега", - писал Кромвель, - "но она не имеет большой глубины в страну".

Задачей следующей кампании было распространение английского владычества вглубь страны. Перезимовав в портах Мюнстера, Кромвель повел свою армию против крепостей во внутренних районах Мюнстера. Кашел, Кахир и многие другие замки пали в феврале, а Килкенни, резиденция Ирландской католической конфедерации, капитулировал в конце марта.

Война все больше превращалась в чисто национальную войну между кельтами и англичанами. Последний из протестантских офицеров Инчикина заключил соглашение с Кромвелем. С другой стороны, ольстерская армия Оуэна Ро уже не придерживалась нейтралитета, и хотя сам Оуэн Ро умер в ноябре 1649 года, его кельтские солдаты сражались за свободу своей расы с непревзойденным мужеством и преданностью. Племянник Оуэна,

Хью О'Нил, защищал Клонмел от Кромвеля и с огромными потерями отразил его попытку штурма. Железнодорожники признались, что нашли в Клонмеле "самого сильного врага, которого эта армия когда-либо встречала в Ирландии", но хотя гарнизон спасся благодаря умелому ночному маршу, сам город был вынужден сдаться (10 мая 1650 года).

К этому времени война между Англией и Шотландией была неизбежна. В январе парламент проголосовал за отзыв Кромвеля, и через две недели после падения Клонмеля он отплыл в Англию, оставив своих лейтенантов завершать завоевание Ирландии. Иретон, который оставался президентом Мюнстера и главнокомандующим, захватил Уотерфорд (10 августа), но потерпел неудачу перед Лимериком, а Кут на севере разбил старую армию Оуэна Ро при Скаррифхолисе (21 июня). Ирландской армии больше не было, и война превратилась в войну осад и набегов. В конце 1650 года Ормонд в отчаянии покинул Ирландию. Его преемник, Кланрикард, - недоверчивый и непокорный, как и Ормонд, - не смог ни объединить ирландские фракции для последней борьбы, ни объединить разрозненные группы, которые все еще держались в своих болотах и горах. Дворянство все еще держалось за дом Стюартов, но духовенство обратилось за помощью к католическим державам и предложило принять герцога Лотарингского в качестве протектора ирландского народа, если он выступит на его защиту со своей армией. В июне 1651 года Иретон снова осадил Лимерик, и после пятимесячной осады город сдался под натиском голода и предательства. Сам Иретон умер от чумной лихорадки в ноябре 1651 года, но его преемники, Ладлоу и Флитвуд, завершили покорение страны. Голуэй, последний город, оказавший сопротивление, сдался Куту в мае 1652 года. В течение года последние ирландские командиры капитулировали, а их солдаты перешли на испанскую или французскую службу.

Так закончилась двенадцатилетняя война. Борьба была неравной, но то, что ирландцам не удалось вернуть свою независимость, объясняется не столько большей силой и богатством Англии, сколько их собственной разобщенностью. Как писал один современный ирландский поэт:

"Гэлы растрочены, глубоко ранены,

Порабощены, убиты, истреблены,

Чумой, голодом, войной, гонениями.

Божья справедливость не позволила им освободиться,

Они не шли рука об руку".

Ирландия была опустошена от края до края, и треть ее населения погибла во время борьбы. Чума и голод, по словам одного английского офицера, выкосили целые графства, а в некоторых местах "человек может пройти двадцать или тридцать миль и не увидеть ни одного живого существа - ни человека, ни зверя, ни птицы". "Что касается бедных общинников, - говорит другой, - то никогда еще солнце не светило на столь несчастный народ".

Кромвелю и Английской республике не составило большого труда подчинить себе разделенный народ, но задача, которая стояла перед ними теперь, была не такой простой. Оставалось добиться урегулирования, которое обеспечило бы порядок, восстановило бы процветание, предотвратило бы будущие восстания и погасило бы вражду между расами и вероисповеданиями. В последние годы Республики и во время Протектората, сначала при лорде-депутате Флитвуде, а затем при Генри Кромвеле, была проведена реорганизация ирландского правительства и общества. Основные направления кромвелевского урегулирования в Ирландии были определены парламентом Лонг. По сути, парламентская

политика в отношении Ирландии была просто возвращением к традиционной политике, которую с конца эпохи Тюдоров более или менее последовательно проводили все английские правительства. Колонизация, обращение в христианство и беспристрастное отправление правосудия были целями Кромвеля так же, как и Страффорда.

Поэтому в основе урегулирования лежала большая конфискация ирландских земель и замена английских землевладельцев ирландскими. Парламент объявил об этой политике в 1642 году, когда проголосовал за то, что два миллиона пятьсот тысяч акров ирландской земли должны быть выделены для погашения долга "авантюристов", предоставивших деньги на повторное завоевание Ирландии. Таким образом, были обеспечены выплаты солдатам, использовавшимся против ирландцев, и возмещение расходов купцов, поставлявших провизию и другие предметы первой необходимости. К 1653 году долг парламента перед этими тремя категориями кредиторов составил более трех с половиной миллионов. Поэтому в августе 1652 года парламент принял закон о конфискации имений всех землевладельцев-католиков, принимавших участие в восстании. Вожди и зачинщики должны были лишиться всех своих земель, другие - двух третей, третьи - одной трети, в зависимости от степени их вины. Богатые католические бюргеры Уотерфорда, Килкенни и других крупных городов разделили ту же участь, но протестанты Мюнстера, поднявшие восстание в 1648 году, были просто оштрафованы на два года дохода. В 1653 году было принято постановление, согласно которому даже те, кому теоретически оставалась часть их владений, должны были быть переведены в Коннаут и получить там ту долю земли, на которую они имели право. В большинстве случаев они получали неполноценную землю, в некоторых случаях - ничего, и во всех случаях переселение влекло за собой большие страдания. Некоторое время рассматривалась даже еще более масштабная схема пересадки всех классов коренных ирландцев, но в итоге лишь немногие, кроме землевладельцев, были пересажены. Ремесленникам и рабочим было позволено остаться, отчасти потому, что их вина считалась меньшей, отчасти потому, что их было трудно удалить, а также потому, что их услуги были необходимы новым владельцам земли. Наконец, конфискованные земли были обследованы, разделены на различные классы и распределены по жребию между солдатами и кредиторами правительства.

К 1656 году процесс был практически завершен, и две трети земель Ирландии перешли к новым владельцам.

Сам Кромвель полностью одобрял принципы конфискации и колонизации. "Не следует ли, - спрашивал он, - заставить их поместья оплачивать расходы, которые вызвали все эти неприятности?" "Хотелось бы, - сказал он парламенту, объявляя о захвате Уэксфорда, - чтобы честные люди пришли сюда селиться". Соответственно, он написал в Новую Англию, приглашая "благочестивых людей и священнослужителей" покинуть свои дома в Америке и обосноваться в Ирландии. Но в деталях земельного урегулирования, осуществленного во время его протектората, Кромвель мало что мог сделать, хотя иногда он вмешивался в дела людей, с которыми жестоко обращалось ирландское правительство. Так, он спас Перегрину Спенсера, внука поэта, от пересадки, но не ради "Королевы Фаэри", а ради "Диалога о положении дел в Ирландии" Эдмунда Спенсера. Более того, во многом благодаря Протектору план всеобщей трансплантации был сокращен до более умеренных пределов.

Церковная политика Кромвеля и пуритан была традиционной английской политикой, направленной на подавление католицизма в Ирландии и распространение протестантизма. Разница заключалась в том, с какой последовательной энергией эта политика проводилась теперь. При Стюартах законы запрещали католическое богослужение, но правительство часто попустительствовало его совершению. Карл, борясь с парламентом, обещал

католикам то веротерпимость, то равные права. Кромвель, как только прибыл в Ирландию, объявил, что старые законы будут неукоснительно соблюдаться. Католицизм, заявил он, вообще не имеет права на существование в Ирландии, священники - простые злоумышленники; в своих целях они подстрекали к восстанию; они отравляют паству, которую, как они утверждают, окормляют, своими "ложными, отвратительными, антихристианскими доктринами и практиками". Свободой совести, в самом узком смысле этого слова, ирландские католики могли пользоваться, поскольку их не заставляли посещать протестантские церкви, но свободы вероисповедания у них не должно было быть. "Я не вмешиваюсь ни в чью совесть", - писал Кромвель губернатору Росса. "Но если под свободой совести вы подразумеваете свободу отправления мессы, то я считаю, что лучше всего будет вести обычное дело и сообщить вам, что там, где парламент Англии имеет власть, это не будет допущено". "Что касается народа, - заявил он, - то какие мысли у него в вопросах религии в его собственной груди, я не могу узнать, но буду считать своим долгом, если он будет вести себя честно и мирно, не причинять ему ни малейших страданий за то же самое". Поэтому при правлении Протектора священников выслеживали и либо сажали в тюрьму, либо ссылали. Некоторых переправляли в Испанию, других отправляли на Барбадос, а на острове Иннис-Боффин было создано нечто вроде каторжного поселения.

Настойчиво проводя эти репрессивные меры и активно проповедуя протестантизм, Кромвель надеялся на обращение ирландцев. Ему казалось, что он видит признаки этого еще во время своей кампании. "Мы видим, что люди, - писал он, - очень жадно следят за словом и стекаются на христианские собрания, причем большая часть тех предрассудков, которыми живут люди в Англии, чужда их разуму. Я обращаю ваше внимание скорее на это, потому что это приятный симптом, если не предвестие добра, которого мы ожидаем". Во времена протектората английские губернаторы Ирландии прилагали большие усилия для распространения протестантизма. В большинстве крупных городов были основаны независимые общины и приглашены проповедники. В 1654 году комиссары, в руках которых находилось правительство, обратились в Новую Англию за священнослужителями. "Сэр, - начиналось одно из их писем, - мы испытываем недостаток в помощниках для продолжения работы Господа по распространению Евангелия Христова в этой бедной стране, и, будучи информированы о том, что Господь сделал вас верным и способным в этой работе, мы настоящим просим вас приехать и помочь нам".

"Усердная проповедь, - утверждал Кромвель, - вместе с гуманностью, доброй жизнью, равным и честным отношением к людям разных взглядов", в конце концов, обратит ирландцев в протестантизм. Правительство также возлагало большие надежды на распространение образования. В 1650 году парламент наделил Тринити-колледж землями архиепископства Дублина и декана и капитула собора Святого Патрика. Тринити был реорганизован и заполнен независимыми богословами, также планировалось назначение ряда профессоров, создание публичной библиотеки и основание второго колледжа. Когда архиепископ Ашер умер, офицеры ирландской армии купили его книги, чтобы они стали ядром предполагаемой библиотеки.

Как и Страффорд, Кромвель верил, что беспристрастное отправление правосудия сделает ирландцев хорошими подданными и привяжет их к английскому правлению.

"У нас есть прекрасная возможность, - писал он, - создать способ отправления правосудия среди этих бедных людей, который, благодаря своей прямоте и дешевизне, может очень сильно выиграть для них, привыкших к несправедливости, тирании и угнетению со стороны своих помещиков, великих людей и тех, кто должен был бы поступать с ними правильно, как, я полагаю, ни один народ в том, что мы называем христианством. Если бы правосудие здесь

отправлялось свободно и беспристрастно, то из-за царящих здесь мрака и коррупции оно выглядело бы гораздо более славным и прекрасным и привлекло бы к себе больше сердец".

В только что завоеванной стране можно было легче преодолеть препятствия, которые так затрудняли реформу закона в Англии. "Ирландия, - говорил Кромвель, - была как чистая бумага и могла управляться такими законами, которые были бы наиболее приемлемы для правосудия; которые могли бы так беспристрастно управляться, что стали бы хорошим прецедентом даже для самой Англии".

Некоторые улучшения в этих отношениях, безусловно, были. Ирландские судьи, назначенные Кромвелем, были способными и честными, а один из главных судей, Джон Кук, был ревностным сторонником реформы законодательства. Но никакие улучшения в исполнении законов не могли примирить ирландцев с английским правлением, пока сами законы были так мало "согласны с правосудием". Справедливость в сочетании с конфискацией и проскрипциями, да еще и без равных законов, была юридической фикцией, не имевшей целительной силы.

Столь же тщетными были попытки обратить ирландцев в свою веру. Борьба с Англией сделала ирландскую национальность и католицизм тождественными понятиями, а вера, связанная с разорением и иностранными завоеваниями, не могла добиться прогресса в сердцах покоренных. Единственным постоянным результатом рвеня Кромвеля стало увеличение числа протестантов-нонконформистов в Ирландии. Некоторые номинальные новообращенные из католицизма были сделаны. Несколько землевладельцев исповедовали себя протестантами, чтобы получить временную передышку от трансплантации, а многие ирландские женщины, вышедшие замуж за английских солдат, стали протестантками, чтобы обойти законы, запрещающие браки между солдатами и папистами. Но такие новообращенные обычно рецидивировали, и смешение двух рас, которое правительство не могло предотвратить, шло на пользу католицизму, а не протестантизму. Неудача политики обращения в христианство повлекла за собой частичный провал политики колонизации. Семьи крупных землевладельцев, созданные в результате конфискации, оставались англичанами и протестантами. Семьи мелких землевладельцев - бывших солдат, ставших йоменами и мелкими фермерами, - как правило, становились католиками по вероисповеданию и ирландцами по чувствам. "Как много, - сетовал один памфлетист в 1697 году, - детей солдат Оливера в Ирландии, которые не могут сказать ни слова по-английски. Это происходит от женитьбы на ирландках, а не на англичанках".

В основном ирландская политика Кромвеля следовала линиям, которые наметили государственные деятели Тюдоров и Стюартов. Однако в одном отношении он был более оригинален и просвещен, чем его предшественники или преемники. Экономическая политика Страффорда была направлена на то, чтобы сделать ирландцев богатыми, но при этом сохранить экономическое подчинение Ирландии Англии и не допустить, чтобы ирландские мануфактуры или товары конкурировали с английскими. Политика Кромвеля не была продиктована ревностью к ирландской торговле. Его основополагающим принципом было то, что английская колония должна рассматриваться просто как англичане, живущие в Ирландии, и иметь те же права, что и англичане, живущие в Англии. "Я бы не хотел, - сказал один из ораторов в парламенте 1657 года, - чтобы наш собственный народ угнетали за то, что он живет в Ирландии". Соответственно, при взимании любого общего налога с трех стран было принято решение о справедливом распределении их долей. В Ирландии платились те же таможенные пошлины и акцизы, что и в Англии, и Ирландия пользовалась равными правами в отношении внешней и колониальной торговли. Однако, поскольку коренные ирландцы и католики были исключены из корпоративных городов, являвшихся центрами

торговли и производства, выгоду от этой торговли получала почти исключительно английская колония. Целью Кромвеля было обеспечить процветание того, что он называл "интересами Англии, недавно зародившимися в Ирландии". В случае чрезмерных налогов или любого другого перегруза "английские плантаторы должны покинуть страну", и тогда, как он предупреждал свой второй парламент, "то, на что было потрачено столько крови и сокровищ, чтобы заполучить эту страну в ваши руки, что может с ней случиться, кроме того, что англичане должны будут бежать из-за чистой нищеты, а ирландцы снова овладеют страной?"

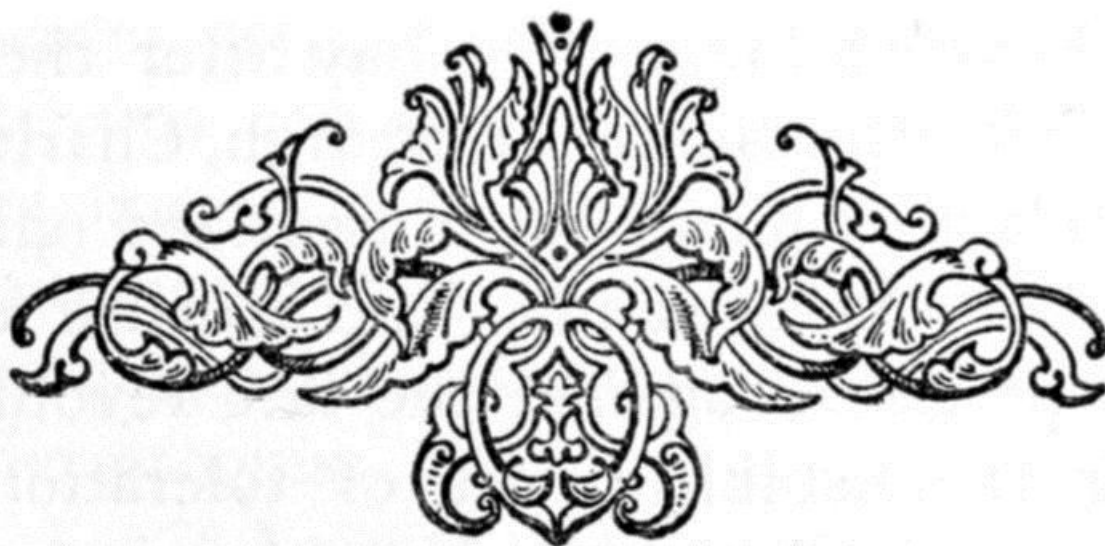
Вместе со свободной торговлей Кромвель также предоставил английским колонистам в Ирландии представительство в Парламенте трех наций. Долгий парламент наметил законодательный союз Англии, Шотландии и Ирландии и определил число их представителей, но созыв первого объединенного парламента остался за Кромвелем. В "Правительственном акте" Ирландии было выделено тридцать членов, а Протектор оставил за собой право определять конкретные округа, по которым эти члены должны были быть избраны, и тридцать представителей Ирландии заседали в парламентах 1654, 1656 и 1659 годов. Поскольку католики и лица, принимавшие участие в восстании, были отстранены от участия в голосовании, члены от Ирландии состояли исключительно из офицеров и чиновников, представлявших английскую колонию. "Я здесь, - сказал один из них в 1659 году, - не для того, чтобы говорить за Ирландию, а для англичан в Ирландии".

За пределами рядов новых колонистов объединение английского и ирландского парламентов нашло мало сердечных сторонников. Старые английские колонисты предпочитали, чтобы Ирландия имела отдельный парламент. Невозможно, утверждал один из их представителей в 1659 году, чтобы ирландцы могли получить удовлетворение своих жалоб, если им придется приезжать в Англию и обращаться с этой целью в английский парламент. "Я молюсь, чтобы у них был кто-то, кто мог бы выслушать их жалобы в их собственной стране, поскольку они не могут выслушать их здесь". В 1659 году республиканская оппозиция в парламенте Ричарда Кромвеля, движимая в основном тем, что ирландские депутаты были ярыми кромвелевцами, потребовала исключить их из палаты. Ирландия, утверждал Вейн, была всего лишь провинцией и не имела права голоса в правительстве материнской страны. "Они все еще находятся в состоянии провинции, а вы наделяете их правом не только издавать законы для себя, но и для этой нации; более того, они имеют право решающего голоса, насколько я знаю, во всех ваших законах". Попытка исключить членов парламента из Ирландии провалилась в 1659 году, но при Реставрации законодательный союз с Ирландией был отменен в первую очередь. Для его отмены не требовалось никакого закона, поскольку он никогда не получал согласия короля, и ни один голос не прозвучал в его защиту. Английский консерватизм и ирландский провинциализм оказались слишком сильны, и имперская схема Кромвеля отправилась в бездну, отведенную для политики, слишком мудрой для своего поколения.

Естественным следствием прекращения законодательного союза стала потеря торгового равенства, которое ему сопутствовало. К английским колонистам относились уже не как к англичанам, проживающим в Ирландии, а как к чужакам и конкурентам. Навигационный акт Карла II исключил их из американской и колониальной торговли, а вслед за ним последовали еще два акта, запрещавшие экспорт ирландского скота и провизии в Англию. Наконец, в правление Вильгельма III ирландская шерстяная мануфактура была уничтожена, и разорение ирландской торговли и сельского хозяйства было завершено.

Только политика Кромвеля в отношении английской колонии в Ирландии была отменена; его политика в отношении коренных ирландцев продолжалась. Пока его политика совпадала с

традиционной политикой Англии в отношении Ирландии, она сохранялась; пока она была мудрее и оригинальнее, от нее отказались. Карлайл рисует картину Ирландии, какой она могла бы быть, если бы "вечно благословенная реставрация" не "вырвала с корнем" систему Кромвеля. "Ирландия при таком раскладе, - считает он, - вероятно, выросла бы в трезвое, прилежное, черноволосое население, развившееся, скорее всего, в некое подобие кальвинистского протестантизма". Это беспочвенная мечта. Еще при жизни Кромвеля было очевидно, что его план обращения ирландцев обречен на провал. После его смерти запрет католицизма и безнадежная попытка навязать протестантизм неохотному народу были продолжены, и от них не отказались до 1829 года. Новые владельцы, которых установил Кромвель, все еще сохраняли свои владения, и лишь очень небольшая часть конфискованных поместий - номинально одна треть, в действительности гораздо меньше - вернулась к своим прежним владельцам после Реставрации. Таким образом, кромвелевское земельное устройство пережило своего автора, чтобы стать его самым постоянным памятником, а также, как пишет мистер Леки, "основой того глубокого и прочного разделения между собственниками и арендаторами, которое является главной причиной политических и социальных бед Ирландии".

ГЛАВА XIV

КРОМВЕЛЬ И ШОТЛАНДИЯ

1650-1651

Казнь короля разрушила союз, который Кромвель установил между Аргайлом и индипендентами. Аргайл был бы рад сохранить его, но его власть зависела от духовенства и среднего класса, которые были глубоко возмущены сектантами, посмеявшимися убить

шотландского короля. На следующий день после того, как весть о смерти короля достигла Эдинбурга, Карл II был провозглашен там королем не только Шотландии, но и Великобритании и Ирландии. Шотландские посланники в Англии выразили протест против поздней революции, осудив установление веротерпимости или любое другое изменение основных законов королевства, и потребовали, чтобы Карл II, "по справедливому удовлетворению обоих королевств", был посажен на трон своего отца. В ответ Долгий парламент изгнал посланников и заявил, что их протест заложил "основу для новой и кровавой войны". Отныне война действительно приняла новый характер - это была уже не конституционная, а национальная борьба. Шотландия, как и Ирландия, пыталась диктовать Англии форму правления, которую та должна выбрать, и таким образом английская борьба за самоуправление неизбежно переросла в борьбу за господство на Британских островах.

Ничто не откладывало войну между Шотландией и Англией, кроме трудности достижения соглашения между Карлом и шотландцами. Пресвитериане не хотели воевать за него, и пока не оставалось другого способа вернуть себе корону, Карл не принимал их условий.

Шотландские комиссары потребовали, чтобы он не только принял Ковенант и пресвитерианскую систему для Шотландии, но и обязался навязать их Англии и Ирландии. Поскольку он отказался навязывать пресвитерианство этим двум королевствам без согласия их парламентов, переговоры были прерваны в мае 1649 года, и пока Чарльз готовился присоединиться к Ормонду в Ирландии, Монтрозу было поручено вновь призвать шотландских роялистов к оружию.

В сентябре 1649 года Карл высадился в Джерси на пути в Ирландию, но победы Кромвеля помешали его дальнейшему продвижению. Еще до конца года стало очевидно, что если он и будет восстановлен, то только руками шотландцев, и в феврале 1650 года он вернулся в Голландию. Необходимость не оставила ему выбора. "Действительно, - писал шотландский агент из Джерси, - он очень опустился; у него нет хлеба ни для себя, ни для своих слуг, а между ним и его братом нет ни одного английского шиллинга". Переговоры вновь начались в Бреде в марте 1650 года. Шотландцы требовали, чтобы он принял оба Ковенанта, ввел пресвитерианство в Англии и Ирландии и отрекся от Ормонда и Монтроза. Чарльз изо всех сил пытался изменить эти условия, и договор, по которому он согласился на них, не был подписан до тех пор, пока он не отправился в путешествие. Он надеялся, что по прибытии в Шотландию его присутствие позволит добиться уступок от ковенантеров, и вокруг него соберется роялистская партия. Но он обнаружил, что с ним обращаются скорее как с пленником, чем как с королем. Английским роялистам, сопровождавшим его из Голландии, было приказано покинуть страну, шотландские роялисты были исключены из его армии и двора, а когда он добрался до Эдинбурга, то увидел над башней Толбута голову Монтроза, свежую из рук палача.

Дипломатия короля принесла в жертву его самого благородного защитника. Вместо того чтобы удерживать Монтроза до окончания переговоров, он призвал его к немедленным действиям. "Ваши энергичные действия, - писал он, - будут хорошим средством привести их к такой умеренности... которая может привести к настоящему союзу всей этой нации на нашей службе". Когда шотландские посланники в Бреде потребовали от Монтроза отставки, Карл согласился приказать ему распустить свои войска с тайным обещанием выплатить им компенсацию. Но контрприказ пришел слишком поздно. Зная, что Карл сотрудничает с ковенантерами и что ему грозит дезавуирование, Монтроз все же решил посвятить свою жизнь службе королю. В марте 1650 года он прибыл на Оркнейские острова с небольшим отрядом датских и немецких наемников. В апреле, имея около двенадцати сотен человек и сорок лошадей, он продвинулся через Китнесс на юг Сазерленда. Там, у Карбисдейла, 27

апреля, майор Страхан с двумястами пятьюдесятью дисциплинированными кавалеристами Дэвида Лесли настиг его на южном марше, рассеял горстку всадников и разбил на куски иностранную пехоту. Монтроз спасся от разгрома и скитался среди холмов, пока голод не заставил его искать убежища. Маклеод из Ассинта выдал его шотландскому правительству, и 21 мая он был повешен на рыночном кресте на Хай-стрит в Эдинбурге.

ПЕЧАТЬ "ТРИЕРОВ".

МЕДАЛЬ ДАНБАРА.

ГОЛОВА КРОМВЕЛЯ РАБОТЫ ТОМАСА СИМОНА.

МЕДАЛЬ, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ КРОМВЕЛЯ В РОЛИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ.

ТОМАС САЙМОН.

OBVERSE. ОБРАТНАЯ СТОРОНА.

КОРОНА ПРОТЕКТОРА, ВЫПУЩЕННАЯ В 1658 ГОДУ.

(Из книги Хенфри "*Numismata Cromwelliana*").

Примерно в то время, когда умер Монтроз, Кромвель вернулся в Англию. Парламент проголосовал за то, чтобы и Фэрфакс, и Кромвель командовали против шотландцев, один - в качестве генерала, другой - в своей старой должности генерал-лейтенанта. Но когда Фэрфакс узнал, что Государственный совет намерен вторгнуться в Шотландию, он отказался от своего поручения. Лучшим опровержением версии о том, что Кромвель стремился подорвать Фэрфакса, чтобы получить свой пост, является то, с какой энергией он пытался убедить его сохранить его. Кромвель убеждал, что шотландцы намерены вторгнуться в Англию. Война была неизбежна. "Ваше превосходительство скоро решит, не лучше ли вести эту войну в недрах другой страны, а не нашей собственной". Но ничто не могло преодолеть отвращение Фэрфакса к наступательной войне. Человеческая вероятность, повторял он, не является достаточным основанием для войны с нашими братьями, шотландцами. Правда заключалась в том, что он давно был недоволен результатами революции, в которой события отвели ему столь заметную роль, и искал любой благовидный предлог для отставки. Пока он упорствовал, его отставка была принята, и 26 июня 1650 года Кромвель стал, согласно парламентскому акту, генерал-капитаном и главнокомандующим всеми войсками Содружества. "Я не стремился к этому, - писал он другу, - я был призван к этому Господом, и поэтому не лишен некоторой уверенности в том, что Он позволит Своему бедному и слабому рабу исполнить Его волю".

В конце июля Кромвель вступил в Шотландию с армией в 10 500 пеших и 5500 конных. Его старый товарищ Дэвид Лесли, которому шотландцы передали командование, смог выставить навстречу ему около восемнадцати тысяч пеших и восьми тысяч конных, но поскольку солдаты Лесли значительно уступали ему в качестве, он решительно встал в оборону. Продвигаясь вдоль побережья и черпая снабжение в основном из английского флота, Кромвель обнаружил, что шотландская армия закрепились между Лейтом и Калтон-Хиллом. Месяц прошел в походах вокруг Эдинбурга, в бесплодных стычках и безуспешных попытках выбить шотландцев из их неприступных укреплений. Лесли не рисковал и встречал каждый шаг с неизменным мастерством. В конце августа в английском лагере стало не хватать провизии, распространились болезни. С "бедной, разбитой, голодной, удрученной армией" Кромвель отступил к Данбару, намереваясь укрепить город, чтобы использовать его в качестве склада и базы для операций, и ожидать подкреплений из Бервика. Лесли, наступая ему на пятки, занял холм Дун, с которого открывается вид на Данбар, и захватил перевалы между Данбаром и Бервиком. Благодаря своему знанию страны он снова обошел Кромвеля, и шотландцы хвастались, что Кромвель у них в худшем положении, чем Эссекс в Корнуолле у короля.

Кромвель осознавал величие опасности.

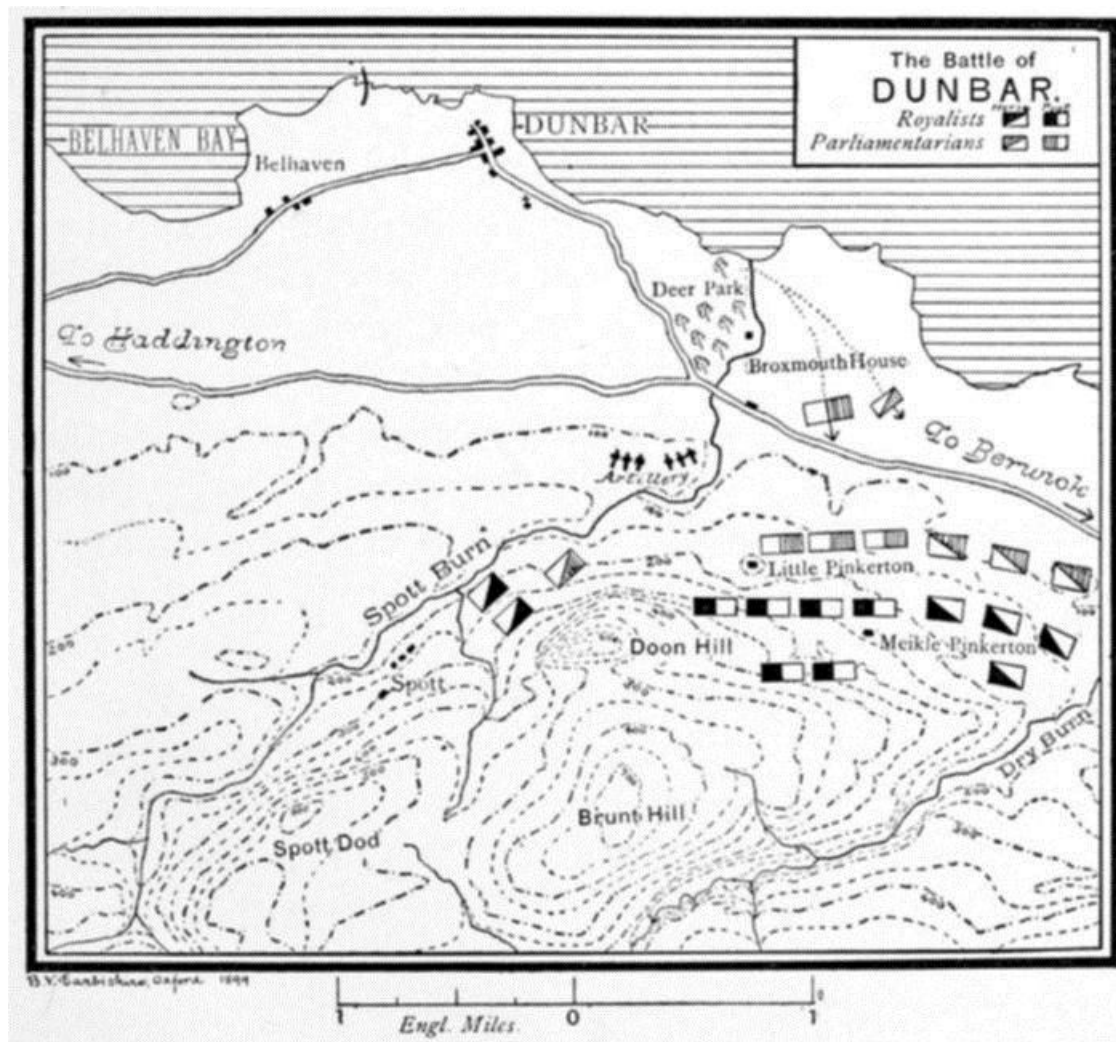
"Мы находимся, - писал он, - в очень трудном положении. Враг преградил нам путь к перевалу у Копперспата, через который мы не можем пробраться без почти чудес. Он так залег на холмах, что мы не знаем, как пройти этим путем без больших трудностей, и наше пребывание здесь ежедневно приводит к гибели наших людей, которые болеют невообразимо".

Его шестнадцать тысяч человек сократились теперь до одиннадцати тысяч, и некоторые офицеры предложили отправить пеших на флот, а конным попытаться прорубить себе путь через врага. Но их генерал оставался, как он выразился, "в спокойствии духа и с большой надеждой на Господа".

Первоначальный план Лесли состоял в том, чтобы зайти в тыл Кромвелю, когда тот попытается пробиться по дороге на Бервик, но парламентский комитет в его лагере приказал ему спуститься с холма и преградить Кромвелю путь. Видя, что Кромвель не продолжает свой

марш, он решил, что тот переправляет свои пушки и, возможно, часть пехоты, и решил, что все, что ему нужно сделать, - это предотвратить бегство врага. Соответственно, 2 сентября Лесли перевел свою армию с холма Дун на пологие склоны у его подножия, намереваясь атаковать на следующий день. Его левая сторона была прикрыта с фланга и в некоторой степени спереди крутым оврагом Брокского ожога, который шел наискосок от холма к морю и разделял позиции двух армий. Его пехота располагалась в центре, спиной к склону холма. Справа, где местность была более ровной и открытой, он сосредоточил две трети своей кавалерии. У Лесли было двадцать две тысячи человек против одиннадцати тысяч у Кромвеля, и он сказал своим солдатам, что к семи утра следующего дня они получат английскую армию, живую или мертвую.

Когда Кромвель изучил новую позицию шотландцев, он увидел, что его шанс наконец-то представился. Левый фланг Лесли, зажатый между холмом и оврагом, был практически бесполезен, а его центр, стесненный холмом в тылу, имел слишком мало места для маневра. И Кромвель, и генерал-майор Ламберт были согласны с тем, что если шотландский правый фланг будет отбит, то вся их армия окажется под угрозой.

Вечером того же дня, в ответ на движение Лесли, Кромвель расположил свои силы вдоль линии оврага и около Броксмут-Хауса, как будто его единственной целью было занять оборону. Ночь была бурной и сырой, и после одной или двух тревог шотландцы убедились, что он не собирается атаковать. Перед самым рассветом Кромвель перебросил через овраг сильный конный и пеший корпус и, прикрываясь ложной атакой слева, сосредоточил все возможные войска справа и в центре. Ламберт и Флитвуд с шестью конными полками

атаковали правую часть шотландцев, а Монк с тремя или четырьмя тысячами пеших вступил в бой их центре, поддерживаемый огнем орудий Кромвеля с другой стороны оврага. Шотландцы были захвачены неподготовленными, но, как только они смогли привести себя в боевой порядок, численность дала о себе знать. Наступая с уклоном в свою пользу, шотландские уланы разбили один из полков Ламберта, а дивизия Монка была отбита и вынуждена отступить. В этот критический момент подоспел сам Кромвель с резервом, состоявшим из трех пеших и одного конного полков. Его собственный конный полк обрушился на фланг шотландской кавалерии, воины Ламберта снова атаковали, и после короткой, острой борьбы правое крыло шотландцев было прорвано насквозь. Одновременно пешие полки Кромвеля и Прайда яростно атаковали наступающую шотландскую пехоту и "под натиском пик отбили самый стойкий полк противника", а по всей линии английские пехотинцы, вновь наступая, оттесняли шотландцев. Часть пехоты Лесли упорно сопротивлялась, но удар кавалерии по их незащищенному флангу довершил их поражение. По указанию Кромвеля фланговая атака становилась все более и более явной, пока центр шотландцев не был раскатын справа налево; и, зажата в треугольнике между холмом и оврагом, шотландская пехота превратилась в беспомощную толпу, не способную ни сражаться, ни бежать.

"Конные и пешие, - рассказывает один из офицеров Кромвеля, - были задействованы по всему полю, и шотландцы все были в замешательстве. Когда солнце показалось на море, я услышал, как Нолл сказал: "Да восстанет Бог, и враги Его будут рассеяны", и, следуя за нами, когда мы медленно шли, я услышал, как он сказал: "Я исповедую, что они бегут", и тогда шотландская армия вся была в беспорядке и бежала, и правое крыло, и левое, и главная битва. Они разгромили друг друга после того, как мы покончили с их правым крылом".

В битве пали три тысячи человек, а десять тысяч были взяты в плен. Пока Лесли собирал разбитые остатки своей армии в Стирлинге, Кромвель занял Эдинбург и Лейт, а также всю восточную часть Шотландской низменности. Эдинбургский замок устоял, и юго-запад все еще был в руках.

После Данбара, как и до него, самым сильным желанием Кромвеля было не завоевание, а соглашение, которое восстановило бы мир между двумя народами.

"Дайте государству Англия, - писал он Комитету эстетов, - то удовлетворение и безопасность для их мирной и спокойной жизни рядом с вами, которые по справедливости можно требовать от тех, кто, как вы, принял в свое лоно их врага, пока он враждовал с ними".

Он начал свою кампанию с манифестов, в которых выражалась привязанность Англии к шотландцам и доказывалась их ошибка в поддержке Стюартов. Лидеры Индепендентов призывали его возобновить эти предложения. Они рассматривали это как братоубийственную войну. Мрачный Айретон выражал опасение, что Кромвель был недостаточно терпелив и долготерпелив. Тонкий Сент-Джон провел различие между шотландцами и ирландцами, напомнив ему, что, хотя ирландцы - атеисты и паписты, которых нужно править железным жезлом, шотландцы - истинные дети Бога, и он все равно должен стараться сыпать на их головы огненные угли. Кромвель, чье сердце "жаждало благочестивых людей в Шотландии", начал новую порцию извинений, обращенных, в частности, к священнослужителям, чье влияние срывало его призывы к нации. Он обвинил их в том, что они претендуют на реформу и закладывают ее основу для получения мирской власти; что они извращают Завет, чтобы служить мирским целям; что они претендуют на непогрешимость своей доктрины, как это делал Папа Римский. Их притязания на контроль над гражданским правительством он отверг несколькими словами. "Мы смотрим

на служителей как на помощников, а не господ над Божьим народом". Затем он с такой же решительностью опроверг притязания кирков на запрет инакомыслия, чтобы предотвратить ересь.

"Ваш притворный страх перед тем, чтобы не допустить заблуждения, подобен человеку, который хотел бы запретить все вино в стране, чтобы люди не пьянели. Будет признано несправедливой и неразумной ревностью лишать человека его естественной свободы на основании предположения, что он может злоупотребить ею. Когда же он злоупотребляет ею, судите".

Наконец, он упрекнул их в лицемерии и слепоте. Не лицемерие ли это - "притворяться, что ты порицаешь всех злопыхателей, и в то же время принимать и ставить их главу и действовать во имя Царства Христова?" Не слепота ли это - закрывать глаза на смысл своего последнего поражения? Бог вынес приговор в их споре в Данбаре, а они отказывались его видеть. "Разве не вы торжественно зывали и молились? Разве мы тоже не делали этого? И разве не должны вы и мы с страхом и трепетом думать о руке великого Бога в этом Его могущественном и странном явлении?"

То ли события, то ли аргументы Кромвеля произвели свой эффект в лагере шотландцев. Среди благочестивых пресвитериан произошли большие душевные терзания, и в армии начался раскол. Стойкие ковенантеры отказались от мирских союзов и подчинения безбожному монарху. "Я хочу верно служить королю, - заявил полковник Кер, - но при условии, что сам король будет подчиняться Царю царей". Полковник Страхан, после некоторых переговоров с Кромвелем, отказался от своего поручения. Кер с тремя или четырьмя тысячами уэстлендских вигов отказался подчиниться Комитету эстетов и попытался вести войну самостоятельно. Но, попытавшись застать Ламберта врасплох в Гамильтоне, в Ланаркшире, 1 декабря, он был взят в плен, его войска рассеялись, и весь юго-запад оказался во власти Кромвеля.

Более продолжительным был раскол среди духовенства. Одна партия, возглавляемая Гиллеспи и Гатри, опубликовала "Ремонстрант", в котором отказалась от идеи сражаться за Карла II, пока он не докажет свою пригодность быть королем-завещателем, и осудила тех, кто закрывал глаза на его неискренность. Ремонстранты, как их называли, не хотели вступать в союз ни со злопыхателями, ни с ангажементами. Другая партия, более мягкая в своих моральных взглядах и движимая скорее национальным, чем религиозным чувством, была готова пойти на компромисс, которого требовали нужды государства. Когда парламент принял постановления, разрешающие злодеям и ангажементам сражаться в национальных рядах, он согласился на их трудоустройство под честное слово покаяния. В течение следующих десяти лет ссоры Резолюционеров и Ремонстрантов составляли церковную историю Шотландии.

Кромвель предвидел политические последствия Данбара. "Конечно, - предсказывал он, - вполне вероятно, что Кирк сделал свое дело. Полагаю, теперь их король будет отстаивать свои интересы". Предсказание сбылось. С момента своего приезда в Шотландию Карл пережил множество унижений. Он подчинился всем условиям и принес множество клятв. Ему пришлось заявить о своей скорби по поводу враждебности отца к делу реформации и любви матери к идолопоклонству. Он видел, как шотландские ряды очищались от роялистов, и ему было запрещено приближаться к армии, сражавшейся от его имени. Наконец, события привели к тому, что парламент согласился с его политикой. С момента своей коронации в Скоуне 1 января 1651 года Карл стал королем Шотландии как фактически, так и по имени. Отчасти движимый необходимостью, поскольку церковные разногласия лишили его самых

сильных сторонников, отчасти движимый надеждой, поскольку Карл предложил ему жениться на своей дочери, Аргайл присоединился к политике короля. Но каждый этап ее развития уменьшал его влияние. Сначала ему пришлось делить власть с Гамильтоном и его приверженцами, а затем отмена Акта о классах и вовсе положила этому конец, позволив занимать должности даже приверженцам Монтроза.

Таким образом, уже через год после высадки в Шотландии Чарльзу удалось объединить роялистов и пресвитериан в поддержку своего дела. Его надежды никогда не были столь велики. Казалось, что подобное объединение пресвитериан и роялистов возможно и в Англии. В марте 1651 года английское правительство раскрыло заговор о восстании в Ланкашире, которому должны были помочь войска из Шотландии, а отдельные мятежи, вспыхнувшие в Норфолке (декабрь 1650 года) и Кардиганшире (июнь 1651 года), доказали реальность этих заговоров. Если бы шотландская армия вошла в Англию, всеобщее восстание роялистов 1648 года могло бы повториться, и, возможно, с другим исходом.

Кампания 1651 года началась поздно. Зимой были захвачены замки Блэкнесс и Танталлон, а в феврале было предпринято наступление на Стирлинг, которое сорвала бурная погода. Весной болезнь Кромвеля отложила операции. Тяготы ирландской кампании подорвали его здоровье. "Я становлюсь стариком и чувствую, как немощи возраста удивительным образом наступают на меня", - писал он жене на следующий день после Данбара; но он никогда не щадил себя и в феврале 1651 года заболел перемежающейся лихорадкой, вызванной воздействием окружающей среды. Три рецидива подряд привели его на грань могилы, и не раз его жизнь подвергалась отчаянию. Парламент в тревоге прислал ему двух лучших врачей того времени и посоветовал переехать в Англию, чтобы сменить обстановку. В июне он достаточно поправился, чтобы выйти на поле боя, и обнаружил, что армия Лесли расположилась на холмах к югу от Стирлинга. "Мы не можем вступить с ним в бой, кроме как по его желанию, или мы подвергнемся слишком большому риску, - писал Кромвель, - он очень сильно закрепился и имеет там большое преимущество".

Не имея возможности атаковать или выманить Лесли с его позиции, Кромвель решил переломить ситуацию. Английский флот командовал на море, и было легко перебросить Ламберта и четыре тысячи человек через Форт в Файф. Лесли послал против него сэра Джона Брауна с такими же силами, но Ламберт уничтожил войска Брауна при Инверкитинге 20 июля. Кромвель переправил по воде еще больше войск, пока не собрал в Файфе четырнадцать тысяч человек, а затем, взяв их под свое командование, двинулся на Перт, который пал после двадцатичетырехчасовой осады (2 августа).

Взятие Перта отрезало Лесли от снабжения и прервало его связь с севером Шотландии. Но путь в Англию оставался открытым, и, уверенный в том, что английские роялисты придут под его знамена, Чарльз со всей своей армией двинулся к границе. Кромвель предвидел это движение и прекрасно понимал, что оно может встревожить английское правительство. Но он оправдывал свою стратегию с трезвой уверенностью.

"Мы поступили, - сказал он, - наилучшим образом, зная, что если не решить этот вопрос, то это приведет к новой зимней войне, к разорению ваших солдат, для которых шотландцы слишком тяжелы в плане переноса зимних трудностей этой страны, и к бесконечным расходам казны Англии на ведение этой войны. Можно предположить, что мы могли бы удержать врага от этого, встав между ним и Англией; и я действительно верю, что мы могли бы это сделать, но как удалить его отсюда, не сделав того, что мы сделали, если бы у нас не было командующей армии по обе стороны реки Форт, нам не ясно; или как ответить на вышеупомянутые неудобства, мы не понимаем".

Он велел им быть храбрыми и собрать все силы, какие только можно, чтобы сдержать поход шотландцев.

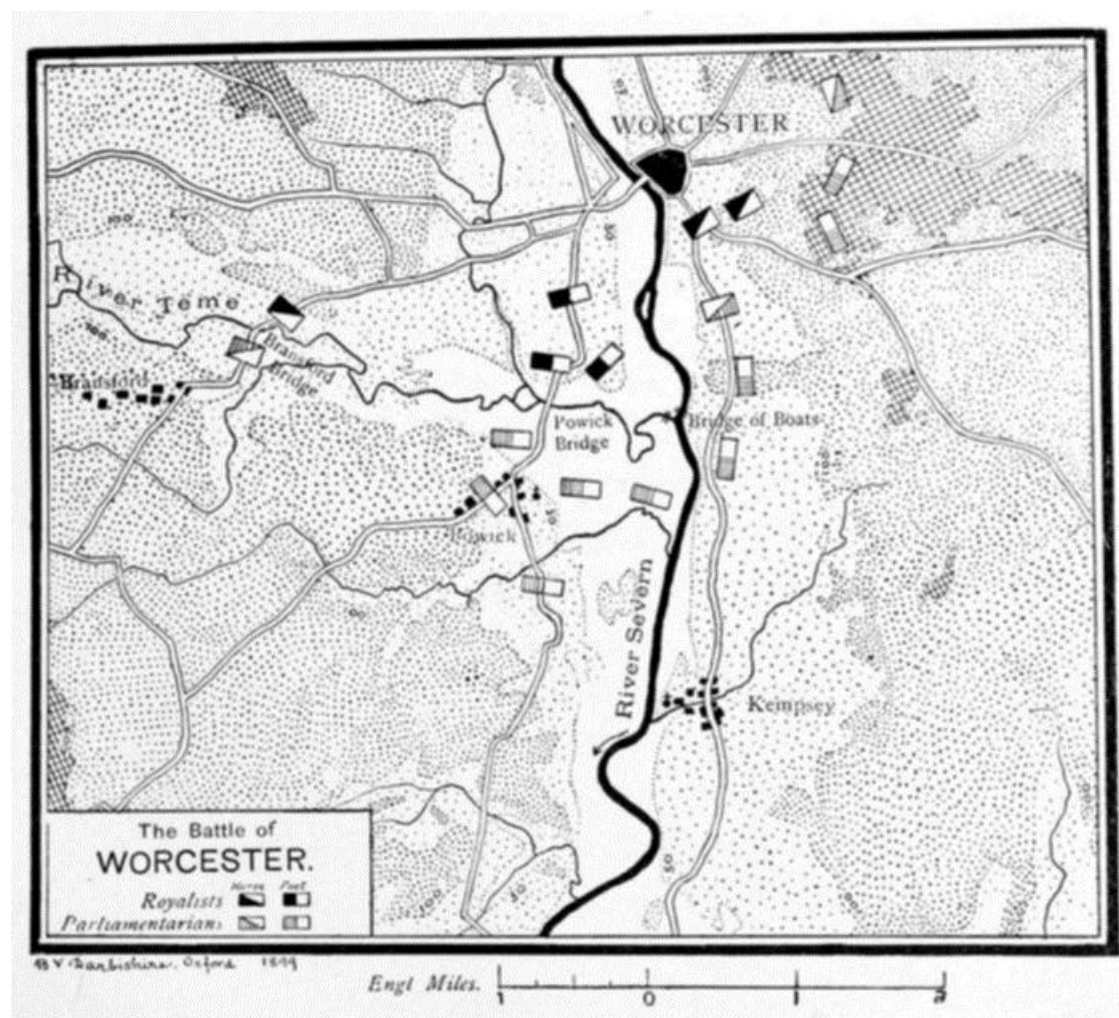
"В самом деле, мы имеем от Господа такой удобный опыт, что враг поражен Богом в самое сердце, и когда бы Господь ни свел нас с ними, мы верим, что Господь покажет всю отчаянность этого их совета, а также его глупость. Когда Англия была гораздо более неустойчивой, чем сейчас, и когда их гораздо более значительная армия без фальги вторглась к вам, а у нас были лишь слабые силы, чтобы оказать сопротивление, в Престоне, по преднамеренному совету, мы предпочли поставить себя между их армией и Шотландией; и как Бог преуспел в этом, не стоит забывать".

Карл вошел в Англию через Карлайл и проследовал через Ланкашир и вдоль валлийской границы, надеясь собрать рекрутов в этих районах во время своего продвижения. Кромвель, оставив Монка охранять Шотландию, отправил свою кавалерию под командованием Ламберта и Харрисона преследовать короля, а сам с пехотой проследовал через Йоркшир. По мере продвижения к нему присоединялись силы графств, через которые он проходил, и по всей Англии новое ополчение графств спешило к оружию. Как бы они ни ненавидели Республику, англичане не решались помогать шотландскому захватчику.

В Ланкашире недоверие к Малиньяну не позволило пресвитерианам взяться за оружие, хотя граф Дерби собрал небольшую армию среди кавалеров. 22 августа Карл достиг Вустера с менее чем шестнадцатью тысячами человек, измотанных маршем, и остановился, чтобы отдохнуть и собрать своих приверженцев. Несколько преданных джентльменов встали под его знамена, но народ оставался апатичным, и через три дня войска Дерби были разбиты при Уигане полковником Лилберном. К этому времени сеть уже смыкалась вокруг короля. Кромвель, объединившись с Ламбертом и Харрисоном, обосновался в Ившеме и перекрыл дорогу на Лондон тридцатитысячной армией. Превосходство в численности позволило ему разделить свои силы и атаковать Вустер с двух сторон. Ламберт и Флитвуд с одиннадцатью тысячами человек переправились на западный берег Северна и предотвратили отступление роялистов в Уэльс, в то время как Кромвель с основной частью армии остался на восточном берегу и вплотную подошел к городу. 3 сентября, в годовщину Данбара, войска Флитвуда двинулись на Вустер с юго-запада. Между ним и Вустером протекала река Тим, приток Северна, которую удерживала роялистская дивизия, сломавшая мосты. Кромвель перебросил лодочный мост через Северн, чуть выше устья Тиме, и обрушился на фланг шотландцев с четырьмя своими лучшими полками. "Лорд-генерал лично возглавил отряд и был первым, кто ступил на вражескую землю". Под прикрытием атаки Кромвеля Флитвуд перебросил через Тим такой же мост, и его пехота переправилась через реку, чтобы сотрудничать с Кромвелем. Уступая в численности, но упорно сражаясь, шотландцы сдались. "Мы били врага от изгороди до изгороди, - писал Кромвель, - пока не отбили его в Вустере".

Чарльз, наблюдавший за битвой с башни собора, видя, что большая часть армии Кромвеля занята на западном берегу, бросился вперед со всеми людьми, которых мог собрать, чтобы разбить силы, оставшиеся на восточной стороне. Три часа длилась борьба. Сначала шотландцы одерживали верх, но Кромвель, переправившись через реку, встал во главе своих людей и в смятении отбросил врага в город. Его солдаты наступали им на пятки и, взяв штурмом "Форт Ройал", направили его пушки на улицы. "Милорд генерал очень рисковал собой, скача вверх и вниз посреди огня; он лично подъезжал к ногам врага, чтобы предложить им четверть, на что они не отвечали ничем, кроме выстрелов". В конце концов, все, что осталось от пешеходов, сложили оружие, а конные бежали через северные ворота и направились в Шотландию. Но ни один полк или отряд не достиг своего дома. Ополченцы,

оцеплявшие мосты и шоссе, сотнями собирали пленных, а деревенские жители с беспощадной свирепостью выслеживали беглецов. Среди пленных была половина дворянства Шотландии.

Среди немногих, кому удалось спастись, был и молодой король. Парламент пригрозил всем, кто укроет Карла, наказанием за государственную измену и пообещал тысячу фунтов стерлингов любому, кто выдаст его. Войска прочесывали дороги, чтобы найти его, а чиновников во всех портах предупредили, чтобы они следили за "высоким человеком выше двух ярдов ростом, с волосами глубокого коричневого цвета, близкого к черному". Но, хотя англичане не хотели сражаться за Карла, они не предавали его, и из тех, кому он доверял, ни один не оказался ложным. То прячась в дубе, то в "норе священника", маскируясь то под деревенского жителя в старом поношенном кожаном дублете и зеленых бриджах, то под слугителя в серой домотканой одежде, Чарльз скитался по юго-западу в поисках корабля. Наконец он нашел его в Брайтоне и 22 октября благополучно высадился во Франции.

Для Шотландии победа Кромвеля означала конец независимости. Из-за отсутствия армии Лесли в Шотландии не осталось сил, способных дать бой шести тысячам ветеранов Монка, и в Шотландии не было крепости, способной противостоять его артиллерии. Монк захватил Стирлинг 14 августа, а захват Комитета сословий в Алите 28 августа лишил национальную оборону ее главы и уничтожил последний пережиток национального правительства. Данди был взят штурмом и разграблен 1 сентября. Монтроз, Абердин, Инвернесс и другие города пали без боя. В феврале 1652 года были заняты Оркнейские острова, а в мае сдался замок

Дуноттар, последняя крепость, которая еще держалась. Аргайл, отказавшийся последовать за Карлом в Англию, пытался сохранить независимое положение в Западном нагорье, но в августе и он был вынужден перейти на сторону английского правительства, и порабощение Шотландии было завершено. Английский гарнизон из двенадцати или четырнадцати тысяч человек и сильные крепости, построенные в Лейте, Эйре, Инвернессе и Инверлохи, отныне держали завоеванную страну в повиновении. Несмотря на всеобщее недовольство, ни одна попытка сбросить английское иго не имела шансов на успех. В 1653 году война с Голландией заставила горцев вновь взяться за оружие, и началось восстание, которое возглавил сначала граф Гленкэрн, а затем генерал Миддлтон. Повстанцы совершали вылазки в низины, но так и не смогли добиться большего, а их собственные раздоры погубили их дело. Монк вернулся под свое командование в Шотландии в мае 1654 года, огнем и мечом опустошил горные долины, разбил войска Миддлтона и к концу года положил конец восстанию.

Политика Долгого парламента и протектора в отношении Шотландии по своей цели напоминала их политику в отношении Ирландии. В каждом случае целью было превратить завоеванную страну в составную часть Британской империи. Но меры, принятые для достижения этой цели, в двух странах существенно различались. В Шотландии не было ни общей конфискации земель побежденных, ни далеко идущих изменений в структуре общества. С шотландскими роялистами обращались так же, как с английскими кавалерами. Долгий парламент конфисковал поместья тех, кто вторгся в Англию в 1648 и 1651 годах, но Протектор принял более умеренную политику, наложив наказание в виде конфискации только на двадцать четыре вождя и оштрафовав мелких нарушителей. Нескольким английским офицерам были пожалованы конфискованные земли, но большая часть их доходов была направлена на общественные нужды. Поэтому шотландские конфискации, хотя и разорили многих дворян и джентри, оставили нетронутой основную массу народа.

В Шотландии не было запрета на национальную религию, но национальная церковь потеряла часть своей независимости и была лишена всякой власти, чтобы сдерживать или контролировать гражданское правительство. В 1653 году Генеральная ассамблея - "слава и сила нашей Церкви на земле", как назвал ее один пресвитерианский священник, - была насильственно распущена, но местным синодам и пресвитериумам было разрешено собираться. Английское правительство лишило церковные суды принудительной юрисдикции над нечленами церкви и защитило образование независимых общин. Оно назначало комиссаров для посещения университетов, наказывало священнослужителей, проповедовавших против него, и решало споры о назначении на вакантные места. Но она мало вмешивалась во внутренние дела Церкви и удерживала равновесие между реконстантами и резолюционистами. Лишившись политической власти и большей части своей независимости, шотландская церковь, тем не менее, не теряла благосостояния. "Эти горькие воды, - говорит Роберт Блэр, - были подслащены тем, что Господь удивительным образом благословил труды Своих верных слуг. Многим была открыта великая дверь и действенная сила".

Как и в Ирландии, так и в Шотландии, отдельный национальный парламент прекратил свое существование и был заменен представительством в парламенте Великобритании. Объединение, которое неумело пытался осуществить Яков I, было постановлено Долгим парламентом, а протектор осуществил его. В 1652 году комиссары, посланные Долгим парламентом, вымогали неохотное согласие на принцип союза, но детали все еще оставались неурегулированными, когда Кромвель стал протектором. Согласно "Правительственному акту", Шотландия получила тридцать депутатов в британском парламенте, а ордонансы протектора завершили работу. Английские государственные

деятели рассматривали союз как щедрую уступку. По словам Ладлоу, парламент намеревался,

"убедить даже своих врагов, что их главной целью было обеспечение счастья и процветания всех, кто находился под их управлением", и "была с радостью принята самыми рассудительными шотландцами, которые прекрасно понимали, насколько велика уступка парламента Англии в том, чтобы позволить покоренному ими народу участвовать в законодательной власти".

В действительности же церковные и национальные чувства были настроены против этого. "Что касается объединения Шотландии с Англией, - говорил Роберт Блэр, - то это будет похоже на то, как если бы бедная птица была воплощена в ястребе, который ее сожрал". За редким исключением все классы относились к объединению с враждебностью и неприязнью.

Протектор надеялся примирить Шотландию с союзом с помощью материальных выгод, которые ему сопутствовали. Обещались абсолютная свобода торговли между двумя странами, пропорциональное налогообложение и лучшая система правосудия. Это не были пустые слова. Были отменены договоры, подразумевающие вассалитет и кабалу и наследственные юрисдикции. Были учреждены народные суды-бароны, введены английские мировые судьи, уменьшены пошлины в судах, назначены новые судьи, которые исполняли законы без страха и выгоды. Даже шотландцы признали улучшение в отправлении правосудия. "Правосудие свершилось", - говорит Бернет. "По правде говоря, - добавляет Никол, - англичане были более снисходительны и милосердны к шотландцам, чем шотландцы к своим соотечественникам и соседям, а их справедливость во многом превосходила шотландскую".

Гражданское управление Шотландией находилось в руках сначала парламентских комиссаров, а после 1655 года - назначенного протектором Шотландского совета из девяти человек, в который входили два шотландца. Под их энергичным управлением поддерживался такой порядок, какого Шотландия еще не знала. Горные районы были усмирены английскими гарнизонами, а пограничные москиты выслежены и наказаны. Один из английских чиновников хвастался, что может проехать через всю Шотландию со ста фунтами в кармане и без всякого оружия в руках.

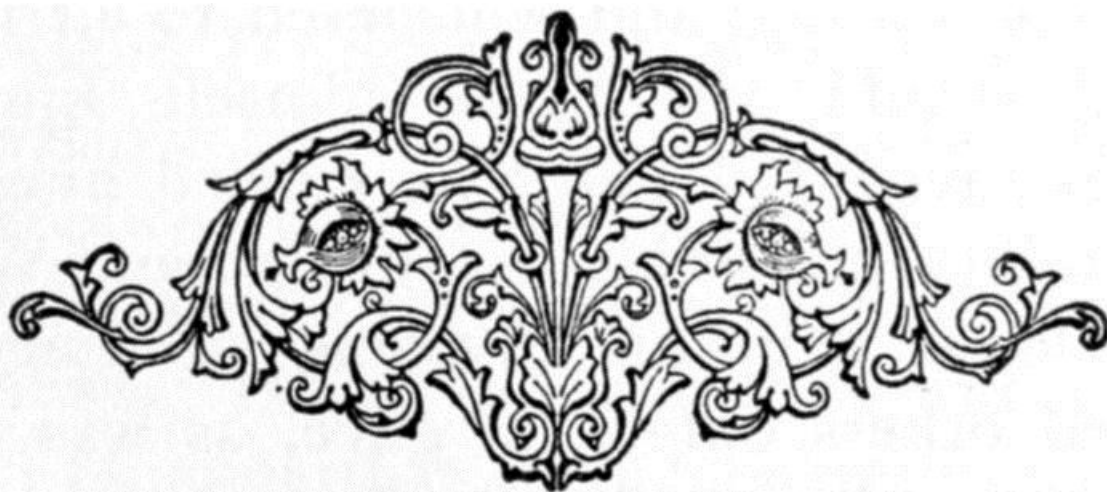
Больше всего от этих реформ выиграл средний класс. "Города, - писал Монк Кромвелю, - в целом наиболее верны нам из всех жителей этой страны". В 1658 году Кромвель, описывая своему парламенту состояние Шотландии, ликовал по поводу улучшений, которые принесло английское правление.

"Люди низшего сорта, - сказал он, - живут так же хорошо и, вероятно, придут в такое же процветающее состояние под вашим правительством, как и при своих собственных великих лордах, которые заставляли их работать на жизнь не лучше, чем крестьяне во Франции. Я не хочу говорить ничего такого, что могло бы отразиться на этой нации; но люди среднего достатка действительно вырастают до такой степени, что их жизнь становится комфортной, если не лучше, чем раньше".

Бернет, описывая кромвелевский режим в Шотландии, заходит так далеко, что говорит: "Мы всегда считаем эти восемь лет узурпации временем великого мира и процветания". Но это явное преувеличение. Опустошения и потери, вызванные долгими войнами, привели к повсеместной бедности. "Я думаю, - признал Протектор, - что шотландцы испытывали такие же страдания в плане средств к существованию, как и любой другой народ, о котором я вам

говорил. Я действительно считаю их очень разоренной нацией". Слабым местом английского правления было тяжелое налогообложение, вызванное необходимостью содержать столь большую армию в Шотландии. Письма Бейли полны жалоб на тяжесть налогового бремени. "Великая армия во множестве гарнизонов стоит над нашими головами, а глубокая бедность держит все поместья в состоянии крайней нищеты; налоги всех видов так велики, торговля так мала, что удивительно, если крайняя нехватка денег не приведет вскоре к каким-нибудь бедам". Изначально английское правительство установило для Шотландии земельный налог в размере десяти тысяч фунтов в месяц, но он взимался с таким трудом, что в итоге был снижен до шести тысяч фунтов. А в год смерти Кромвеля Англии пришлось перечислить Шотландии более 140 000 фунтов стерлингов на расходы военного правительства, которое держало Шотландию в повиновении.

Шотландцы в целом считали, что преимущества, которые давало английское правление, слишком дорого стоили за тяжелые налоги и национальную независимость. В Ирландии, к счастью или к несчастью, кромвелевское завоевание оставило неизгладимый след в национальной истории. В Шотландии, напротив, все, что Кромвель сделал или пытался сделать, - профсоюз, реформа законодательства и свобода торговли - исчезло с приходом Реставрации. Но цели его политики были настолько справедливы, что последующие государственные деятели были вынуждены следовать его примеру. Союз и свобода торговли появились в 1707 году, а отмена наследственной юрисдикции - в 1746 году.

ГЛАВА XV

КОНЕЦ ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА

1651-1653

Получив известие о Вустере, парламент выделил Кромвелю четыре тысячи фунтов в год, предоставил ему в качестве резиденции Хэмптон-Корт и отправил депутацию для выражения благодарности. 12 сентября он триумфально въехал в Лондон. Хью Питерс, армейский капеллан, признался, что заметил в его походке тайное ликование, и шепнул другу, что Кромвель еще сделает себя королем. Но Уайтлок записал, что "он вел себя очень приветливо и в своих разговорах о Вустере редко упоминал о себе, а только о других, отдавая, как и положено, славу действиям Бога". Из его депеши явствует, что Кромвель рассматривал "венчающую милость" Вустера не только как завершение дела войны, но и как призыв взяться за мирные дела и выполнить их. Это должно спровоцировать парламент, сказал он спикеру,

"исполнить волю Того, Кто исполнил Свою волю для него и для нации - Чье благоволение состоит в том, чтобы утвердить нацию и смену правительства, сделав народ столь готовым к его защите и столь знаменательно благословив усилия ваших слуг в этом последнем великом деле".

Несмотря на свои победы, правительство Содружества было, по сути, временным, и народ скорее соглашался с ним, чем принимал. Даже его приверженцы чувствовали, что теперь, когда Гражданская война закончилась, на его месте должно быть создано нечто более постоянное и более конституционное. На конференции между офицерами и членами парламента, которую Кромвель устроил вскоре после своего возвращения в Лондон, это чувство проявилось со всей очевидностью. Юристы выступали за монархическую форму правления. Некоторые предлагали сделать королем третьего сына покойного короля, герцога Глостера, которому сейчас было двенадцать лет. Солдаты не желали слышать ничего, что могло бы напоминать о монархии. "Почему, - спросил Десборо, - эта страна, как и другие народы, не может управляться по принципу республики?" Кромвель говорил мало и, казалось, больше хотел узнать, что думают другие, чем высказать свои собственные взгляды. Он соглашался с юристами, что "урегулирование несколько с монархической властью в нем" было бы наиболее эффективным. Он понимал, что сильная исполнительная власть необходима как для мирных, так и для военных задач, но сомневался, что возврат к линии Стюартов возможен. Он был согласен с солдатами в том, что новый парламент - насущная необходимость, но, как и в 1649 году, считал, что более почетным и целесообразным было бы побудить Длинный парламент к самороспуску. Публично и частным образом он использовал все свое влияние, чтобы убедить палату сделать это. "Я давил на парламент, - говорит он, - как член парламента, чтобы он периодически распускался, раз, и еще раз, и еще раз, и еще десять, а может, и двадцать раз". Но, несмотря на "длинную речь его превосходительства", палата лишь двумя голосами постановила назначить дату роспуска, причем названная дата была отдалена на три года (3 ноября 1654 года). Кромвель был вынужден смириться с задержкой и сделать все возможное для урегулирования ситуации в стране с помощью существующего парламента. Задача, которая теперь стояла перед ним, была сложнее, чем борьба с ирландцами или шотландцами; от него ожидали большего, а его силы были меньше.

"Великие дела, - говорилось в одном из писем Кромwelю, - Бог совершил с вами на войне, и добрых дел люди ждут от вас в мире: разбить на куски угнетателя, облегчить бремя угнетенных, освободить пленных из уз и снабдить хлебом бедные семьи".

В течение нескольких месяцев после Вустера петиции часто направлялись не в парламент, а непосредственно генералу и армии. Но вся власть находилась в руках парламента, и по мере того как опасность становилась все более отдаленной, этот орган становился все менее поддающимся влиянию человека, который спас его. Из шестидесяти или семидесяти членов, которые обычно принимали участие в его заседаниях, самые способные были также членами Государственного совета, поглощенные повседневными административными делами, и у них почти не оставалось сил для рассмотрения далеко идущих законодательных планов. Из остальных многие были поглощены местными делами, другие занимались своими фермами и торговлей, многие сколачивали состояния, спекулируя конфискованными землями. Некоторые из них были печально известны своей коррумпированностью, но пристрастность и фаворитизм были более общим злом, чем коррупция. Вейн жаловался Кромвелю, что некоторые из его коллег настолько препятствуют ему, что "без постоянных пререканий они не позволят сделать то, что настолько очевидно, что они должны сделать сами". "Как трудно и сложно было", - говорил сам Кромвель, - "добиться проведения чего-либо без создания партий, без действий, действительно недостойных парламента".

И все же, как бы ни было трудно, Кромвелю и офицерам удалось вдохнуть в парламент часть своей собственной энергии. В политическом плане самой неотложной мерой было предоставление амнистии побежденным роялистам. Пока они подвергались наказанию и конфискации за деяния, совершенные в течение последних десяти лет, раны Гражданской войны не могли быть залечены. В феврале 1652 года Кромвель наконец убедил парламент принять акт о помиловании всех изменников, совершенных до битвы при Вустере, но он, к несчастью, был обставлен исключениями и ограничениями, которые лишили его действенности. Во время обсуждения законопроекта Кромвель не раз выступал против этих ограничений, и фанатичные республиканцы впоследствии решили, что он делал это из зловещих побуждений. Он ухитрялся, чтобы преступники избегали должного наказания, писал Ладлоу, "чтобы таким образом укрепить себя за счет новых друзей для осуществления своих замыслов". Кромвелю это казалось актом политической целесообразности. Он считал, что необходимо быть справедливым как к роялистам, так и к пуританам, как к неверующим, так и к верующим; возможно, даже более необходимо.

"Правильный дух, - добавил он, - это такой дух, какой был у Моисея и у Павла, - дух, который был не только для верующих, но и для всего народа".

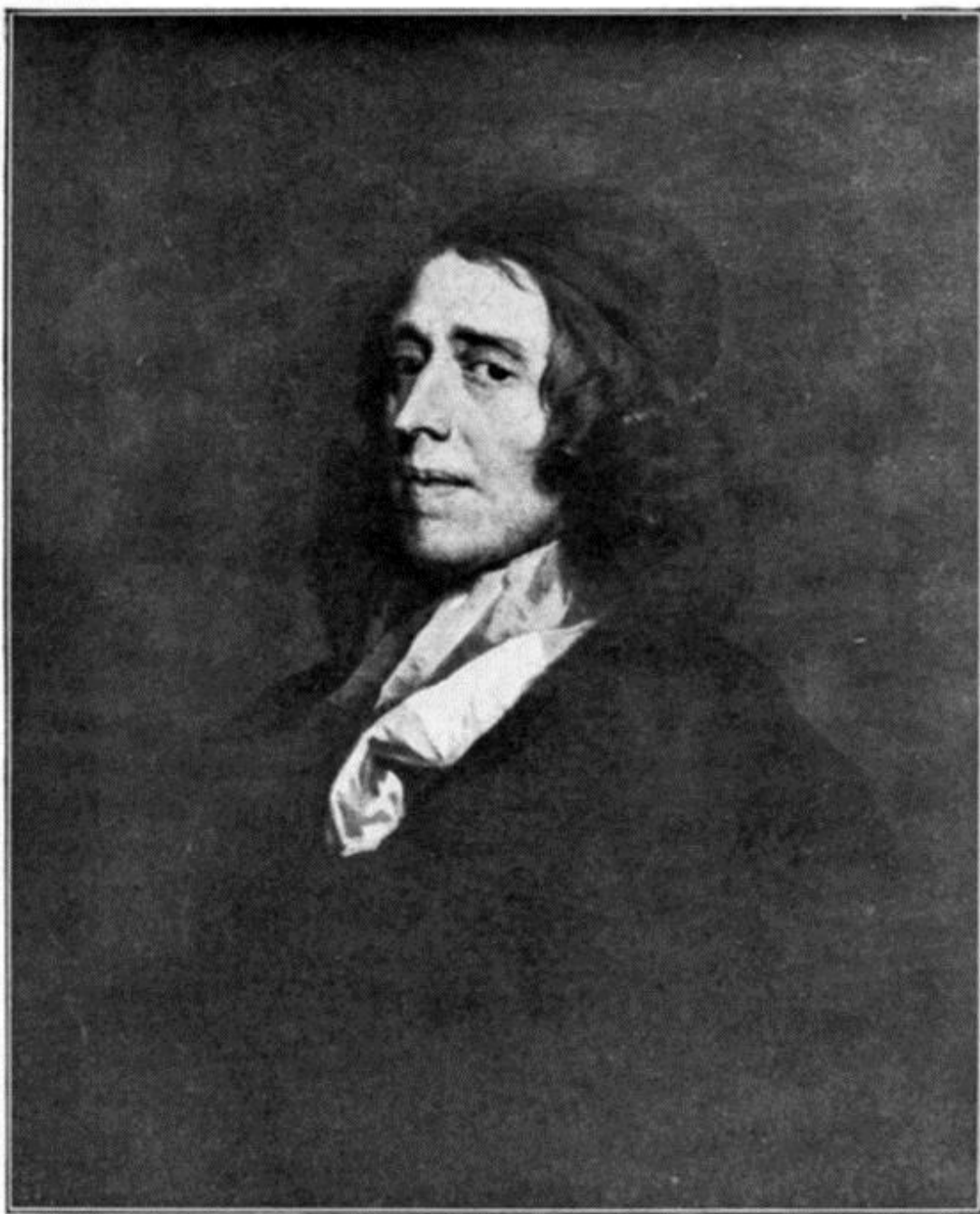
Следующей по важности после всеобщей амнистии была реформа Закона - фраза, которая, по мнению тех, кто ее использовал, означала не просто юридические изменения, но и социальные реформы в целом. И то, и другое было крайне необходимо. Гражданская война погубила тысячи людей; общество было дезорганизовано ее последствиями: отношения домовладельца и арендатора, должника и кредитора осложнились из-за непредвиденных бедствий; лондонские тюрьмы были переполнены бедными должниками, а страна кишела нищими. Для юристов это был лучший из возможных миров, и они никогда не были более процветающими или более непопулярными.

"Мы не можем упоминать о реформе закона, - говорил Кромвель Ладлоу в 1650 году, - но адвокаты кричат, что мы хотим уничтожить собственность, тогда как закон в его нынешнем виде служит только для содержания адвокатов и поощрения богатых к угнетению бедных". "Облегчите положение угнетенных", - призывал он парламент в своей депеше Данбару; "реформируйте злоупотребления во всех профессиях, и если есть хоть одна, которая делает многих бедными, чтобы сделать немногих богатыми, это не подходит Содружеству".

Парламент уже кое-что сделал для удовлетворения этих жалоб. В ноябре 1650 года он принял закон, предписывающий, чтобы все судебные разбирательства и документы отныне велись на английском языке, а также принятый ранее закон об облегчении участи бедных заключенных. Теперь она смело назначила двадцать одного комиссара, выбранного вне ее собственного органа, с Мэтью Хейлом во главе, "для рассмотрения неудобств закона и наиболее быстрого способа их устранения", и доложить о своих предложениях комитету самой Палаты (17 января 1652 года). Комиссары с головой погрузились в работу и в следующие несколько месяцев представили проекты многих хороших законопроектов, некоторые из которых стали законом во времена Протектората, а другие - в нынешнем веке. Они даже взяли на себя задачу кодификации и составили "систему законов" для рассмотрения парламентом.

В этот же период была предпринята попытка реорганизации церкви. Долгий парламент принял акты об увеличении доходов, о наказании за богохульство и о распространении Евангелия в Уэльсе и Ирландии. Но он отменил епископат, не заменив его никакой другой системой церковного управления, и изгнал роялистских священнослужителей, не предоставив никакого механизма для назначения достойных преемников. В Лондоне, Ланкашире и некоторых других районах существовали добровольные ассоциации священнослужителей по пресвитерианскому образцу, но на большей части Англии пресвитерианская организация, узаконенная в 1648 году, так и не была создана. Церковь представляла собой хаос изолированных общин, в которых человек становился служителем по своему усмотрению и зарабатывал себе на жизнь, как мог. Приведение этого хаоса к порядку представлялось настолько сложной задачей, сопряженной с таким количеством противоречивых вопросов, что парламент не решался взяться за ее решение.

Джон Оуэн, некогда капеллан Кромвеля в Ирландии, взял эту обязанность на себя, и 10 февраля 1652 года он и еще четырнадцать священнослужителей представили парламенту всеобъемлющую схему устройства Церкви. В ответ палата передала его в комитет, назначенный для рассмотрения вопроса о лучшем распространении Евангелия, важнейшим членом которого был Кромвель. Схема Оуэна, как и "Соглашение народа", предполагала сохранение национальной церкви с терпимыми диссидентскими организациями, существующими рядом с ней. Церковь должна была контролироваться двумя группами уполномоченных, частично светских и частично клерикальных: местными уполномоченными, которые должны были определять пригодность всех кандидатов, желающих быть принятыми в качестве проповедников; разъездными уполномоченными, которые должны были перемещаться из места в место, изгоняя негодных священников и школьных учителей. По вопросу о пределах свободы, которую следует предоставлять диссентерам, комитет разделился на две части. Схема предлагала, чтобы противники основных принципов христианской религии не имели права распространять свои взгляды. Когда Оуэн и его друзья попросили определить, что это за принципы, они составили список из пятнадцати основных положений, отрицание которых должно было лишить людей свободы распространять свои взгляды. Кромвель счел эти ограничения слишком строгими и пожелал более либерального определения христианства. "Я бы предпочел, - решительно заявил он, - чтобы среди нас был разрешен магометанизм, чем чтобы один из детей Божьих подвергался гонениям". Именно в результате этих дебатов Мильтон в мае 1652 года обратился к Кромвелю с сонетом, в котором призвал его помнить, что "мир имеет победы не менее известные, чем война".

REV. ДЖОН ОУЭН, Д.Д.

(С картины, возможно, работы Роберта Уокера, хранящейся в Национальной портретной галерее).

"Появляются новые враги.

грозящие сковать наши души светскими цепями;

Помогите нам спасти свободную совесть от лап

Наемных волков, чье Евангелие - их пасть".

Но Мильтон не разделял убежденности Кромвеля в необходимости существования церкви, и именно Вейна, а не Кромвеля, он превозносил как государственного деятеля, который знал

истинные границы любого меча и понял, что отделяет духовную власть от гражданской. К моменту написания сонета к Вейну церковные споры отошли на второй план; короткий период мира и реформ закончился; и Кромвель, и Вейн были вынуждены обратить свое внимание на проблемы внешней политики и военные задачи.

Когда летом 1649 года Кромвель покинул Англию, весь мир казался враждебным Республике. Вустер вновь сделал Великобританию державой в Европе, а иностранные государства стали искать дружбы Республики или, по крайней мере, опасаться ее враждебности.

Эта великая перемена произошла главным образом благодаря победам Кромвеля. "По правде говоря, - писал Брэдшоу Кромвелю после Данбара, - Божье благословение на мудрое и верное ведение дел там, где вы находитесь, дает жизнь и репутацию всем другим попыткам и действиям от имени Содружества". Во многом это было связано и с успехами Блейка. К весне 1652 года флот вытеснил роялистских каперов из британских морей и Средиземноморья и уничтожил одну за другой все колонии и зависимости, отказавшиеся подчиниться Республике. Флот Руперта, блокированный в Кинсейле Блейком с мая по ноябрь 1649 года, не смог ни помочь Ормонду в захвате Дублина и Лондондерри, ни помешать продвижению Кромвеля в Ирландии. Когда Руперт бежал, он направился в Лиссабон, под защитой короля Португалии переоборудовал свои корабли и захватил английские торговые суда. В марте 1650 года Блейк появился у устья Тежу и держал корабли Руперта в заточении в течение следующих шести месяцев. Наконец, в октябре 1650 года, во время отсутствия Блейка, Руперт вышел в море и, войдя в Средиземное море, начал грабить и жечь английские торговые суда. Блейк захватил или уничтожил большинство его кораблей у Малаги и Картахены, а с двумя оставшимися Руперт укрылся в Тулоне. Далее настала очередь островов, которые были штаб-квартирой роялистских каперов. В мае 1651 года сэр Джон Гренвилл сдал острова Сцилли Блейку, как раз вовремя, чтобы они не попали в руки голландского флота, посланного наказать Гренвилла за нападения на голландскую торговлю. Остров Мэн пал в октябре. В декабре Блейк захватил Джерси и Гернси, где сэр Джордж Картерет занимался пиратством в более крупных и прибыльных масштабах, чем Гренвилл. Наконец, в январе 1652 года флот сэра Джорджа Айскью уменьшил Барбадос и острова Вест-Индии, а в марте Виргиния и Мэриленд сдались. Владея всеми территориями, которыми правили Стюарты, и имея более сильную армию и флот, чем когда-либо, республиканские лидеры могли свободно вмешиваться в европейскую политику.

Тридцатилетняя война закончилась Вестфальским договором в 1648 году. Франция и Испания все еще продолжали воевать, но уже без особого энтузиазма: одна была отвлечена гражданскими войнами Фронды, другая ослабла из-за неправильного управления и упадка торговли. Каждая из них хотела получить помощь Англии, но в то время как Испания признала Республику в декабре 1650 года, Франция все еще медлила, и если Испания позволила Блейку снабжать свой флот витаминами в испанских портах, то Франция дала приют кораблям Руперта в своих гаванях и позволила ему продавать там свои призы. Не только французские каперы, но и французские военные люди нападали на английскую торговлю в Леванте; а во Франции Карл собрал вокруг себя изгнанных роялистов и устроил заговор против мира в Республике. В тот момент даже религиозные, а также политические мотивы благоприятствовали союзу с Испанией. В испанских владениях не осталось протестантов, которых можно было бы преследовать, но гугеноты Южной Франции, опираясь на традиции английской политики, существовавшие со времен Реформации, по-прежнему обращались за поддержкой к своим единоверцам в Англии. Войны Фронды послужили вторым мотивом для вмешательства, и поддержка последних защитников политической свободы во Франции против посягательств централизованной монархии была делом,

которое естественно привлекало энтузиастов-республиканцев. Когда Конде и гвиенские фронтеры обратились к Англии и Испании за помощью против Мазарина, Испания сразу же откликнулась, а сильная партия в английском Государственном совете была готова дать положительный ответ. Одержит ли верх испанская или французская партия в этом органе, во многом зависело от решения Кромвеля. Со времен Вустера, да и раньше, иностранные дипломаты обращали внимание на генерала, сообщали о его случайных высказываниях и пытались разгадать его намерения.

Люди, считавшие, что Республика будет стремиться к распространению республиканских институтов за рубежом, рассматривали Кромвеля как инструмент, предназначенный для осуществления этой политики. "Будь он на десять лет моложе, - говорил Кромвель, - в Европе не было бы короля, которого он не заставил бы трепетать", а поскольку у него были лучшие побуждения, чем у покойного короля Швеции, он считал себя способным сделать для блага народов больше, чем тот сделал для своего честолюбия. Марвелл приветствовал его по возвращении из Ирландии как освободителя, чьи будущие завоевания должны ознаменовать новую эру в истории всех угнетенных народов.

"Вскоре он стал Сезаром в Галлии,

В Италии - Ганнибал,

И для всех несвободных государств

Shall climacteric be".

В действиях Кромвеля, однако, не было и следа приписываемого ему революционного рвения. При первом же своем появлении во внешней политике он показал себя острым и реалистичным государственным деятелем, более озабоченным расширением торговли и территории своей страны, чем распространением республиканских принципов в чужих краях. Единственным сентиментальным соображением, которое, казалось, двигало им, была симпатия к угнетенным протестантам. Он отклонил предложения, которые агенты Конде сделали ему сразу после Вустера, но без колебаний отправил одного эмиссара в Париж для переговоров с де Рецем, а другого - для выяснения реального положения дел на юге Франции. Больше всего его интересовал вопрос, как улучшить положение гугенотов, и вскоре стало очевидно, что достичь этого путем договоренности с французским правительством будет проще, чем пытаться предпринять вооруженное вмешательство в их пользу. Поэтому с самого начала Кромвель отдавал предпочтение французскому, а не испанскому союзу. Весной 1652 года он и еще два члена Государственного совета начали тайные переговоры с Мазарином об уступке Дюнкерка. Его гарнизон был сильно потеснен испанцами, и существовало мнение, что французское правительство, будучи не в состоянии его освободить, предпочло бы видеть его в руках англичан, а не испанцев. В апреле в Дувре было собрано пять тысяч английских солдат, чтобы в любой момент отправиться в Дюнкерк. Но Мазарин отказался платить цену, которую требовали за английский союз, и пока он колебался и торговался, сторонники испанского союза одержали верх в английском совете, и переговоры были прерваны. Поскольку Франция продолжала отказываться безоговорочно признать Республику, возникла необходимость применить силу. В сентябре 1652 года Блейк обрушился на французский флот, отправленный для восстановления Дюнкерка, захватил семь кораблей, а остальные уничтожил или согнал на берег, в результате чего осажденная крепость сдалась испанцам на следующий день. Наконец, в декабре 1652 года в Лондон прибыл посол, объявивший от имени Людовика XIV, что союз, который должен существовать между соседними государствами, не регулируется их формой правления, и официально признавший Содружество.

БЮСТ КРОМВЕЛЯ.

ПРИПИСЫВАЕТСЯ БЕРНИНИ.

(В Вестминстерском дворце, 1899 г.)

До того как это произошло, Англия была вовлечена в войну с Голландией. Две протестантские республики, казалось, были созданы природой для союзничества. Англия

помогла голландцам обрести свободу, а Голландия всегда была излюбленным убежищем пуританских беглецов. Но с 1642 года династические и торговые причины все больше отдаляли друг от друга эти два государства. Брак Вильгельма II с Марией, дочерью Карла I, обеспечил поддержку штатхольдера Карлу I и Карлу II и нейтрализовал добрую волю голландских республиканцев. После смерти Вильгельма II в октябре 1650 года и практического упразднения должности штатхольдера республиканская партия взяла верх, и улучшение отношений стало казаться возможным. Шесть месяцев спустя Содружество отправило Сент-Джона и Стрикленда в Гаагу, чтобы от имени Англии предложить не просто возобновление старых дружеских отношений, но "более строгий и тесный союз и союз, при котором интерес каждого к другому будет более внутренним и взаимным, чем до сих пор, на благо обоих". Голландцы были готовы заключить тесный торговый союз, но не пошли дальше, и переговоры были прерваны без обсуждения "коалесценции", или политического союза, который английские послы были уполномочены предложить. После этой неудачи коммерческое соперничество двух наций обострилось. "Мы соперники, - сказал однажды один из членов Долгого парламента, - за самую прекрасную госпожу в мировой торговле". В марте 1651 года голландцы заключили договор с Данией, который нанес ущерб английской торговле на Балтике. В октябре Англия приняла Навигационный акт, который одним махом запретил голландцам торговать с английскими колониями, лишил голландских рыбаков рынка сбыта в Англии и грозил уничтожить голландскую торговлю носилками. Соединенные провинции направили послов для переговоров об отмене этого закона, но возникли другие вопросы, которые еще больше осложнили ситуацию. Старые споры касались признания суверенитета Англии в британских морях, салюта английскому флагу и права взимать дань за разрешение на ловлю рыбы. Возник новый спор о правах нейтралов. Англия, практически находящаяся в состоянии войны с Францией, требовала права конфисковать французские товары на голландских кораблях, в то время как голландцы отстаивали принцип, что флаг распространяется на груз. Воспоминания о бойне в Амбойне и требования компенсации за старые проступки голландцев в Ост-Индии ставили новые препятствия на пути к соглашению. Затем 12 мая 1652 года произошло случайное столкновение кораблей "Блейк" и "Тромп" у берегов Дувра, и две республики оказались в состоянии войны.

Для Кромвеля ничто не могло быть более нежелательным, чем эта война с голландцами. Он считал, что Англия права в спорных вопросах между двумя государствами, и когда парламент послал его расследовать причины ссоры, он вернулся с убеждением, что вина лежит на Тромпе, а не на Блейке. Но война грозила навсегда разрушить план лиги протестантских держав, который Кромвель лелеял в своем сердце. "Мне не нравится война, - заявил он представителям голландской общины в Лондоне, - я сделаю все, что в моих силах, чтобы добиться мира". В каждой попытке примириться с голландцами Кромвель возглавлял сторону мира, и переговоры через неофициальных агентов, начавшиеся летом 1652 года, проходили под его вдохновением.

Поначалу результат войны был благоприятен для Англии. У голландцев была огромная торговля и сравнительно небольшой флот; у Англии - большой флот и сравнительно небольшая торговля. "Англичане, - сказал один голландец, - атаковали гору золота, а голландцы - гору железа". По отдельности английские военные корабли были сильнее голландских и вооружены более тяжелыми пушками. Кроме того, английскими военно-морскими операциями руководил один орган, в то время как голландцы управлялись пятью отдельными адмиралтейскими коллегиями. Кроме того, географическое положение Англии позволяло ей контролировать маршрут, по которому голландские флоты подходили к своим берегам, и если Блейк и Эйск могли атаковать по своему усмотрению, то голландским адмиралам, как правило, мешала задача защиты больших конвоев торговых судов. Однако в

ноябре 1652 года Тромп разбил Блейка у Дангенесса, и более чем на два месяца командование в Ла-Манше перешло к голландцам. Оно было восстановлено только после того, как Блейк и Монк победили его в трехдневном бою у Портленда в феврале 1653 года. Тем временем в Средиземноморье одна английская эскадра была разбита у Эльбы, а другая блокирована в Ливорно; Балтика была закрыта для английской торговли, Дания собиралась вступить в союз с Голландией, чтобы сохранить это исключение, и 1652 год завершался для Содружества мрачно.

Еще более весомым аргументом в пользу мира было внутреннее состояние Англии. Война приостановила все реформы; вместо прогресса наметилось ретроградное движение. Армия обходилась в полтора миллиона в год, флот - почти в миллион; на постройку новых фрегатов требовалось триста тысяч фунтов, а дефицит составлял около полумиллиона. Чтобы покрыть эти расходы, Долгий парламент вернулся к старому плану и конфисковал поместья примерно 650 человек, а вырученные средства направил на содержание флота. Большинство приговоренных к нищете были незначительными людьми, которые не совершили ничего, заслуживающего такого наказания. Политика оздоровления, которую отстаивал Кромвель, была окончательно отброшена, и он был полон негодования по поводу несправедливости, свидетелем которой он стал. "Бедняков, - говорил он впоследствии, - как стадо овец, сорок человек в одно утро гнали на конфискацию имущества и поместий, причем никто не мог назвать причину, по которой двое из них должны лишиться шиллинга".

Реорганизация церкви перестала продвигаться. Парламент обсудил некоторые предложения комитета Кромвеля, но ничего не предпринял. Одним из его последних актов стал отказ от продолжения полномочий уполномоченных по распространению Евангелия в Уэльсе, назначенных тремя годами ранее. Кромвелю этот отказ показался преднамеренным обескураживанием "бедного народа Божьего в Уэльсе" и явным доказательством того, что людям, ревностно относящимся к распространению религии, мало на что можно надеяться со стороны парламента. "Это дело", - сказал он, - "для меня и офицеров было таким же явным испытанием их духа, как и все остальное". Что касается реформы законодательства, то она представлялась столь же безнадежной. Законопроекты Хейла лежали без внимания на столе палаты или, подобно законопроекту о регистрации всех прав собственности на землю, были завалены потоками разговоров в комитетах.

"Я не скажу, - говорил Кромвель о парламенте, - что они пришли к полной неспособности провести реформацию, хотя я мог бы сказать это в отношении одной вещи - реформации закона, от которой так сильно страдают в том положении, в котором она находится сейчас. По этому поводу было сказано много хороших слов, но теперь мы знаем, что трех месяцев вместе не хватило для того, чтобы решить одно слово "Обременения"".

Армия становилась все более и более нетерпеливой. В августе 1652 года совет офицеров представил парламенту петицию с требованием принять "быстрые и эффективные средства" для проведения длинного списка реформ. Если бы не Кромвель, они бы включили в нее требование о немедленном роспуске. Палата в изобилии давала офицерам добрые слова и сообщала им, что просимое ими "рассматривается", но проходили месяцы, и было лишь несколько слабых признаков активности. В октябре начались встречи офицеров с ведущими членами парламента.

"Я полагаю, - утверждал Кромвель, - что у нас было по меньшей мере десять или двенадцать встреч, на которых мы смиренно просили и умоляли их, чтобы они своими силами принесли те хорошие вещи, которые были обещаны и ожидались; чтобы казалось, что они сделали их

не по внушению армии, а благодаря своей собственной изобретательности: так мы хотели сохранить их в репутации народа".

Уайтлок рассказывает о беседе между ним и Кромвелем, в которой последний говорил о гордости, честолюбии и корыстолюбии членов парламента, о том, что они занимают все почетные и выгодные места для себя и своих друзей, об их проволочках, фракциях, несправедливости и пристрастности, а также о том, что они хотят увековечить свою власть. Необходимо, продолжал Кромвель, чтобы существовала какая-то другая власть, достаточно сильная, чтобы сдерживать и обуздывать непомерные замашки органа, претендующего на верховную власть и столь непригодного для управления. Уайтлок надеялся, что парламент исправится, и считал, что создать такую власть будет непросто. "Что, если человек возьмет на себя право быть королем?" - спросил Кромвель. Уайтлок смог ответить лишь, что если Кромвель возьмет на себя этот титул, то лекарство будет хуже болезни, и что лучший план - заключить соглашение с Карлом II.

Эти конференции ни к чему не привели, и в январе 1653 года нетерпение армии стало неконтролируемым. Офицеры проводили регулярные собрания в Сент-Джеймсе, разослали циркулярное письмо в армии Ирландии и Шотландии, призывали своих сослуживцев поддержать их и составляли угрожающие обращения в парламент. Большинство членов совета офицеров удовлетворились бы лишь немедленным роспуском и были готовы осуществить его силой. Кромвель воспротивился любому насилию и сумел, хотя и с трудом, сдержать их. Одному из друзей он жаловался, что две партии подталкивали его к совершению поступка, "от созерцания последствий которого у него волосы вставали дыбом". Одну партию возглавлял генерал-майор Ламберт, жаждавший отомстить Палате представителей за то, что она лишила его лорда-депутата Ирландии. Другую возглавлял генерал-майор Харрисон, честный человек, "стремящийся к добру", но слишком нетерпеливый, чтобы получить его "в ожидании Господнего досуга".

Тем временем парламент, основательно встревоженный нарастающей агитацией, вновь взялся за "Билль о новом представителе" и начал всерьез его продвигать. Они определили, какими должны быть избирательные округа, и установили квалификацию для получения избирательного права. К середине апреля билль уже почти прошел через комитет, и для того, чтобы сделать его законом, требовалось только третье чтение. Однако в руках парламентских лидеров он превратился в схему для увековечивания своей власти. Законопроект должен был стать законопроектом о пополнении численности палаты, а нынешние члены должны были сохранить свои места без необходимости переизбрания. Они будут единственными судьями, определяющими действительность поданных голосов и правомочность избранных лиц. Эта система рекрутирования должна была применяться не только на следующих выборах, но и во всех будущих парламентах.

Против этой гениальной схемы у офицеров армии было много возражений. Одно из них заключалось в том, что право на избрание было определено слишком слабо, а его толкование было доверено людям, которым они не доверяли. Они настаивали на политическом и материальном цензе для получения избирательного права и жаловались, что голосовать смогут нейтралы и люди, дезертировавшие из армии. Отдать власть в руки таких людей означало лишить нацию свободы.

Не меньшие возражения вызывала и предложенная система выборов. Она не давала народу реального права выбора, а только кажущееся. Лестершир мог устать от Хаслерига, а Халл утратить доверие к Вейну, но и тот, и другой должны были продолжать быть представлены теми, кого они выбрали в 1640 году. Ланкашир перестанет быть непредставленным, но

избранные им члены могут быть лишены права вето, наложенного людьми, которые практически сами себя избрали. Хотя армия была готова ограничить избирательное право и выбор выборщиков, она не была готова согласиться на столь полное издевательство над представительным правительством.

Для Кромвеля и теоретиков конституции среди офицеров существовало еще одно непреодолимое возражение против законопроекта. Больше всего в правлении Долгого парламента им не нравилось объединение законодательной и исполнительной власти в руках органа, обладающего неограниченными полномочиями и постоянно заседающего. Им нужны были короткие парламенты, заседающие не более шести месяцев в году и ограниченные как в своих полномочиях, так и в их продолжительности. Вместо продления полномочий Долгого парламента законопроект предлагал череду вечных парламентов, заседающих круглый год, следующих друг за другом без каких-либо перерывов и осуществляющих ту же произвольную власть, что и Длинный парламент.

"Тогда у нас была бы прекрасная работа", - сказал Кромвель..... "Парламент из четырехсот человек, осуществляющий произвольное управление без перерыва, за исключением некоторой смены части из них; один парламент вступает на место другого, только что оставленного теплым для них; в тот же день, когда один уходил, другой должен был вступать на его место..... Я думал, да и сейчас думаю, что это жалкое средство".

По этим причинам офицеры решили любой ценой не допустить принятия законопроекта. Казалось, от этого вопроса зависит все будущее "Дела".

"Мы пришли, - говорил Кромвель, - к такому выводу между собой: Что если бы у нас отняли наши свободы и права, необходимость научила бы нас терпению, но отказ от них сделал бы нас самыми низкими людьми в мире и достойными того, чтобы считаться ненавистниками Бога и Его народа".

Кромвель неохотно пришел к убеждению, что если убеждения не помогают, то он обязан применить силу.

Единственная надежда на благородное завершение Долгого парламента заключалась в том, что он согласится на компромисс. На совещании с некоторыми членами 19 апреля 1653 года Кромвель и офицеры предложили вариант, который, по их мнению, должен был дать ответ: Пусть парламент откажется от законопроекта, сразу же распустит себя и назначит временное правительство. Пусть члены парламента "передадут свои полномочия некоторым хорошо знакомым людям, которые были заинтересованы в нации и, как известно, питали добрую привязанность к Содружеству", и пусть эти люди "уладят дела нации". "Это было не ново, - заявили офицеры, - когда эта земля находилась под подобным натиском", и они доказали это историческими прецедентами. Члены клуба возражали и спорили, но в конце концов пообещали все обдумать и встретиться с офицерами на следующий день. Вейн и другие пообещали тем временем приостановить дальнейшее рассмотрение билля о новом представителе, и офицеры с надеждой разошлись.

Другой парламентский лидер, сэр Артур Хаслериг, чей авторитет в Палате был равен, если не выше, авторитета Вейна, прибыл из страны с решимостью провалить компромисс. Он решительно заявил своим коллегам, что работа, которой они занимаются, проклята, и что нельзя передавать им свое доверие. Когда Палата собралась на следующий день, она приняла точку зрения Хаслерига, призвала к принятию законопроекта и, невзирая на протесты, провела его через последнюю стадию. Затем они намеревались перенести заседание на ноябрь, чтобы невозможно было внести поправки или отменить акт; оставить

Государственный совет управлять государством и назначить Фэрфакса генералом вместо Кромвеля.

В Уайтхолл Кромвелю пришло известие, что палата со всей быстротой приступила к рассмотрению билля о новом представителе. Пока второй и третий гонец не подтвердили эту весть, он не мог поверить, "что такие люди окажутся столь недостойными". Тогда он поспешил в палату, одетый не как генерал или солдат, а как обычный гражданин, "в простую черную одежду с серыми камвольными чулками", и сел, как он обычно делал, "на обычное место". Четверть часа он сидел неподвижно, слушая дебаты, пока спикер не собрался поставить вопрос о том, должен ли билль быть принят. Кромвель повернулся к генерал-майору Харрисону, прошептал "Сейчас самое время, когда я должен это сделать" и, поднявшись со своего места, снял шляпу и обратился к палате. Сначала он долгое время говорил о парламенте, восхваляя его труды и заботу об общественном благе. Затем он перешел на другую ноту и указал членам парламента на их несправедливость, задержки с правосудием, корысть и другие недостатки. По мере того как его страсть росла, он надевал на голову шляпу, прохаживался по полу палаты, и, глядя то на одного, то на другого члена, грозно укорял их, не называя имен, но показывая жестами, кого он имеет в виду. Эти были коррумпированы, те скандальны в своей жизни, этот человек мошенник, тот несправедливый судья. "Возможно, вы думаете, - сказал он, - что это не парламентский язык; признаюсь, это не так; и вам не следует ожидать от меня ничего подобного. Вы не парламент, говорю я, вы не парламент. Я положу конец вашему заседанию". "Позовите их", - крикнул он, обращаясь к Харрисону, и по его приказу Харрисон вышел и привел из вестибюля двадцать или тридцать мушкетеров из полка самого Кромвеля. Требовалась лишь демонстрация силы. Кромвель указал на спикера в его кресле и сказал Харрисону: "Приведите его вниз". Спикер отказался покинуть кресло, если его не заставят. "Сэр, - сказал Харрисон, - я протяну вам руку", - и, положив свою руку на руку Ленталла, помог ему спуститься на пол. Сидни, который в тот день сидел рядом с креслом, отказался двигаться. "Выведите его", - приказал Кромвель, и Харрисон с офицером, положив руки ему на плечи, повели его к двери. Затем, презрительно взглянув на булаву, лежавшую на столе, Кромвель воскликнул: "Что нам делать с этой безделушкой?" и, подозвав солдата, сказал: "Вот, заберите ее".

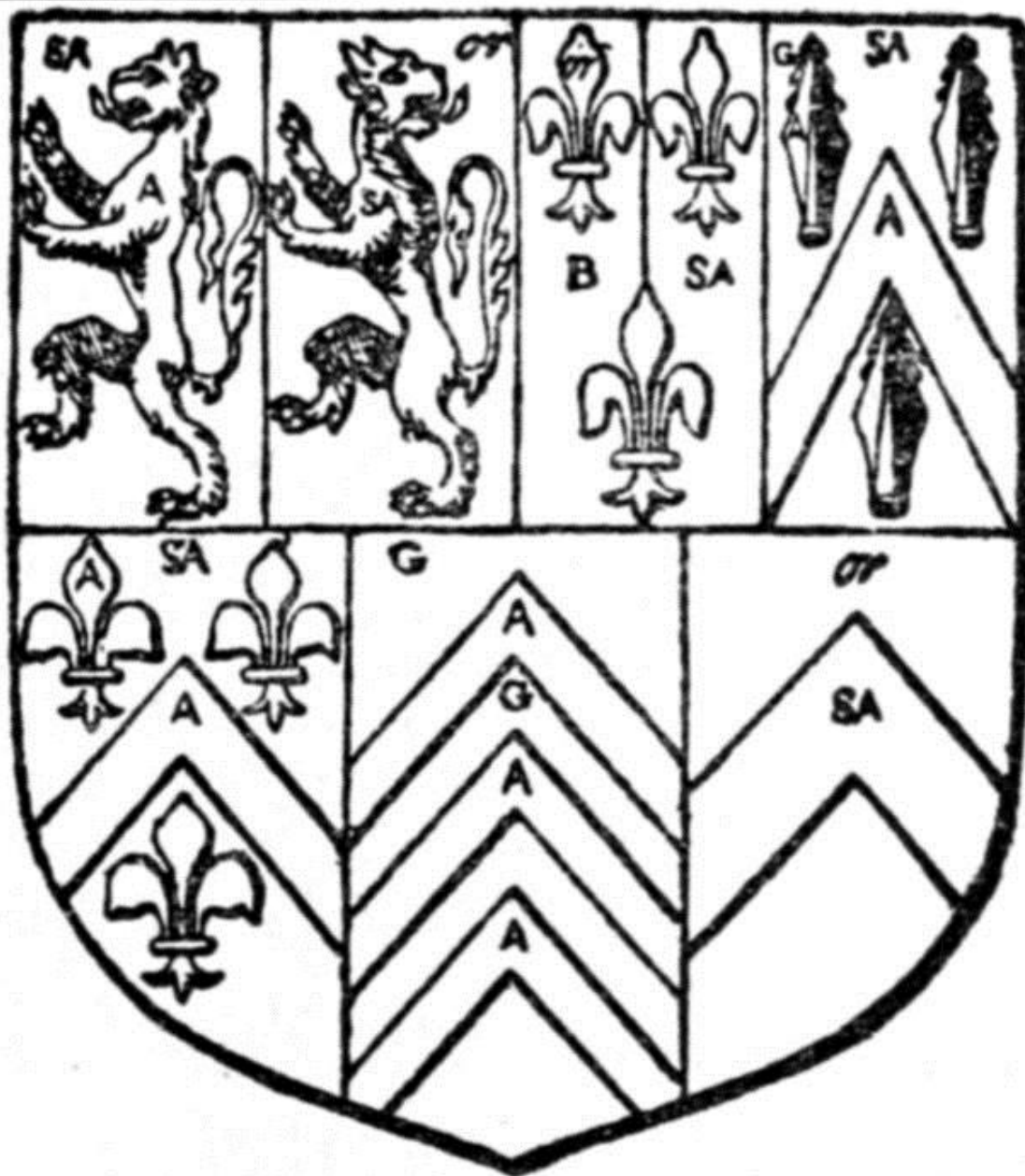
После того как булава и спикер ушли, все члены палаты покинули ее. Когда они выходили, Кромвель повернулся к ним и воскликнул: "Это вы вынудили меня к этому, ибо я днем и ночью взывал к Господу, что Он скорее убьет меня, чем поручит мне это дело". Обратившись к Вейну по имени, он упрекнул его в том, что тот потерял веру, добавив, что мог бы предотвратить это, но он был жонглером и не обладал обычной честностью. Затем, взяв законопроект из рук секретаря палаты, он приказал запереть двери и удалился.

Оставалось еще распустить Государственный совет, назначенный парламентом. Во второй половине дня Кромвель пришел в Совет и сказал его членам, что если они собрались как частные лица, то их не должны беспокоить, но если как совет, то это не место для них, и они должны принять к сведению, что парламент распущен.

"Сэр, - ответил Джон Брэдшоу, - мы слышали, что вы сделали в палате сегодня утром, и еще много часов назад это услышит вся Англия; но вы ошибаетесь, думая, что парламент распущен, ибо никакая власть под небесами не может распустить его, кроме них самих; поэтому примите это к сведению".

Брэдшоу был прав: идеал конституционного правления, который представлял Долгий парламент, в конце концов окажется сильнее, чем рыцарские отряды Кромвеля. У этого парламента были все недостатки, в которых его обвинял Кромвель; но для англичан он

означал наследственные права, "свободу, медленно расширяющуюся вниз", и все, что сохранилось от верховенства закона. Изгнав армию, она отбросила тот единственный клочок законности, которым до сих пор прикрывала свои действия. Отныне военная сила должна была надеть свое родное подобие и предстать в своем надлежащем виде. Отныне жизнь Кромвеля была тщетной попыткой облечь эту силу в конституционные формы и сделать ее чем-то другим, чтобы она могла стать чем-то другим. Но разве нельзя было надеяться на то, что политика будет опираться на реальность, а не на юридические выдумки?

ГЕРБ КРОМВЕЛЯ.

ГЛАВА XVI

ОСНОВАНИЕ ПРОТЕКТОРАТА

1653

Падение Долгого парламента было воспринято с общим удовлетворением. "Не было слышно ни лая собак, ни какого-либо общего и заметного недовольства", - говорил впоследствии Кромвель. Его слова подтверждаются фактами. Гайд назвал это самым популярным и благородным поступком, а французский посол сообщил своему правительству, что дворяне и население повсеместно радовались благородному поступку генерала Кромвеля. Общественное чувство нашло выход в балладах. В одной из них описывается сцена роспуска, рассказывается о том, что говорил Кромвель и как выглядели члены парламента.

"Храбрый Оливер влетел в палату, как шпион,

Его пылающее лицо поразило спикера,

"Уходите, - сказал он, - вы уже достаточно долго сидели;

Неужели вы собираетесь сидеть здесь до Судного дня?"

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ.

(С картины сэра Питера Лели).

"Не унывайте, земляки, не унывайте", - пел другой уличный поэт, заканчивая каждый куплет ликующим припевом: "Двенадцать парламентаров будут проданы за пенни".

На несколько недель Кромвель стал самым популярным человеком в стране. Роялисты шептались, что король женится на дочери Кромвеля, а Кромвель будет довольствоваться герцогством и вице-королевством Ирландии. Более распространенным было мнение, что он сам примет корону. Один восторженный сторонник повесил на бирже изображение коронованного Кромвеля с приглашением под ним:

"Вознесись на три трона, великий полководец и божественный,
По воле Божьей, старый Лев, они твои".

Сам Кромвель считал, что, будучи главнокомандующим по акту парламента, его полномочия делали его единственным представителем власти. Он хотел как можно скорее покончить с этой диктатурой. Меч должен был лишиться всей власти в гражданской администрации, а армейские лидеры должны были доказать всему миру, что они не свергли Долгий парламент, чтобы самим ухватиться за власть. Сама армия приняла точку зрения Кромвеля, но по поводу характера новой гражданской власти, которая должна быть создана, среди офицеров существовало два мнения. В настоящее время повседневными делами администрации занимался временный Государственный совет, состоящий из тринадцати человек, большинство из которых были офицерами.

Что касается будущего, то генерал-майор Ламберт выступал за один вид правительства, а генерал-майор Харрисон - за другой. Ламберт был джентльменом из хорошей семьи, обладал некоторыми политическими способностями и знаниями конституции, но ни того, ни другого у него было меньше, чем ему казалось. Лихой лидер и искусный тактик, он был популярен благодаря своей галантной осанке и добродушному нраву, а честным его считали потому, что он был добродушным. Как политик он был интриганом, непостижимым, интригующим и ненасытно амбициозным. Харрисон был человеком безродным и малообразованным, воспитанным на извращенных пророчествах, полным отчаянной храбрости и высокопарного энтузиазма, - человеком, рожденным, чтобы вести за собой утраченные надежды и умирать за потерянные цели, и делал он это даже к восхищению своих врагов. Бескорыстный в своих собственных целях, он покорял других своей преданностью и рвением. Но ему больше подходило командовать левым флангом в битве при Армагеддоне, чем принимать участие в управлении земными государствами.

Ламберт хотел доверить власть малому совету из десяти или двенадцати человек. Харрисон хотел передать ее большему совету из семидесяти членов, подобному иудейскому Синедриону. Партия Ламберта предлагала, чтобы Совету помогал избираемый Парламент, а полномочия обоих определялись письменной конституцией. Последователи Харрисона хотели вообще отказаться от парламента. Первые придерживались принципов, изложенных в "Соглашении народа", которое они составили четыремя годами ранее. Вторые вдохновлялись мнениями людей Пятой монархии и считали, что пришло время воплотить их надежды в жизнь. Из четырех великих монархий мировой истории, ассирийской и персидской, македонской и римской, три пали, а четвертая клонилась к своему падению. Наконец, как предсказывали пророки, должна была начаться монархия Христа, и пока Он не придет, чтобы царствовать лично, Его святые должны были править за Него. Текст, который Харрисон часто повторял, гласил: "Святые возьмут царство и овладеют им".

ДЖОН ЛАМБЕРТ.

(С картины Роберта Уокера, хранящейся в Национальной портретной галерее).

Когда Кромвель распустил Долгий парламент, у него не было определенного плана будущего правления Англией. Он не был сторонником Пятой монархии, но и не верил в бумажные конституции. Он был убежден, что лучшими правителями станут благочестивые люди, но чувствовал, что правительство, в какой-то степени похожее на парламент, будет наиболее удовлетворительным для нации.

В результате был достигнут компромисс, в результате которого было создано более многочисленное и представительное собрание, чем предлагал Гаррисон. В каждом графстве конгрегационным церквям было предложено выдвинуть подходящих людей, и из этого списка совет должностных лиц выбрал тех, кого посчитал наиболее подходящими. Таким

образом, было выбрано сто сорок человек, из которых пять представляли Шотландию, шесть - Ирландию, а остальные - Англию. В письме, адресованном каждому отдельно, от Оливера Кромвеля, генерал-капитана, говорилось, что он был выдвинут генералом по совету совета офицеров в качестве одного из тех, кому должны быть доверены важные дела Содружества. Все они были знатными пуританами, сочетавшими благочестие с верностью делу, и описывались в письмах как "люди, боящиеся Бога и ненавидящие корыстолюбие".

4 июля они собрались в Вестминстере, и от имени армии Кромвель вручил им акт, заверенный его рукой и печатью, согласно которому несколько указанных в нем лиц становились верховной властью. В своей вступительной речи он рассказал о причинах, которые привели к роспуску Долгого парламента и их собственного созыва, добавив несколько советов о том, как они должны использовать свою власть. Пусть они будут справедливы и ласковы со всеми христианами, стремятся к распространению Евангелия и стараются завоевать поддержку нации своей преданностью общественному благу. "Убедите их, что как люди, боящиеся Бога, выбили их из рабства, так люди, боящиеся Бога, правят ими в страхе Божьем". В войне и в событиях, приведших к свержению монархии, был "явный отпечаток провидения", и теперь задача управления пришла к ним "по необходимости, по мудрому провидению Божьему". "Бог показывает, что это день силы Христа; пройдя через столько крови и испытаний, выпавших на долю этих народов, Он сделал это одним из главных вопросов: чтобы Его народ был призван к верховной власти". Так пусть же они признают свое призвание, ибо никогда еще ни одно человеческое тело не приходило к верховной власти таким образом, чтобы принадлежать Богу и быть принадлежащим Ему.

По словам Кромвеля, это произошло не по его собственному замыслу.

"Я никогда не ожидал увидеть такой день, как этот..... Действительно, это чудесно, и это было непрогнозируемо. Не так давно ни вы, ни мы узнали об этом. И действительно, так Бог поступал с нами все это время: скрывал все от наших глаз, так что мы ничего не видели во всех Его устроениях задолго до этого, что также свидетельствует в какой-то мере о нашей честности".

Если Бог совершил столь чудесное событие, почему бы им не надеяться на еще более чудесное? "Почему мы должны бояться сказать или подумать, что этот путь может стать дверью, ведущей к тому, что Бог обещал и пророчествовал и заставил сердца Своего народа ждать и ожидать?" Кромвель снова и снова повторял эти надежды. "Действительно, я думаю, что нечто находится у двери. Мы стоим на пороге". "Вы находитесь на краю обетований и пророчеств". В заключение он процитировал 68-й псалом как пророчество о славе и триумфе "евангельских церквей". "Триумф этого псалма очень высок, и Бог совершает его".

Собрание, перед которым он выступал, было так же уверено, что его встреча знаменует собой открытие новой эры. "Они ожидали", как они заявили, "долгожданного рождения свободы и счастья". "Во всем мире среди народа Божьего" было "более чем обычное ожидание великих и странных перемен, надвигающихся на мир, которые, как нам кажется, вряд ли могут быть сопоставимы с какими-либо временами, кроме тех, что были за некоторое время до рождения нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа". Полная надежд, ассамблея приступила к выполнению своей миссии. Оно провозгласило себя парламентом, пригласило Кромвеля и еще четырех представителей власти принять участие в его заседаниях, избрало новый Государственный совет и назначило двенадцать больших комитетов для разрешения всевозможных жалоб. Одновременно была проведена реформа права и церкви. Упразднение Канцелярского суда было принято после одного дня дебатов. Его задержки и дороговизна уже давно вызывали скандал, и говорили, что двадцать три тысячи дел сроком

от пяти до тридцати лет лежат там без решения. Далее последовал закон, устанавливающий гражданский брак и предусматривающий регистрацию рождений, браков и погребений. Были приняты законы об освобождении заключенных за долги, о безопасном содержании идиотов и сумасшедших, а также об устранении некоторых мелких юридических злоупотреблений. Был назначен комитет для кодификации Закона, и оптимисты-реформаторы говорили о сокращении его огромных томов "до размеров карманной книжки, как это принято в Новой Англии и других странах". Проповедники Пятой монархии в Блэкфрайарсе пошли еще дальше: они призывали отменить человеческий закон и установить на его месте закон Божий. Они требовали не упрощения законов Англии, а создания кодекса, основанного на законах Моисея.

Церковь была взята в руки с той же грубой силой, что и закон. Предложение о немедленной отмене десятины было проиграно с перевесом в несколько голосов, но даже его противники были готовы отменить ее, если миряне, владеющие десятиной, получают компенсацию, а для духовенства будет предусмотрено другое содержание. Поэтому весь вопрос был передан в комитет. С другой стороны, резолюция об отмене патронажа была принята семнадцатью голосами, и было приказано разработать законопроект, чтобы ввести его в действие. Также ходили упорные слухи о готовящемся нападении на фонды университетов, а большая часть членов палаты выступала против любой учрежденной церкви или любого министерства, не зависящего от добровольной поддержки. За пределами парламента проповедники Пятой монархии осуждали приходское духовенство как "наемников" и "жрецов Ваала". В их проповедях церковь описывалась как "порождение Вавилона" и часть "царства зверя". Великий замысел Христа, по их словам, заключался в том, чтобы уничтожить все антихристианские формы, церкви и духовенство во всем мире. Их гимны призывали верующих идти за Господом на войну.

"Господь начинает нас чествовать,

Святые идут в поход,

Меч острый, стрелы быстрые

Чтобы разрушить Вавилон".

В частном порядке люди Пятой монархии подговаривали Гаррисона стать генералом вместо Кромвеля.

Кромвель был недоволен и встревожен поведением Малого парламента и его последствиями. Вместо того чтобы способствовать распространению Евангелия, они угрожали лишить его служителей средств к существованию. Вместо того чтобы утихомирить межрелигиозные распри, их политика привела к их обострению. Его собственные настойчивые попытки примирить религиозную вражду не увенчались успехом. Тщетно он устраивал конференции между пресвитерианскими, независимыми и баптистскими священнослужителями, чтобы убедить их жить гармонично вместе. Как он жаловался своему зятю Флитвуду: "Как бы я хотел, чтобы мое служение было принято святыми, если на то будет воля Господа, но это не так. У них разные суждения, и каждый из них стремится больше всего к распространению своего собственного, и тот дух доброты, который присущ всем, почти никем не принимается". Когда он попытался выступить посредником между враждующими церквями, они ополчились на него, как два израильтянина на Моисея, и спросили: "Кто поставил тебя князем или судьей над нами?" За то, что он хотел поддержать национальную церковь, блэкфрайерские проповедники называли его "старым драконом" и "человеком греха". За то, что он не созвал настоящий парламент, левеллеры обвинили его в

государственной измене "его лордам - народу Англии". За то, что он сделал, и за то, что он не сделал, Кромвель подвергался нападкам со стороны фанатиков всех партий.

В то же время положение Республики изменилось в худшую сторону с тех пор, как начал заседать Малый парламент. Голландская война все еще продолжалась, и хотя Монк одержал две решительные победы, 3 июня и 31 июля, над голландским флотом, до мира было еще далеко. Главным препятствием на пути к нему были непомерные условия, которые требовал Малый парламент, и по этому вопросу Кромвель также находился в разногласиях с людьми, стоявшими у власти. Мир стал необходим как Англии, так и Голландии, поскольку в сентябре выяснилось, что в смете на флот не хватает более полумиллиона. В Шотландии вспыхнуло новое восстание, подогреваемое обещаниями голландской помощи. В Англии заметно оживились роялистские настроения, был раскрыт заговор с целью внезапного захвата Портсмута. Левеллеры вновь поднимали голову. Лилберн, не подчинившись наказанию, наложенному актом об изгнании, вернулся в Англию, и в августе 1653 года его судили за контузию. Толпы людей стекались, чтобы услышать, как его судят, или спасти его в случае осуждения, и когда его оправдали, их крики были слышны за милю. Даже солдаты, поставленные охранять суд, трубили в трубы и били в барабаны от радости, и казалось, что волнения, подавленные в 1649 году, начинаются снова.

Теперь Кромвель был окончательно разочарован и начал раскаиваться в том, что привел к власти людей Малого парламента.

В более поздние годы, вспоминая о своем эксперименте, он извиняюще называл его "историей моей собственной слабости и глупости".

"И все же, - говорил он, - это было сделано по моей простоте". Тогда было решено, что люди нашего собственного ума, которые сражались в войнах и были едины в этом вопросе, почему, конечно, эти люди смогут поразить его, и эти люди сделают это с толком, чего только можно пожелать. И такая компания людей была выбрана и приступила к действиям. И это была чистая правда, что результат не соответствовал простоте и честности замысла".

Помимо раскаяния в своем поступке, Кромвель начал сомневаться в собственных мотивах. Было ли его стремление передать верховную власть другим честным конституционным угрызением или трусливым уклонением от ответственности? Не было ли это, возможно, "желанием, боюсь, достаточно грешным, избавиться от власти, которую Бог, очевидно, своим провидением вложил в мои руки, прежде чем призвал меня сложить ее; прежде чем те честные цели нашей борьбы были достигнуты и решены".

Не только генерал, но и офицеры были недовольны своим созданием. Помимо политических или религиозных соображений, деятельность Малого парламента серьезно затрагивала их интересы как солдат. Оно задевало их честь и угрожало их карманам. Одним из пунктов, к которому солдаты справедливо относились с большим вниманием, было строгое соблюдение капитуляций с роялистскими командирами, а в одном нашумевшем случае статьи капитуляции были грубо нарушены, и парламент отказал в возмещении ущерба. Против возобновления ежемесячного сбора на содержание армии было выдвинуто предложение о более справедливом способе получения денег. Солдаты опасались, что если этот новый метод будет принят, то их жалованье упадет, и они будут вынуждены голодать или переходить на бесплатное жилье. Еще большее раздражение вызвало предложение о том, что, учитывая насущные нужды государства и богатство, полученное на службе, высшие офицеры должны служить без жалованья целый год.

Недовольные офицеры, естественно, обратились за помощью к своему генералу. Ламберт и его партия вновь взялись за разработку письменной конституции. В ноябре состоялось собрание офицеров, на котором схема Ламберта была обсуждена и принята. Это был первый проект Орудия правления, главным отличием которого было то, что во главе государства стоял король, а не протектор. В конце месяца он был представлен Кромвелю. "Они сказали мне, - рассказывал он, - что, если я не возьму на себя управление государством, то, по их мнению, дела вряд ли придут к согласию, а кровь и смятение ворвутся в наши ряды". Но на все их уговоры он отвечал отказом. У него было два серьезных возражения против того, чтобы принять их предложение. Одним из них было отвращение к титулу короля, которое вновь проявилось в 1657 году. Второе заключалось в том, что он уполномочил Малый парламент заседать до конца 1654 года и не хотел изгонять второй парламент силой оружия. Заговор Ламберта сорвался из-за нежелания главного действующего лица, и он угрюмо удалился в деревню.

Кромвель все еще надеялся, что парламент удастся склонить к более мудрой политике. Силы двух партий в нем были почти равны, и несколько голосов могли перевесить чашу весов в пользу умеренной части. Последняя битва по церковному вопросу привела к новому испытанию сил. 2 декабря Комитет по десятине представил отчет, содержащий очередную схему реорганизации церкви. В одном из пунктов предлагалось назначить разъездных комиссаров для изгнания негодных служителей и заполнения вакантных мест. Другой пункт предусматривал, что нынешнее положение о содержании утвержденных священнослужителей должно быть гарантировано парламентом. Другие утверждали, что десятина является законной собственностью, и предлагали план по ее смягчению для тех, кто по соображениям совести не желает ее платить. Над этим докладом две партии боролись целых пять заседаний. От их решения зависел вопрос о том, должна ли церковь быть реформирована или упразднена. Наконец, в субботу, 10 декабря, экстремисты одержали победу, и первый пункт отчета был отклонен пятьюдесятью шестью против пятидесяти четырех голосов. Сторонники Церкви расценили этот раскол как фатальный для всей схемы.

Сразу же после этого поражения умеренная партия в парламенте и недовольные офицеры пришли к соглашению. Все воскресенье лидеры интриговали и вели переговоры. Оставалось одно средство - убедить парламент отречься от престола и освободить место для более способного правительства. Если бы проблема избавления от парламента была решена мирным путем, те, кто знал Кромвеля, были уверены, что он примет свершившийся факт и возьмет на себя предложенную ему власть. Это не было невозможным, если все было сделано правильно. Некоторые из большинства проголосовали по побочным вопросам; других можно было привлечь на свою сторону. Отсутствующих подстегивали, к колеблющимся обращались через их интересы или страхи. Аргумент, который привлек внимание некоторых, заключался в том, что армия намеревалась прервать заседание парламента, и что достойное самоубийство было единственным способом избежать насильственного конца.

В понедельник, 12 декабря, умеренные встали рано и пришли в палату к назначенному времени. Как только начались заседания, полковник Сиденхем и другие лидеры партии поднялись и выступили с речами против политики своих оппонентов. Они обвинили их в стремлении уничтожить армию, не предусмотрев достаточных и своевременных ассигнований на ее содержание, в попытке свергнуть закон, духовенство и собственность подданных. В заключение они заявили, "что дальнейшее заседание этого парламента в его нынешнем составе не пойдет на пользу Содружеству и что поэтому необходимо передать лорду-генералу Кромвелю полномочия, которые они от него получили".

Все прошло с точностью полевого дня. Дебаты были очень короткими. Одна сторона стремилась затянуть их до тех пор, пока палата не станет более полной и не подойдут подкрепления. Другая решила взять позиции противника штурмом. Сейчас не время для дебатов, говорили умеренные, нужно что-то делать, чтобы предотвратить бедствия, грозившие штату. Старый Раус, спикер, который сам был в заговоре, закончил обсуждение, поднявшись с кресла, и покинул палату, не остановившись, чтобы поставить вопрос или выслушать противников предложения. Тщетно они взывали к нему, чтобы он остановился. Опираясь на булаву и сопровождаемый секретарем палаты, он вместе с пятьюдесятью или шестьюдесятью членами отправился в Уайтхолл. Прибыв туда, они подписали свои имена под документом, возвращающим их полномочия Кромвелю, и вновь стали частными лицами. В итоге около восьмидесяти членов подписали этот акт об отречении от престола.

Около двадцати семи членов остались в Палате представителей. Их было слишком мало, чтобы сформировать кворум, и они не могли действовать как парламент. Пока они составляли протест против задержки заседаний, вошли два полковника и приказали им выйти. "Мы здесь, - сказал один из членов, - по призыву генерала и не выйдем по вашему желанию, если у вас нет приказа от него". У полковников не было приказа от Кромвеля, но они привели два отряда мушкетеров, и члены отряда поняли намек.

Кромвель не принимал никакого участия в заговоре с целью добиться отречения Малого парламента. "Я могу сказать, - заявил он членам следующего парламента, - в присутствии многих людей, которые знают, лгу ли я, что я не знал ни единой мелочи об этой отставке, пока все они не пришли, не принесли ее и не передали в мои руки". Поскольку никто из упомянутых лиц не опроверг его заявление, его можно принять за правду. Достаточно было ему оставаться пассивным, и власть вернулась в его руки по естественной необходимости. Он снова стал обладателем диктатуры, к которой стремился. "Моя власть снова стала такой же безграничной и неограниченной, как и прежде, все вещи были подчинены произволу, а я сам был человеком, имеющим власть над тремя нациями без ограничений и пределов; все правительства были распущены, и всякое гражданское управление прекратилось". Ламберт и его союзники во второй раз убеждали Кромвеля принять правительство в соответствии с разработанной ими конституцией. Трудности с избавлением от Малого парламента больше не стояли на пути, а титул короля был заменен титулом протектора. Они также указали ему на то, что принятие протекторства ни в коем случае не увеличивает его власть. Напротив, оно положило конец его диктатуре, и уменьшило его власть, наложив конституционные ограничения на ее осуществление. Она обязывала его ничего не предпринимать без согласия Совета или Парламента. Другой аргумент был еще более действенным. Они снова предупредили Кромвеля, что, если он не возьмет на себя управление государством, анархия неизбежна, и возложили на него ответственность за "кровь и смятение", которые станут ее результатом. После трех или четырех дней обсуждения Кромвель принял конституцию, которую до этого одобрило и поддержало общее собрание офицеров. Он был торжественно введен в должность Протектора 16 декабря 1653 года, одетый не как генерал в алое, а как гражданин в простой черный плащ, чтобы показать всем людям, что военное правление закончилось, а гражданское правительство восстановлено.

Новая конституция, как и Народное соглашение 1649 года, отражала политические идеи офицеров армии. Но с 1649 года офицеры потеряли доверие к народу, и теперь они стремились создать правительство, основанное на чем-то более твердом, чем воля непостоянной толпы. Утверждалось, что писаная конституция - лучший фундамент для правительства, чем народное согласие, по той простой причине, что народ не будет иметь права ее изменять. Уже было достаточно беспорядков, смятения и перемен. "Настало время,

чтобы некая сила издала декрет для колеблющихся чувств народа и сказала этой нации, как сам Всемогущий сказал однажды непокорному морю: "Здесь будут твои границы; сюда ты должен прийти, и не дальше". Именно это Ламберт и офицеры взяли на себя право говорить, когда навязывали Англии "Орудие правления".

Во всех его положениях прослеживается их недоверие к английскому народу. Маленькие районы были упразднены, избирательные округа стали более равными, но право голоса, вместо того чтобы быть расширенным, было ограничено. В боро право голоса оставалось неизменным, то есть право выборов, как правило, находилось в руках корпорации; в графствах сорокашиллинговые фригольдеры были упразднены, и было создано новое право голоса, которое давало право голоса всем мужчинам, обладающим имуществом стоимостью двести фунтов. Таким образом, отныне парламент будет представлять мнения и интересы средних слоев.

Недоверие к избирателям, естественно, сопровождалось недоверием к представителям. В будущем законодательная и исполнительная власть должны были быть навсегда разделены. Полномочия и продолжительность работы парламента были строго ограничены. Он должен был собираться раз в три года, но заседать только пять месяцев. Он имел право издавать законы по своему усмотрению, но его законы не должны были противоречить положениям конституции. Его согласие на взимание денег на чрезвычайные расходы было необходимо, но для покрытия обычных расходов на гражданское правительство, армию и флот должен был собираться постоянный ежегодный доход, который парламент не имел права уменьшать.

Протектор обладал исполнительной властью, но и его полномочия были ограничены. За исключением случаев, когда законопроекты содержали что-то противоречащее конституции, он не имел права накладывать на них вето. В вопросах внутреннего управления и иностранных дел он не мог действовать без согласия Совета; в вопросах налогообложения и найма армии ему требовалось согласие парламента или Совета. Члены нового Совета были, по выражению Кромвеля, "доверенными лицами Содружества в промежутках между заседаниями парламента" и обладали гораздо большей властью, чем Государственный совет, созданный в 1649 году. Советники, большинство из которых назначались самим "Инструментом", занимали свой пост пожизненно, и в их руках находился выбор преемника Протектора.

Цель этой сложной системы сдержек и противовесов заключалась в том, чтобы не дать ни парламента, ни протектору стать абсолютными и сделать религиозную свободу неприкосновенной. Никто лучше предводителей армии не знал, насколько слабо закрепился в народе принцип веротерпимости и насколько мало религиозные партии готовы его принять. "Это было одним из самых суетных моментов в нашей борьбе", - говорил Кромвель. "Каждая секта говорит: "Дайте мне свободу", но дайте ее ему, и, насколько он в силах, он не уступит ее никому другому". Хитроумные политические приемы конституции мало волновали протектора, но религиозное урегулирование пришлось ему по сердцу. Должна была существовать национальная церковь, поддерживаемая в настоящее время за счет десятины, а в будущем, как надеялись, каким-то лучшим способом. Вне Церкви должна была быть обеспечена полная свобода вероисповедания для тех, кто к ней не принадлежал, "при условии, что они не будут злоупотреблять своей свободой для нанесения гражданского ущерба другим или для фактического нарушения общественного спокойствия". Но эта свобода не должна была распространяться на папизм или прелатизм, которые были политически опасны, или "на тех, кто под исповеданием Христа придерживается и практикует разврат".

Это была та религиозная свобода, которую с 1647 года требовала армия и которая наконец-то была реализована. Однако, несмотря на все, что обещала новая конституция, было мало шансов, что она получит признание нации. Англия была последней страной, в которой попытка превратить военную диктатуру в подобие конституционного правительства могла увенчаться успехом.

Однако на данный момент единственная оппозиция исходила от людей Пятой монархии, враждебно настроенных ко всему, что напоминало монархию или установленную церковь. Харрисон отказался действовать в рамках правительства Протектора и был лишен своей комиссии. Проповедники Пятой монархии яростно выступали против Протектора с кафедры. Один из них назвал его "самым беспардонным лжесвидетелем в мире". Другой отождествлял его с Малым Рогом из пророчества Даниила, который должен был начать войну против Святых и быть уничтоженным ими.

Их бредни только укрепили позиции Кромвеля. Англии нужно было правительство, которое поддерживало бы порядок и сохраняло собственность. Интересы, которым угрожал Малый парламент, приветствовали приход Кромвеля к власти. Его возвышение было сделкой, говорит Ладлоу, с коррумпированной частью духовенства и юристов; он стал их защитником, а они - покорными сторонниками его тирании. Столь очевидным было преимущество, которое Кромвель извлек из событий последних нескольких месяцев, что произошедшее свободно приписывалось его глубокому государственному искусству. Все это было спектаклем, разыгранным Кромвелем, полагал Бакстер, для того чтобы заставить своих солдат разлюбить демократию и сделать узурпацию необходимой. Он решил, что мы должны быть спасены им или погибнуть.

"Он использовал дикоголовых сектантов больше, чем когда-либо, чтобы они сражались за него. Теперь они служат ему своими ересями, своей враждой к учености и служению, своими пагубными требованиями, ведущими к смятению, не меньше, чем раньше своей доблестью на поле боя. Теперь он может по своему усмотрению создавать ужасные образы агитаторов, левеллеров и им подобных, которые, как они пугали короля в Хэмптон-Корте, будут пугать народ, заставляя его бежать к нему в убежище, чтобы рука, нанесящая рану, могла исцелить их".

До сих пор Кромвель был разрушителем старых институтов. Теперь он выступил в роли спасителя общества. Поэтому Англия подчинилась его правлению без сопротивления и без энтузиазма, но с общим чувством облегчения. Превращение монархии в республику было жестоким и кровавым; переход от республики к протекторату был таким же мирным, как одно из обычных действий природы. Именно это воспел Уоллер в своей поэме, обращенной к Кромвелю.

"Пока ты возвышаешься, государство возвышенное тоже

Не находит бедствий, пока вы меняетесь,

Изменилось, как великая сцена мира, когда без шума

Восходящее солнце ночные вульгарные огни уничтожает".

ГЛАВА XVII

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ 1654-1658

Кромвель пришел к власти как выдвиженец армии, и во внутренних делах программа, которую он поставил перед собой, была той, которую армия изложила в своих петициях и манифестах. На данный момент он обладал всеми полномочиями диктатора. Согласно "Правительственному акту", первый трехгодичный парламент должен был собраться в сентябре 1654 года, а в промежутке Протектор и его Совет имели право издавать ордонансы, которые имели силу закона "до тех пор, пока в парламенте не будет принято решение по ним". Кромвель активно использовал это положение, и период в девять месяцев, последовавший за его вступлением на престол, стал творческим периодом его правления. С декабря 1653 года по сентябрь 1654 года он издал восемьдесят два ордонанса, почти все из которых были подтверждены в 1656 году его вторым парламентом. Халлам, пренебрежительно сравнивая Кромвеля с Наполеоном, в заключение говорит, что Кромвель, в отличие от Наполеона, "никогда не проявлял никаких признаков законодательного ума или желания закрепить свою славу на этой благороднейшей основе - улучшении социальных институтов". На самом деле, ничто не может быть дальше от истины, и если реформаторское рвение Кромвеля не оставило следов в своде законов, то причина в том, что все законы, принятые во времена Протектората, были отменены при Реставрации.

Все основные принципы внутренней политики Кромвеля содержатся в небольшом фолианте его ордонансов. Некоторые из них просто продлевают действие законов, срок которых истек, другие носят личный или местный характер. Здесь есть ордонанс о помощи бедным заключенным, другой кодифицирует закон, касающийся содержания дорог, а три посвящены реорганизации казначейства. Урегулирование Ирландии и Шотландии и завершение союза трех королевств, который Долгий парламент оставил незавершенным, составляют тему третьей серии. Но ни один из них не демонстрирует так ясно внутреннюю политику Протектора, как три набора ордонансов, касающихся реформы закона, реформации нравов и реорганизации национальной церкви.

С 1647 года армия требовала реформировать законы Англии, "чтобы все иски и вопросы права стали более ясными и определенными в своих решениях, не такими утомительными и затратными в разбирательстве". Долгий парламент взялся за дело, добился небольшого прогресса, а затем застопорился. Малый парламент взялся за дело с такой грубой энергией, что, казалось, оно может закончиться подрывом всех законов. Протектор взялся за дело там, где его оставил Долгий парламент, и упорно продолжал его до тех пор, пока правил.

Кромвель понимал всю сложность этой работы. "Если кто-нибудь, - сказал он однажды, - спросит меня: "Почему, как вы хотите, чтобы это было сделано?" Признаюсь, я не знаю". Все, что он мог сделать, - это выбрать лучших людей для этой цели и дать им свободу действий. Поэтому он обратился к юристам с просьбой о сотрудничестве, "решив предоставить знатокам мантии честь реформировать свою профессию" и надеясь, "что Бог даст им сердца, чтобы сделать это". Его главным помощником был Мэтью Хейл, которого Протектор назначил судьей в начале 1654 года. На открытии парламента в сентябре 1654 года Кромвель объявил, что правительство созвало "людей с большими способностями и большим интересом, которые есть в нации, чтобы рассмотреть, как можно сделать законы простыми и краткими и менее обременительными для народа", и что они подготовили несколько законопроектов. Самым важным из них стал ордонанс о регулировании Канцелярского суда, опубликованный 21 августа 1654 года и подтвержденный парламентом в 1656 году. Он содержал сниженную шкалу пошлин и воплотил в себе, по мнению современных юристов, множество ценных реформ. Современные юристы-практики, такие как Уайтлок, считали, что многое в новой процедуре невозможно или нежелательно выполнять, но с некоторыми последующими изменениями она была должным образом введена в действие.

Кромвель не менее рьяно взялся за реформу уголовного права. В апреле 1653 года, как только изгнал Долгий парламент, он помиловал всех заключенных, приговоренных к смерти, кроме тех, кто был виновен в убийстве. Его целью было привести законы "в соответствие со справедливыми и праведными законами Бога". Некоторые английские законы, говорил он парламенту, были "нечестивыми и отвратительными законами".

"Повесить человека за шесть и восемь пенсов и не знаю за что - повесить за пустяк и оправдать убийство - это в исполнении закона через неправильное составление его..... Видеть, как люди теряют свои жизни из-за мелочей, - с этим Бог будет считаться, и я желаю, чтобы это не откладывалось на этой нации ни на день дольше, чем у вас будет возможность исправить ситуацию".

Для реализации этих планов требовалась не только помощь юристов, чтобы разработать их, но и сотрудничество парламента, чтобы сделать их законом. Первый парламент Протектора проводил все свое время в конституционных дебатах и ничего не сделал для реформирования законодательства. Второй парламент, большую часть своего существования занимавшийся тем же самым, обсуждал внесенные правительством законопроекты об учреждении реестров графств и местных судов, но позволил им сойти на нет. Он завершил отмену феодальных инцидентов, начатую Долгим парламентом, и которую парламент Карла II в конце концов внес в свод законов, но оставил суровость и жестокость уголовного кодекса для исправления в XIX веке.

Реформация нравов" была тем предметом, в котором Протектор получил больше поддержки со стороны парламента. Все пуритане стремились к этому, и Долгий парламент положил начало, приняв акты, предписывающие более строгое соблюдение воскресенья, более сурово наказывающие сквернословие и объявляющие прелюбодеяние смертным преступлением. Один из ордонансов Протектора объявил дуэли "неугодными Богу, неподобающими христианам и противоречащими всякому порядку и правительству". Лицо, пославшее вызов, должно было быть связано для поддержания мира на шесть месяцев, а дуэлянт, убивший своего противника, должен был быть судим за убийство. Второй ордонанс дополнил закон против сквернословия специальными положениями о наказании извозчиков, носильщиков и водоносов, "которые обычно напиваются и богохульствуют". Третий запрещал петушинные бои, поскольку они часто приводили к нарушениям спокойствия и сопровождалась азартными играми и пьянством. Четвертый запретил конные

скачки на шесть месяцев, но не из-за их сопровождения, а потому что кавалеры использовали скачки "для осуществления своих пагубных замыслов".

Когда собрался второй парламент Кромвеля, он обратился к нему с призывом продолжить эту работу.

"Я уверен, - сказал он, - что наша свобода и процветание зависят от реформации. Сделайте так, чтобы вам было стыдно видеть людей, дерзающих на грех и сквернословие, и Бог благословит вас. Воистину, эти вещи касаются душ людей и духов, которые являются людьми. Разум - это человек. Если он чист, то человек кое-что значит; если же нет, то я бы очень хотел увидеть, какая разница между ним и зверем. У него есть только активность, чтобы делать больше зла".

В ответ парламент подтвердил постановления против дуэлей, клятв и петушинных боев, а также принял собственные аналогичные акты. Один из них был направлен против бродяг и "праздных, беспутных" людей, которыми изобиловали все уголки страны. В их число "фанатики того железного времени" включили скрипачей и менестрелей, "играющих или музицирующих" в тавернах, которые были объявлены наказуемыми как "плуты и бродяги". Второй акт был направлен против профессиональных игроков в Лондоне, которые делали своим ремеслом "обманывать и развращать молодых дворян". Третий закон ввел в действие пуританскую субботу во всей ее строгости. В этот день нельзя было открывать магазины и заниматься производством. Не разрешалось путешествовать, за исключением случаев необходимости, подтвержденных свидетельством судьи, а лица, "тщетно и оскверненно гуляющие в вышеуказанный день", подлежали наказанию. Воскресенье закрывалось для всех трактиров и питейных заведений, хотя разрешалась умеренная торговля продуктами "для тех, кто не может быть обеспечен иным способом".

Большая часть этого радикального законодательства оказалась неэффективной. В некоторых случаях оно выходило далеко за рамки чувств времени. Присяжные неизменно отказывались осуждать лиц, обвиненных в прелюбодеянии по закону 1650 года, и сомнительно, что смертная казнь вообще когда-либо приводилась в исполнение. Во многих местах местные власти были безразличны или робки. "У нас могут быть хорошие законы, - говорил протектор, - против обычных деревенских беспорядков, которые происходят повсеместно, но кто их исполняет?" Вряд ли сельские судьи. "На мирового судью большинство будет смотреть как на сову, если он хоть на шаг отклонится от обычного курса своих коллег-судей в деле реформирования этих вещей". Отсюда и ценность в глазах Кромвеля генерал-майоров, учрежденных по всей Англии осенью 1655 года. Это были не просто военные офицеры, которым было поручено следить за политическими врагами правительства, но и полицейские судьи, обязанные пресекать преступность и безнравственность в своих округах. Гордость положила конец медвежьей травле в Лондоне, убивая медведей, и петушиным боям, сворачивая шеи петухам. Уолли, пробыв на своем посту несколько месяцев, хвастался, что в Ноттингемшире не осталось ни одного бродяги, а в каждом графстве его коллеги подавляли ненужные питейные заведения десятками. Не только скромные правонарушители подвергались ударам: ни богатые, ни знатные не избежали беспристрастной суровости этих военных реформаторов. "Пусть они будут кем угодно, кто развратничает, - говорил Кромвель, - во славу Божью ничто внешнее не должно спасти их от справедливого наказания и исправления". Он утверждал, что учреждение генерал-майоров было "более эффективным в деле искоренения порока и утверждения религии, чем все, что было сделано за эти пятьдесят лет". Их правление закончилось весной 1657 года, и Кромвель опасался, что работа по реформации остановится. Но эксперимент

придал новую силу местной администрации, которая продержалась столько же, сколько протекторат.

Несмотря на эти ограничительные законы, не следует думать, что было какое-то общее подавление общественных развлечений или спорта. "Законные и похвальные развлечения" поощрялись даже пуританами. В 1647 году, когда Долгий парламент запретил отмечать Рождество и вообще дни святых, он принял закон, предоставляющий слугам, подмастерьям и ученым целый праздник раз в месяц для "отдыха и расслабления от их постоянных и обычных трудов". Сам Протектор охотился, охотился на ястребов и играл в кегли, как если бы он был роялистским деревенским джентльменом. Он заявил парламенту, что пресек скачки не потому, что они были незаконными, а потому, что они были временно нецелесообразными. При всем его рвении к закрытию воскресных дней, подавлению ненужных питейных заведений и наказанию пьянства, ему никогда не приходило в голову полностью прекратить продажу напитков. Он сам пил вино и небольшое пиво и называл нелогичным и абсурдным "человека, который хотел бы запретить продажу вина в стране, чтобы люди не пьянели". Эта идея противоречила его представлениям о гражданской свободе. "Будет признано, - говорил он, - несправедливой и неразумной ревностью лишать человека его естественной свободы на основании предположения, что он может ею злоупотребить. Когда он злоупотребляет ею, судите".

В предпринятом им крестовом походе за нравственность протектор опирался не столько на ограничительное законодательство, сколько на влияние образования и религии. Именно их неполноценному образованию он приписывал большую часть проступков "оскверненного дворянства и джентри этой нации". "Мы отправляем наших детей во Францию, - говорил он, - прежде чем они узнают Бога или хорошие манеры, и они возвращаются со всей разнузданностью этой нации. Мы не заботимся ни о том, чтобы воспитать их до отъезда, ни о том, чтобы держать их в порядке, когда они возвращаются домой". Как партия, пуритане проявляли большое рвение к образованию, и памфлетная литература того времени полна схем его реформирования или расширения. В этих дискуссиях постепенно сформировалась современная концепция обязанностей государства в отношении образования. Если план образования, опубликованный Мильтоном в 1644 году, предназначался только для "избранного круга нашей благородной и нежной молодежи", то в 1660 году он выступал за создание школ во всех частях страны, чтобы распространить знания, цивилизованность и культуру "во всех крайних частях, которые сейчас лежат оцепеневшими и заброшенными". В своей книге "Океана" Харрингтон утверждал, что формирование будущих граждан с помощью системы бесплатных школ является одной из главных обязанностей республики.

Как это обычно бывает, практические люди отставали от теоретиков, но во времена Содружества часть доходов от конфискованных церковных земель систематически направлялась на содержание школ и школьных учителей. Протектор придерживался той же политики и, выделяя грант на образовательные цели в Шотландии, публично заявил, что "обязан не только проповедовать Евангелие, но и возводить школы для детей и обеспечивать их содержание". Его правительство взяло на себя задачу изгнания неспособных школьных учителей и лицензирования лиц, пригодных для преподавания. Оно сделало правильное управление образовательными фондами частью своего бизнеса, а один из самых ранних указов Кромвеля назначил новых комиссаров для посещения университетов и учредил постоянный совет посетителей для больших государственных школ. Лично он был гораздо больше заинтересован в реорганизации университетов, чем в начальном или среднем образовании. Он энергично защищал их от нападков фанатиков Малого парламента, угрожавших лишить их титула или упразднить. В 1651 году он был избран канцлером

Оксфорда и занимал этот пост до июля 1657 года, когда его сменил его сын Ричард, ознаменовавший свою связь с университетом основанием новой читательской кафедры и передачей некоторых греческих рукописей в Бодлиан. Он назначил Джона Оуэна своим вице-канцлером, под чьим эффективным правлением Оксфорд значительно процветал. Даже Кларендон вынужден признать, что, несмотря на визиты и чистки, университет "собрал урожай необычайно хороших и прочных знаний во всех областях обучения".

Протектор также попытался основать новый университет на севере Англии. Широко распространено было мнение, что двух существующих университетов недостаточно для страны. В 1641 году были поданы петиции с просьбой основать университет в Йорке или Манчестере, а позже было предложено основать его в Лондоне. В 1651 году Кромвель настоятельно рекомендовал учредить школу или колледж для всех наук и литературы за счет имущества декана и капитула Дарема. Он писал, что это "дело великой важности и заботы, как то, что по благословию Божьему может способствовать распространению образованности и благочестия в этих бедных, грубых, невежественных краях" и со временем принести "такие счастливые и славные плоды, о которых едва ли можно подумать или предвидеть". Но парламент ничего не предпринял, и Оливеру пришлось самому основать колледж в Дареме в 1657 году, который процветал до тех пор, пока Реставрация не положила конец его существованию.

Протектор поощрял ученых и литераторов. Со своим родственником, поэтом Уоллером, он находился в весьма близких отношениях; он позволил Гоббсу и Коули, оба роялисты, вернуться из ссылки, и освободил Кливленда, когда тот был арестован одним из генерал-майоров, хотя слава Кливленда покоилась в основном на сатирах против пуритан. Мильтон и Марвелл служили Кромвелю в качестве латинских секретарей, а Марвелл был нанят им в качестве воспитателя одного из своих подопечных. Брайану Уолтону помогли напечатать его Библию Полиглота, а архиепископу Ашеру устроили публичные похороны.

Но и обучение, и образование были, по мнению Кромвеля, неразрывно связаны с религией. Приняв пост канцлера, он поздравил Оксфорд с образованностью и благочестием, которые "так чудесно прорастают там", добавив надежду, что они могут быть "полезны для того великого и славного Царства Господа нашего Иисуса Христа". Считая, что главная функция университетов - готовить служителей для Церкви, он считал благочестие более важным, чем обучение. "Я верю, - говорил он своему парламенту пять лет спустя, - что Бог заложил для служения очень большое семя в университетской молодежи, которая, вместо того чтобы изучать книги, изучает свое сердце". Желание Кромвеля развивать высшее образование и его защита университетов от нападок со стороны их противников были естественными последствиями его решимости сохранить национальную церковь против тех, кто желал разорвать связь между церковью и государством. В этом вопросе армия в целом поддержала Кромвеля. В "Соглашении народа", представленном парламенту в 1649 году, армия требовала, чтобы "христианская религия поддерживалась и рекомендовалась как общественное исповедание этой нации", и включала "наставление народа в этом, чтобы оно не было принудительным" и "содержание способных учителей для этой цели" в число законных функций правительства. Эти принципы были закреплены в "Правительственном акте", и обязанность разработать средства для их реализации лежала на Протекторе.

Первым вопросом, требующим решения, был вопрос о содержании духовенства. Малый парламент предложил полностью отменить десятину, а в "Правительственном акте" было предложено заменить ее каким-либо другим положением. Поскольку удовлетворительной схемы компенсации десятины придумать не удалось, Кромвель счел необходимым сохранить ее. "Со своей стороны, - сказал он, - я бы считал себя очень вероломным, если бы отменил

десятину, пока не увижу, что законодательная власть уладит вопрос с содержанием министров другим способом". Отменить десятину до того, как это будет сделано, означало бы "перерезать глотки министрам". При протекторате, как и при правлении Долгого парламента, постоянной политикой правительства было увеличение доходов приходского духовенства. Доходы бедных приходов систематически пополнялись за счет епископских земель и штрафов, налагаемых на роялистских преступников.

В основе плана реорганизации церкви, разработанного Протектором, лежала схема, которую Джон Оуэн представил Долгому парламенту в 1652 году. 20 марта 1654 года Кромвель издал ордонанс "об одобрении публичных проповедников", который назначал тридцать восемь уполномоченных, светских и церковных, которые должны были постоянно заседать в Лондоне и проверять квалификацию всех кандидатов в священники. В их обязанности входило подтвердить, что они признали кандидата "человеком, способным и пригодным для проповеди Евангелия по благодати Божьей, святому и непорочному общению, а также по знаниям и изречениям", и без получения этого свидетельства никто в будущем не мог быть допущен к благодеянию. Уполномоченные не были уполномочены проводить какие-либо доктринальные испытания, и было четко заявлено, что их одобрение "не предназначено и не должно толковаться как торжественное или священное посвящение какого-либо лица в определенный сан". Все, что обязывались делать "триеры", - это следить за тем, чтобы никто, кроме подходящих и надлежащих лиц, не получал "общественное пособие и содержание", гарантированное государством.

После положения о назначении подходящих лиц следовало положение об устранении непригодных. Второй ордонанс, изданный в августе 1654 года, назначал местных комиссаров в каждом графстве для удаления скандальных и неэффективных священников и школьных учителей в его пределах. Среди причин, которые оправдывали изгнание, были не только безнравственное поведение или поспехи и богохульные взгляды, но и недовольство правительством и использованием Молитвенника. В сентябре работа была завершена третьим ордонансом об объединении малых и разделении больших и многолюдных приходов.

Речи Кромвеля полны выражений удовлетворения результатами, к которым привели эти постановления. Он гордился характером своего духовенства. "Во времена епископата, - говорил он, - какие жалкие свидетельства служили для того, чтобы сделать человека священником. Если кто-то понимал латынь или греческий, его непременно принимали". Но теперь "ни мистер парсон, ни доктор в университете не считались достаточной маркой теми, кто их одобрял, хотя я могу сказать, что они очень уважают образование". Правилом Триеров было то, "что они не должны принимать человека, если не смогут разглядеть в нем что-то от Божьей благодати".

Он также гордился всеобъемлющим характером Церкви. В ней должны были быть предусмотрены "три рода благочестивых людей", то есть три секты: пресвитериане, независимые и баптисты. Триеры набирались беспристрастно из всех трех сект, и "хотя человек и принадлежит к какому-либо из этих трех суждений, если в нем есть корень дела, он может быть принят". Подводя итоги работы триеров и эжекторов, он решительно заявляет: "Такого служения Англии не было с тех пор, как христианская религия стала совершенной в Англии".

По большому счету, удовлетворение Кромвеля было оправданным. Оба органа комиссаров добросовестно выполняли порученную им работу. Некоторые хорошие люди были изгнаны только за роялизм или использование литургии, но большинство тех, кто лишился средств к

существованию, заслужили свою участь, а те, кто был принят, в целом соответствовали своей должности. Пресвитерианин Ричард Бакстер, принципиальный противник Кромвеля и его деятельности, счел необходимым похвалить комиссаров:

"Надо отдать им должное, они принесли много пользы Церкви. Они спасли многие общины от невежественных, нечестивых, пьяных учителей. Те люди, которые в служении не ставили себе целью ничего большего, чем произносить проповедь, как читают обычные молитвы, и так набрасывать несколько хороших слов, чтобы усыпить людей в воскресенье, а в остальное время недели ходить с ними в питейные заведения и ожесточать их в грехе; и те служители, которые либо проповедовали против святой жизни, либо проповедовали как люди, никогда не знакомые с ней; все те, кто использовал служение только как обычное ремесло для жизни и никогда не мог обратить ни одной души:- всех этих они обычно отвергали, а вместо них принимали всех, кто был способным, серьезным проповедником и вел благочестивую жизнь, какого бы терпимого мнения они ни были. Так что, хотя многие из них были несколько пристрастны к индепендентам, сепаратистам, людям Пятой монархии и анабаптистам, а также против прелатистов и арминиан, все же польза от них была настолько больше, чем вред для Церкви, что многие тысячи душ благословляли Бога за верных служителей, которых они допускали".

За пределами границ национальной церкви конституция обещала свободу вероисповедания "всем, кто исповедует веру в Бога Иисусом Христом". Англиканство и католицизм, обозначенные как прелатизм и папизм и считавшиеся идолопоклонническими или политически опасными, были исключены из этого обещания. На практике, несмотря на то что с 1645 года использование литургии было запрещено, многие ортодоксальные англикане умудрялись сохранять свое существование, иногда используя части Молитвенника по памяти, в других случаях ограничиваясь проповедью и совершением таинств. Многие изгнанные священнослужители собирали небольшие общины в частных домах, и правительство к ним не придиралось. Роялистский мятеж 1655 года привел к усилению суровости, и в октябре 1655 года Кромвель издал прокламацию, запрещающую использовать изгнанных священнослужителей в качестве капелланов или школьных учителей. Это было скорее предупреждение, чем жесткое исполнение, и было дано обещание, что к любому человеку, чье "благочестие и доброе расположение к нынешнему правительству" можно доказать, будут относиться с нежностью. Конгрегации роялистов продолжали собираться в Лондоне на протяжении всего периода протектората, и правительство не обращало внимания на использование ими англиканских служб и церемоний. Но всякий раз, когда обнаруживался новый заговор, их собрания могли быть прерваны солдатами.

Положение католиков было тяжелее, чем англикан, хотя их участь была менее тяжелой, чем . В 1650 году были отменены законы, налагавшие штрафы на рекузантов за непосещение церкви, и ходили упорные слухи, что Индепенденты собираются выступить с предложением об их веротерпимости. В июне 1654 года в Лондоне был казнен католический священник, не совершивший никакого преступления, кроме того, что он был священником. Говорят, что Кромвель хотел помиловать его, но ему помешала оппозиция его Совета. В 1656 году Мазарин убеждал Кромвеля предоставить католикам веротерпимость.

"Я не могу, - ответил протектор, - публично заявить о своем отношении к этому вопросу; хотя я считаю, что при моем правительстве у вашего преосвященства в отношении католиков меньше причин для жалоб, чем при парламенте. Ибо я сострадал некоторым и очень многим, делая разницу. Многих я вырвал из огня - бушующего огня преследований, который тиранил их совесть и посягал произволом на их владения. И вот моя цель, как только я смогу

устранить препятствия и некоторые тяжести, которые давят на меня, добиться дальнейшего прогресса и выполнить обещание, данное вашему преосвященству".

Цель протектора так и не была выполнена. Общественное мнение в Англии было слишком враждебно к католикам, чтобы допустить их легальную терпимость, и то же самое произошло, когда Кромвель пожелал вновь принять евреев в Англию. В ноябре 1655 года Манассия Бен Израэль, ученый португальский еврей, обосновавшийся в Амстердаме в качестве врача, обратился к протектору с просьбой разрешить евреям жить и торговать в Англии, а также предоставить им возможность свободно исповедовать свою религию. Кромвель, который лично поддержал их прошение, созвал комитет из ученых, купцов и юристов, чтобы обсудить этот вопрос с Советом. Сам Протектор принял участие в этих совещаниях. "Я никогда не слышал, чтобы человек говорил так хорошо", - сказал один из его слушателей, но прорицатели опасались за свою религию, а купцы - за свою торговлю, поэтому юридическая веротерпимость, о которой просили евреи, не была предоставлена. Однако Кромвель разрешил им собираться в частных домах для отправления религиозных обрядов и оказал им такую поддержку и благосклонность, что их переселение в Англию действительно относится к периоду протектората.

Терпимость протектора вновь проявилась в его отношениях с квакерами. При Содружестве квакеры подвергались преследованиям и тюремному заключению не только потому, что их взгляды считались богохульными, но и потому, что они были опасны для общественного спокойствия. Их нападки на духовенство, неправомерные действия и драки в церквях давали почву для этих обвинений. При протекторате эти преследования продолжались, пока не были смягчены вмешательством протектора и его совета. В 1654 году Джордж Фокс имел долгую беседу с Протектором. "Я много говорил с ним, - пишет Фокс, - об истине; и у меня был с ним большой разговор о религии, в котором он вел себя очень умеренно". Искренность и энтузиазм Фокса произвели на Кромвеля большое впечатление. "Когда я говорил, он несколько раз повторял: "Это очень хорошо, и это истина". И когда я уже собирался уходить, он поймал меня за руку и со слезами на глазах сказал: "Приходите снова в мой дом, ибо если бы мы с вами были вместе хотя бы час в день, мы были бы ближе один к другому"; добавив, что он желает мне не больше зла, чем своей собственной душе". Убедившись, что квакеры не склонны "брать в руки плотский меч" против его правительства, Протектор приказал освободить Фокса, а в октябре 1656 года выпустил на свободу нескольких заключенных квакеров. В ноябре 1657 года он снова издал общий циркуляр для всех судей Англии и Уэльса, в котором говорилось, что хотя он далек от того, чтобы оправдывать ошибочные практики или принципы квакеров, но поскольку они исходят "скорее из духа заблуждения, чем из злобного противостояния власти", их "следует пожалеть и обращаться с ними как с людьми, находящимися в сильном заблуждении", выпустить из тюрьмы и в будущем относиться к ним скорее с нежностью, чем с суровостью.

Однако, как бы ни был терпим Кромвель, его терпимость имела свои пределы, и некоторые мнения он считал запретными. Документ отказывал в свободе "тем, кто под исповеданием Христа развратничает и практикует разврат", а Петиция и совет добавляли к ним тех, кто "публикует ужасные богохульства".

"Что касается осквернителей, - говорил Кромвель, - богохульников, проповедующих смуту; спорщиков, злословов, которые стремятся злыми словами развратить добрые нравы; людей развязного поведения - их следует наказывать гражданским судом. Потому что если они притворяются совестливыми, но при этом ходят беспорядочно и не по Евангелию, а вопреки естественному свету, то их осуждают все. И их грехи, будучи открытыми, делают их подвластными мечу магистрата, который не должен носить меч напрасно. Дисциплина в

армии была такова, что в ней не оставался человек, о котором можно было заметить, что он виновен в подобных действиях".

Хорошо организованное государство, считал Кромвель, должно в этом отношении напоминать армию, но даже в отношении мнений, которые он считал богохульными, он не желал применять крайние меры наказания, которые санкционировал закон и требовал голос большинства пуритан.

В 1656 году Джеймс Нейлор, старый солдат, один из первых учеников Фокса, позволил своим восторженным последователям объявить себя новым Мессией, за что был брошен в тюрьму как богохульник. Заседавший тогда парламент взял на себя судебные полномочия и после многодневных дебатов постановил, что его следует клеймить, пороть, бить кнутом и заключать в тюрьму по своему усмотрению. Протектор тщетно указывал палате на то, что она выходит за рамки своих полномочий, и требовалось все влияние правительства, чтобы спасти Нейлора от смертной казни. То, что Протектор, вероятно, сделал бы, если бы наказание Нейлора было предоставлено ему, видно на примере его обращения с Джоном Биддлом. Петиция и совет косвенно исключали унитариев из веротерпимости. В 1655 году Биддл был привлечен к ответственности по Закону о богохульстве 1648 года и, несомненно, был бы приговорен к смерти. Протектора попросили вмешаться, и в ответ он дал просителям солидную оценку. "Если верно, - сказал он, - то, чего придерживается мистер Биддл, а именно, что наш Господь и Спаситель Иисус Христос - всего лишь творение, то все те, кто поклоняется Ему с поклоном, причитающимся Богу, - идолопоклонники". Ни один христианин, таково было его заключение, не мог отнестись с пониманием к такому человеку, но, тем не менее, он остановил судебный процесс, выдав ордер на заключение Биддла в замок Святой Марии на островах Скилли. Это вмешательство, несомненно, спасло Биддлу жизнь.

Несмотря на либеральность и всеобъемлющий характер церковной политики Кромвеля, среди пуритан было несколько групп, которых она не удовлетворила. Некоторые индипенденты выступали против любой установленной церкви и отрицали, что государство должно каким-либо образом вмешиваться в религиозные дела. Наиболее выдающимися приверженцами этой точки зрения были Вейн и Мильтон. Магистрат, говорил Мильтон, не имеет никакой принудительной власти в вопросах религии. Не его дело "решать вопросы религии", как это было принято называть, "назначая, во что мы должны верить в божественных вещах или практиковать в религиозных". Его обязанностью было просто защищать Церковь. "Если бы он однажды научился не заботиться о церковных делах, половина его труда могла бы быть сэкономлена, а Содружество лучше обеспечено".

Другой раздел, во имя свободы совести, отказывал государству в праве наказывать богохульные или безнравственные доктрины. "Они говорят магистрату, - сказал Протектор, - что ему нечего делать с людьми, придерживающимися таких взглядов; это вопросы совести и мнения; это вопросы религии; что магистрату делать с такими вещами? Он должен смотреть на внешнего человека, а не на внутреннего". Позиция самого Кромвеля в отношении опасных мнений заключалась в том, что если это всего лишь мнения, то их лучше оставить в покое. "Мнения не причинят вреда никому, кроме тех, кто их имеет". Когда же они перерастают в действия, это уже совсем другое дело, и особенно когда они приводят к восстанию и кровопролитию. "Наша практика заключалась в том, - говорил он в 1656 году, - чтобы вся эта нация видела, что, какие бы притязания на религию ни оставались тихими и мирными, они должны пользоваться совестью и свободой для себя". Но быть тихим и мирным было обязательным условием. Проповедников Пятой монархии часто арестовывали за проповеди против правительства, как до, так и после попытки восстания людей Пятой

монархии весной 1657 года. Однажды некоторые прихожане Джона Роджерса, одного из их проповедников, пришли в Уайтхолл, чтобы поспорить с Протектором, жалуюсь, что их пастор страдает за религию. Кромвель ответил, что Роджерс пострадал как разбойник, соблазнитель и подстрекатель к смуте, и что называть страдания за злодеяния страданиями за Евангелие - значит делать Христа покровителем таких вещей. "Бог свидетель, - заключил он, - ни один человек в Англии не страдает за свидетельство Иисуса. Не поднимайте рук и глаз, ибо нет в Англии человека, который бы так страдал. Есть такая свобода - я желаю, чтобы ею не злоупотребляли, - что ни один человек в Англии не страдает за Христа".

Это была правда. Кромвель был самым терпимым правительством, существовавшим в Англии со времен Реформации. На практике он был более снисходителен, чем законы, и более либерально настроен, чем большинство его советников. Недостатком было то, что даже та ограниченная свобода вероисповедания, которую гарантировали законы, казалась слишком большой для подавляющего большинства нации. Англичане - даже пуритане - еще не усвоили урок веротерпимости. "Разве еще нет, - сказал Кромвель в 1655 году, - странного зуда в душах людей? Ничто не удовлетворит их, пока они не смогут надавить пальцем на совесть своих братьев и ущипнуть их за это". Предотвратить это, по его словам, было его задачей как правителя.

"Если бы вся власть была у пресвитериан, они бы заставили всех людей идти своим путем, и люди Пятой монархии сделали бы то же самое, и так же поступили бы перекрещенцы; и его работа заключалась в том, чтобы держать несколько суждений в мире, потому что, как люди, выходящие на улицы, они сталкиваются головами один с другим; он был как констебль, чтобы разнимать их и держать их в мире".

Принудить эти разрозненные секты к сотрудничеству было сложнее, но и это Кромвель пытался сделать. В организованной им пуританской церкви не требовалось никакого согласия ни по поводу ритуала, ни по поводу дисциплины, ни по поводу доктрины, а только принятие основных принципов христианства. Это была не столько церковь, сколько конфедерация христианских сект, работающих вместе во имя праведности под контролем государства. Отсутствие согласия в деталях и единообразия во внешнем облике не было недостатком в глазах Кромвеля. Для него это было скорее достоинством. "Все верующие, - писал он однажды, - имеют настоящее единство, которое более славно, потому что внутреннее и духовное".^[8]

Оригинальность церковной политики Протектора заключалась в этой попытке объединить два принципа - веротерпимость и понимание. Она отражала его характер. Его терпимость не была результатом скептицизма или безразличия, а проистекала из уважения к совести других людей. Всеобъемлющий характер его Церкви был результатом его сердечного сочувствия всем формам пуританства. Местным магистратам, ведущим религиозные споры на местах, он предписывал "благотворительность, столь же большую, как все стадо Христово"; и тот же дух вдохновлял его увещание Малому парламенту.

"Позаботьтесь обо всем стаде. Любите овец. Любите ягнят. Любите всех; ухаживайте за всеми; лелейте и поддерживайте всех во всем, что хорошо. И если самый бедный христианин, самый заблудший христианин захочет жить под вашим началом мирно и спокойно: Я говорю, если кто хочет жить благочестиво и честно, пусть будет под защитой".

Мистер Грейтхарт, под чьей защитой все паломники в Небесный город шли надежно, - слабый умом и готовый к подъему, а также доблестный за правду, - является лишь аллегорическим отображением того, кем был Кромвель для пуритан. Церковная система Кромвеля ушла в прошлое вместе с ее автором, но ни один человек не оказал большего

влияния на религиозное развитие Англии. Благодаря ему неконформизм успел пустить корни и настолько окрепнуть в Англии, что буря, последовавшая за Реставрацией, не смогла вырвать его с корнем.

ГЛАВА XVIII

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ

1654-1658

Три цели определяли внешнюю политику Кромвеля: первая - стремление сохранить и распространить протестантскую религию; вторая - сохранить и расширить английскую торговлю; третья - предотвратить реставрацию Стюартов с помощью иностранной помощи. Европейская миссия Англии, ее материальное величие и политическая независимость были неразрывно связаны в его сознании, и, несмотря на все видимые колебания и колебания, он последовательно преследовал эти три цели.

Протектор унаследовал от Долгого парламента сложнейшую европейскую ситуацию. Голландская война свела на нет работу предыдущих трех лет. В 1653 году Англия вновь оказалась в изоляции и под угрозой европейской комбинации против нее. Англия и Франция все еще вели военные действия на море. Дания захватила английские суда и закрыла Балтику для английской торговли. Португалия фактически находилась в состоянии войны с нами. Ходили слухи о создании тройственного союза против Англии между Голландией, Францией и Данией. С другой стороны, война все больше и больше оборачивалась против Соединенных провинций. Весной 1654 года англичане были "полновластными хозяевами узких морей", и ни одно голландское судно не могло появиться в Ла-Манше.

Англия захватила у голландцев более четырнадцати сотен судов, в том числе 120 военных, а в марте 1654 года у нее было 140 военных в море, "и лучшие корабли, - добавил государственный секретарь Кромвеля, - чем когда-либо до этого". Тем не менее, все мотивы - сочувствие протестантам, интересы торговли, разрушение замыслов роялистов - делали мир с Голландией необходимым. Кроме того, Англия быстро опускалась под финансовым бременем, которое накладывала даже успешная война. Поэтому Кромвель не стал слушать тех, кто утверждал, что еще немного настойчивости заставит голландцев принять первоначальные требования Долгого парламента, и с того момента, как он взял переговоры в свои руки, выбросил за борт идею слияния двух республик. Вместо него он сначала предложил наступательный и оборонительный союз между Англией и Голландией. Они должны были объединиться не только для достижения торговых или национальных целей, но и "для сохранения свободы и распространения Царства Христова". "Кто может сказать, - говорил он, - что Бог в свое время намеревается совершить для освобождения угнетенных народов с помощью этих двух республик?" Другие протестантские державы и даже те

католические державы, которые предоставляют своим подданным свободу совести, могут быть приглашены присоединиться к лиге.

Голландские посланники, менее восторженные и более практичные, не хотели слышать ничего, кроме оборонительного союза, и даже это оказалось больше, чем можно было реализовать. Переговоры шли медленно, поскольку требования Англии были все еще слишком высоки, а Франция из всех сил препятствовала продвижению договора. Протектор уступил по некоторым пунктам, но по другим оставался непреклонным и был готов возобновить войну. Тогда сопротивление голландцев сдало, и по договору, подписанному 5 апреля 1654 года, они признали верховенство британского флага в британских морях, отказались от любых требований об изменении Навигационного акта и пообещали возместить убытки английских купцов на Востоке. Каждое государство обязывалось изгонять из своих пределов мятежников или врагов другого. Наконец, по частному соглашению, провинция Голландия обязалась навсегда отстранить принцев Оранских от командования на суше и на море. Таким образом, Кромвель достиг двух своих целей: Английская торговля стала безопасной, а голландцы больше не будут помогать роялистам нападать на правительство, которое решила установить Англия. На банкете, который он дал голландским послам по случаю заключения договора, он подробно остановился на преимуществах дружбы между двумя государствами. Они вместе пели 123-й псалом: "Вот как хорошо и как приятно братьям жить вместе в единстве". Но реального восстановления единства не произошло, и если великий протестантский союз, о котором мечтал Кромвель, зависел от поддержки голландцев, то надежды на его осуществление было мало. Торговая ревность двух государств не утихала ни на минуту, и дипломаты Протектора постоянно сталкивались с влиянием голландцев, препятствовавших их переговорам.

Через несколько дней после заключения мира с Соединенными провинциями посол Кромвеля, Уайтлок, заключил договор со Швецией (11 апреля 1654 года). Для Кромвеля и для англичан, которые были свидетелями подвигов Густава Адольфа, Швеция все еще казалась защитником протестантизма в Северной Европе и естественным союзником пуританской Англии. "Англичане, - писал Уайтлок в своем дневнике, - единственный народ, с которым шведы могут надеяться на крепкую дружбу и союз во имя интересов протестантов против их общего врага - партии папистов". Кроме этого, были и другие вопросы, в которых политические интересы двух наций совпадали, и Кромвель предложил шведам помочь флотом в отстаивании свободы Зонда против Дании и Голландии. Уайтлок был принят с величайшим дружелюбием. "Ваш генерал, - сказала ему королева Кристина, - совершил величайшие дела из всех людей в мире: принц Конде рядом с ним, но не дотягивает до него". Она сравнивала Кромвеля со своим предком, Густавом Вазой, и предсказывала, что, подобно ему, став освободителем своей страны, он станет ее королем. Тем не менее шведские министры, опасаясь втянуть свою страну в войну с Голландией, а, возможно, и с Францией, отказались от предложенного союза. Результатом посольства стал договор о дружбе, регулирующий торговые отношения двух государств и предусматривающий, что Швеция не должна оказывать никакой помощи делу Карла II.

Далее последовал договор с Данией, которая, как союзник Голландии, была включена в договор с голландцами при условии, что английские купцы получают компенсацию за задержание их кораблей в Саунде во время войны. Согласно торговому договору, который последовал в сентябре 1654 года, английским судам в будущем разрешалось проходить через Саунд на тех же условиях, что и голландским. Еще более важным с коммерческой точки зрения был договор с Португалией, заключенный в июле 1654 года. Английские купцы получили компенсацию за свои убытки, им была гарантирована свобода от вмешательства

инквизиции и предоставлена свобода торговли со всеми португальскими колониями на Востоке и Западе. Все эти договоры, помимо торговых выгод, давали новому правительству дополнительную безопасность против роялистов, но больше всего Кромвель ценил договоры с протестантскими государствами, поскольку они также давали повышенную безопасность "протестантским интересам за рубежом". "Я желаю, - сказал он своему парламенту, - чтобы на наших сердцах было написано, что мы должны ревностно относиться к этому интересу. Ибо если когда-либо он мог оказаться в состоянии страдания, то сейчас. И благодаря такому сочетанию интересов вы будете в более подходящем положении, чтобы помочь им".

В той же речи Протектор смог отметить изменения в отношении Европы к Англии, которые произошли за девять месяцев его правления. "В Европе нет ни одной нации, - сказал он, - которая не желала бы просить о хорошем взаимопонимании с вами". Вместо слухов о коалициях против Англии две величайшие державы континента стали торговаться друг с другом за ее союз. Испания требовала от Англии высадить армию на юге Франции для поддержки восстания Конде, обещая помощь в возвращении Кале и крупные субсидии на расходы по содержанию английских вспомогательных войск. Франция предложила отказаться от дела Карла II и помочь Англии людьми и деньгами для завоевания Дюнкерка. В течение нескольких месяцев Оливер колебался, или казалось, что колебался. По-видимому, он стремился заключить как можно более выгодную для Англии сделку с двумя конкурентами за ее поддержку; на самом же деле он изучал условия проблемы и решал, как поступить. Поскольку обе державы были католическими, религиозные соображения были менее решающими, чем обычно. С одной стороны, дело гугенотов, чьи права по Нантскому эдикту постоянно нарушались французским правительством, вызывало у него сильное протестантское рвение. С другой стороны, католицизм Франции был менее фанатичным, чем католицизм Испании, и какими бы ни были обиды гугенотов, стало ясно, что он может сделать больше для их исправления путем хорошего взаимопонимания с Францией, чем путем вооруженного вмешательства. Политические соображения также делали мир с Францией желательным. До сих пор, правда, Испания была гораздо более дружелюбна к Республике, чем ее соперник, но Франция была одновременно и более опасным врагом, и более ценным союзником. Какие бы субсидии ни обещала Испания в обмен на английскую помощь, вскоре стало очевидно, что она не сможет их выплатить. Вскоре Кромвель пришел к решению не втягивать Англию в европейскую борьбу между Францией и Испанией, связав себя с одной из них, а воспользоваться возможностью уладить нерешенные споры и поддерживать, по возможности, дружеские отношения с обеими. Его план, однако, оказался не таким простым в исполнении, как казалось. Когда Протектор в качестве условия возобновления старых договоров о торговле и дружбе с Испанией потребовал, чтобы английские купцы могли свободно исповедовать свою религию в испанских портах, а английские колонисты и торговцы в Вест-Индии больше не рассматривались испанцами как враги, он получил категорический отказ.

"Просить свободы от инквизиции и свободного плавания в Вест-Индии, - заявил испанский посол, - значит просить у своего хозяина два глаза", и ни по одному из этих пунктов уступки сделать не удалось. В августе 1654 года Кромвель решил отправить экспедицию в Вест-Индию, чтобы потребовать возмещения ущерба за прошлое и материальных гарантий безопасности в будущем. Он не верил, что эти репрессии приведут к войне с Испанией в Европе, но если это произойдет, он был готов пойти на риск.

Столь же безуспешными были переговоры с Францией. Изгнание из страны Карла II и его партизан было в принципе одобрено, и было решено, что убытки, которые понесли торговцы двух стран, должны быть переданы в арбитраж, но вопрос о гугенотах оказался

непреодолимым препятствием. Протектор потребовал, чтобы в договоре было прямо признано его право выступать от их имени, если будут нарушены свободы, предоставленные им Нантским эдиктом, на что Франция, как и следовало ожидать, ответила решительным отказом. Кромвель остался непреклонен. Протектор, писал Турло английскому агенту, отстаивал интересы протестантизма, "который дороже ему жизни и всего, что он имеет", и он не мог согласиться ни на один пункт в договоре с иностранной державой, который мог бы нанести ей ущерб. 1654 год закончился без заключения соглашения Англии ни с Францией, ни с Испанией. Опираясь на свою армию и флот из 160 кораблей, протектор чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сохранять совершенно независимую позицию и отстаивать интересы Англии, не подчиняясь ни одной из сторон. Когда в декабре 1654 года Пенн отплыл в Вест-Индию, он имел инструкции не только нападать на испанские колонии, но и брать в качестве приза все французские корабли, которые ему попадутся. Когда в октябре предыдущего года Блейк был отправлен в Средиземное море, ему было поручено продолжать репрессии против французов, а также защищать британскую торговлю.

Благодаря плаванию Блейка британский флаг стали уважать и бояться во всем Средиземноморье, хотя легендарный рассказ о компенсациях, которые он потребовал от великого герцога Тосканского и папы римского за их недружественные действия во время голландской войны, не подтверждается доказательствами. Он заключил договор с Алжирским деєм и выкупил английских пленников, содержащихся там. Деи Туниса, менее поддающиеся разуму, отказались от репараций и даже не позволили кораблям Блейка заходить в свои порты. "Мы сочли необходимым, - писал Блейк, - ради чести нашего флота, нашей нации и религии, поскольку они не хотят иметь с нами дело как с друзьями, заставить их почувствовать нас как врагов"; поэтому, войдя в гавань Порто-Фарина, он подверг бомбардировке замки дея и сжег его корабли (4 апреля 1655 года).

Одновременно с известием о подвиге Блейка Англия узнала о резне водеев войсками регента Савойского. Сердце каждого пуританина затрепетало от сочувствия к страданиям своих собратьев-протестантов. Мильтон призывал Бога отомстить за страдания "зарезанных святых", чьи кости лежали разбросанными по Альпийским горам. Армии трех государств призывали Кромвеля к действию. Протектора не нужно было уговаривать. Он возглавил даром в две тысячи фунтов национальную подписку, собранную для помощи страдальцам. Он сказал французскому послу, что страдания бедных пьемонтцев тронули его сердце так же сильно, как если бы они были его ближайшими родственниками, и отказался подписывать договор с Францией, пока их обиды не будут исправлены. Пером Мильтона он призвал к вмешательству все протестантские державы и предполагал использовать флот Блейка для нападения на Ниццу или Вилла-Франку. Дипломатические аргументы оказались достаточными. Стремясь заручиться дружбой Англии, Франция оказала давление на Савойю, резня прекратилась, а водеев были восстановлены в своих долинах. Пиньерольский договор оставил много неурегулированных вопросов, и Кромвель был далеко не удовлетворен его условиями, но каждый пуританин в Англии и каждый протестант в Европе превозносил его как спасителя Водуа. Даже те англичане, которые не были пуританами, испытывали гордость, видя, как их страна под его руководством утверждает суверенитет на морях, наказывает пиратов Средиземноморья и защищает угнетенных. Панегирик Уоллера в адрес Протектора, посвященный "нынешнему величию его высочества и этой нации", выражает эту гордость.

ДЖОН МИЛТОН.

(С гравюры Фейторна.)

"Море принадлежит нам, и теперь все народы приветствуют нас,

С гнущимися парусами каждое судно нашего флота;

Ваша мощь звучит так далеко, как только могут дуть ветры.

Или вздымающиеся паруса на земном шаре.

Слава быстрее, чем ваш крылатый флот, летит
По всем землям, что у океана лежат,
Звучит ваше имя, и грозные вести
Всем, кто пиратствует и грабит.
Была ли эта часть мира отделена
Грубым океаном от континента,
или был создан таким образом, он, несомненно, был предназначен
Быть священным убежищем человечества.
Сюда отныне будут прибегать угнетенные.
Просить справедливости и помощи у вашего двора;
И тогда ваше высочество, не для нас одних
Но защитником всего мира будете известны".

В такой стране, с таким вождем, спрашивал Уоллер, что можно считать невозможным? Однако вскоре Протектор обнаружил, что даже самые лучшие планы не всегда удаются. Панегирик был опубликован в конце мая: в августе в Англию пришло известие о катастрофическом поражении экспедиции, отправленной в Вест-Индию на Испаньолу.^[9] Протектор заболел, и все приписали его болезнь досаде на дурные вести. Вопреки его ожиданиям, Испания наложила эмбарго на английское судоходство, отозвала своего посла и объявила войну. Разрыв с Испанией сопровождался завершением долго откладывавшегося соглашения с Францией, которое было подписано в тот самый день, когда испанский посол покинул Англию (24 октября 1655 года). По сути, это был всего лишь торговый договор, в который был добавлен секретный пункт о высылке из Франции ведущих роялистов, а протектор довольствовался частным обещанием не нарушать права гугенотов. Условия, в которых заключалось соглашение, делали неизбежной более тесную связь между двумя державами. Но пока Кромвель был занят переговорами со Швецией, которую он надеялся сделать основой общей лиги протестантских государств. В июне 1655 года Карл Густавус, преемник королевы Кристины, вторгся в Польшу и отправил в Англию посла с просьбой о помощи людьми, кораблями и деньгами. Кромвель отнесся к посланнику короля с большой благосклонностью. "Они вместе обедали, ужинали, охотились и играли в кегли", и "никогда посол, да и вообще любой человек, не был так ласков и уважаем Кромвелем, как этот человек, и никогда он не искал дружбы кого-либо так сильно, как этого короля Швеции". С самого начала он заявил о своей готовности "вступить в более строгий и тесный союз" со Швецией как ради двух народов, так и ради протестантского дела. Однако прийти к соглашению было невозможно. Завоевание шведским королем католической Польши казалось протектору выгодой для протестантизма; "отнять рог от головы зверя", - называл он это. Но он ясно видел, что не в интересах Англии, чтобы Прибалтика полностью перешла под власть Швеции, и что поддержка замыслов короля на балтийских берегах неизбежно приведет к его столкновению с датчанами, голландцами и бранденбуржцами. Некоторое время он надеялся обратить оружие Густава против Австрийского дома и превратить предложенный союз в протестантскую лигу, о которой он так мечтал. Но все было напрасно, и единственным результатом посольства стал торговый договор, подписанный в июле 1656 года.

Тем временем на море энергично продолжалась война с Испанией. В течение 1655 и 1656 годов английский флот крейсировал у испанского побережья, чтобы помешать испанцам отправить подкрепление в Вест-Индию и перехватить серебряные корабли из Америки. Он также служил для защиты английских торговцев в Средиземноморье и для того, чтобы заставить короля Португалии выполнить договор 1654 года. В свое время Кромвель с пророческой прозорливостью предложил захватить Гибралтар. "Если мы овладеем им и сделаем его пригодным для использования, - писал он Блейку, - разве это не будет преимуществом для нас и раздражением для испанцев, и позволит нам, не держа столь большой флот на этом побережье, с шестью проворными фрегатами, размещенными там, нанести испанцам больше вреда, чем с помощью флота и облегчения нашего собственного обвинения?" Но, не имея сил для высадки, адмирал счел этот замысел неосуществимым. Упорство Блейка в блокаде наконец увенчалось успехом. 8 сентября 1656 года капитан Стайнер с эскадрой крейсеров, выделенных из его флота, встретил у Кадиса восемь испанских кораблей из Америки, из которых уничтожил четыре с сокровищами на два миллиона и захватил пятый с грузом серебра стоимостью в шестьсот тысяч фунтов. Однако более славным было сражение у Санта-Круса на Тенерифе 20 апреля 1657 года. Блейк вошел в гавань, где укрылся испанский флот с сокровищами из Вест-Индии, сразился с батареями и галеонами на близком расстоянии и потопил или сжег все шестнадцать кораблей, не потеряв ни одного своего. Это был самый блестящий из всех его подвигов и последний: он умер по возвращении в Англию, измученный усталостью долгой блокады, как раз когда его корабль входил в Плимутский залив (7 августа 1657 года).

Тем временем события вынудили Кромвеля пойти на более тесный союз с Францией. Испанцы рьяно взялись за дело Карла II, надеясь свергнуть Кромвеля с помощью восстания в Англии. В апреле 1656 года Филипп IV заключил с Карлом II договор, по которому обещал ему пенсию, помогал содержать небольшую армию английских и ирландских роялистов во Фландрии и обязывался предоставить корабли для их перевозки к английскому побережью. Испанские деньги также использовались для поддержки заговоров левеллеров с целью убийства протектора. Стало очевидно, что для того, чтобы принудить Испанию к миру, необходимо атаковать ее не только на континенте, но и на море. 23 марта 1657 года Кромвель подписал наступательный союз с Францией, по которому Англия поставляла шесть тысяч солдат при поддержке флота для нападения на испанцев во Фландрии и должна была получить Мардайк и Дюнкерк в качестве своей доли трофеев. Он считал, что овладение Дюнкерком позволит ему усилить контроль над Ла-Маншем, оказать большее давление на Францию и обеспечить надежную основу для сухопутных операций против Испании. "Это будет, - говорил министр Турлоу, - уздой для голландцев и дверью на континент".

Шесть недель спустя сэр Джон Рейнольдс с шестью тысячами человек высадился в Булони и присоединился к французской армии под командованием Тюренна. Поначалу Тюренн использовал английский контингент во внутренних районах Фландрии, участвуя в осадах и операциях, которые, казалось, служили исключительно французским интересам, а его задержка с нападением на прибрежные города вызвала подозрения у Кромвеля. Казалось, писал он сэру Уильяму Локхарту, английскому послу, что французы "не хотят, чтобы мы закрепились по эту сторону воды". Французские оправдания их задержки были всего лишь "детскими словами". Если они не приступят к делу немедленно, он выведет свои войска и потребует возмещения своих расходов. "Я желаю, чтобы вы проявили смелость и свободу в общении с французами по этим вопросам". Локхарт говорил смело и свободно, и эффект был незамедлительным. Французская армия приблизилась к фламандскому побережью. Мардайк был осажден, взят и передан английскому гарнизону (3 октября 1657 года).

Когда открылась следующая кампания, Тюренн осадил Дюнкерк, а на помощь ему выдвинулась четырнадцатитысячная испанская армия под командованием дона Джона и Конде. Тюренн разгромил их 4 июня 1658 года среди песчаных холмов к югу от Дюнкерка, потеряв пять тысяч человек. Ни одно войско не оказало в этом сражении лучшей службы, чем английский контингент под командованием Локхарта. Радостное ликование, с которым рыцари встретили врага, вызвало восхищение Тюренна, а герцог Йоркский, служивший в испанской армии, был полон похвал храбрости своих соотечественников. На руках и коленях они ворвались на песчаный холм, который был ключом испанского левого фланга, и под натиском пик оттеснили испанцев от него. Эта победа решила исход долгой борьбы между Францией и Испанией, а через десять дней Дюнкерк капитулировал. Теперь с планами Карла II было покончено: половина его небольшой армии была уничтожена в сражении, а корабли, предназначенные для ее транспортировки, захвачены английским флотом.

Кромвель наконец-то получил желанный плацдарм на континенте, Англия была в безопасности от попыток вторжения, но протестантский союз, о котором он мечтал, был далек как никогда. На севере Европы поднялась буря, которая грозила сделать любую подобную комбинацию окончательно невозможной. Как только Карл Густав завоевал Польшу, его амбиции привели его к столкновению с соседями-протестантами. Против него формировалась большая коалиция, и весной 1657 года он обратился за помощью к Кромвелю. Но прежде чем Кромвель согласился рискнуть людьми или деньгами, он потребовал в качестве гарантии временное владение Бременом. Это послужило бы основой для военных действий в случае необходимости и средством давления на Данию, если бы та попыталась нарушить мир. Густавус отказался, и все, что мог сделать Кромвель, - это попытаться выступить посредником между Швецией и Данией. В мае 1657 года датчане объявили войну и вынудили Густава ослабить контроль над Польшей. К коалиции присоединились Бранденбург, Голландия и Австрия, и в конце 1657 года казалось, что Швеция должна уступить. Кромвель отказался присоединиться к Густаву в его замыслах по разделу Дании, но так же мало он мог согласиться с тем, чтобы Дания и ее союзники завершили свержение Швеции. Он рассматривал коалицию как католический заговор против протестантской державы - заговор, в котором заблуждающиеся протестантские государства способствовали деятельности Папы и дома Габсбургов. В воображении он видел, как австрийский орел вновь простирает крылья к восточному морю и садится на Балтику, как в мрачные дни Тридцатилетней войны, прежде чем Швеция пришла на помощь немецким протестантам.

Речь, которую протектор произнес в парламенте в январе 1658 года, была полна этих опасений. Вопрос, по его словам, заключался в том, "должен ли христианский мир быть сплошным папизмом". Протестантские интересы за границей были "задеты, более того, растоптаны". Испанские и австрийские Габсбурги объединились, чтобы уничтожить его. В Польше и империи протестантов преследовали и изгоняли; швейцарцам угрожали, а Швеция, главный защитник протестантского дела, находилась в опасности. Что же противостояло "этому могучему течению, идущему со всех сторон против всех протестантов?" Только то, которое оказал Густавус:

"бедный принц, и все же человек в своем лице столь же галантный и столь же хороший, как и все, кого породили эти последние века"... "Человек, который приложил все свои силы против интересов папистов в Польше и сделал свои приобретения еще более выгодными для протестантской религии. Теперь он загнан в угол, и к всеобщему горю добавляется то, что люди нашей религии забывают об этом и стремятся его погубить".

Он заявил, что успех коалиции угрожает торговле и морскому могуществу Англии. "Если они могут закрыть нам доступ к Балтийскому морю и сделать себя его хозяевами, то где же ваша торговля? Где ваши материалы, чтобы сохранить ваше судоходство?" Каждый моряк знал, что означает для Англии исключение из Балтики.

Протектор пришел к выводу, что Англия должна вмешаться, чтобы не допустить разгрома шведского короля, и быть готовой поддержать его не только своим флотом, но и высадкой войск на континент. "Вы считаете себя счастливыми, - сказал он, - будучи окруженными великим рвом со всего мира. Воистину, вы не сможете удержать ни свой ров, ни свое судоходство, если не превратите свои корабли и судоходство в конные и пешие отряды и не будете сражаться, защищая себя на твердой земле".

Кризис миновал так же быстро, как и разразился, и Густавус спасся без английской помощи. Зимний поход через замерзший Бельт и осада Копенгагена поставили Данию на колени. В феврале 1658 года посол Кромвеля при посредничестве Рошильда заключил мир между соперничающими державами. Но мир был недолгим. В августе 1658 года, за месяц до смерти Кромвеля, война вспыхнула вновь, и снова Голландия и Бранденбург пришли на помощь датчанам. Всеобщая протестантская лига была невозможна, поскольку каждая протестантская держава предпочитала преследовать свои частные цели и защищать свои частные интересы. Честолюбие и национальные традиции делали Данию и Швецию непримиримыми врагами. Бранденбург больше стремился к независимости, чем к распространению веры. Голландцы преследовали прежде всего интересы своей торговли и предпочитали, как жаловался Оливер, "выгоду благочестию".

В Англии Кромвеля были и такие, кто, подобно Морланду, считал величайшей славой протектора то, что он когда-либо отождествлял интересы Англии с интересами европейского протестантизма. Но лондонские купцы жаловались, что их разорило прекращение испанской торговли, а война с Испанией лишила его сердец Сити. Для торговых кругов и многих республиканских государственных деятелей естественным врагом Англии казалась Голландия, а не Испания, и в парламенте 1659 года раздавались яростные нападки на политику покойного протектора. И все же великое положение в Европе, которое энергичный Кромвель завоевал для Англии, поражало воображение современников. "Он снова присоединил нас к континенту", - пел Марвелл, в своих строках о смерти Кромвеля, а Спрат изобразил его пробуждающим британского льва от дремоты, а Драйден - обучающим его рычать. Современные историки отметили то же самое. "Величие Кромвеля дома, - признавал Кларендон, - было лишь тенью его величия за границей". Бернет с одобрением записал традиционное хвастовство Кромвеля, что он сделает имя англичанина таким же великим, каким когда-либо было имя римлянина. Еще более славной казалась политика узурпатора по сравнению с политикой Карла II. "Странно, - отмечал Пэпис в 1667 году, - как все в наши дни вспоминают Оливера и хвалят его, какие храбрые дела он совершил и заставил всех соседних принцев бояться его".

Затем наступили перемены. В течение ста лет было модно говорить, что Кромвель, вступив в союз с Францией против Испании, разрушил баланс сил в Европе и создал тот перевес Франции, против которого Европа так долго боролась. Люди забыли, что рост французского могущества был обусловлен соучастием Карла II, даже в большей степени, чем сотрудничеством Оливера, и что, будь Оливер его союзником, Людовик XIV не предпринял бы попытки раздела Голландии и не отменил Нантский эдикт. Для современных историков стало общим местом замечание, что внешняя политика Кромвеля была анахронизмом, что

эпоха религиозных войн закончилась с заключением Вестфальского договора и что отныне отношения европейских держав определяются только материальными и политическими мотивами. В этой критике есть доля истины, но в годы, которые сразу последовали за этим договором, религиозные споры настолько сильно влились в политические распри, что современникам было нелегко понять то, что и так очевидно для потомков. Менее всего такая ясность видения была возможна для пуританского государственного деятеля, в сознании которого интересы религии превалировали над всеми другими интересами, и для солдата, который рассматривал войну как инструмент, с помощью которого Бог битв осуществляет Свои цели на земле.

Внешняя политика Кромвеля была отчасти неудачной, но только отчасти. Он способствовал материальному благополучию своей страны и избавил ее от иностранного вмешательства в ее внутренние дела. Там, где он преследовал чисто национальные интересы, он преуспел, но для него было невозможно не смотреть за пределы Англии. "Божий интерес в мире, - говорил он, - более обширен, чем интересы всех людей этих трех наций". В другой раз он сказал своему совету: "Бог привел нас сюда, чтобы мы подумали о том, какую работу мы можем сделать в мире, а также у себя дома". Другие разделяли эти взгляды, и было много пуритан, которые, как и Кромвель, считали, что у наций есть не только интересы, но и обязанности. Долг свободного Содружества, писал Харрингтон, - облегчать положение угнетенных народов, распространять свободу и истинную религию в других землях. "Она создана не только для себя", но должна быть "служителем Бога на земле, чтобы весь мир управлялся праведно". Это была мечта, которую Кромвель стремился реализовать с помощью своей великой протестантской лиги. Если смотреть на него с одной точки зрения, он казался практичным, как торговый путешественник; с другой - пуританским Дон Кихотом.

ГЛАВА XIX

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ

Кромвель был первым английским правителем, который систематически использовал власть правительства для увеличения и расширения колониальных владений Англии. Его колониальная политика была не подчиненной частью внешней политики, а самостоятельной схемой действий, основанной на определенных принципах и настойчиво проводимой в жизнь. Как мы уже видели, именно его внеевропейская политика в конечном итоге определила его роль в великой европейской борьбе его дней.

Все английские колонии выросли при жизни Кромвеля. Когда он родился, у Англии не было ни одной. Ему было семь лет, когда Яков I выдал хартию Виргинской компании, и он женился в тот год, когда отцы-пилигримы отплыли на корабле "Мэйфлауэр". Вероятно, в свое время он и сам подумывал об эмиграции, и уж точно он испытывал живейший интерес к пуританским

поселенцам в Новой Англии. С 1643 года Протектор был официально связан с правительством колоний. Он был одним из комиссаров по управлению плантациями в Америке и Вест-Индии, которых парламент назначил в ноябре 1643 года и повторно назначил в 1646 году. Но, несмотря на свой высокий титул, эти комиссары не обладали реальной властью. Их власти могли подчиняться на островах, но на континенте Америка почти не ощущалась. Гражданская война ослабила узы, связывавшие колонии с материнской страной. В мае 1643 года, вскоре после ее начала, четыре колонии - Массачусетс, Плимут, Коннектикут и Нью-Хейвен - объединились в конфедерацию под названием "Соединенные колонии Новой Англии". Достаточно сильные, чтобы защищать себя без помощи материнской страны, они не собирались подчиняться ее контролю. Когда недовольные обращались из судов Массачусетса в парламент, парламентские постановления в их пользу игнорировались, а заявители подвергались наказанию. В то же время колонии Новой Англии искренне сочувствовали парламенту в его борьбе с королем. Эти форпосты пуританства за Атлантикой направили в пуританские армии множество добровольцев, многие из которых отличились на службе и дослужились до высоких чинов. Еще более важным было влияние, которое пример и идеи Новой Англии оказали на развитие демократии и независимости в Англии. К моменту создания Содружества политические связи между английским правительством и колониями Новой Англии были не более чем номинальными, но интеллектуальная симпатия между ними никогда не была сильнее.

На островах и в южных колониях происходил прямо противоположный процесс. Там общее настроение было враждебным по отношению к пуританам и благоприятным по отношению к королю. Когда война закончилась, беглые роялисты устремились на Барбадос и в Виргинию, как когда-то изгнанные пуритане искали убежища в Новой Англии. После смерти Карла I Виргиния, под управлением сэра Уильяма Беркли, провозгласила Карла II и ввела уголовное наказание за казнь его отца. Подстрекаемый лордом Уиллоуби, Барбадос отказался признать республику, подавил конвенты, изгнал круглоголовых, заявил о свободе торговли со всеми странами и, казалось, собирался провозгласить свою независимость.

Но государственные деятели, силой оружия превратившие три королевства в единое Содружество, были не теми людьми, чтобы позволить колониям отказаться от своей верности. Осенью 1651 года сэр Джордж Эйскью с британским флотом был послан привести Барбадос и Виргинию к повиновению, а в то же время принятие Навигационного акта доказало, что республиканцы намеревались укрепить, а не ослабить власть материнской земли над колониями. Этот закон привязал колонии к Англии, обеспечив их коммерческую зависимость от нее, и увеличил морскую мощь Англии, обогатив ее судовладельцев и купцов. Но это был не просто результат ревности англичан к голландским купцам, и это было нечто большее, чем признак растущей мощи коммерческих классов. Это была первая попытка Англии принять законодательство в отношении колоний как единого целого и рассматривать их как неотъемлемые части одной политической системы. В нем государственные деятели Республики заявили, что отныне Англия должна рассматриваться не просто как европейская держава, а как центр мировой империи.

Часто говорят, что рвение к морскому и колониальному владычеству, которым была отмечена политика Кромвеля и Содружества, было вдохновлено елизаветинскими традициями, и в определенной степени это правда. Но у государственных деятелей и мыслителей это рвение к экспансии Англии было также результатом определенной политической теории. Неподвижное государство, утверждал Харрингтон (и он выражал взгляды своих современников), - это государство, обреченное на слабость. Политика республики должна быть направлена на увеличение, а не просто на сохранение. Если она должна быть

долговечной, она должна заложить великие основы для вечности. Если она должна быть сильной, у нее должно быть место для роста. "Нельзя посадить дуб в цветочный горшок, - говорил Харрингтон, - у него должна быть земля для корней и небо для ветвей".

Имперская цель, вдохновлявшая колониальную политику Содружества, нашла свое наиболее полное выражение в действиях Протектора. Когда Кромвель стал протектором, суверенитет английского правительства был признан повсеместно, но едва ли можно было сказать, что он был сердечно принят. В южных колониях преобладали сильные антипуританские настроения, в Новой Англии - растущий дух независимости; и на континенте, и на островах царило всеобщее неприятие ограничений, которые Навигационный акт наложил на колониальную торговлю. Согласно этому закону, товары колонии могли ввозиться в Англию только на английских или колониальных судах, а иностранные корабли не могли ввозить в колонии ничего, кроме товаров своей страны. Из Вирджинии доносились громкие жалобы на то, что этот закон "разоряет бедных плантаторов". На Барбадосе, где голландцы вели значительную торговлю, враждебность к закону была еще сильнее. "Странно видеть, как они в целом преклоняются перед голландской торговлей", - писал Уинслоу в 1655 году. Протектор продолжал следить за соблюдением закона, конфискуя голландские суда, пойманные на торговле запрещенными товарами на островах или в южных колониях, хотя в колониях Новой Англии несоблюдение закона, похоже, молчаливо допускалось. В качестве компенсации колонистам жестко пресекалось выращивание табака в Англии, где его производство начинало пользоваться значительным успехом, и предпринимались некоторые попытки развить торговлю судоходными материалами с северными колониями.

Во внутренние дела колоний или их отношения друг с другом Кромвель вмешивался очень мало. Он защищал пуританскую партию на островах, назначал и смещал губернаторов. Он пытался разрешить пограничные споры между Мэрилендом и Виргинией и уладить внутренние разногласия мэрилендцев. В Новой Англии он пытался посредничать между Род-Айлендом и другими колониями, приказывая им заблаговременно уведомлять жителей Род-Айленда о любых войнах с индейцами и разрешать им свободно торговать. "Поддерживать любящую и дружескую переписку во всем, что может способствовать общей пользе и выгоде", - таков был его совет жителям Новой Англии по поводу их отношений с Род-Айлендом, и он точно определяет цели политики самого Протектора по отношению к колониям в целом. Краеугольным камнем его политики было поддержание хороших отношений между Новой Англией и правительством страны. Жители Новой Англии составляли, так сказать, пуританский гарнизон в Америке, и для их примирения существовали весомые политические причины. Кроме того, Кромвель относился к ним как к братьям по вере с особой теплотой, и они отвечали ему взаимностью. В 1651 году Массачусетс поблагодарил лорда-генерала за "нежную заботу и незаслуженное уважение", которые он проявлял по отношению к нему во всех случаях, и пожелал ему процветания в его "великих и благочестивых начинаниях". Когда он стал Протектором, она поздравила его с тем, что Господь призвал его к верховной власти: "Мы радуемся и будем молиться о продолжении вашего счастливого правления, чтобы под вашей сенью не только мы, но и все церкви могли обрести покой и мир". Понимая чувствительность, с которой Массачусетс опасался любого посягательства на свое право на самоуправление, Кромвель скорее приглашал, чем приказывал ему поддерживать свою политику, и с уважением относился к его протестам против его предложений. Тем не менее он не ревновал к растущей силе Массачусетса, не пытался помешать ему чеканить деньги и даже одобрял его распространение на более мелкие поселения на его северной границе. Граждане Массачусетса и жители Новой Англии в целом свободно пользовались его услугами как в

Великобритании, так и в самих колониях. "Большие привилегии, принадлежащие Новой Англии", - писал один из массачусетских агентов, - "были предметом зависти как некоторых жителей других плантаций, так и многих англичан, торгующих в тех местах", но Протектор и многие члены его Совета были "их очень сердечными друзьями". Когда Кромвель умер, он был охарактеризован в дневнике одного бостонца как "человек превосходной ценности" и тот, "кто стремился к благу Новой Англии, хотя ему, кажется, не хватало основательного свидетельства против богохульников наших дней".

Столь же характерной чертой политики Кромвеля, как и его любовь к Новой Англии, было его рвение к расширению колониальных владений Англии. Когда он стал протектором, война с голландцами и враждебные отношения с Францией предоставили ему возможность, которой он не замедлил воспользоваться. В начале голландской войны Долгий парламент призвал колонии Новой Англии напасть на голландские владения в Америке, но Конфедерация Новой Англии была расколота и бездействовала. Массачусетс, отчасти из соображений совести, не желая нападать на соседей, с которыми у него не было достаточных оснований для ссоры, отчасти, несомненно, из политических побуждений, упорно противился войне. Коннектикут, Нью-Хейвен и Плимут, чьи интересы были затронуты более непосредственно, стремились действовать, но не могли двигаться без поддержки своего великого соратника. Казалось, что конфедерация находится под угрозой распада. Некоторым колонистам казалось, что от результата зависит все будущее Новой Англии.

"Наше положение будет отчаянным, если голландцы не будут удалены", - писал Уильям Хук из Нью-Хейвена Кромвелю. "Они вплотную прилегают к нашим границам на западе, как и французы на востоке, не позволяя расширять наши границы дальше в ту сторону, так что мы и наше потомство (уже почти готовое к обильному роению) ограничены и стеснены, море лежит перед нами, а за нашими спинами - каменистая пустыня, непригодная для возделывания и лишенная товаров; все удобные места на морском побережье уже заняты и засеяны".

Кромвель ответил на этот призыв без промедления. В феврале 1654 года он отправил три корабля и несколько солдат в Новую Англию с инструкциями захватить голландские поселения "в Манхэттосе" и на Гудзоне. Командовал экспедицией майор Роберт Седжвик из Массачусетса, с которым был связан капитан Джон Леверетт из той же колонии - когда-то капитан в армии Восточной ассоциации, а в будущем губернатор Массачусетса. В письме Кромвеля к колониальным правительствам говорилось, что он не будет выяснять, почему они до сих пор не предприняли никаких действий, но он не видит никаких соображений, которые могли бы помешать какой-либо колонии сотрудничать с остальными в этом деле, которое касалось их общего благополучия. Когда экспедиция прибыла, даже Массачусетс уступил настолько, что разрешил набрать пятьсот добровольцев, в то время как остальные три колонии с усердием собирали людей "для истребления голландцев". Но не успели они выступить в поход, как пришло известие о заключении мира с голландцами, и от замысла пришлось отказаться (июнь 1654 года).

После этого Седжвик и его флот, согласно полученным инструкциям, отплыли к побережью Акадии, чтобы захватить все французские корабли и поселения, которые им попадутся. Оправданием для нападения послужили старые жалобы на их агрессию и состояние вражды, существовавшее между Францией и Англией в Европе. Более того, эта "заблуждающаяся команда", как Леверетт называл французских поселенцев, "распространила среди индейцев информацию о том, что англичане так-то и так-то доблестно сражаются с голландцами на море, но что один француз может побить десять англичан на берегу". "И тут, - добавляет он, - Господь их явно обманул", потому что Седжвик со 130 людьми взял сначала форт Сент-

Джонс, затем Порт-Ройал (ныне Аннаполис) и, наконец, их сильный форт на реке Пенобскот. Таким образом, вся территория от Пенобскота до устья Святого Лаврентия перешла под власть Англии и оставалась в ее руках до тех пор, пока не была отдана Карлом II в 1668 году.

После французов и голландцев настал черед испанцев. Обид было более чем достаточно, чтобы оправдать военные действия, и все дипломатические представления Долгого парламента не смогли добиться их устранения. С 1630 года между Англией и Испанией был заключен мир в Европе, но этот мир никогда не соблюдался в Западном полушарии. Испания по-прежнему претендовала на исключительное господство над незанятыми островами в силу дарственной Папы и нападала на всех иностранцев, пытавшихся их колонизировать. В 1634 году испанцы изгнали английских поселенцев с Тортуги; в 1641 году флот из Картахены захватил и изгнал английских колонистов Нью-Провиденс на побережье Москито; в 1651 году Санта-Крус был захвачен врасплох, сотня английских жителей была убита, а остальные вынуждены были бежать с острова. Если английский корабль, плывущий в английскую колонию, встречал испанский флот в западных водах, он, скорее всего, подвергался нападению и грабежу. Если случай или шторм прибивали английский корабль к побережью Кубы или Центральной Америки, его конфисковывали, а команду отправляли на каторгу.

К желанию получить компенсацию за нанесенные обиды примешивались и другие мотивы. Кромвель стремился к завоеваниям как по религиозным, так и по экономическим причинам. Острова, которыми владела Испания в Вест-Индии, были большими и малонаселенными, в то время как острова, которыми владела Англия, были маленькими и переполненными людьми. Испаньола была плодородной; "страна, не имеющая себе равных", - говорили люди. Ее завоевание дало бы выход избыточному населению английских поселений, непокорным горцам Шотландии, бродягам и преступникам Англии. К этому следует добавить, что каждый отвоеванный у Испании кусок территории был спасен от католицизма и приобретен для протестантизма.

Поэтому в августе 1654 года Кромвель принял решение отправить экспедицию для нападения на испанские поселения в Вест-Индии. Генерал Венейблс, который был выбран для командования экспедицией, проявил сомнения в справедливости нападения на испанцев. Ему сказали, что "если у нас нет мира с испанцами, то это не может быть нарушением мира; если у нас есть мир с ними, то они его нарушили, и тогда англичанам остается только требовать возмещения ущерба".

Кромвель не верил, что война с Испанией в Вест-Индии обязательно приведет к войне с Испанией в Европе. Существовало множество прецедентов, а практика самих испанцев говорила об обратном. Старая елизаветинская максима "Никакого мира за чертой", казалось, все еще сохраняла свою силу. Еще более сильным было воспоминание о сокровищах, которые привезли домой елизаветинские моряки. Что, если Испания объявит войну? Было бы легко перехватить галеоны, которые везли серебро Перу из Порто-Бельо в Гавану, а из Гаваны - в Испанию. Война с Испанией была самой выгодной из всех войн, а в худшем случае прибыль от захвата покрыла бы расходы на экспедицию.

В декабре 1654 года флот из тридцати восьми кораблей под командованием адмирала Пенна отплыл из Портсмута с генералом Венейблсом и двадцатью пятью сотнями солдат. С ними также отправился Эдвард Уинслоу, некогда губернатор Плимутской колонии, а теперь один из комиссаров, назначенных для помощи Венейблсу в проведении экспедиции. Как колонии Новой Англии были призваны внести свой вклад в покорение голландцев, так и острова Вест-Индии должны были сотрудничать в борьбе с испанцами. Ожидания Кромвеля не

оправдались. На Барбадосе и в других местах Венейблс набрал достаточно людей, чтобы довести свою армию до семи тысяч человек. Некоторые шли на службу в надежде на грабеж, рассчитывая получить "горы золота". Для других главным стимулом было стремление к новым землям. Сент-Китс, "остров, почти изнемогающий от множества живущих на нем людей", предоставил восемьсот человек. Но, хотя армия была большой, она состояла из плохого материала, была плохо вооружена, наполовину обучена и имела очень низкую дисциплину. Офицеры мало знали своих людей, а старых солдат, призванных из разных полков Англии, чтобы составить ядро армии, было недостаточно, чтобы заквасить комок. В апреле Венейблс высадился на острове Испаньола и, пройдя через леса, атаковал его столицу Сан-Доминго. Испанцы перекрыли колодцы, и солдаты, у которых не было бутылок с водой, изнемогали от жажды и усталости еще до того, как подошли к городу. Дважды они попадали в засады и были с позором отбиты горсткой испанцев. Во время второго поражения они потеряли восемь цветов и четыреста человек, а генерал-майор Хейн, не пожелавший бежать, был пронзен дюжиной испанских копий, когда пытался собрать свой разбитый полк. Проливные дожди и плохое питание довершили дезорганизацию войск. "Никогда еще мои глаза не видели людей более удрученными", - писал Венейблс, и когда была предложена третья попытка, офицеры отказались вести своих людей, но предложили попытаться взять город без них.

Надеясь на удачу в других местах, Венейблс собрал свои силы и отплыл на Ямайку. Уинслоу умер во время плавания, сказав, что позор поражения разбил ему сердце. 10 мая 1655 года армия высадилась на Ямайке, без особого сопротивления заняла ее столицу Сант-Яго-де-ла-Вега и заставила испанцев бежать в горы или отплыть на Кубу. Но теперь у экспедиции снова начались проблемы. Наступил сезон дождей, и армия, плохо снабженная провизией, инструментами и другими предметами первой необходимости, была ослаблена болезнями. Сотни людей умирали от лихорадки и дизентерии. Сам Венейблс был настолько болен, что его жизнь была под угрозой, и сообщалось, что он умер. В июне Пенн с основной частью флота отплыл в Англию, а Венаблс последовал за ним через несколько дней. Каждый из них возложил вину за неудачу на другого, и Кромвель, зная, насколько этому способствовали их взаимные ссоры, отправил обоих в Тауэр. Вскоре они были освобождены, но ни один из них больше никогда не работал.

Протектор был глубоко удручен результатом экспедиции. "Господь, - сказал он, - сильно унизил нас": но тем не менее он упорно продолжал осуществлять свои проекты. Ямайка, говорили ему знающие люди, была лучшей страной, чем Испаньола, более плодородной, более здоровой, лучше расположенной как для торговли, так и для войны, поэтому он решил удержать ее и сделать краеугольным камнем британской власти в Вест-Индии. Генерал-майору Фортескью, которого Венейблс оставил на посту командующего, Кромвель обещал достаточное количество припасов и подкреплений. "Мы думаем, - добавил он, - и у нас есть серьезные намерения побороться с испанцами за овладение всеми этими морями". В письме вице-адмиралу Гудсону, коллеге Фортескью по сайту, он напомнил ему, что война ведется не только за господство, но и за религию.

"Поднимите свои знамена во имя Христа, ибо, несомненно, это Его дело. И пусть поношение и стыд, которые были за ваши грехи и из-за заблуждений некоторых, возвысят ваши сердца к упованию на Господа и к искуплению Его чести от людей, которые приписывают свой успех своим идолам, делу своих рук..... Сам Господь ведет спор с вашими врагами; даже с тем римским Вавилоном, великим подстрекателем которого является испанец. В этом отношении мы сражаемся с Господом".

Битва была долгой и трудной. В конце 1655 года, когда Роберт Седжвик, покоритель Акадии, прибыл на Ямайку с первыми подкреплениями, он обнаружил Фортескью умирающим, а армию

"в таком печальном, плачевном и растерянном состоянии, какое только можно себе представить. Солдаты были мертвы, их трупы лежали непогребенными на дорогах и в кустах; многие из тех, кто был жив, ходили как призраки или мертвецы, которые, когда я шел по городу, стонали и кричали: "Хлеба, ради Господа!"".

Большая часть этих страданий была вызвана не трудностями или необходимостью, а бесхозяйственностью командиров и неправильным поведением людей. Хотя они умирали по сто человек в неделю, оставшиеся в живых не делали ничего, чтобы защитить себя от климатических условий или обеспечить себе пропитание в будущем. "Копать или сажать они не могут и не хотят, а скорее голодают, чем работают", - жаловался Седжвик. Он назвал солдат людьми "настолько недостойными, ленивыми и праздными, что ни одному англичанину не придет в голову, что такая кровь должна течь в жилах любого, кто родился в Англии".

Протектор рассчитывал, что Новая Англия и острова обеспечат его плантаторами и фермерами, в которых нуждалась новая колония. Прежде всего он хотел получить в качестве ее ядра трудолюбивых, богобоязненных пуритан, которых, казалось, могла бы обеспечить только Новая Англия среди английских колоний. В 1650 году он попросил новоанглийцев помочь в реколонизации Ирландии, и теперь, ничуть не опечаленный неудачей, он предложил им перебраться на Ямайку. "Мы желаем, - сказал он, - чтобы это место было населено людьми, которые знают Господа и ходят в страхе Его, чтобы своим светом они могли просветить все вокруг, что и было главной целью нашего замысла". Дэниелу Гукину из Массачусетса, агенту Кромвеля, было поручено сделать крупные предложения своим согражданам, чтобы побудить их к эмиграции. Для их перевозки должны были быть предоставлены корабли; они должны были получить земли в аренду на семь лет и освободиться от всех налогов на три года; им должны были быть гарантированы такие же большие привилегии и права самоуправления, какими пользовался любой английский город. Кромвель был уверен, что многие примут это предложение, поскольку, помня о первых трудностях поселенцев, он считал Новую Англию бесплодной и нездоровой, а свое новое завоевание полагал гораздо лучшей страной. Он сделал свое предложение, заявив,

"Из любви и привязанности к ним самим, а также из чувства товарищества, которое мы всегда испытывали к трудностям и нуждам, с которыми им приходилось бороться, с тех пор как они были изгнаны из родной земли в эту бесплодную пустыню, ради их совести; и мы не могли не проявить его в настоящее время, когда, как мы думаем, предоставляется возможность расширить их и вывести из бесплодной страны в землю изобилия".

Он сказал капитану Леверетту, что у них была "такая же ясная необходимость" перевезти себя из Новой Англии на Ямайку, "чтобы улучшить свое внешнее состояние, как и из Англии в Новую Англию".

Но жители Новой Англии оказались более процветающими, чем представлял себе Кромвель, и в худшем случае их климат был более здоровым, чем тот, в который он приглашал их перебраться. Нью-Хейвен, которому в то время угрожала война с индейцами, был единственной колонией, серьезно обдумавшей предложение, и в конце концов она ответила отрицательно. В ответе Массачусетса единственным определенным возражением были "сведения с Ямайки о смертности английской расы там". Жители Массачусетса со смирением и благоговением поблагодарили Протектора за его добрые намерения,

пообещали ему свои молитвы и дали понять, что намерены остаться на месте. Две или три сотни жителей Новой Англии приняли приглашение, но это было все.

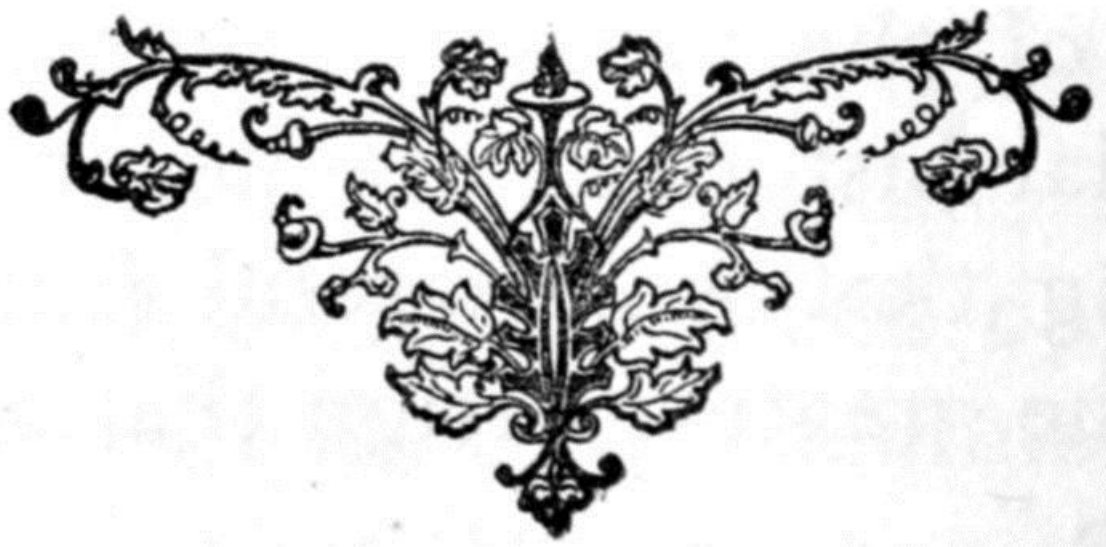
Столь же мало осуществимым было приглашение жителей Ямайки из Шотландии или Ирландии. Кромвель подумывал о масштабной перевозке бродяг из низин и беспокойных горцев, но ему сказали, что любой план принудительной эмиграции поднимет в воздух всю Шотландию. Обсуждался план перевозки тысячи ирландских мальчиков и стольких же ирландских девочек на Ямайку, но он ни к чему не привел. Ямайку колонизировали излишки населения других островов Вест-Индии. Сент-Китс, Барбадос и Бермуды прислали множество поселенцев, а остров Невис предоставил семнадцать сотен человек во главе со своим губернатором. Постепенно смертность среди солдат и колонистов уменьшилась; распространилось земледелие, и возникла небольшая торговля колониальными товарами. При Седжвике началась настоящая плантаторская работа. Он умер в мае 1656 года, и на посту губернатора его сменил генерал-майор Уильям Брейн, офицер, который служил в Шотландии под началом Монка и чьей мудрости в основном было обязано умиротворение Западного нагорья. Брейн умер в сентябре 1657 года, "бесконечно оплакиваемый", - писал один из колонистов, - "будучи мудрым человеком и идеально подходящим для командования и замысла". Его сменил полковник Эдвард Дойли, который управлял Ямайкой до реставрации Карла II.

Все это время младенческая колония вела активную войну с испанцами, как на море, так и на суше. Флот поджидал испанские корабли с сокровищами или атаковал города на испанском материке. В 1655 году Гудсон взял Санта-Марту, в 1656-м - Рио-де-ла-Хача. Седжвик был категорически против этих набегов, считая их не только невыгодными, но и вредными. "Мы не в состоянии, - писал он, - овладеть ни одним местом, на которое нападаем, и не надеемся таким образом осуществить наше намерение передать жителям что-нибудь из истинного знания о Боге". Индейцам и неграм, добавлял он, "мы покажемся жестоким, кровавым и губительным народом", что "заставит их, боюсь, считать нас хуже испанцев". Немногие разделяли эти совестливые угрызения. В 1657 году капитан Кристофер Мингс захватил Коро и Куману в Венесуэле, привезя домой "больше добычи, чем когда-либо привозили на Ямайку", и обогатив весь остров. Дух буканьерства, который привел к таким деморализующим результатам в последующие годы, запятнал колонию с самого ее рождения.

Со своей стороны, испанцы неоднократно предпринимали попытки отвоевать Ямайку. Некоторые из них все еще скрывались в лесах и горах и, при поддержке мулатов и негров, перебивали небольшие партии поселенцев. Испания отправила свежих солдат на Кубу, и экспедиции из Сантьяго или Гаваны не раз высаживались на северном побережье Ямайки. В 1657 году Дойли убил или взял в плен партию из трехсот человек. В 1658 году он разбил тридцать рот испанских пехотинцев, закрепившихся у Рио-Нова, убив триста человек, взяв сто пленных и взяв штурмом построенный ими форт. В качестве трофея он послал Кромвелю десять флагов, но протектор был мертв, прежде чем весть о победе дошла до него. "Таким образом, - пишет один из колониальных историков, - он так и не получил ни слова благодарности за самые большие расходы и величайший замысел, когда-либо сделанный англичанами".

И все же, хотя самому Кромвелю история его вест-индской экспедиции, должно быть, казалась тоскливой летописью неудач, на самом деле она была самой плодотворной частью его внешней политики и принесла самые стойкие результаты. Благодаря ей испанцы были вынуждены воздержаться от притеснений английских колоний в Вест-Индии, и Англия получила, как он и хотел, "господство над этими морями". В отличие от других частей его

политики, эта была не отменена, а сохранена при Реставрации. Карл II сохранил за собой Ямайку и вынудил Испанию с помощью высокой руки подчиниться ее удержанию Англией. Ему удалось осуществить завоевание Голландской Америки, к которому так стремился Кромвель. Он уступил Акадию Франции, но его преемники отвоевали ее, а также завоевали всю Канаду. При нем и при них власть внутреннего правительства систематически направлялась на защиту существующих колоний и основание новых. Таким образом, колониальная политика, начатая Кромвелем и государственными деятелями Республики, стала постоянной политикой последующих правителей, и стала она таковой потому, что отражала не взгляды какой-либо партии, а чаяния и интересы англичан в целом.

ГЛАВА XX

КРОМВЕЛЬ И ЕГО ПАРЛАМЕНТЫ

С 1654 по 1658 год основным вопросом английской политики был вопрос о том, удастся ли Кромвелю заручиться согласием нации на власть, которую ему предоставила армия. Иностранцы ясно видели ситуацию. После того как знаменитый шведский канцлер Оксенстирн выслушал рассказ Уайтлока об основании Протектората, он сказал ему, что Протектору осталось сделать только одно, а именно "сделать ему стальную спину и грудь". "Что вы имеете в виду?" - спросил Уайтлок. "Я имею в виду, - ответил канцлер, - подтверждение его статуса протектора вашим парламентом, что будет его лучшей и величайшей силой". Сам Кромвель не желал оставаться выдвигенцем солдат и хотел править по согласию, а не силой. Но на его пути постоянно стояли два больших препятствия. Одним из них было укоренившееся отвращение англичан к правлению мечом, которое было источником его власти. Другим препятствием были традиции палаты общин. В январе 1649

года она заявила, что является верховной властью в государстве по праву суверенного народа, который она представляла, и это заявление, сделанное однажды, никогда не могло быть забыто. По мнению одной части республиканцев, единственным законным правительством был изгнанный Долгий парламент, получивший по закону право не распускаться никогда, кроме как по собственному согласию. По мнению другой части, любой избранный парламент был столь же всемогущ, как и народ, от которого исходили его права. Признание права какой-либо внешней силы ограничивать власть парламента казалось тем и другим предательством свободы нации.

Первый парламент, избранный в соответствии с положениями документа о правительстве, собрался в сентябре 1654 года. Большинство его членов были пресвитерианами или умеренными индипендентами, так как крайние люди Малого парламента были отвергнуты на избирательных участках. Вскоре стало очевидно, что, хотя палата готова признать Кромвеля главой государства, она не желает принимать конституцию, которую разработали чиновники. Вместо того чтобы довольствоваться функциями законодательного органа, она заявила о себе как об учредительном собрании. Протектор мог осуществлять исполнительную власть при условии, что представители народа определяют условия, на которых он будет ее осуществлять. "Правительство, - гласила принятая формула, - должно находиться в руках парламента и одного человека, ограниченного или сдерживаемого по усмотрению парламента". Таким образом, координационная и независимая власть, которой Документ о правительстве наделял Протектора, была поставлена под сомнение, и парламент вновь предъявил претензии на суверенитет.

Кромвель счел необходимым вмешаться, чтобы сохранить свою собственную власть и власть конституции. Он предложил компромисс. Парламент мог пересмотреть конституцию, если ее основные положения оставались нетронутыми. "Существенное" можно изменить, а "основное" нужно принять. Эти основы он свел к четырем принципам: правление одного человека и парламента; разделение контроля над военными силами между парламентом и протектором; ограничение срока, в течение которого может заседать парламент; и, наконец, свобода совести. Что касается его самого, то Кромвель утверждал, что его право на правление было подтверждено нацией. Армия, Сити, большинство районов и графств Англии своими обращениями выразили свое одобрение. Судьи, получив новые полномочия, признали его власть. Шерифы, приступая к выборам в соответствии с его предписаниями, и сами члены, избранные на этих выборах, тем самым тоже стали ее обладателями. Прямо или косвенно его власть была основана на принятии и согласии народа. Ради блага этих народов и их потомков он будет сохранять нынешний порядок вопреки всякой оппозиции. "Умышленный отказ от этого правительства, столь принадлежащего Богу, столь одобренного людьми, - я скорее буду готов сойти в могилу и быть похороненным с позором, чем дам на это свое согласие".

Около ста членов были исключены из палаты за отказ подписать обязательство быть верными Содружеству и Протектору и не изменять правительство, установленное одним человеком и парламентом. Остальные, приняв приглашение Протектора, приступили к пересмотру конституции. Много дней они провели в дебатах, потратив много времени на бесполезные споры о словах, но внеся несколько разумных поправок. Они сделали должность протектора выборной, а Совет - более зависимым от парламента. С другой стороны, они ограничили право протектора накладывать вето на законодательство и стремились ограничить веротерпимость, предоставляемую конституцией. Необходимо было составить список проклятых ересей и перечислить двадцать предметов веры, которые никто не должен был оспаривать. Это встревожило и армию, и Протектора, и офицеры обратились

к Кромвелю с просьбой вмешаться. В конце концов, было решено оставить вопрос о ереси на совместное решение Протектора и Парламента, но остался еще один вопрос, по которому компромисс был невозможен. Согласно "Инструменту", протектор был уполномочен содержать постоянную армию в тридцать тысяч человек, но к концу 1654 года численность войск в трех государствах составляла пятьдесят семь тысяч человек. Ежегодные расходы государства выросли до 2 670 000 фунтов стерлингов, в то время как доходы составляли всего два миллиона с четвертью. Парламент стремился снизить налогообложение, и прежде всего сократить расходы на армию, которые составляли 1 560 000 фунтов стерлингов в год. Он потребовал сократить армию до установленного законом максимума, после долгих дискуссий проголосовал за доход в один миллион триста тысяч фунтов, которого, по его мнению, было достаточно для содержания тридцатитысячной армии, и пообещал выделить деньги на погашение двадцати семи тысяч человек, подлежащих расформированию. В то же время он настаивал на том, что контроль над военными силами нации должен принадлежать парламенту, а не протектору. В этом вопросе Оливер не мог уступить. По его мнению и мнению его Совета, тридцати тысяч человек было недостаточно для поддержания мира между тремя государствами.

Восстание роялистов в Шотландии только-только было подавлено, а Ирландия, хоть и покорилась, кипела недовольством. В Англии шла подготовка к восстанию, подстегиваемая спорами между парламентом и протектором. "Расстройство и разделение, недовольство и неудовлетворенность, - сказал он, - вместе с реальными опасностями для всего мира, были умножены за эти пять месяцев вашего заседания больше, чем за несколько лет до этого. Заложены основы для будущего возобновления бед этих народов всеми их врагами за границей и внутри страны".

Кавалеры, сказал Кромвель, в течение некоторого времени снабжали себя оружием; "не сомневаясь, что у них будет день для этого, и искренне веря, что каковы бы ни были их прежние разочарования, они получают от наших подразделений больше, чем могли бы сделать для себя". Левеллеры действовали в согласии с кавалерами, "пытаясь ввергнуть нас в кровь и смятение, более отчаянное и опасное смятение, чем когда-либо видела Англия". Республиканцы, занимавшие определенные позиции, объединялись с левеллерами, чтобы вызвать недовольство и мятеж среди солдат, а задержка с голосованием по поводу денег для оплаты армии и недостаточность уже назначенной суммы способствовали осуществлению этих замыслов. Армия в Шотландии уже тридцать недель не получала жалованья и находилась под угрозой сокращения, чтобы занять свободные кварталы. Был раскрыт заговор с целью захватить Монка, сделать генералом кого-то другого и направить армию в Англию для свержения правительства. В таких условиях Протектор не мог согласиться на столь значительное сокращение армии или отказаться от управления ею. "Если, - говорил он, - власть ополчения будет уступлена в такое время, как сейчас, когда она так же необходима для сохранения этого дела, как и для его получения, что станет со всеми нами?" Он также не мог в любой момент отказаться от контроля над армией, если необходимо было сохранить равновесие конституции. Если этот контроль не будет поровну разделен между Протектором и Парламентом, говорил Кромвель, это положит конец власти Протектора "делать добро, которое он должен, или препятствовать Парламенту увековечить себя, навязать религию, которую они хотят, совести людей, или правительство, которое они хотят, нации". Если отказаться от этого основополагающего принципа, все остальные окажутся под угрозой. "Поэтому, - заключил он, - я считаю своим долгом сказать вам, что ваше дальнейшее пребывание здесь не принесет ни пользы этим народам, ни общего и общественного блага".

Заговоры, о которых говорил Кромвель, были широко распространены и опасны, но бдительность правительства пресекла их в зародыше. Генерал-майор Овертон, которого шотландские мятежники выбрали в качестве своего лидера, был заключен сначала в Тауэр, а затем в Джерси. Генерал-майор Харрисон, на которого рассчитывали люди Пятой монархии в Англии, чтобы возглавить их, был отправлен в замок Кэрисбрук. Майор Уайлдман, вождь левеллеров, был арестован за то, что диктовал "Декларацию свободного и благополучного народа Англии, находящегося сейчас в оружии против тирана Оливера Кромвеля". Арест многих агентов роялистов парализовал замыслы кавалеров. Их восстание было назначено на 13 февраля, но его отложили на три недели, а когда наступил март, хотя в полудюжине мест были проведены собрания, так мало кто послушался сигнала, что заговорщики вообще разбежались и разошлись по домам. Единственная реальная вспышка произошла в Солсбери, где полковник Пенруддок и сэр Джозеф Вагстафф собрали три или четыре сотни человек и провозгласили Карла II. Затем они направились в Корнуолл, где роялистские настроения были еще сильны, но их настигли и разгромили солдаты Кромвеля у Саут-Молтона в Девоншире. Пенруддок и еще несколько человек были казнены, а несколько десятков их последователей отправлены в Вест-Индию для работы на сахарных плантациях.

Как только восстание закончилось, Кромвель, чтобы показать свое желание уменьшить бремя народа и по возможности удовлетворить разумные требования покойного парламента, занялся сокращением армии. В течение лета и осени 1655 года десять или двенадцать тысяч человек были распущены, а жалованье тех, кто оставался на службе, было уменьшено. Затем последовало расширение военного правления, которое принесло Протектору больше дурной славы, чем любой другой акт его правительства. Англия была разделена на двенадцать округов, и над каждым из них был поставлен офицер в звании генерал-майора, на которого возлагалась особая обязанность поддерживать порядок в своем округе. Ему было поручено ввести в действие сложную систему полицейских правил, призванных предотвратить заговоры против правительства, и следить за исполнением всех законов, касающихся общественной морали. Он командовал местным ополчением и конным отрядом, сформированным в каждом графстве в дополнение к нему.

Это "постоянное конное ополчение", как его называли, состояло примерно из шести тысяч человек, которые платили небольшую сумму в качестве сбора за удержание и могли быть призваны по первому требованию. Восемьдесят тысяч фунтов стерлингов в год, необходимых для их содержания, должны были обеспечиваться за счет десятипроцентного налога на доходы роялистского дворянства, начисление и сбор которого возлагались на генерал-майоров, которым помогали местные комиссары.

Как полицейская мера это учреждение имело большой успех, но в политическом плане оно было большой ошибкой. Это был разворот политики, которой Кромвель придерживался до сих пор. Проведя амнистию в 1652 году и отменив обязательное обязательство быть верным Содружеству, Кромвель стремился побудить роялистов забыть о своем поражении и стать хорошими гражданами. В опубликованной декларации, призванной оправдать его действия по обеспечению мира в стране, он придерживался мнения, что роялисты непримиримы. Он жаловался, что они старались держаться особняком и обособленно от благонамеренных, "как будто хотели избежать самого начала союза". Они воспитывали своих детей под началом изгнанного духовенства и ограничивали свои браки рамками своей партии, "словно намереваясь закрепить свою ссору и предотвратить средства для примирения потомства". Люди могли бы сказать, что несправедливо наказывать всех роялистов за вину немногих, но "вся партия в целом была вовлечена в это дело", прямо или косвенно. Поэтому, "если для

продолжения дела требовались большие силы, было бы самым справедливым возложить обвинение на ту партию, которая была его причиной".

Защита убедила только сторонников правительства. Для остальной Англии произвол и инквизиторские действия генерал-майоров были достаточным основанием для осуждения этого учреждения. Было очевидно, что военная партия среди советников протектора взяла верх над юристами и гражданскими лицами. Протекторат, до сих пор стремившийся казаться умеренным и конституционным правительством, предстал в образе военной деспотии.

Тем временем юридическая оппозиция, более опасная, чем роялистские заговоры, угрожала власти протектора. Юристы начали ставить под сомнение обоснованность его указов, а судьи - проявлять неуверенность в их исполнении. Уайтлок и Уиддрингтон, два комиссара Большой печати, покинули свои посты из-за сомнений в исполнении ордонанса о реформе канцелярии. Судьи Ньюдигейт и Торп отказались действовать в составе комиссии, назначенной для суда над повстанцами на севере. Купец по имени Кони отказался платить таможенные пошлины, не установленные актом парламента, а его адвокат, сержант Твисден, утверждал, что их взимание по указу Кромвеля противоречит Magna Carta. Главный судья Ролле, перед которым рассматривалось дело, отказался от своего места, чтобы избежать решения вопроса.

Кромвель ответил на это противодействие арестом тех, кто отказался платить налоги, отправил адвокатов Кони в Тауэр и заменил сомневающихся более покладистыми судьями. Кони, запуганный или уговорами, отказался от своих показаний, а адвокаты извинились и подчинились. Необходимость была единственным оправданием этих деспотических действий Протектора. "Народ, - утверждал он, распуская парламент, - предпочтет свою безопасность страстям, а реальную безопасность - формам, когда необходимость потребует поставок". Убежденный в том, что сохранение его правительства служит благу народа, он был намерен поддерживать его силой и не стеснялся заявлять. "Это против воли нации: против вас будет девять из десяти", - сказал Калами Кромвелю, когда тот вступил в должность протектора. "Очень хорошо, - ответил Кромвель, - но что, если я разоружу девятерых и вложу меч в руки десятого. Разве это не поможет?"

Тем не менее ни доводы о необходимости, ни призывы к силе не смогли убедить лидеров республиканцев признать власть правительства. Такие люди, как Вейн и Ладлоу, упорно отказывались даже от обещания не действовать против него.

"Почему вы не признаете это правительство законным?" - спросил Ламберт у Ладлоу. "Потому что, - ответил Ладлоу, - оно кажется мне по сути восстановлением того, против чего мы все выступали и что было упразднено с большими потерями крови и сокровищ". "Что же вы хотите получить?" - спросил сам Протектор. "То, за что мы боролись, - ответил Ладлоу, - чтобы нация управлялась по собственному согласию". "Я, как и любой другой человек, за управление по согласию, - ответил Кромвель, - но где мы найдем это согласие?"

В этом и заключалась сложность. Ладлоу говорил, что согласие требуется от "тех, кто действовал с верностью и привязанностью к обществу". Вейн в своем "Целительном вопросе" заявил, что конвенция, представляющая "все тело приверженцев этого дела", - единственный орган, имеющий право определять правительство нации. Оба они были слепы к тому факту, что раскол в пуританской партии сделал соглашение невозможным, и что правительство по согласию неизбежно приведет к реставрации Стюартов.

Летом 1656 года Протектор созвал второй парламент, хотя по условиям "Инструмента" он должен был сделать это только в 1657 году. Ему нужны были деньги для продолжения войны с Испанией, и генерал-майоры сказали ему, что они могут обеспечить избрание членов, благоприятных для правительства. Когда выборы состоялись, генерал-майоров ждал неприятный сюрприз. Повсюду произвол последних восемнадцати месяцев вызвал всеобщее недовольство. "Ни придворных, ни фехтовальщиков", - гласил народный клич, и в графствах, где электорат был слишком велик, чтобы его можно было ошеломить, было выдвинуто большое число оппозиционных кандидатов. Когда парламент собрался, Совет протектора взял на себя право определять квалификацию избранных лиц и исключил сотню членов как недовольных правительством.

Исключенные протестовали, но их протест не был услышан; те, кому разрешили заседать, подчинились почти без ропота. В целом это были умеренные пресвитериане или индипенденты, готовые поддержать любое правительство, которое обещало спокойствие народу, уставшему от политических распри. Их готовность принять Кромвеля в качестве протектора была продемонстрирована актом, аннулирующим титул Стюартов на престол, и еще одним, согласно которому заговор с целью свержения его правительства считался государственной изменой. Захват испанских кораблей с сокровищами Стайнером, который произошел как раз к открытию сессии, придал внешней политике Кромвеля престиж успеха, и палата ответила на его призыв о поставках, одобрив испанскую войну и проголосовав за 400 000 фунтов стерлингов на ее расходы.

Что касается других вопросов, то вскоре выяснилось, как мало даже приверженцы Протектората симпатизируют его враждебности к религиозным преследованиям и как сильно их возмущает произвол генерал-майоров. В случае с Джеймсом Нейлором Палата взяла на себя судебную власть, и многие ее члены жаждали наказать его богохульство смертью. Вмешательство Кромвеля было отбито, и Нейлор был приговорен к клеймению, бичеванию и тюремному заключению по желанию. Еще более ожесточенной была борьба вокруг законопроекта о продолжении "децимационного" налога, взимаемого с кавалеров для поддержки нового ополчения. Генерал-майоры подвергались нападкам со всех сторон палаты, а налог осуждался как несправедливый и нарушающий общественную веру. Зять Кромвеля, Клейпол, выступил против законопроекта, как и его доверенный советник, лорд Брогилл. Кроме самих солдат, его мало кто защищал, и в итоге он был отклонен подавляющим большинством голосов.

Пока шли эти дебаты, был раскрыт новый заговор против жизни Протектора. Майлз Синдеркомб, демобилизованный солдат, придерживающийся принципов левеллинга, после провала нескольких планов застрелить Кромвеля из окна по дороге в Хэмптон-Корт или убить его в карете, когда он выходил на воздух в Гайд-парке, попытался поджечь часовню Уайтхолла, надеясь найти в суматохе лучшую возможность. Когда отчет о заговоре был представлен в парламенте, мистер Эш, пресвитерианин, не имевший большого авторитета, внес поразительное дополнение в поздравительный адрес. "Для сохранения себя и нас, - заявил он, - было бы очень полезно, если бы его высочеству было угодно взять на себя управление страной в соответствии с древней конституцией. Тогда и наши свободы и мир, и сохранение и привилегии его высочества были бы основаны на старом и надежном фундаменте".

Подобное предложение часто высказывалось и за стенами палаты. В первом проекте "Правительственного акта" чиновники предложили Кромвелю титул короля вместо протектора, но он отказался. В августе 1655 года в Лондоне была распространена петиция, требующая от Кромвеля принять титул короля или императора, но ее автор был отчитан

Советом, и петиция была подавлена. В конце 1656 года победы над испанцами вызвали широкое распространение мнения о том, что Кромвель достоин быть зачисленным в число английских королей. Оно нашло свое выражение в стихах Уоллера, посвященных захвату испанских кораблей с сокровищами.

"Пусть будет так, как молится радостный народ, - пел поэт.

"Пусть богатая руда немедленно будет переплавлена,

И государство поправить, сделав его короной;

В горностаевом и пурпурном одеянии пусть он держит

Королевский скипетр из испанского золота".

Но ни внешняя слава, ни внутренние опасности не были столь сильным мотивом для возрождения монархии, как желание вернуться к конституционному правлению. Реакция против правления людей Пятой монархии сделала Кромвеля протектором, реакция против правления меченосцев привела к попытке сделать его королем. "Они так сильно возмущены произволом генерал-майоров, - писал один из наблюдательных членов парламента, - что жаждут любой власти, которая будет управляться и ограничиваться законом". Предложение Эша было осуждено как преступление несколькими стойкими республиканцами, но оно попало на плодотворную почву. Пять недель спустя олдермен Пак, один из депутатов от Лондона, внес законопроект, предлагающий пересмотр конституции и возрождение монархии. Республиканцы считали, что эта идея была подсказана самим Кромвелем, но на самом деле это была работа купцов и юристов из средней партии. И снова военный элемент в Палате представителей занял одну сторону, а гражданский - другую. Генерал-майоры, поддерживаемые солдатами и республиканцами, упорно оспаривали билль, статья за статьей, но наконец 25 марта Палата 123 голосами против 62 постановила, что Протектора следует попросить принять на себя имя и должность короля. 31 марта эта схема была представлена Протектору для принятия под названием "Смиренное прошение и совет" парламента.

Ответ Кромвеля был нерешительным и неоднозначным. Он выразил благодарность за оказанную ему честь и одобрение новой конституции, но в конце ответил отказом. Он заявил, что, поскольку не может принять часть схемы, не приняв всю, он не может "счесть своим долгом перед Богом и парламентом взять на себя эту обязанность под таким названием". В течение следующих пяти недель комитеты парламента спорили с Протектором, пытаясь устранить его сомнения и доказать необходимость принятия им короны. Титул имел для них значение.

"Парламент, - писал Турлоу, - не убедить в том, что урегулирование может быть достигнуто иным путем. Вопрос не в титуле, а в должности, которая известна законам и людям. Они знают свой долг перед королем и его долг перед ними. Все остальное будет совершенно новым и при следующем случае снова изменится. Кроме того, говорят, что название "Протектор" появилось мечом и никогда не станет основанием для какого-либо урегулирования, и не будет свободного парламента, пока оно сохраняется, и как сейчас оно пахнет мечом, так и в конце концов приведет все к военным действиям".

Но те же причины, по которым возрождение монархии казалось столь желанным для парламента и юристов, сделали его нежелательным для армии. За месяц до предложения короны Кромвелю генерал-майор Ламберт и сотня офицеров обратились к нему с просьбой отказаться от нее. Кромвель ответил твердо; ему показалось, что их возражения против

титула были чрезмерными и необоснованными. "Было время, - напомнил он им, - когда они не смущались словом "король". "Со своей стороны, - добавил он, - он любил этот титул так же мало, как и они". Это было всего лишь "перо в шляпе". Но политика офицеров провалилась. Составленная ими конституция нуждалась в исправлении. Эксперимент генерал-майоров закончился неудачей. "Пришло время, - заключил он, - прийти к соглашению и отбросить произвол, столь неприемлемый для нации".

Кромвель желал принять конституцию, разработанную парламентом, поскольку она, казалось, обеспечивала урегулирование по согласию нации, которого так долго и так тщетно добивались. "Мне очень нравится эта вещь, урегулирование, само слово и само понятие о нем", - заявил Кромвель парламентскому комитету. "Я думаю, что он недостойн жить в Англии, которая таковой не является".

Сама по себе конституционная схема, содержащаяся в Петиции и Совете, казалась хорошей. В ней присутствовал монархический элемент, который Кромвель назвал желательным в 1657 году. Имелись сдерживающие факторы произвола Палаты общин, которые он всегда считал необходимыми, не только наличие писаной конституции, подобной той, которую офицеры разработали в 1653 году, но и возрождение Второй палаты в качестве противовеса Палате общин. Гражданская свобода казалась полностью обеспеченной, а "эта великая естественная и гражданская свобода, свобода совести", надежно гарантированной. "То, что предусмотрено в Петиции, - утверждал Кромвель, - обеспечивает свободу народа Божьего так, как он никогда не имел ее прежде".

В течение пяти недель продолжались эти совещания. "Я считаю для себя, - сказал Протектор вскоре после их начала, - что нет необходимости в этом имени короля, ибо другое имя может подойти с тем же успехом". Он даже был склонен думать, что Бог уничтожил как титул, так и семью, которая его носила. Более того, сказал он парламенту, многие хорошие люди не смогут проглотить этот титул, и они не должны рисковать потерять одного друга или одного слугу ради столь незначительной вещи. Если бы Протектор был предоставлен самому себе, он, вероятно, отказался бы от своих угрызений совести и согласился бы, но это последнее соображение определило его ответ. От многих ярых кромвелевцев за пределами армии до Кромвеля доходили письма и памфлеты против королевской власти. Ему прямо говорили, что для него "возродить старую структуру правления", которую Бог с его помощью низверг, и снова установить монархию, которую парламент объявил обременительной и губительной для нации, было бы "страшным отступничеством". В армии было ясно, что его согласие на корону приведет к непримиримому расколу. Когда настал день окончательного ответа, Флитвуд, Десборо и Ламберт пригрозили сложить свои полномочия, если он согласится, и в то же утро около тридцати офицеров подали петицию в парламент, умоляя его больше не давить на Протектора и протестуя против возрождения королевской власти. 8 мая 1657 года Кромвель ответил парламенту очередным отказом, сказав: "Хотя я считаю, что акт правления состоит из очень хороших частей во всем, кроме одного - титула, относящегося ко мне, я не могу взять на себя это правление с титулом короля".

Парламент, хотя и был сильно разочарован, понял намек, содержащийся в этих словах. Если бы Кромвель однозначно отказался, когда ему впервые предложили петицию и совет, парламент с отвращением отбросил бы всю затею. Как бы то ни было, стремясь добиться его согласия, он принял все поправки, предложенные им во время конференций, и зашел слишком далеко, чтобы отказаться от столь тщательно разработанной конституции. 25 мая петиция и совет были вновь представлены Кромвелю, причем титул протектора был заменен на титул короля, и на этот раз он дал свое согласие. В Вестминстер-холле в пятницу, 26 июня, он был во второй раз введен в должность Протектора с большой помпой и церемонией.

Спикер, как представитель парламента, облачил его в мантию из пурпурного бархата, подбитую горностаем, "по обычаю, который издревле использовался при инвеституре принцев", вручил ему Библию, прикрепил к его боку меч и вложил в его руки золотой скипетр. Он принес клятву поддерживать протестантскую религию, сохранять мир и права трех наций и сел в государственное кресло. Зазвучали трубы, народ воскликнул "Боже, храни Господа Защитника!", а глашатаи провозгласили провозглашение, как в старину при коронации королей.

Кромвель добился того, чего хотел. Наконец-то его власть опиралась на конституционную основу. Отныне он был не просто выдвиженцем армии, а избранником представителей народа. Более того, в соответствии с Петицией и Советом его полномочия были более широкими, чем в соответствии с Орудием правления. Он получил право выдвигать своего преемника и назначать, при условии одобрения парламентом, семьдесят членов новой Второй палаты. Он получил постоянный доход в размере одного миллиона трехсот тысяч фунтов, который парламент счел достаточным для покрытия обычных расходов правительства в мирное время, а на следующие три года ему был предоставлен дополнительный доход в размере шестисот тысяч фунтов для покрытия расходов на войну. С другой стороны, полномочия парламента были расширены, а Совета протектора - уменьшены. Парламент получил контроль над собственными выборами, и произвольное исключение его членов стало отныне невозможным. Но оставалось выяснить, примет ли парламент, представляющий все части пуританской партии, соглашение, заключенное переполненным парламентом, или же вновь созданная Вторая палата станет более эффективным сдерживающим фактором для нижней палаты, чем бумажные ограничения Правительственного акта.

В январе 1658 года, когда парламент вновь собрался после шестимесячных каникул, ситуация изменилась. Около сорока главных сторонников Протектора в нижней палате были призваны в новую Вторую палату, и их места не были заполнены новыми выборами. В то же время все ведущие республиканцы, исключенные при открытии первой сессии, - старые парламентские стрелки, искусные в дебатах и ярые враги Протектората - пополнили ряды оппозиции. Вместо того чтобы иметь сильное правительственное большинство, две партии в Палате общин оказались довольно сбалансированными. Тем не менее, вступительная речь Протектора была полна надежды и уверенности. Оглядываясь на прошлую работу этого парламента и достигнутое им урегулирование, его сердце переполнялось благодарностью и радостью. "Как Бог искупил нас, как мы стоим в этот день! Не только от бед, печалей и гнева, но и в благословенное и счастливое состояние, охватывающее все интересы". У нас есть "мир и покой после десятилетней войны", религиозная свобода после многих лет гонений. "Кто мог предвидеть, когда мы были погружены в пучину наших бедствий, что когда-нибудь народ Божий будет иметь свободу поклоняться Богу, не опасаясь врагов?" Пусть они признают, что сделал Бог, и строят на этом фундаменте гражданских и духовных свобод, которые Он им даровал.

"Если Бог благословит вас в этом деле, - продолжал Кромвель, - и сделает собрание счастливым, вы будете названы благословенными Господом. Грядущие поколения будут благословлять нас. Вы будете "заделывать проломы и восстанавливать пути, на которых можно жить". И если есть какая-то более высокая работа, которой смертные могут достичь в мире за пределами этого, я признаю свое незнание о ней".

Кромвель был быстро обманут. Как только начались слушания, стало очевидно, что разрыв между двумя палатами неизбежен. Во второй речи Кромвеля, произнесенной им через четыре дня после начала сессии, он говорил скорее о своих опасениях, чем о надеждах. За

границей, по его словам, протестантское дело находилось в опасности из-за осложнений в Северной Европе, а Карл II собрал армию и планировал высадку в Англии. Дома кавалеры планировали новое восстание, но самая большая опасность заключалась в их собственных разногласиях. "Примите нас в том состоянии, в котором мы находимся: это величайшее чудо, когда-либо постигшее сынов человеческих, что мы снова обрели мир". Подумайте, сколько различных сект и партий было в народе, каждая из которых стремилась занять первое место. "Если бы Бог не препятствовал, все это превратилось бы в одну путаницу. Если бы Бог не сдерживал, в Англии был бы только один Каин; у нас была бы еще одна более кровавая гражданская война, чем когда-либо была в Англии". Что стояло между Англией и анархией, кроме армии и правительства, учрежденного Петицией и Советом? "Есть ли у вас какая-нибудь схема или модель вещей, которая удовлетворила бы умы людей, если бы не эта схема?"

Лидеры республиканцев, которые теперь получили руководство нижней палатой, были глухи к этим аргументам. Они поклялись быть верными лорду-протектору и не замышлять ничего против его законной власти, и они тщательно следили за тем, чтобы слово обещания было услышано. Но они настаивали на том, чтобы обсудить Петицию и Совет заново, не принимая на веру ничего из того, что было сделано за время их отсутствия. "Если вы не удостоверитесь в фундаменте, это не поможет вам в работе", - сказал Хаслериг. "Мы, которые не были посвящены в ваши дебаты, на основании которых вы вынесли свои решения, должны иметь право обсудить их заново", - добавил другой. С большой остротой они остановились на полномочиях новой Второй палаты, отрицая, что она является палатой лордов, как ее называл Кромвель, и настаивая на том, что ее надлежащее название, согласно Петиции и Совету, - "другая палата".

Если бы ей позволили называть себя палатой лордов, она претендовала бы на все законодательные и судебные полномочия, которыми обладали старые лорды, и что тогда стало бы с правами народа? Народ, говорил Скот, Божьим провидением был освобожден от любой власти, которая могла бы наложить вето на его решения. "Скажут ли они вам спасибо, если вы наложите на них такой негатив? За что боролись, как не за то, чтобы прийти к возможности принимать свои собственные законы?" "Английские общины, - подхватил Хаслериг, - вздрогнут, услышав, что они возвращаются в Египет". Целых семь заседаний продолжались эти дебаты, и нижняя палата отказывалась иметь какие-либо дела с верхней палатой, пока не будет решен этот вопрос. Для республиканцев этот титул означал все. "Признайте лордов - и вы признаете все", - утверждал Эшли Купер. "Я могу терпеть, когда меня разрывают на части, - кричал Хаслериг, - я могу это вынести; но предать свободу народа Англии - этого я не могу".

Лидеры республиканцев не ограничились словесной оппозицией. Некоторые из них вступили в сношения с недовольными в городе и в армии. Было решено представить петицию, подписанную десятью тысячами человек в Лондоне, с требованием ограничить власть Протектора над армией и признать Палату общин верховной властью в стране. В ответ палата должна была проголосовать за обращение, утверждающее оба эти принципа, и в случае необходимости назначить Фэрфакса главнокомандующим вместо Кромвеля. Республиканцы рассчитывали, что их поддержит часть армии, поскольку ходили слухи о недовольстве в рядах. Солдаты говорили, что под предлогом свободы совести их обманули, заставив предать гражданские свободы своей страны, и все ради того, чтобы сделать одну семью великой. И нигде враждебность к новой палате лордов не была сильнее, чем среди офицеров конного полка самого протектора.

Схема дошла до ушей Кромвеля, и на следующее утро он отправил обоим палатам внезапный вызов на встречу с ним (4 февраля 1658 года). Он стал Протектором, сказал он им, в силу Петиции и Совета. "Нет ни одного человека, который мог бы сказать, что я добивался этого, ни один мужчина, ни одна женщина не ступала бы на английскую землю". Они просили и советовали ему принять должность, и он рассчитывал, что они выполнят свои обязательства. Затем, обращаясь к членам Общины, он пожаловался, что вместо того, чтобы принять решение, принятое с их согласия, они пытаются его нарушить. "За эти пятнадцать или шестнадцать дней, что вы заседаете, нация может прийти в большее смятение, чем с момента начала прошлой сессии до сегодняшнего дня. Намерение снова создать Содружество, чтобы некоторые люди могли править всеми". Одни "пытались задействовать армию, чтобы осуществить это", другие - "возбудить жителей этого города к беспорядкам". Все это было направлено "не на что иное, как на игру короля Шотландии", и не могло закончиться ничем, кроме крови и смятения. "Я считаю, что настало время, - заключил он, - положить конец вашему заседанию, и я распускаю этот парламент. И пусть Бог будет судьей между вами и мной".

"Аминь", - ответили непокорные республиканцы.

ВЕЛИКАЯ ПЕЧАТЬ ПРОТЕКТОРА.

(Из книги Хенфри *"Numismata Cromwelliana"*).

ГЛАВА XXI

СМЕРТЬ КРОМВЕЛЯ

1658-1660

Современникам Протекторат никогда не казался таким сильным, как летом 1658 года. "С момента роспуска последнего парламента Кромвеля, - пишет Кларендон, - казалось, что все дела дома и за границей идут в соответствии с его желаниями, а его власть и величие утвердились лучше, чем когда-либо". Военный мятеж, роялистский мятеж, предполагаемое вторжение - три опасности, угрожавшие его правлению весной, - все они были успешно преодолены. Заговоры были сорваны благодаря своевременному аресту их лидеров. Некоторые недовольные офицеры лишились своих комиссий, несколько человек из Пятой монархии были заключены в тюрьму, а около дюжины роялистов предстали перед Высшим судом, из которых пятеро пострадали на эшафоте или виселице. За границей победа при Дюнах и взятие Дюнкерка придали новый блеск английскому оружию и еще больше подняли славу Кромвеля в Европе, а великолепный прием лорда Фоконберга при французском дворе и комплиментарная миссия, направленная Людовиком XIV Протектору, свидетельствовали о том, что самый могущественный государь Европы придавал большое значение дружбе Кромвеля.

Современные историки оценивают ситуацию менее благоприятно, чем современники. Некоторые полагают, что власть Кромвеля клонилась к упадку и что он должен был поддаться трудностям, которые его окружали. Говорят, что он был поставлен перед фактом банкротства без поставок из парламента и перед фактом свержения, если он созовет парламент. Оба утверждения преувеличены, поскольку ни одна из трудностей не была непреодолимой. Кромвель сталкивался с ними с тех пор, как начал править, и его правительство умудрялось их преодолевать.

В 1658 году финансовые трудности были более серьезными, чем парламентские. Когда Долгий парламент был изгнан, национальные финансы находились в состоянии хаоса. Ежемесячный налог на недвижимость вырос до 120 000 фунтов стерлингов в месяц, долг составлял около 700 000 фунтов стерлингов, а земли короны, церковные земли и конфискованные поместья, которые были главным ресурсом казны в чрезвычайных ситуациях, были почти все проданы. Во время протектората финансовое управление было улучшено, государственные деньги экономно расходовались, а налоги снижены. Ежемесячный налог был снижен сначала до 90 000 фунтов стерлингов, затем до 60 000 фунтов стерлингов и, наконец, до 50 000 фунтов стерлингов. Но поскольку сокращение расходов государства не происходило такими же темпами, поступления не уравнивали расходы. Доходы правительства Кромвеля за 1657-1658 годы можно оценить примерно £1 900 000, в то время как расходы были примерно на £400 000 больше. Армия стоила около 1

100 000 фунтов стерлингов, флот - около 900 000 фунтов стерлингов, а гражданское правительство - около 300 000 фунтов стерлингов. Причин такого большого дефицита было две. Первая - расходы на удержание Ирландии и Шотландии, доходы которых были недостаточны для покрытия расходов на содержание их гарнизонов, так что английская казна должна была выделять на эти цели около четверти миллиона в год. Вторая причина заключалась во внешней политике протектора. Финансисты подсчитали, что менее полумиллиона достаточно для содержания флота, достаточного для оборонительных целей. Но флот, достаточно сильный, чтобы бороться с Испанией за господство в западных морях, блокировать испанские берега и вмешиваться в споры балтийских держав, стоил вдвое больше. Следствием этого стало то, что правительство протектора постоянно испытывало нехватку денег, и накопился значительный долг. К весне 1659 года этот долг составил около миллиона и трех четвертей. Если бы финансисты Протектората, подобно финансистам времен Вильгельма III, приняли решение финансировать долг и привлекать займы для покрытия дефицита, вызванного войной, то проблема была бы временно решена. Но поскольку условия времени и недостаток умения у финансовых советников Кромвеля не позволяли принять этот план, единственным выходом было сокращение расходов или получение более крупных поставок от парламента, что было нелегко, но и не невозможно. После успешной кампании 1658 года стало очевидно, что Испания будет вынуждена заключить мир, и сокращение как военно-морских, так и военных расходов стало реальным. По мнению французского посла (проницательного наблюдателя, глубоко заинтересованного в формировании правильной оценки вопроса), в финансовых затруднениях правительства не было ничего, что могло бы угрожать его стабильности. Столь же мала, по его мнению, была и опасность его свержения парламентом. Временный успех республиканцев на второй сессии последнего парламента был вызван причиной, которая больше не повторится, а именно: ослаблением правительственного большинства в результате ухода сорока его сторонников в новую Вторую палату. Протекторат скорее приобрел, чем потерял, парламентскую силу. Если результатом парламента 1654 года стало ослабление власти протектора, то результат парламента 1656 года значительно усилил ее. Поэтому летом 1658 года протектор решил созвать новый парламент к концу года, и, если бы не его смерть, это намерение было бы выполнено. Все с уверенностью ожидали, что предложение короны будет возобновлено этим органом, и, как показали выборы в декабре 1658 года, у правительства было бы большинство, по крайней мере, три к двум. Поддержка, которую Ричард Кромвель получил от парламента, опровергает версию о том, что оппозиция преуспела бы в попытке свергнуть его отца.

События наглядно доказали, что сохранение протектората зависело от верности армии. На момент начала протектората она насчитывала не менее шестидесяти тысяч человек. В декабре 1654 года, несмотря на недавнее сокращение, в трех государствах все еще насчитывалось пятьдесят три тысячи человек, вооруженных до зубов. К концу протектората она насчитывала, включая войска, занятые во Фландрии и на Ямайке, около сорока восьми тысяч человек. За это время произошли значительные изменения в ее характере и составе. Офицеры, выступавшие против правительства, один за другим лишались своих команд: Харрисон в декабре 1653 года, Овертон и четыре других полковника в 1654 году, Ламберт в 1657 году, Пакер и пять капитанов полка самого Кромвеля весной 1658 года. К 1658 году высшие офицеры, как правило, были либо личными приверженцами Протектора, либо профессиональными солдатами, которых мало интересовали политические вопросы. Люди типа Монка заняли место людей типа Харрисона. Среди подчиненных офицеров и унтер-офицеров было много республиканцев, но они не имели достаточного влияния, чтобы быть опасными. Все анабаптисты и люди Пятой монархии были вычищены из рядов; рядовые солдаты в целом смотрели на военную службу как на средство к существованию и могли

взбунтоваться, если им слишком сильно задерживали жалование, но вряд ли ради сохранения политических принципов.

История Протектората - это история постепенного освобождения Протектора от политического контроля над армией. Дважды он успешно срывал попытки заключения союзов между парламентской оппозицией и недовольными в армии, и каждая попытка укрепляла его власть над армией.

Именно это ощущение бесперспективности повстанческих движений, пока жив Кромвель, стало причиной неоднократных заговоров роялистов и левеллеров с целью убийства Кромвеля. В 1654 году некоторые люди из окружения Карла II издали от имени короля прокламацию, предлагавшую пятьсот фунтов, рыцарское звание и полковничью комиссию тому, кто сумеет убить "некоего механического парня" по имени Оливер Кромвель "пистолетом, мечом или ядом". Чарльзу было известно об этих заговорах, и он оговорил лишь, что убийство Протектора должно быть связано с общим восстанием роялистов, а не быть единичным актом. Впоследствии было много подобных замыслов, особенно после заключения союза между левеллерами и роялистами. Подполковник Сексби, некогда служивший в полку самого Кромвеля, взялся организовать убийство протектора и получил для этого деньги от испанского правительства. Синдеркомб, чей заговор был раскрыт в январе 1657 года, был его агентом. В мае следующего года Сексби опубликовал трактат под названием "Убийство без убийства", цель которого заключалась в том, чтобы доказать, что убийство Протектора будет и законным, и славным поступком. "Пусть каждый человек, - говорил он, - которого Бог наделил духом мудрости и мужества, будет убежден своей честью, своей безопасностью, своим собственным благом и благом своей страны попытаться всеми разумными средствами освободить мир от этого вредителя. Либо я, либо Кромвель должны погибнуть", - объявил Сексби. Но, посетив Англию под прикрытием, чтобы принять дальнейшие меры для достижения этой цели, Сексби был арестован и умер узником в Тауэре.

Кромвель был хорошо осведомлен об этих замыслах своей полиции и отзывался о них с большим презрением. "Маленькие суетливые штучки", - назвал он их в одной из своих речей. "Сначала они намеревались убить меня, - рассказывал он парламенту о заговоре 1654 года, - и я не хотел бы вспоминать о нем как о чем-то значительном для себя или для вас, потому что им пришлось бы перерезать глотки, не поддающиеся человеческому расчету, прежде чем они смогли бы осуществить свой замысел".

В качестве меры предосторожности от подобных замыслов, лейб-гвардия Протектора, которая первоначально состояла всего лишь из сорока пяти джентльменов, составлявших лейб-гвардию главнокомандующего, была увеличена в 1656 году до 160 человек. Роялисты утверждают, что в последние месяцы своей жизни Кромвель "гораздо больше опасался опасности для своей персоны, чем раньше", и поэтому окружил себя охраной, никогда не возвращался из Хэмптон-Корта по той дороге, по которой он туда ехал, и редко спал дважды в одной постели. Это легенды, не имеющие под собой твердой основы. Протектор принимал разумные, но не преувеличенные меры предосторожности. Он не был человеком, чьи нервы можно расшатать угрозами, но он не хуже своих врагов знал, как много зависит от его жизни и как мало гарантии в постоянстве его работы.

Реальная опасность для Протектората заключалась в том, что Кромвель старел. Сейчас ему шел пятьдесят девятый год. Усталость от кампаний подорвала его здоровье еще до того, как он начал править. Весной 1648 года он перенес одну опасную болезнь, а весной 1651 года - другую. "Я думал, что должен был умереть от этой болезни", - говорил он о последней. Под

тяжестью правления его здоровье еще больше пошатнулось. В депешах иностранных послов часто упоминается нездоровье протектора как одна из причин, замедлявших их переговоры. Разница между его подписями в 1651 и 1657 годах весьма примечательна. Смелая твердая рука первой даты становится шаткой и слабой шесть лет спустя. Его речи доказывают, что он чувствовал тяжесть, которая легла на его плечи. "До сих пор, - говорил он в 1657 году, - было принято говорить, я думаю, только философски, что большое место, большой авторитет - это большое бремя. Я знаю, что это так". Дантон, разочарованный неудачей, кричал, что лучше быть бедным рыбаком, чем правителем людей. Кромвель иногда сожалел о тихой деревенской жизни, которую он променял на заботы и превратности верховной власти. "Я могу сказать перед лицом Бога, по сравнению с которым мы всего лишь бедные ползучие муравьи на земле, что я бы лучше жил под своим лесом, держал бы стадо овец, чем взялся за такое правление, как это".

ФАКСИМИЛЬНАЯ ПОДПИСЬ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ.

19 ОКТЯБРЯ 1651 ГОДА.

ФАКСИМИЛЬНАЯ ПОДПИСЬ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ.

11 АВГУСТА 1657 ГОДА.

Он встречал каждую новую трудность с прежней находчивостью и мужеством, но когда одна была преодолена, перед ним вставала другая, и непрерывная борьба требовала все больше жизненных сил. По мнению его управляющего, Мейдстона, "вынужденность бороться с трудностями своего места так хорошо, как он мог, без парламентской помощи" после роспуска второго парламента стала роковым дополнением к его бремени. "Я не сомневаюсь, что это исчерпало его дух, который его природная конституция обеспечивала огромным запасом, и свело его в могилу".

Частные горести также внесли свою лепту в его бремя. В феврале 1658 года умер Роберт Рич, муж младшей дочери Кромвеля Фрэнсис, вышедшей замуж всего четырьмя месяцами ранее. 6 августа умерла Элизабет Клейпол, его любимая дочь, после долгой и мучительной болезни. Протектор был рядом с ней в последние дни ее жизни, и "ощущение ее внешних страданий и мучений, которые она переносила, произвело на него глубокое впечатление".

Через некоторое время после похорон дочери Кромвель заболел агуэ, или перемежающейся лихорадкой, но через несколько дней он, казалось, стряхнул ее и вновь обрел силы. 20 августа Джордж Фокс, отправившийся в Хэмптон-Корт, чтобы побеседовать с Протектором "о страданиях Друзей", встретил его верхом в парке во главе своей охраны. "Прежде чем я подошел к нему, - рассказывает Фокс, - я увидел и почувствовал, как от него исходит веяние смерти, и когда я подошел к нему, он выглядел как мертвец". На следующий день Кромвель снова заболел, но он был уверен, что молитвы, возносимые за него, будут услышаны, и был уверен, что выздоровеет. "Изгоните из своего облика всякую печаль и обращайтесь со мной так, как обращались бы со служивым человеком", - сказал он сомневающемуся врачу. "Вы можете разбираться в природе вещей, но природа может сделать больше, чем все врачи вместе взятые; а Бог намного выше природы". Когда приступ прошел, врачи велели ему переехать в Уайтхолл, полагая, что смена воздуха пойдет ему на пользу.

В Уайтхолле его состояние ухудшилось, а не улучшилось: его мучили попеременно то жар, то озноб; все понимали, что опасность велика; "наши страхи превышают наши надежды", - писал Турлоу Генри Кромвелю. Во вторник, в последний день августа, французский посол сообщил своему правительству, что Протектор находится при смерти, но вечером того же дня он воспрял духом, и надежда снова взяла верх. В ту ночь один из наблюдателей в спальне Кромвеля слышал, как он молился, и заметил, что "общественный дух Божьего дела дышал в нем до последнего". Он молился не за себя и не за свою семью, а за пуританство и за всех пуритан - за "Божье дело" и "Божий народ". "Ты сделал меня, - говорил он, - хотя и очень недостойным, но все же инструментом, чтобы принести им пользу, а Тебе - служение. И многие из них слишком высоко ценят меня, хотя другие желают и были бы рады моей смерти. Но, Господи, как бы Ты ни распорядился мной, продолжай и дальше творить для них добро. Дай им единомыслие, единое сердце и взаимную любовь, и продолжай освобождать их..... Научи тех, кто слишком полагается на орудия Твои, больше полагаться на Себя. Прости тех, кто желает попирать прах бедного червя, ибо они тоже люди Твои. И прости глупость этой короткой молитвы, хотя бы ради Иисуса Христа, и дай нам спокойной ночи, если это будет угодно Тебе".

Кромвель с каждым часом становился все слабее. Всю ночь четверга, 2 сентября, он был очень беспокойным, часто говорил сам с собой отрывистыми фразами, которые трудно было расслышать. "Я бы хотел, - сказал он однажды, - жить, чтобы еще послужить Богу и Его народу, но мое дело сделано". "Бог будет со Своим народом". Он смирился и умер.

Врач предложил ему что-то выпить, велел принять это и постараться уснуть, но он ответил: "Я не собираюсь ни пить, ни спать, а хочу поскорее уйти". Ближе к утру он снова заговорил,

"используя различные святые выражения, подразумевающие большое внутреннее утешение и мир", и вместе с ними он смешал "несколько чрезвычайно уничижительных слов, уничтожающих и осуждающих себя". После этого он замолчал и в четыре часа пополудни в пятницу скончался.

Это было 3 сентября, его счастливый день, годовщина Данбара и Вустера.

Как пел Марвелл:

"Ни одна часть времени не оставила свой след

Весь год был днем Кромвеля",

Но этот - самый благоприятный из всех,

Трижды в открытом поле он победителем был увенчан,

Когда он в Данбаре поднялся на горы

И через глубокий Северн, завершив войну:

Какой день должен быть вечным, но тот же самый,

Который прежде обессмертил его имя?"

Во время болезни Кромвель устно назначил своего старшего сына своим преемником, поэтому примерно через три часа после смерти Оливера Ричард был провозглашен Протектором. К новому правителю посыпались обращения от графств, городов, и полков, а иностранные державы поспешили поздравить и признать его. Противодействия было не больше, чем если бы он был потомком длинной череды наследственных государей. "Нет ни одной собаки, которая бы виляла языком, так велико наше спокойствие", - писал Турлоу Генри Кромвелю.

Первой заботой Ричарда стали похороны отца. Тело покойного протектора было забальзамировано и перевезено из Уайтхолла в Сомерсет-Хаус, где оно должно было лежать в таком же состоянии, как и тело Якова I. Его восковое чучело, облаченное в королевские одежды из пурпура и горноста, с золотым скипетром в руке и короной на голове, в течение многих недель выставлялось напоказ. Труп был похоронен в частном порядке в часовне Генриха VII в Вестминстерском аббатстве 26 сентября, но публичные похороны прошли с необычайной пышностью 23 ноября. Все великие государственные и общественные деятели, а также офицеры всех полков армии прошли в торжественной процессии от Сомерсет-Хауса до аббатства по улицам, усыпанным солдатами в новых красных мундирах с черными пуговицами.

Похоронные церемонии обошлись в шестьдесят тысяч фунтов, и это изобилие, которое правительство не могло себе позволить, вызвало гневную критику среди республиканцев. Их недовольство не имело бы большого значения, но уже появились признаки грядущих неприятностей в более опасной сфере. В совете протектора началась ссора между гражданской и военной фракциями. Оливер был и главнокомандующим, и протектором, но теперь высшие офицеры потребовали назначить главнокомандующего по своему усмотрению и выдвинули Флитвуда в качестве своего кандидата. Их целью было избавиться от контроля гражданских советников Ричарда и сделать армию независимой от гражданской власти. Ричард решительно отказал им в их требовании, и казалось, что буря утихнет, но офицеры лишь ждали более удобного случая.

В январе 1659 года необходимость выделения денег на государственную службу вынудила Ричарда созвать парламент. Все лидеры республиканцев получили места, но более двух третей избранных членов были сторонниками правительства. Долго шла борьба за признание Ричарда протектором, затем последовали бурные дебаты о праве депутатов от Шотландии и Ирландии заседать в парламенте, а также по старому вопросу о Палате лордов. По всем этим пунктам правительство одержало верх, но тем временем в армии снова началось волнение, и совет офицеров повторил требования, выдвинутые осенью предыдущего года. Протектор, поддержанный парламентом, который был возмущен диктатом военных, приказал прекратить заседания совета. Военные лидеры, встав на сторону республиканского меньшинства в Палате представителей, отказались повиноваться. Несколько полковников поддержали протектора и подчинились его приказам, но их покинули их люди, и все полки Лондона собрались вокруг Флитвуда на Сент-Джеймской площади. От имени совета офицеров Флитвуд и Десборо потребовали немедленного роспуска парламента. "Если он распустит парламент, - сказал Десборо, - офицеры позаботятся о нем; если он откажется, они сделают это без него и оставят его на произвол судьбы". Ричард мог бы сопротивляться с некоторыми шансами на успех, поскольку Монк и армия в Шотландии остались верны, а Генри Кромвель с ирландской армией поддержал бы его. Но он поверил обещаниям своих дядей и, какими бы ни были последствия для него самого, уклонился от начала гражданской войны. "Я не допущу, чтобы ради сохранения моего величия пролилась хоть одна капля крови", - говорил он. Уступив давлению, он распустил парламент (21 апреля 1659 года), а еще через две недели прекратил свое правление.

Так Протекторат пал перед тем союзом между республиканцами и недовольными в армии, который Кромвель всегда был достаточно силен, чтобы предотвратить. Флитвуд не желал свергать своего шурина, Десборо не питал вражды к племяннику; они намеревались сделать его своим орудием и править под его именем. Но низшие офицеры выступили за восстановление республики и свергли дом Кромвеля. 7 мая Долгий парламент был возвращен к власти теми, кто изгнал его в апреле 1653 года, и Революция была завершена.

Между этими временными союзниками не было настоящего союза. Пятьдесят или шестьдесят членов Долгого парламента, управлявшие Англией от имени Республики, ничему не научились и ничего не забыли. Солдаты, понимая, что правительство ни дня не может прожить без их поддержки, становились беспокойными и возмущенными, когда их требования игнорировались, а просьбы не выполнялись. После подавления генерал-майором Ламбертом роялистского мятежа в августе 1659 года между парламентом и армией наступил открытый разрыв. Парламент кассировал Ламберта и еще восемь офицеров за продвижение петиции, которую он объявил подстрекательской, а Ламберт в ответ (13 октября 1659 года) прекратил его заседания.

Ламберт - реальный лидер армии, хотя Флитвуд был ее номинальным главой - теперь занимал то же положение, что и Кромвель в апреле 1653 года; но на этот раз армия была разделена. В Шотландии Монк объявил о восстановлении парламента, а Ламберт и Флитвуд путем затяжных переговоров удерживали его от действий, пока дезертирство солдат, дезертирство флота и противодействие Лондона не заставили их уступить. В конце декабря 1659 года Долгий парламент был восстановлен во второй раз, и Монк с шестью тысячами человек беспрепятственно вошел в Англию. Не рвение к этому собранию стало причиной его восстановления, а враждебность к военному правительству. Под отвратительным прозвищем "Глыба" парламент стал посмешищем для всех балладников, но на данный момент он представлял собой все, что осталось от конституции. Уставший от экспериментов,

а больше всего от правления меча, английский народ желал вернуться к известным законам и старому правительству. Пока Монк шел к Лондону, на него сыпались петиции с призывом заявить о свободном парламенте, и каждый проситель знал, что действительно представительный парламент означает восстановление Карла II. В ответ Монк заявил о своей неизменной верности Республике, но решил использовать свою власть, чтобы позволить нации свободно определять свое будущее. Добравшись до Лондона, он воспользовался недовольством жителей города, чтобы заставить парламент вновь принять в свои ряды пресвитериан, которых Прайд изгнал в 1648 году (21 февраля 1660 года). Добившись таким образом большинства, готового исполнить его волю, он заставил палату проголосовать за свой роспуск и выдать предписания о созыве свободного парламента (16 марта 1660 года). В качестве главнокомандующего он поддерживал свободу выборов, держал под контролем армию и следил за спокойствием нации.

Величайшей заслугой Монка перед Англией было не восстановление Карла II. После разрыва между армией и парламентом это было неизбежно. "Течение", - сказал Коули, - "было настолько непреодолимым, что сильнейшие тщетно пытались ему противостоять, а слабейшие могли плыть по течению к успеху". Заслуга Монка заключалась в том, что он добился Реставрации без гражданской войны. Его ловкая и беспринципная политика заставила республиканцев не замечать его намерений, пока не стало слишком поздно сопротивляться, и сделала армию инструментом для осуществления того, что основная ее часть должна была предотвратить. Если бы не он, Англия была бы, по выражению Кромвеля, "одним Каином". Благодаря ему переход от правительства вооруженного меньшинства к правительству, которого желало подавляющее большинство нации, был мирной и конституционной революцией. Так правление пуритан, основанное на крови и железе, пало без удара. Союз между пресвитерианами и роялистами, начатый тринадцать лет назад, теперь наконец-то был завершен. Некогда торжествовавшие Индепенденты были разделены и бессильны. Мейдстон, управляющий хозяйством Кромвеля, в письме к Джону Уинтропу написал эпитафию воинствующей независимости.

"Интерес религии лежит в страшной пыли, ибо выдающиеся ее исповедники, одержав ранее великие победы в войне и тем самым получив огромную власть в армии, воспользовались ею для внесения различных изменений в правительство, и каждое из этих изменений опасно и пагубно..... Все они были обвинены в принципах авторов, которые, будучи людьми конгрегации, не только сделали людей этого убеждения дешевыми, но и сделали их одиозными для всего народа".

В конце апреля 1660 года собрался свободный парламент, первый за двадцать лет. 29 мая Карл II вновь вступил в Лондон "с триумфом, более двадцати тысяч конных и пеших, размахивая мечами и крича от невыразимой радости; дороги усыпаны цветами, колокола звонят, улицы увешаны гобеленами, фонтаны бьют вином".

"Я стоял на Стрэнде, смотрел на это и благословлял Бога", - писал Джон Ивлин. "И все это было сделано без единой капли пролитой крови, причем той самой армией, которая восстала против него; но это было дело рук Господа, ибо такое восстановление никогда не упоминалось ни в одной истории, древней или современной, со времен возвращения евреев из вавилонского плена; и такого радостного дня, и такого светлого, никогда не видели в этой стране, это произошло, когда ожидать или осуществить его было выше всякой человеческой политики".

В конституционном урегулировании, последовавшем за возвращением короля, Англия вернулась к положению вещей, существовавшему до начала Гражданской войны.

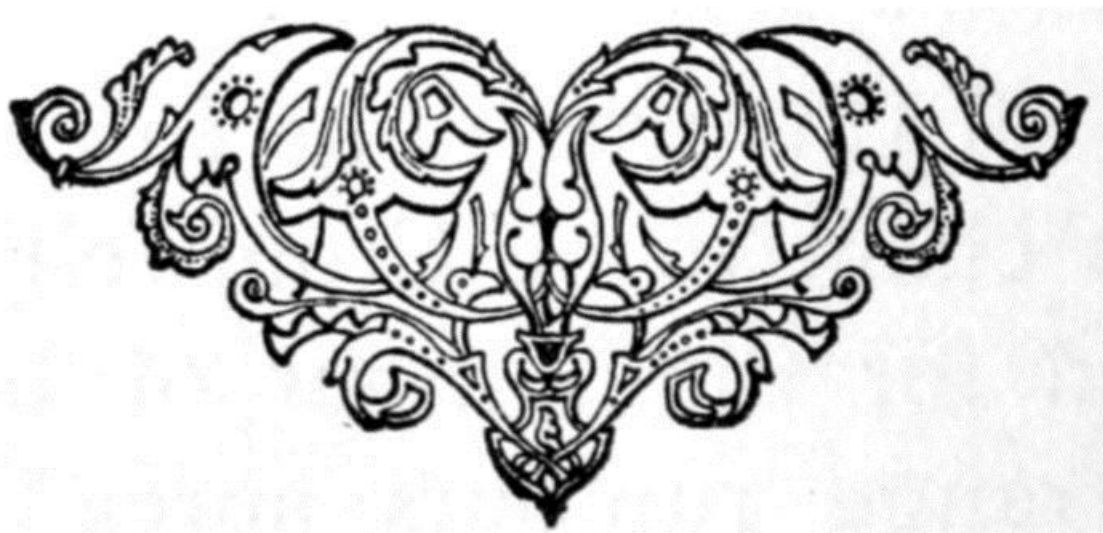
Законодательство Кромвеля и все законы, принятые Долгим парламентом, были признаны недействительными. Была объявлена всеобщая амнистия для всех политических преступников, кроме Регицидов и нескольких лиц, считавшихся особо опасными. Двенадцать Регицидов понесли наказание за государственную измену, а Хью Питерс и сэр Генри Вейн разделили их участь. Около двадцати бежали в чужие края, а около пяти и двадцати были заключены в пожизненную тюрьму. После наказания живых наступило время мести мертвым. В ноябре 1660 года в Палату общин был внесен билль об отлучении Кромвеля и других мертвых цареубийц. Во время его рассмотрения капитан Титус встал и заметил,

"что казнь не оставляет предателей у могилы, а следует за ней, и что, поскольку головы некоторых из них уже выставлены за ворота, он надеется, что палата распорядится, чтобы туши тех дьяволов, которые похоронены в Вестминстере - Кромвеля, Брэдшоу и Айретона - были вырваны из могил, перетащены в Тайберн, там провисели некоторое время, а затем были похоронены под виселицей".

Голосование прошло без каких-либо возражений, хотя многие присутствующие, должно быть, согласились с Пеписом, которого "беспокоило, что человек столь великой храбрости, как Кромвель, должен подвергнуться такому бесчестью, хотя в остальном он вполне заслужил его".

Соответственно, в субботу, 26 января 1661 года, тела Кромвеля и Иретона были извлечены из могил в Вестминстерском аббатстве, а в понедельник перевезены из Вестминстера в гостиницу "Красный лев" в Холборне. Наконец, утром 30 января, в двенадцатую годовщину казни Карла I, их тела и тело Брэдшоу были перевезены на санях из Холборна в Тайберн. "Всю дорогу, как и раньше из Вестминстера, вместе с ними неслись всеобщие крики и проклятия народа". "Когда эти три трупа оказались в Тайберне, - продолжает газета, - их вытащили из гробов и повесили на нескольких углах этого тройного дерева, где они висели до захода солнца; после этого их сняли, отрубили им головы, а их отвратительные туловища бросили в глубокую яму под виселицей". Обычный палач взял головы, насадил их на шесты и установил на вершине Вестминстер-холла: голову Брэдшоу - в центре, головы Иретона и Кромвеля - по обе стороны.

И хотя все это было сделано на глазах у всех, на могилу Кромвеля претендует столько же мест, сколько когда-то претендовало на честь быть местом рождения Гомера. За границей распространились странные слухи, что тело, подвергшееся всем этим унижениям, не принадлежало Кромвелю. Два года спустя одному французскому путешественнику в Англии рассказали, что Кромвель заставил открыть королевские гробницы в Вестминстерском аббатстве и переложить тела, чтобы никто не мог узнать, где лежит его собственное тело. Пепис повторил эту историю одному из капелланов покойного протектора, который ответил: "Он верит, что Кромвель никогда не имел в себе столь низких мыслей, чтобы беспокоиться об этом". Другой слух гласил, что тело Кромвеля было тайно вывезено и похоронено глубокой ночью на поле Нейзиби. Согласно третьему, дочь Кромвеля, леди Фоконберг, предвидя перемену времен, еще до этого увезла тело отца из Вестминстера и перезахоронила его в склепе в Ньюбургском аббатстве в Йоркшире. Все эти истории находили и находят своих сторонников, но нет никаких оснований сомневаться в том, что именно тело Кромвеля висело на виселице в Тайберне и что оно было должным образом похоронено в яме под ней. Там, где сейчас находится Коннаут-сквер, в ярде или двух под улицей, истоптанной ногами и избитой лошадиными копытами, лежит прах великого защитника.

ГЛАВА XXII КРОМВЕЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ

"Мистер Лели, - обратился Кромвель к художнику, - я хочу, чтобы вы использовали все свое мастерство, чтобы написать мою картину действительно похожей на меня и не льстить мне нисколько; но отметьте все эти неровности, прыщи, бородавки и все остальное, иначе я никогда не заплачу за нее ни фартинга". Несомненно, Протектор дал бы аналогичное поручение своим биографам, но их задача сложнее: многие свидетельства современников - просто никчемные сплетни, многое искажено партийным духом, а по многим вопросам авторитеты молчат.

Джон Мейдстон, управляющий хозяйством Кромвеля, дает нам то, что он называет "характеристикой его личности": "Его тело было хорошо сложено и крепко сложено.

"Его тело было хорошо сложено и крепко, рост не превышал шести футов (я полагаю, около двух дюймов), голова имела такую форму, что можно было увидеть в ней и склад, и магазин огромной сокровищницы природных частей. Нрав его, как мне известно, был очень вспыльчивым, но пламя его по большей части сдерживалось или вскоре утихло благодаря тем моральным качествам, которые он имел. Он был от природы сострадателен к людям, попавшим в беду, даже до слабости; хотя Бог создал его сердце, в котором не было места страху, кроме того, что причиталось ему самому, а это была большая доля, все же он превосходил всех в нежности к страдальцам. Думаю, в глиняном доме редко обитала более великая душа, чем его. Я думаю, если бы его история была беспристрастно передана, и беспристрастный мир хорошо ознакомился с ней, она бы добавила его к девяти достойным".

Многочисленные портреты Кромвеля помогают дополнить описание Мейдстона. Как и большинство пуританских джентльменов, он носил длинные волосы; густые светло-каштановые локоны, которые начали сесть еще до того, как он стал Протектором, закрывали воротник и доходили почти до плеч. Его глаза, согласно портретам Купера и Уокера, были голубыми или серыми, а брови сильно очерчены. Нос у него был длинный, толстый, слегка изогнутый, с полными ноздрями - клюв стервятника, говорили роялистские памфлетисты, и даже друзья-политики шутили по поводу его размеров. "Если вы окажетесь лживым, - сказал Кромвелю бесстрашный Хаслериг, - я никогда больше не доверюсь человеку с большим носом". Рот был большим, твердым и полногубым. Сила, а не изящество, отличала и лицо, и фигуру. Но в грубоватых чертах прослеживается доброта и пронизательность, смешанные с решительностью и энергией, которые являются их наиболее характерными чертами. На некоторых портретах присутствует атмосфера меланхолии.

Достоинства внешнего облика Протектора признавали даже его противники:

Thomas Murne Comstock.

(Из миниатюры Купера, хранящейся в Баптистском колледже в Бристоле).

"Когда он впервые появился в парламенте, - пишет Кларендон, - он казался человеком ничуть не любезным, не украшал речи, не обладал ни одним из тех талантов, которые используются для примирения привязанностей стоящих рядом; однако по мере того, как он занимал место и приобретал власть, его части казались обновленными, как будто он скрывал способности, пока не имел случая их использовать; и когда он должен был играть роль великого человека, он делал это без всякой непристойности из-за отсутствия обычая."

Другому роялисту, сэру Филипу Уорику, он показался "величественным и величавым, с прекрасной фигурой", и на иностранных наблюдателей он произвел такое же впечатление.

Когда Протектор давал аудиенцию послам или принимал официальные депутации, тщательно продуманный церемониал квази-правительственного характера строго соблюдался. Сэр Оливер Флеминг, который был одним из континентальных агентов Карла I и разбирался во всех тонкостях дипломатического этикета, выступал в качестве церемониймейстера Кромвеля. Но многие важные дела протектор решал в ходе менее формальных бесед с представителями иностранных государств. В целом он был легко доступен для своих подданных, и просители не испытывали больших трудностей при изложении ему своих жалоб. Противникам его политики предоставлялась возможность изложить свои возражения, и он свободно спорил с ними в ответ. Даже религиозные энтузиасты умудрялись передавать свои послания от Господа или, как Фокс, объяснять, каковы их религиозные взгляды на самом деле. Примерно три раза в месяц протектор принимал участие в заседаниях Государственного совета, но большую часть своей политической или административной работы он выполнял в небольших комитетах или только с секретарем Турло. С этими доверенными советниками он не стеснялся.

"Иногда он бывал очень весел с нами, - рассказывает Уайтлок, - и, отбросив свое величие, он был с нами очень знаком и, чтобы развлечься, слагал с нами стихи, и каждый должен был испытать его фантазию. Он обычно звал нас к табаку, трубкам и свечам и время от времени сам принимался за табак; затем он снова погружался в свое серьезное и великое дело".

Уайтлок также приводит некоторые сведения об отдыхе Протектора. Кромвель на протяжении всей своей жизни сохранял вкусы деревенского джентльмена. В Хэмптон-Корте он часто развлекался игрой в кегли, но его любимыми видами спорта были охота и ястребиная охота. Когда он ехал из Вустера в Лондон после своей победы в 1651 году, то по дороге развлекался охотой на ястребов, а после того, как стал протектором, иногда занимался тем же видом спорта на Хаунслоу-Хит. Когда он принимал шведского посла в Хэмптон-Корте в 1654 году, после окончания ужина протектор, посол и остальные члены компании "выследили и убили жирного самца" в парке. Кромвель был смелым прыгуном, и было замечено, что посол "не стал бы авантюрно перепрыгивать канавы вслед за Протектором, но был более настороже".

Хорошие лошади всех видов всегда были в восторге от Кромвеля. Английских дипломатических агентов в Леванте нанимали, чтобы они приобретали арабов и барбусов для его верховой езды или в целях разведения. "Шесть галантных фландрских кобыл красновато-серого цвета" запрягали карету генерала, когда он отправлялся на завоевание Ирландии, а шесть белых лошадей запрягали карету протектора, когда она доставляла испанского посла к месту его отправки. Об этих белых лошадях говорили, что они были прекраснее, чем когда-либо были у любого английского короля. Другая упряжка из шести лошадей, подаренная графом Ольденбургским в 1654 году, сбилась с пути в Гайд-парке, когда на ней ехал сам Протектор. Кромвель, которого сбросили с ложа на столб, запутался в упряжи, и его протащили на некоторое расстояние за одну ногу, но в итоге он отделался лишь несколькими ушибами. Эндрю Марвелл и Джордж Уитер опубликовали стихи, посвященные избавлению Протектора, а этот инцидент послужил для нескольких роялистских острословов темой для сатиры и эпиграмм.

Еще одним видом отдыха, который пришелся по душе Кромвелю, была музыка. Когда он устраивал банкет для иностранных послов или членов палаты общин, "редкая музыка, как инструменты, так и голоса", всегда была важной частью развлечения. То же самое

происходило и в часы отдыха или домашних праздников, ведь Протектор, по словам одного из современных биографов, был "большим любителем музыки и развлекал самых искусных в этой науке людей из своего окружения и семьи". В большом зале в Хэмптон-Корте у него было два органа, а его органист, Джон Хингстон, был учеником Орландо Гиббонса. Джеймс Куин, студент Крайст-Черч в Оксфорде, лишенный своего места пуританскими посетителями этого университета, добился его восстановления благодаря любви Протектора к музыке. Куин не был очень искусным певцом, но у него был басовый голос, "очень сильный и очень троллирующий". Кто-то из его друзей привел его в компанию Протектора, "который любил хороший голос и инструментальную музыку". Кромвель "выслушал его пение с большим удовольствием, напоил его мешочком и в заключение сказал: "Мистер Квин, вы хорошо поработали; что мне сделать для вас?". На что Куин ответил с большими любезностями, что его высочеству будет угодно восстановить его на месте ученика, что он и сделал".

Из современных источников можно почерпнуть еще несколько сведений о личных привычках протектора. В питании его вкусы были очень просты; по словам одного из современных памфлетистов, оно было "скудным и не любопытным"; на его столе не было "французских квелькехозов", а были простые, сытные блюда. Его обычный напиток, согласно тому же авторитету, состоял из "очень маленького эля", известного под названием "Утренняя роса". Он также свободно пил легкое вино, которое врачи рекомендовали ему как полезное для здоровья.

В одежде вкусы Кромвеля отличались той же простотой. Когда он изгнал Долгий парламент в 1653 году, на нем была "простая черная одежда с серыми камвольными чулками". В декабре следующего года на нем был "простой черный костюм и плащ", хотя несколько недель спустя, когда его принимал лорд-мэр, он был одет в "костюм и плащ цвета мускуса, богато расшитый золотом". Когда он стал Протектором, его одежда, естественно, была более роскошной, чем прежде, и сэр Филипп Уорик, который так презрительно критиковал покррой его одежды в 1640 году, приписал улучшение его внешнего вида лучшему портному, а также общению с лучшей компанией. Но даже тогда молодой роялист, только что прибывший из французского двора, описал Протектора как "простого в своей одежде" и "скорее напоминающего небрежность, чем благопристойность".

Домашнее хозяйство Протектора, естественно, было организовано в более пышных масштабах, чем то, что было ему достаточно в бытность генералом. Сумма, выделенная на его содержание, составляла шестьдесят тысяч фунтов во время первого протектората и сто тысяч фунтов во время второго. Но из этого фонда покрывалось множество других расходов, и Кромвель тратил на благотворительность огромные суммы; по словам одного биографа, до сорока тысяч фунтов в год. Говоря о второй инсталляции Протектора и о возросшем состоянии, которое стало ее следствием, сэр Филипп Уорик отмечает: "Теперь он строит свое хозяйство так, чтобы оно имело некоторое сходство с придворным, и его ливреи, лакеи и гвардейцы знают, кому они принадлежат, по их привычкам". Сорок или пятьдесят джентльменов, занятых на внутренней службе в Уайтхолле и Хэмптон-Корте, а также прислуживающих при особе протектора, носили пальто из серого сукна с черными бархатными воротниками и отделкой из черного бархата или серебряного кружева. Кроме этих "гвардейцев", у него была конная гвардия, о которой мы уже упоминали. Вся эта показуха и парадность оскорбляла многих строгих пуритан, для которых даже подобие двора было ненавистно. Другие считали, что "для чести английской нации" необходимо, чтобы ее глава был окружен некоторой пышностью, и это мнение было принято в целом.

И в газетах, и в частных письмах часто упоминается семья протектора. Когда в апреле 1654 года Кромвель поселился в Уайтхолле, его престарелая мать переехала вместе с ним. Но она

не получала удовольствия от величия сына, и, как говорят, "с большим недоверием относилась к развитию событий и часто боялась, услышав выстрел из мушкета, что ее сына застрелили, и была крайне недовольна, если не могла видеть его хотя бы раз в день". Она умерла в ноябре 1654 года, на девяносто четвертом году жизни, и незадолго до смерти благословила сына словами, которые показывают, насколько полно она сочувствовала целям его жизни. "Господь да осенит тебя Своим лицом, утешит тебя во всех твоих невзгодах и даст тебе возможность совершать великие дела во славу Бога Всевышнего и быть облегчением для Его народа. Мой дорогой сын, я оставляю свое сердце с тобой: спокойной ночи".

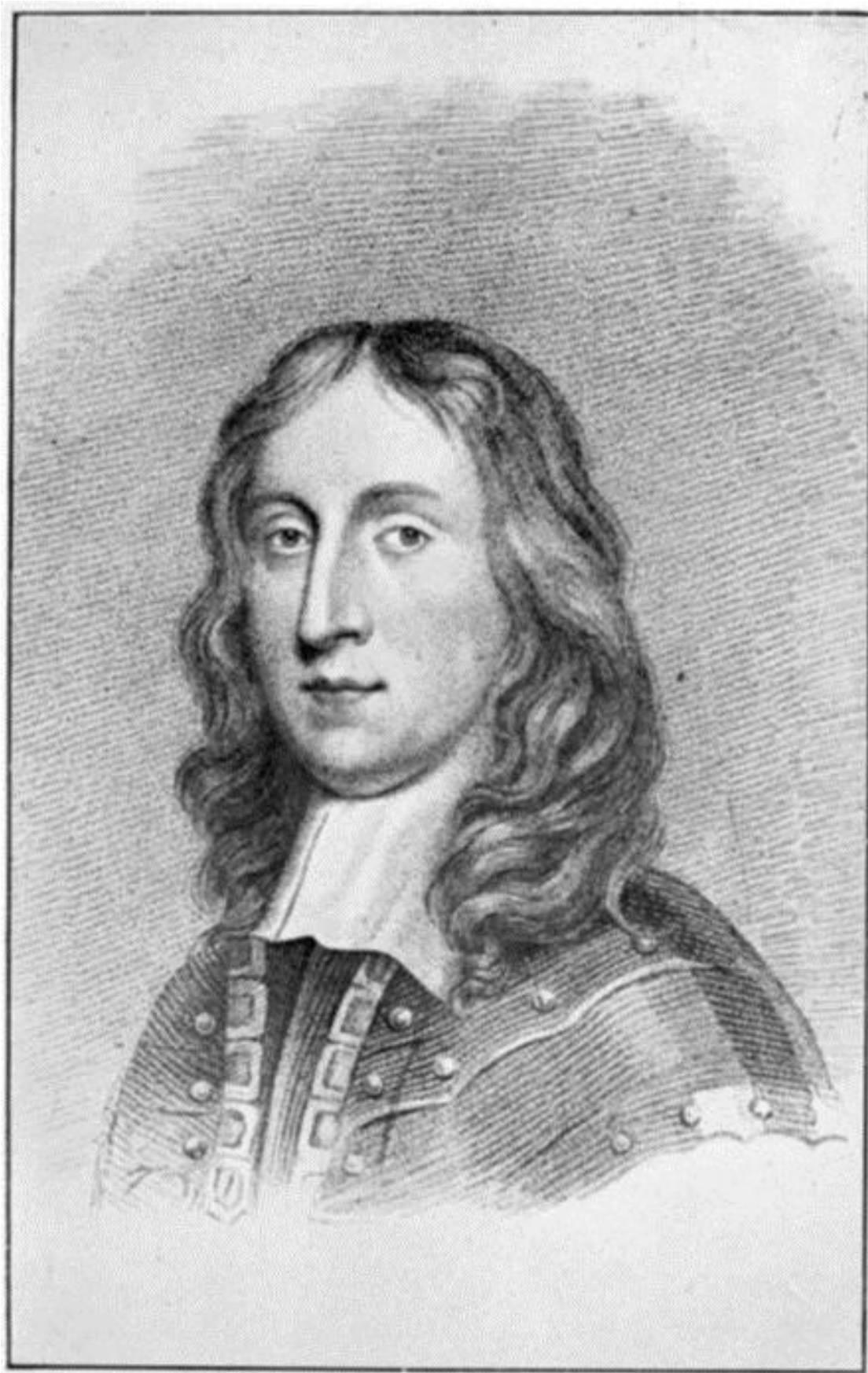
О жене Протектора, "Ее Высочестве Покровительнице", как ее официально называли, почти ничего не известно. Несомненно, есть некоторые основания для рассказа о ее методичном и экономном управлении хозяйством Протектора, который содержится в одном из современных памфлетов, но главной целью памфлетиста было высмеять ее "подлую бережливость" и непригодность к тому положению, на которое ее поставила судьба. Миссис Хатчинсон, признавая, что Кромвель "обладал большим природным величием и вполне соответствовал месту, которое он узурпировал", описывает его жену и детей "как настраивающихся на княжество", которое подходит им не лучше, чем тонкая одежда обезьяне. Дочери Протектора, по ее словам, были "наглыми дурами", за одним исключением. Этим исключением была Бриджет, старшая, которая после смерти своего первого мужа, Иретона, стала женой генерал-лейтенанта Флитвуда. Она одна "была смиренна и не возвышалась этими вещами".

Элизабет Клейпол, вторая и любимая дочь протектора, по мнению отца, находилась в опасности "увлечься мирской суетой и мирской компанией", а некоторые резкие высказывания, приписываемые ей, объясняют суровое осуждение миссис Хатчинсон. С другой стороны, мы имеем свидетельство Джеймса Харрингтона, автора книги "Океана", что "она играла роль принцессы очень естественно, обязывая всех людей своей вежливостью и часто ходатайствуя за несчастных". Харрингтон был обязан ей восстановлением конфискованной рукописи "Океана", и она часто ходатайствовала перед своим отцом за заключенных в тюрьму роялистов. Возможно, именно благодаря ей, когда тела Протектора, адмирала Блейка и многих других великих парламентариев были извлечены из могил в Вестминстерском аббатстве, ее тело осталось нетронутым и лежит там до сих пор.

Мэри, третья дочь, родившаяся в 1637 году, вышла замуж за Томаса Беласиса, лорда Фоконберга, в ноябре 1657 года, а Фрэнсис, младшая, в том же месяце стала женой Роберта Рича, внука графа Уорика.

Обе свадьбы были отмечены торжествами, которые вызвали скандал у некоторых пуритан. Свадебный пир Фрэнсис проходил в Уайтхолле, "когда, - говорится в одной из газет, - у них было сорок восемь скрипок и много веселья, кроме того, они танцевали (что до сих пор считалось непристойным) до пяти часов утра вчерашнего дня". Свадьба Мэри Кромвель состоялась в Хэмптон-Корте, и по этому случаю Эндрю Марвелл сочинил песни, в которых невеста была представлена как Синтия, Фоконберг - как Эндимион, а сам Протектор - как Джов.

Обе эти дамы дожили до революции: Мэри умерла в 1712 году, а Фрэнсис - в 1721-м. Леди Фоконберг была бездетна, а дети миссис Клейпол умерли, не выйдя замуж. Но после смерти Роберта Рича Фрэнсис Кромвель вышла замуж за сэра Джона Рассела из Чиппенхэма, и от нее или ее сестры Бриджет многие существующие семьи могут проследить свое происхождение.

РИЧАРД КРОМВЕЛЬ.

(С рисунка В. Бонда.)

Сыновьям Протектора в руках миссис Хатчинсон повезло немногим больше, чем его дочерям. По ее словам, Генри Кромвель и его шурин Клейпол были "двумя развратными, безбожными кавалерами", а Ричард, хотя и был "кротким и добродетельным", но "крестьянином по своей природе" и "не стал великим". Воспитание Ричарда не располагало его к величию. Кромвель, по крайней мере до второго протектората, никогда не думал о том, что власть перейдет к одному из его сыновей. Он принципиально возражал против наследственных правительств и заявил в 1655 году, что если бы парламент предложил сделать правительство наследственным в его семье, он бы отказался от этого. Правителей следует выбирать за их любовь к Богу, истине и справедливости, а не за их происхождение. "Ибо, как сказано в Екклесиасте, кто знает, родит ли он глупца или мудреца?" Поэтому Кромвель поначалу не предпринимал никаких попыток продвинуть ни одного из своих сыновей. В течение шести или семи лет после женитьбы Ричард жил в своем поместье в Хэмпшире, предаваясь охоте и другим развлечениям. Жалобы его отца показывают, что он был праздным, влезал в долги, пренебрегал управлением своим поместьем и делал "удовольствия делом своей жизни". Однако в ноябре 1655 года протектор назначил его одним из членов Торгового совета, несомненно, для того, чтобы дать ему некоторую подготовку в государственном бизнесе. В 1657 году, после второго назначения Протектора, произошла еще одна перемена. Ричарда неожиданно выдвинули на первый план; он сменил своего отца на посту канцлера Оксфордского университета, стал членом совета протектора и получил под командование конный полк. Когда он путешествовал по стране, местные власти принимали его так, словно он был законным наследником власти своего отца. Это была плохая подготовка для будущего правителя, и, став протектором, Ричард жаловался, что "он думал жить как деревенский джентльмен, и что его отец не занимался им так, чтобы подготовить его к такой работе, что, по его мнению, он делал намеренно". И хотя Ричард не проявил никаких политических способностей во время своего короткого правления, он был далеко не тем деревенским клоуном, каким его представляли роялистские сатирики. В своих публичных выступлениях он демонстрировал достоинство осанки, которое удивляло даже его друзей, и ораторскую силу, о которой они и не подозревали. После Реставрации долги, которые он наделал, будучи протектором, и ревнивая подозрительность, с которой правительство Карла II всегда относилось к нему, заставили его прожить много лет в изгнании. "Я был один тридцать лет, - писал он своей дочери в 1690 году, - изгнанный и молчаливый, и моя сила и безопасность в том, чтобы быть в отставке, тишине и молчании". После возвращения в Англию, которое состоялось около 1680 года, он счел более безопасным принять вымышленное имя и жил в полном затворничестве. Он умер в 1712 году, оставив трех дочерей, а его старший сын, умерший в 1705 году, не оставил потомства.

Генри Кромвель, хотя и обладал гораздо большими природными способностями, чем его брат, также некоторое время был сдержан своим отцом. С 1650 по 1653 год он был полковником конного полка в Ирландии и слыл хорошим офицером. В августе 1654 года совет протектора назначил его командующим войсками в Ирландии, но протектор не захотел позволить сыну занять этот пост и оставил его еще на год в Англии. "Лорд знает, - писал Кромвель Флитвуду, - моим желанием было, чтобы он и его брат вели уединенную жизнь в деревне; и Гарри хорошо это знает, и как трудно меня было убедить дать ему поручение". В качестве главнокомандующего и члена ирландского совета Генри доказал свои способности, и в ноябре 1657 года он сменил своего шурина Флитвуда на посту лорда-наместника Ирландии.

Его задачей, как и задачей его отца в Англии, было установить гражданское правительство вместо военного и объединить все протестантские секты в поддержку протектората. Ему пришлось столкнуться со многими трудностями, как политическими, так и финансовыми;

анабаптисты и фракция среди офицеров доставляли постоянные проблемы. Заселение земель было завершено лишь наполовину, процветание возвращалось медленно, а порядок восстанавливался с трудом. Тем не менее он добился большего успеха, чем можно было ожидать, и среди большинства протестантской колонии в Ирландии завоевал большую популярность. Строгие пуритане считали, что в его образе жизни и показной одежде слишком много от мира, но в других отношениях его поведение было безупречным. Его главным недостатком была слабость нрава. Он был очень чувствителен к критике и очень нетерпим к оппозиции; настолько, что его отец предостерегал его от того, чтобы он был слишком строг к своим оппонентам.

Иногда говорят, что если бы Протектор сделал своим преемником Генриха, а не Ричарда, протекторат мог бы продлиться долго. Но выбор Кромвеля был продиктован обстоятельствами, в которых он оказался. Среди его советников и генералов не было человека, которого остальные охотно приняли бы в качестве своего правителя, а Ричард из его сыновей был гораздо более приемлем для главных сторонников Протектората, чем его более умный и мастеровитый брат. Военный заговор, свергнувший Ричарда, оказался бы слишком сильным для Генриха, к которому, к тому же, некоторые из его лидеров были лично враждебны.

Через месяц после падения брата Генрих Кромвель сложил с себя полномочия главы Ирландии и, отвергнув все уговоры роялистов, согласился на восстановление республики. Он заявил, что и раньше был благородного мнения о республике, но также был уверен в законности "прежнего правительства под управлением одного человека".

"И поскольку мой отец (которого, я надеюсь, вы все еще считаете немаловажным орудием свободы и счастья этих народов), а после него и мой брат, были главными в тех администрациях, а возвращение к другой форме рассматривалось как оскорбление этих моих ближайших родственников, я не могу не признать свою слабость к внезапному перебариванию этого и свою непригодность служить вам..... И поскольку я не могу содействовать ничему, что могло бы умалить честь и заслуги моего покойного отца, я благодарю Господа за то, что Он сохранил меня в безопасности в великом искушении, в котором я был атакован, чтобы отстранить мою привязанность от того дела, в котором он жил и умер".

Во время Реставрации Генрих, благодаря своим друзьям среди роялистов и умеренности, с которой он использовал свою власть, не пострадал, хотя и потерял часть своих владений в результате перемен. Он жил в отставке в своем поместье в Кембриджшире и умер там в 1674 году. Правнук Генриха, Оливер Кромвель из Чешунта, умерший в 1821 году, был последним потомком Протектора по мужской линии.

ГЕНРИХ КРОМВЕЛЬ.

(С рисунка В. Бонда.)

ГЛАВА XXIII

ЭПИЛОГ

Как солдат или как государственный деятель Кромвель был намного выше любого англичанина своего времени, он был и солдатом, и государственным деятелем в одном лице. Мы должны обратиться к Сезарю или Наполеону, чтобы найти параллель этому союзу высоких политических и военных способностей в одном человеке. Кромвель не был таким великим человеком, как Сезарь или Наполеон, и играл свою роль на меньшей сцене, но он "пронесся по узкому миру" пуританской Англии "как колосс".

Как солдат он не только одерживал великие победы, но и создавал орудия, с помощью которых их одерживал. Из военного хаоса, существовавшего на момент начала войны, он организовал силу, которая сделала пуританство победоносным. Новая модель и армии Республики и Протектората были лишь его полком "Железнобоких" в более широком масштабе. Как и в том полку, офицеры были тщательно подобраны. Если было возможно, это были джентльмены; если джентльменов было не достать, то простые йомены или горожане; в любом случае, "люди, терпеливые к нуждам, верные и добросовестные в своем деле". Требовались не только военные навыки, но и характер. Один полковник как-то пожаловался, что капитан, которого Кромвель назначил в его полк, был лучшим проповедником, чем бойцом. "Воистину, - ответил Кромвель, - я думаю, что тот, кто лучше всех молится и проповедует, будет лучше всех сражаться. Я не знаю ничего, что могло бы дать такое мужество и уверенность, как познание Бога во Христе. Уверяю вас, он хороший человек и хороший офицер". С другой стороны, неэффективность, некоторые ереси, которые считались особенно богохульными, и моральные отступления в целом сразу же приводили к увольнению любого офицера, уличенного в них.

Офицеры, как хорошо сказано, являются душой армии; и эффективность и хорошее поведение, которых Кромвель требовал от своих, он требовал и от рядовых. Большинство рядовых солдат были добровольцами, хотя среди них было немало людей, которых прессовали, и нельзя сказать, что все те, кто сражался за пуританство, были святыми в любом смысле этого слова. Но регулярное жалование и суровая дисциплина сделали их в мирное время лучшими солдатами в Европе, а на войне - армией, "которая могла идти куда угодно и делать что угодно". Общий дух связывал людей и офицеров. Они гордились тем, что были не просто наемной армией, а людьми, которые сражались не только за деньги, но и за принципы. Кромвелю удалось внушить им не только безоговорочную уверенность в своем лидерстве, но и что-то от своего собственного энтузиазма. Он обладал той силой влияния на массы людей, которой обладал Наполеон. Поэтому он создал армию, для которой, по словам Кларендона, "победа казалась неизбежной" - "армию, чей порядок и дисциплина, чья трезвость и манеры, чья храбрость и успех, сделали ее знаменитой и ужасной во всем мире".

Однако победы Кромвеля были обусловлены его собственным военным гением даже в большей степени, чем качеством его войск. Самое примечательное в его военной карьере то, что она началась так поздно. Большинство успешных полководцев с юности приучены к оружию, но Кромвелю было сорок три года, прежде чем он услышал выстрел или вывел в поле эскадрон. Как же так получилось, спрашивают люди, что необученный деревенский джентльмен победил солдат, которые учились своему ремеслу у самых знаменитых капитанов Европы? Ответ заключается в том, что Кромвель обладал природной склонностью к войне, а обстоятельства необычайно благоприятствовали ее быстрому и полному развитию. В самом начале войны он проявил энергию, решительность и рассудительность, которые доказывали, что он обладает теми качествами ума и характера, которые война

требует от лидеров. Своеобразный характер войны, отсутствие какого-либо общего направления и дезорганизация парламентских сил дали ему возможность проявить эти качества. В начале войны каждый местный лидер сражался за свою руку и вел небольшую собственную кампанию. Подчиненные офицеры обладали свободой действий, которую редко получают подчиненные, а в условиях независимости и ответственности хорошие люди быстро созревают. Поначалу Кромвелю противостояли такие же необученные противники, как и он сам, но в результате постоянных схваток он научился сражаться. В счастливой фразе Марвелл говорит о "трудолюбивой доблести" Кромвеля. Если он усваивал уроки войны быстрее, чем другие люди, то лишь потому, что концентрировал все свои силы на задаче, не упускал ни одной возможности и делал каждый опыт плодотворным.

Свои первые лавры Кромвель заслужил именно как предводитель кавалерии. В атаке он был внезапным и неудержимо энергичным. Как и Руперт, он любил сам возглавлять своих конников, но в пылу сражения управлял ими более твердой рукой. Когда враг, непосредственно противостоявший ему, был разбит, он бдительно следил за ходом сражения, готовый бросить на чашу весов свои победоносные эскадроны, чтобы либо восстановить равновесие, либо завершить победу. В Марстон-Муре, как и на многих других полях, он доказал, что обладает способностью быстро и уверенно принимать решения в неожиданных ситуациях, которые Напьер называет "верным признаком мастера духа на войне". Когда судьба битвы была решена, он пустил своих меченосцев в стремительное и неустрашимое преследование. "Мы преследовали их две или три мили", - так мрачно описывает он завершение боя при Грэнтэме, а после Нейсби кавалерия Кромвеля преследовала их на протяжении двенадцати миль.

Когда он стал командовать армией, управление ею в бою было отмечено теми же чертами, что и управление кавалерийской дивизией Кромвеля. В первых сражениях Гражданской войны прослеживалось сильное семейное сходство: отсутствие какого-либо генералитета с обеих сторон. Главнокомандующий демонстрировал свое мастерство, выстраивая армию и выбирая позицию; но когда начиналось сражение, армия словно ускользала из-под его контроля. Каждый командир дивизии действовал самостоятельно; между различными частями армии было мало сотрудничества; не было никаких признаков руководящего мозга. С другой стороны, Кромвель руководил движениями своей армии с той же целеустремленной энергией, с которой он управлял своими солдатами. Перед различными подразделениями была поставлена определенная задача, а их движения были так скомбинированы, что каждое играло свою роль в реализации общего плана. Лучшим примером тактического мастерства Кромвеля является битва при Данбаре. Там Кромвель, хотя и значительно уступая в численности, сдерживал половину армии противника своей артиллерией и частью своих сил, в то время как всеми силами атаковал ключевые позиции противника и решил судьбу дня, введя в действие сильный резерв в кризисный момент сражения. Всякий раз, когда победа была одержана, он использовал ее по максимуму. При Данбаре шотландцы потеряли тринадцать тысяч человек из двадцати двух тысяч; после Престона менее трети армии Гамильтона удалось вернуть в Шотландию; после Вустера ни один отряд, ни одна рота не добились успеха при отступлении.

Стратегия Кромвеля, по сравнению со стратегией современных генералов, отличалась смелостью и энергичностью. Она отражала энергию его характера, но изначально была продиктована не только военными, но и политическими соображениями. "Без быстрого, энергичного и эффективного ведения войны", - заявил он в 1644 году, - нация вынудит парламент заключить мир на любых условиях. От "затяжных процедур, как у солдат за морем, чтобы развязать войну", необходимо отказаться, иначе дело пуританства будет проиграно.

Поэтому, вместо того чтобы подражать осторожной обороне, популярной среди профессиональных солдат, он принял систему, которая обещала более решительные результаты. "Кромвель, - говорит один военный критик, - был первым великим выразителем идеи обороны. "был первым великим выразителем современного метода ведения войны. Его стратегия была стратегией Наполеона и фон Мольтке, стратегией, которая, пренебрегая крепостями и средствами искусственной обороны как второстепенными, наносит удар прежде всего по армии в поле".

В своей Престонской кампании Кромвелю пришлось иметь дело с армией вторжения, более чем вдвое превосходящей его по численности, которая из-за этого превосходства рискнула наступать без достаточной разведки и без достаточной концентрации. Он мог бы броситься наперерез Гамильтону и попытаться отбросить его назад; вместо этого он решил обрушиться на фланг шотландцев и вклинить свои небольшие компактные силы между ними и Шотландией. Таким образом он разделил различные части армии Гамильтона, каждым ударом отесняя Гамильтона все дальше от его опор и нанося ему сокрушительное поражение вместо простого отпора. В 1650 и 1651 годах перед Кромвелем стояла гораздо более сложная задача. Ему пришлось вторгнуться в страну, которая представляла множество естественных трудностей, и которую защищала армия, превосходящая его собственную по численности, под командованием человека, который был мастером оборонительной стратегии. Все его усилия заставить Лесли сражаться в открытом поле полностью провалились, пока одна ошибка не дала ему возможность, которой он так быстро воспользовался в Данбаре. В кампании 1600 1651 года Кромвель снова оказался в тупике из-за фабианской тактики Лесли. Поскольку Лесли не дал ему никакой возможности, ему пришлось ее использовать, и он с мудрой дерзостью оставил открытым путь в Англию, чтобы склонить шотландцев к вторжению, которое обернулось их гибелью.

В ирландских кампаниях Кромвелю пришлось решать совершенно другую проблему. Армии противников были слишком слабы, чтобы противостоять ему в полевых условиях, и слишком проворны, чтобы их можно было взять в кольцо. Сила противника заключалась в естественных и искусственных препятствиях, которыми изобиловала страна: укрепленные города, занимающие стратегически важные позиции; горы и болота, облегчающие партизанскую войну; нездоровый климат, враждебный народ, страна настолько разорена, что захватчик должен черпать большую часть своих запасов из Англии. В этих условиях война была войной осад, набегов и трудоемких маршей, но больших сражений не было. Кромвель объединил действия своей армии и флота так, чтобы в полной мере использовать морское господство Англии. Сначала он атаковал морские порты, а овладев ими, занял опорные пункты, которые обеспечили бы ему контроль над реками, тем самым постепенно сжимая страну, пока ее полное порабощение не стало лишь вопросом времени.

Мнения о сравнительных достоинствах этих разных кампаний могут расходиться. Ясно одно: Кромвель с неизменным успехом адаптировал свою стратегию к условиям театра, на котором он вел войну, и к характеру противников, с которыми ему приходилось сталкиваться. Его военный гений был равен любому долгу, который возлагала на него судьба.

Только эксперты могут определить точное место Кромвеля среди великих полководцев. Сам Кромвель счел бы за высшую честь быть причисленным к Густаву Адольфу как солдат или государственный деятель. Каждый из них был организатором армии, которую он вел к победе, каждый был новатором в войне - Густав в тактике, Кромвель в стратегии. Густавус был защитником европейского протестантизма, как и Оливер, и каждый из них, сражаясь за свое вероучение, стремился также отстаивать материальные интересы своей страны. Но какое бы сходство ни существовало между их целями, положение наследственного монарха

и узурпатора слишком различно, чтобы параллель могла быть полной. С другой стороны, привычное сравнение Кромвеля с Наполеоном оправдано скорее сходством их карьеры, чем сходством характеров. Каждый из них был дитя революции, доведенный военными успехами до первого ранга и возведенный собственными деяниями на высшую ступень. Каждый из них после внутренних потрясений трудился над восстановлением гражданской власти и созданием государства на новой основе. Но революции, приведшие их к власти, имели разную природу и требовали от обоих правителей разных качеств.

Характер Кромвеля стал предметом споров, которые до сих пор не утихают. Большинство современников судили о нем весьма сурово. Роялистам он казался просто, по словам Кларендона, "храбрым и плохим человеком". Однако, осуждая его, Кларендон не мог удержаться от восхищения, поскольку, хотя узурпатор "обладал всеми злодеяниями, против которых произносят проклятия и для которых готовят адский огонь, он обладал и некоторыми добродетелями, благодаря которым память некоторых людей во все века была прославлена". Хотя он и был тираном, но "не был человеком крови", и обладал не только "прекрасным пониманием натур и характеров людей", но и "великим духом, восхитительной осмотрительностью и проницательностью, а также самым великодушным решением".

Республиканцы считали Протектора самовлюбленным отступником. "Во всех своих переменах, - говорил Ладлоу, - он стремился только к собственному прогрессу". Он принес государственное дело в жертву "идолу собственного честолюбия". В государстве все шло хорошо, наступало политическое тысячелетие, "и нация, вероятно, достигла бы за короткое время той меры счастья, на которую способны люди, как вдруг честолюбие одного человека разрушило надежды и ожидания всех хороших людей".

Бакстер, пресвитерианин, хотя и был таким же убежденным противником Протектора, как и Ладлоу, был более щедрым критиком. По его словам, Кромвель был хорошим человеком, который пал перед большим искушением. Он

"В основном он имел честные намерения и был благочестив и совестлив в течение всей своей жизни, пока процветание и успех не развратили его. Тогда его общее религиозное рвение уступило место честолюбию, которое росло по мере увеличения успехов. Когда его успехи сломили все значительное сопротивление, он оказался перед лицом сильнейшего искушения, которое покорило его так же, как и других".

Но, как и мильтоновский Сатана, даже после падения "все его первоначальные добродетели не были утрачены". Будучи правителем Англии, "он стремился в основном творить добро и способствовать интересам Бога больше, чем кто-либо до него".

Писатели XVIII века судили Кромвеля с той же строгостью, что и его современники. "Кромвель, проклятый на вечную славу", служил Поупу моралью против желания прославиться на весь мир. Вольтер охарактеризовал Кромвеля как наполовину плута, наполовину фанатика, а Хьюм назвал его лицемерным фанатиком. Даже в 1839 году Джон Форстер цитировал как "неоспоримую истину" вердикт Лэндора о том, что Кромвель жил лицемером и умер предателем.

Шесть лет спустя Карлайл опубликовал сборник "Письма и речи Кромвеля", который для любого непредвзятого читателя фактически развеял теорию о лицемерии Кромвеля. "Не человек лжи, а человек правды", - таков был вывод Карлайла, и последующие историки и биографы признали его обоснованным. Ответить на вопрос, был ли Кромвель фанатиком или нет, не так просто. Фанатизм, как и ортодоксальность, - это слово, которое для одного человека означает одно, а для другого - совсем другое, и для многих, кроме Юма, энтузиаст и

фанатик - синонимы. Однако совершенно очевидно, что Кромвель был государственным деятелем иного порядка, чем большинство других. Его действиями руководили религиозные, а не политические принципы, и его политические идеалы были прямым следствием его вероисповедания. Не то чтобы чисто политические соображения не оказывали влияния на его политику, но их влияние, вместо того чтобы быть первостепенным, в его случае имело лишь второстепенное значение.

В одной из своих речей Кромвель очень четко сформулировал правило, которого он придерживался в своей общественной жизни. "Я был призван на несколько должностей в этой стране, и я старался исполнять долг честного человека в интересах Бога и Его народа, а также в интересах этого Содружества".

Что означают эти фразы? Если бы кто-нибудь спросил Кромвеля, в чем заключается его долг перед Богом в государственных делах, он бы ответил, что в том, чтобы исполнять волю Божью. "Мы все хотим, - сказал он своим братьям-офицерам в 1647 году, - положить это в основу всех наших действий - исполнять волю Божью". Он призывал их хорошо обдумывать свои действия, "чтобы мы могли убедиться, что в том, что мы делаем, есть воля Божья". Ибо поступать необдуманно означало рисковать действовать вопреки Божьему замыслу, а значит, "быть уличенным в борьбе с Богом".

Но как в лабиринте английской политики выяснить, какова эта воля? Некоторые пуритане утверждали, что она открылась им напрямую, и выдавали свои личные убеждения за веления Небес. Кромвель никогда так не поступал. "Я не могу сказать, - заявил он на одном из молитвенных собраний, где якобы были подобные откровения, - что я получил что-то, что могу говорить как от имени Господа". Он верил, что людям по-прежнему "может говорить Дух Божий", но когда эти "божественные впечатления и божественные открытия" становятся аргументами для политических действий, их следует принимать с величайшей осторожностью. Ведь опасность самообмана была очень реальной. "Мы все очень склонны, - говорил он, - называть верой то, что, возможно, является лишь плотским воображением". Однажды он предупредил шотландское духовенство, что существует "плотская уверенность в неверно понятых и неправильно примененных наставлениях", которую можно назвать "духовным пьянством".

Со своей стороны, Кромвель верил в "диспенсации", а не в "откровения". Поскольку все, что происходит в мире, определяется Божьей волей, проблема государственного деятеля заключалась в том, чтобы обнаружить скрытую цель, лежащую в основе событий. Объявив о своей победе в Престоне, он велел парламенту поинтересоваться, "каков разум Божий во всем этом и каков наш долг". "Попытайтесь узнать, каков замысел Божий во всей этой цепи провидения", - так он посоветовал своему сомневающемуся другу, полковнику Хэммонду. В каждом политическом кризисе Кромвеля попытка истолковать смысл событий была частью умственного процесса, предшествовавшего действиям. Поскольку трудно было с уверенностью сказать, каков этот смысл, он часто медлил с принятием решения, предпочитая понаблюдать за событиями подольше и дать им развиваться, чтобы получить больше света. Эта медлительность была не результатом нерешительности, а намеренной отсрочкой суждений. Когда он принимал решение, не было никаких колебаний, никаких оглядок назад; в политике он наносил удары с той же энергией, что и на войне.

Эта система, когда он руководствовался событиями, имела свои опасности. Политическая непоследовательность обычно объясняется нечестностью, а непоследовательность Кромвеля была открытой и явной. В один год он выступал за соглашение с королем, в другой - за его блокирование; то он выступал за республику, то за правительство с элементами

монархии. Перемены в его политике были настолько внезапными, что даже друзьям было трудно их оправдать. Один памфлетист, веривший в честность побуждений Кромвеля, сетовал на его "внезапное увлечение и внезапный отход от дел", как на аргумент непостоянства и отсутствия предвидения. Кроме того, эффект от этой непоследовательности усугублялся тем неистовым рвением, с которым Кромвель бросался на осуществление каждой новой политики. Это было частью его натуры, как и "чрезвычайно вспыльчивый нрав", о котором упоминал его управляющий. "Меня часто принимают, - говорил Кромвель в 1647 году, - за человека, который идет слишком быстро", добавляя, что люди такого типа склонны считать опасности на своем пути скорее воображаемыми, чем реальными, и иногда больше спешить, чем спешить. Эта самокритика была справедливой, и она объясняет некоторые из его ошибок. Насильственный роспуск Долгого парламента в 1653 году никогда бы не состоялся, если бы Кромвель в полной мере оценил опасности, которые это принесет пуританскому делу.

С другой стороны, эта неспособность заглянуть далеко вперед, хотя и умаляет государственную мудрость Кромвеля, помогает оправдать его честность. Он был слишком занят текущими нуждами, чтобы разрабатывать глубоко продуманные планы по созданию своего величия. В 1647 году он с некоторым удивлением сказал французскому послу, что человек никогда не поднимается так высоко, как тогда, когда не знает, куда идет. Перед своими парламентами он говорил о себе, что ничего не видел в Божьих предначертаниях заранее. "Эти вопросы и события", - говорил он в 1656 году, - "не были предсказаны, но были внезапным провидением вещей". В результате череды непредвиденных событий, потребовавших сначала одного шага с его стороны, а затем следующего, он был возведен в ранг протектора. "Я по необходимости взялся за это дело, - говорил он, - и взялся не столько из надежды сделать что-то хорошее, сколько из желания предотвратить беду и зло, которые, как я видел, неизбежно надвигались на страну".

Сознавая, что он не замышлял возвышения, Кромвель не возмущался ничем так, как обвинением в том, что он "совершил непотребство", которому он был обязан. Ведь это было не просто упреком в адрес его собственной честности, но и своего рода атеизмом, как будто миром управляют промыслы людей, а не мудрость Бога. Люди говорили: "Это хитрость моего Господа Покровителя привела к этому", в то время как на самом деле эти великие революции были "Божьими революциями". "За что бы вы ни осуждали людей, как бы вы ни говорили, что это хитрость, политика и тонкость, будьте внимательны, как вы судите о Его революциях как о плоде человеческого изобретения".

Кромвель говорил это совершенно искренне. Он чувствовал, что был лишь слепым орудием в руках высших сил. Однако он с такой силой определял ход событий и с такой решительностью навязывал им свое толкование их смысла, что ни современники, ни историки не могли ограничить столь малую сферу его свободы воли.

Можно "придавать слишком большое значение внешним обстоятельствам", и Кромвель признавал, что, возможно, он так и поступал. Его система руководства событиями, а не откровениями, не положила конец возможности самообмана, хотя и сделала ее менее вероятной. "Люди, - как говорит Шекспир, - могут трактовать вещи по своему вкусу, не считаясь с целью самих вещей". Но если Кромвель иногда ошибался в значении фактов, он никогда не переставал осознавать их важность. "Если факт таков, - сказал он однажды, - почему мы должны с ним играть?" И это высказывание очень характерно. Поэтому он был более практичным и менее дальновидным, чем другие государственные деятели его партии; более открытым и способным адаптировать свою политику к меняющимся обстоятельствам и потребностям времени. Для многих современных политиков точное выполнение какой-то

заготовленной политической программы казалось верхом политической мудрости. Типичными примерами являются левеллеры с их "Соглашением народа" и шотландские пресвитериане с их "Ковенантом". Упорное следование ковенантеров своим старым формулам, несмотря на поражения и изменившиеся условия, Кромвель расценил как слепоту к учению событий. Он говорил шотландским служителям, что они слепы к великим Божьим устроениям просто по своей воле, "потому что вещи не действовали на их платформе, а великий Бог не снизошел до их разума и мыслей". Он считал бы себя виновным в том же, если бы при любых обстоятельствах упорно придерживался либо республики, либо монархии. Формы правления сами по себе не являются ни хорошими, ни плохими. Любая из форм может быть хороша: все зависело от состояния Англии в данный момент, от нравов народа, от вопроса, какая из них была более совместима с благополучием Дела, какая более отвечала Божьему замыслу, явленному в событиях. Сообщалось, что Кромвель говорил, что для достижения своих целей законно использовать любые формы, и если под "формами" понимать формы правления, а под "целями" - политические задачи, то можно не сомневаться, что он так и думал. Как бы он ни варьировал свои средства, его цели оставались неизменными.

Чтобы понять, каковы были политические цели Кромвеля, необходимо выяснить, что он имел в виду, когда говорил о выполнении своего долга в "интересах народа Божьего и этого Содружества". Порядок, в котором он их расположил, сам по себе показателен. Сначала он ставит долг перед частью английского народа; в последнюю очередь - долг перед английским народом в целом. Кромвель был полон патриотической гордости. Однажды, когда он перечислял парламенту опасности, угрожавшие государству, он закончил свое выступление словами о том, что это перечисление не должно вызывать уныния, "как я искренне думаю, что не вызовет; ведь мы англичане: это один хороший факт". Англичане, - сказал он в другой раз, - это народ, который, как и другие народы, то поднимался, то опускался в своей чести в мире, но никогда еще не опускался так низко, чтобы мы могли сравниться с другими народами". Несколько раз в своих речах он называл англичан "лучшим народом в мире". Лучшим, потому что "у них самое высокое и ясное исповедание величайшей славы - религии". Лучший, потому что среди англичан был как бы другой народ, "народ, который для Бога как зеница ока", "Его особый интерес", "народ Божий". "Когда я говорю "народ Божий", - пояснял он, - я имею в виду широкое объединение его под различными формами благочестия в этой нации"; или, другими словами, все секты пуритан.

Для Кромвеля интересы народа Божьего и интересы нации были двумя разными вещами, но он не считал их непримиримыми. "Он сладко поет, - говорил Кромвель, - который поет песню примирения этих двух интересов, и жалкая фантазия - думать, что они несовместимы". В то же время свобода народа Божьего была важнее гражданской свободы и интересов нации, "которые подчинены и должны быть подчинены более специфическим интересам Бога, но все же являются следующим лучшим, что Бог дал людям в этом мире". Религиозная свобода была важнее политической. Кромвель решительно осуждал политиков, которые говорили: "Если бы мы только могли проявить мудрость, чтобы добиться гражданской свободы, религия последовала бы за ней". Такие люди были "людьми колеблющегося духа" и "находились в рабстве угрызений совести". Они были немногим лучше плотских людей, которым все это было безразлично. Они никогда не смогли бы "подняться до такого духовного накала", какого требовало Дело. И все же правда заключалась в том, что половина республиканской партии и подавляющее большинство английского народа придерживались взглядов, которые он осуждал.

Кромвель хотел править конституционно. Никакие теории о божественном праве способного человека управлять неспособной толпой не ослепляли его глаза на тот факт, что самоуправление было уделом и правом английского народа. В основном он принимал первый принцип демократии, доктрину суверенитета народа, или, как он выражался, "что основа верховенства находится в народе и должна быть им установлена через его представителей". Он не раз заявлял, что благо управляемых является высшей целью всех правительств, и утверждал, что его собственное правительство действует "ради блага народа, ради его интересов, не считаясь ни с какими другими интересами". Но правительство для народа не обязательно означает правительство для народа. "Вот в чем вопрос, - говорил Кромвель, - что для их блага, а не что им приятно", и история Протектората была комментарием к этому тексту. Стабильное правительство было необходимо, чтобы предотвратить либо возврат к анархии, либо реставрацию Стюартов. Поэтому он был полон решимости сохранить собственное правительство, с помощью парламента, если это возможно, и без него, если это необходимо. Если потребуется на время приостановить действие свобод подданных или взимать налоги без санкции парламента, он был готов пойти на это. В конце концов английский народ признает, что он действовал ради его блага. "Спросите их, - сказал он, - предпочтут ли они, чтобы их воля была исполнена, пусть даже это будет их гибелью, чем подчиняться необходимости?" Он был уверен, что ответ будет в его пользу.

СТАТУЯ КРОМВЕЛЯ РАБОТЫ ТОРНИКРОФТА.

ВОЗДВИГНУТА В ВЕСТМИНСТЕРЕ В 1899 ГОДУ.

Англия могла согласиться на эту временную диктатуру в надежде на постепенное возвращение к конституционному правлению. Чего она не могла принять, так это постоянного ограничения суверенитета народа в интересах пуританского меньшинства, которое Кромвель называл народом Божьим. Однако именно на эту цель были нацелены все конституционные решения Протектората. Именно в интересах этого меньшинства Орудие правления ограничило власть парламента и сделало Протектора хранителем конституции. Именно в их интересах Петиция и Совет восстановили Палату лордов. Эта палата, по словам Терлоя, была призвана "сохранять добрые интересы против неуверенности палаты общин", ибо, как признался другой кромвелевец, "дух общин имел мало сходства с делом Божьим или уважения к нему".

Кромвель верил, что реальные выгоды, которые давало его правительство, примирят большинство нации с правлением меньшинства и "обратят народ к интересам Иисуса Христа". Таким образом, долгая вражда между народом и "народом Божьим" наконец-то закончится примирением.

Это была обманчивая надежда. Пуритане тратили свои силы на тщетные попытки силой сделать Англию пуританской. Энтузиазм, взявший на себя обязательство преобразовать мир, стал соответствовать ему. В партии, поддерживавшей Протектора, происходили перемены; она потеряла многих "людей совести"; она привлекла многих временщиков и сторонников политики; она переставала быть партией, которую скрепляли религиозные интересы, и превращалась в коалицию, которую скрепляли материальные интересы и политические нужды. Однажды Кромвель упрекнул шотландское духовенство в том, что оно "вмешивается в мирскую политику и смешивает мирскую власть" для установления того, что они называют "Царством Христа", и предупредил их, что "обещанный Сион" не будет построен "из такого неказистого раствора". Он сам впал в ту же ошибку, и правление пуритан было основано на зыбком песке. Так что институты Протектора погибли вместе с ним, а его работа закончилась очевидным провалом. Тем не менее он добился великих успехов. Благодаря его мечу абсолютная монархия не смогла укорениться на английской земле. Благодаря его мечу Великобритания вышла из хаоса гражданских войн единым сильным государством вместо трех отдельных и враждебных сообществ. Результаты его действий также не были полностью отрицательными. Идеи, вдохновлявшие его политику, оказали долговременное влияние на развитие английского государства. Через тридцать лет после его смерти религиозная свобода, за которую он боролся, была закреплена законом. Союз с Шотландией и Ирландией, который отменили государственные деятели Реставрации, осуществили государственные деятели XVIII века. Владычество над морями, которого он хотел добиться, и Великая Британия, которую он стремился построить, стали трезвой реальностью. Таким образом, другие завершили работу, которую он задумал и попытался осуществить.

На протяжении всей своей жизни Кромвель оставался слишком большим защитником партии, чтобы последующие поколения могли принять его как национального героя, но, служа своему делу, он служил и своей стране. Ни один английский правитель не сделал больше для формирования будущего страны, которой он управлял, ни один не проявил в своих деяниях более ярко "простой героический масштаб ума".

-
1. Звездная палата первоначально была комитетом Совета короля, который стал отдельным судебным органом во второй половине XVI века. Она представляла судебную власть Совета, имела более широкие полномочия, чем обычные суды, и не была связана обычными юридическими правилами в своей процедуре.
 2. Уильям Прайн, барристер, Генри Бертон, прорицатель, и Джон Баствик, врач, были приговорены Звездной палатой в 1637 году к штрафу в 5000 фунтов стерлингов каждый, потере ушей и пожизненному заключению за нападки на епископов и церковные нововведения.
 3. Элиот умер в Тауэре в ноябре 1632 года, будучи заключенным за свое поведение во время закрытия парламента 1629 года. Он ссылаясь на привилегии и отказывался признавать юрисдикцию, на которую претендовали судебные органы. Его друзья подчинились и были оштрафованы.
 4. Сэр Томас Уэнтуорт был возведен в пэрство 22 июля 1628 года, в декабре следующего года стал президентом Совета Севера, а в январе 1632 года - лордом-наместником Ирландии. 12 января 1640 года он стал графом Страффордом.
 5. Уильям Лауд стал епископом Сент-Дэвидса в 1621 году, епископом Лондона в 1628 году и архиепископом Кентерберийским в 1633 году, но его преобладающее влияние в церкви началось с самого начала правления короля.
 6. "Пять членов" - это Пим, Хэмпден, Холлес, Хаслериг и Строуд.
 7. Подвеска с изображением святого Георгия и дракона, которую носили рыцари Подвязки.
 8. См. с. [152](#).
 9. См. с. [401](#).